

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Н К О З Н А Н И Я

A. M. ЩЕРБАК

ОЧЕРКИ
ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ
МОРФОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ
(И М Я)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград · 1977

Книга содержит сравнительный анализ грамматических форм имени и их семантико-функционального содержания в современных и древних тюркских языках, реконструкцию морфологической системы на уровне праязыка, а также описание эволюции материальной и содержательной стороны отдельных морфем вплоть до современного состояния.

Издание предназначено для широкого круга специалистов по тюркским языкам.

Ответственный редактор

С. Н. ИВАНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Очерки по сравнительной морфологии» — вторая часть «Сравнительной грамматики тюркских языков».¹ Как и «Сравнительная фонетика», она написана в духе традиционной компаративистики с учетом тех новых положений, которые, по мнению автора, углубляют и обогащают ее.

В ходе работы над монографией принималось во внимание все, что было сделано отечественными и зарубежными тюркологами, занимавшимися сравнительным изучением морфологии тюркских языков в целом или в пределах ее специальных разделов. Использовались труды О. Бётлингка, В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского, В. Банга, В. А. Богородицкого, К. Грёнбека, Т. Ковальского, Г. Рамстедта, С. Е. Малова, М. Рясиенена, А. Габен, Ю. Немета, К. Г. Менгеса, Л. Лигети, Н. К. Дмитриева, Э. В. Севортияна, А. Н. Кононова, Д. Синора, О. Прицака, Б. А. Серебренникова и многих других тюркологов.

Обобщающих сравнительных работ по морфологии тюркских языков немного,² и не каждая из них является собственно сравнительной по характеру применяемого метода исследования. Тем не менее в совокупности они представляют собой значительный вклад в тюркскую компаративистику и создают основу для дальнейших разысканий.

Источниками и материалами для «Очерков по сравнительной морфологии» послужили тексты современных и древних тюркских языков, специальные исследования, описательные и аналитические грамматики. Особое значение придавалось диалектологическим работам, ценность которых, с точки зрения компаративиста, не только в регистрации и описание большого многообразия форм, новейших и архаических, но и в уточнении соотношения и взаимосвязи морфологических фактов разных диалектов. Иллюстративный материал взят преимущественно из текстов и диалектологических работ. Некоторые примеры заимствованы из грамматик Н. А. Баскакова, Н. К. Дмитриева, Н. П. Дыренковой, Ф. Г. Исаакова и А. А. Пальмбаха, А. Н. Кононова, К. М. Мусаева, Л. А. Покровской, Л. Н. Харитонова и других.

Выбор примеров обусловлен конкретными задачами исследования, и поэтому перечень языков в иллюстративной части не всегда полный. Естественно, что и материалы старописьменных памятников, в частности рунических надписей, привлекаются эпизодически.

¹ Первая часть — «Сравнительная фонетика». См.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

² См., например: Катанов Н. Ф. Опыт исследования урванхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903; Rässänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1968, XV, p. 107—163.

Аффиксы приведены в твердорядных вариантах, за исключением тех случаев, когда разграничение их по признаку велярности—палатальности вообще не имеет места.

Транскрипция построена на основе русского алфавита, с добавлением нескольких буквенных и диакритических знаков, и ничем не отличается от той, которая применялась в «Сравнительной фонетике».

Библиографические сведения даются в сносках. Разумеется, в них отражено далеко не все, относящееся к изучению морфологии тюркских языков, хотя почти каждая грамматическая работа, написанная до 1974 г., так или иначе была использована нами.

Автор приносит глубокую благодарность Э. В. Севоряну, Л. С. Левитской, С. Н. Иванову и В. Г. Гузеву, рецензировавшим книгу и способствовавшим устраниению имевшихся в ней недостатков. Автор благодарит также своих многочисленных коллег в Москве, Баку и Ташкенте за ценные замечания и советы, полученные при обсуждении отдельных разделов книги, и Н. Н. Корнилович — за большую помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати.

С О К Р А Щ Е Н И Я

ИЗДАНИЯ ТЕКСТОВ, ГРАММАТИК, СЛОВАРЕЙ

- АФМ — Мелиоранский П. М. Араб филолог о монгольском языке. СПб., 1903.
- АФТ — Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.
- БК — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959 (Памятник в честь Бильге-кагана).
- БН — Бабер-намэ, или Записки султана Бабера. Издал Н. И. Ильминский. Казань, 1857.
- ЕП — Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952.
- КТ, Тон. — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951 (1. Памятник в честь Кюль-тегина, м — малая надпись, б — большая надпись; 2. Памятник в честь Тоньюкука).
- ЛОК — Щербак А. М. Огуз-наме. Мұхаббат-наме. М., 1959.
- Сл. Замахшари — Монгольский словарь Муқаддимат Ал-адаб, II. М.—Л., 1938.
- Теф. — Боровков А. К. Очерки истории узбекского языка. II (Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв.). — СВ, VI, 1949, с. 24—51.
- ШН — Мухаммед Салих. Шейбани-намэ (посмертное издание И. М. Мелиоранского, завершенное А. Н. Самойловичем). СПб., 1908.

- *Āşyqpāšā — Brockelmann C. Altosmanische Studien, I. Die Sprache 'Āşyqpāšā's und Ahmedi's. — ZDMG, 1919, 73, S. 1—29.
- AQJB — Brockelmann C. 'Ali's Qiṣṣa'i Jūsuf. Berlin, 1917.
- CD — Zajączkowski A. Studja nad językiem staroosmańskim. Calila i Dimna. Kraków, 1934.
- Cod. Cum. — Codex Cumanicus. Cod. Marc. Lat. DXLIX in Faksimile herausgegeben mit einer Einleitung von K. Grønbech. Copenhagen, 1936.
- Feraḥ-nāme — Németh J. Das Feraḥ-nāme des Ibn Ḥatīb. — Le monde orientale, 1919, XIII, 3, Uppsala, p. 145—184.
- Fundamenta — Philologiae Turcicae Fundamenta, I. Wiesbaden, 1959.
- KP — Pelliot P. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyanakara et Pāpāmkara. — TP, XV, Leide, 1914, p. 225—272.
- Kuan. — Tekin Ş. Uygurca metinler, I. Kuanşı im Pusar. Erzurum, 1960.
- Man. — Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho. — SPAW, phil-hist. Klasse, Berlin, 1911 (I), 1919 (II), 1922 (III).
- MK — T. D. K. Divanü lûgat-it-türk tercümesi, çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939 (I), 1940 (II), 1941 (III).
- NT — «Mangḥol un Niuca Tobca'an», по изданию: Козин С. А. Сокровенное сказание, I. М.—Л., 1941.
- QB — Kutadgu bilig tıpkıbasım. İstanbul, 1942 (I, Viyana nüshası — H), 1943 (II, Fergana nüshası — N), 1943 (III, Misir nüshası — K); Kutadgu bilig, I. Metin. İstanbul, 1947; Kutadgu bilig, II. Tercüme. Ankara, 1959.
- Suv. — Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Издали В. В. Радлов и С. Е. Малов. — Bibliotheca Buddhica, XVII, СПб., 1913 (I, II), 1914 (III, IV), 1915 (V, VI), 1917 (VII, VIII).
- TT — Bang W. und von Gabain A. Türkische Turfan-Texte, I — SPAW, phil.-hist. Klasse, XV, Berlin, 1929; II — SPAW, XXII, 1929; III — SPAW, XII, 1930; IV — SPAW, XXIV, 1930; V — SPAW, XIV, 1931; Bang W., von Gabain A. und Rachmati G. R. Türkische Turfan-Texte, VI — SPAW, phil-hist. Klasse, VIII—X, Berlin, 1934; Rachmati G. R. Türkische Turfan-Texte, VII — SPAW, Nr. 12, Berlin, 1937.

- Tİ̄š. — Tišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. Transscription und Übersetzung von W. Radloff. — Bibliotheca Buddhica, XII, SPb., 1910.
- Uig. — Mülliger F. W. K. Uigurica, I — APAW, phil.-hist. Classe, Abh. II, Berlin, 1908; II — APAW, Abh. III, 1910; III — APAW, Nr. 2, 1920; IV — SPAW, phil-hist. Klasse, XXIV, Berlin, 1931 (herausgegeben von A. von Gabain).
- USp XX — Radloff W. Uigurische Sprachdenkmäler. Leningrad, 1928.
- Arat R. R. Edib Ahmed b. Mahmud Jükneki: Atebetü'l-hakayık. İstanbul, 1951 (A, B, C — разные списки).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ И СБОРНИКИ

- БД — Башкирская диалектология, Уфа, 1963.
- БДС — Башкирский диалектологический сборник, Уфа, 1959.
- ВДТЯ — Вопросы диалектологии тюркских языков, Баку—Казань.
- ВНОТ — Вестник научного общества татароведения, Казань.
- ВЯ — Вопросы языкознания, Москва.
- ДАН-В — Доклады Академии наук, серия «В», Петроград—Ленинград.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, Санкт-Петербург.
- ЗВО РАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, Санкт-Петербург.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов, Ленинград.
- ИСГТЯ — Сб. «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», Москва, 1955 (I); 1956 (II).
- МЧД — Сб. «Материалы по чувашской диалектологии», Чебоксары, 1960 (I); 1963 (II); 1969 (III); 1971 (IV).
- СВ — Советское востоковедение, Москва—Ленинград.
- СТ — Советская тюркология, Баку.
- УТА (M) — Ўзбек тили ва адабиёти (масалалари), Тошкент.
- AM — Asia Major, London.
- AOH — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
- APAW — Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
- BSLP — Bulletin de la Société de Linguistique de Paris.
- CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
- CO — Collectanea Orientalia, Wilno.
- DTCFD — Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi.
- FUF — Finnisch-ugrische Forschungen, Helsingfors—Helsinki—Leipzig.
- HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies, Cambridge (Massachusetts).
- JA — Journal Asiatic, Paris.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.
- JSFOU — Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
- KCsA — Körösi Csoma-Archivum, Budapest.
- KSz — Keleti-Szemle, Budapest.
- MSFOU — Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors—Helsinki.
- RO — Rocznik Orientalistyczny, Lwów—Kraków.
- SPA W — Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
- StO — Studia Orientalia, Helsinki.
- TCLP — Travaux du Cercle linguistique de Prague.
- TDAY — Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Ankara.
- TDED — İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi.
- TP — T'oung Pao, Leide.
- UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
- UJb — Ungarische Jahrbücher, Berlin—Leipzig.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig—Wiesbaden.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ, ГОВОРОВ

- а. — арабский.
- азерб. — азербайджанский.
- алт. — алтайский.
- балк. — балкарский.
- башк. — башкирский.
- бурят. — бурятский.
- венг. — венгерский.
- таг. — тагаузский.
- герм. — германские.
- долган. — долганский.

др.-монг.	— древнемонгольский.
др.-турк.	— древнетюркский.
ж.-уйг.	— язык желтых уйгуров.
з.-бурят.	— западнобурятский.
з.-сиб.-тат.	— западносибирско-татарский.
казах.	— казахский.
калм.	— калмыцкий.
кар.	— караимский.
караг.	— карагасский.
карач.	— карачаевский.
карач.-балк.	— карачаево-балкарский.
качинск.	— качинский.
кирг.	— киргизский.
кит.	— китайский.
к.-калп.	— каракалпакский.
койб.	— койбальский.
крым.-тат.	— крымско-татарский.
кум.	— кумыкский.
кызыл.	— кызыльский.
монг.	— монгольский.
монг.-п.	— монгольский письменный.
ног.	— ногайский.
п.	— персидский.
рус.	— русский.
саг.	— сагайский.
салар.	— саларский.
ст.-азерб.	— староазербайджанский.
ст.-кыпч.	— старокыпчакский.
ст.-тур.	— старотурецкий.
ст.-туркм.	— старотуркменский.
ст.-узб.	— староузбекский.
тат.	— татарский.
тодж.	— тоджинский.
томск.	— томский.
тофал.	— тофаларский.
тув.	— тувинский.
тунг.-маньчж.	— тунгусо-маньчжурские.
тур.	— турецкий.
туркм.	— туркменский.
tüмен.	— тюменский.
тиорк.	— тюркский.
фин.	— финский.
хак.	— хакасский.
узб.	— узбекский.
уйг.	— уйгурский.
чуваш.	— чувашский.
чулым.	— чулымский.
шемах.	— шемахинский.
шор.	— шорский.
эвен.	— эвенский.
эвенк.	— эвенкийский.
якут.	— якутский.

НАИМЕНОВАНИЯ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

АН	— Академия наук.
АПН	— Академия педагогических наук.
ВИИЯ	— Военный институт иностранных языков.
ГПИ	— Государственный педагогический институт.
ИВ	— Институт востоковедения.
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы.
ИЛЯ	— Институт литературы и языка.
ИНА	— Институт народов Азии.
ИЯЛ	— Институт языка и литературы.
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории.
ИЯ	— Институт языкоznания.
НИИ	— Научно-исследовательский институт.
НИИИЯЛ	— Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
НИИЭИЯЛ	— Научно-исследовательский институт экономики, истории, языка и литературы.
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
ОЛЯ	— Отделение литературы и языка.

ПРОЧИЕ СОКРАЩЕНИЯ

АДД	— автореферат докторской диссертации.
АКД	— автореферат кандидатской диссертации.
афф.	— аффикс.
вин.	— винительный.
вр.	— время.
глаг.	— глагольное.
дат.	— дательный.
дв. ч.	— двойственное число.
деепр.	— деепричастие.
диал.	— диалектный.
ед. ч.	— единственное число.
Зап.	— Записки.
и. собств.	— имя собственное.
Изв.	— Известия.
исх.	— исходный.
л.	— лицо.
лит.	— литературный.
мн. ч.	— множественное число.
напр.	— направительный.
неопр.	— неопределенное.
отд. отт.	— отдельный оттиск.
пад.	— падеж.
пор.	— порядковое.
прибл.	— приблизительное.
прил.	— прилагательное.
принадл.	— принадлежность.
притяж.	— притяжательное.
разд.	— разделительное.
род.	— родительный.
сб.	— сборник.
словообр.	— словообразование.
собир.	— собирательное.
совм.	— совместный.
сравн.	— сравнительный.
Тр.	— Труды.
уменьш.-ласк.	— уменьшительность-ласкательность.
упод.	— уподобительный.
Уч. зап.	— Ученые записки.
числ.	— числительное.
Abh.	— Abhandlungen.
Ergsbd.	— Ergänzungsband.
NF	— Neue Folge.
NS	— New Series.

ВВЕДЕНИЕ

О ТЮРКО-МОНГОЛО-ТУНГУССКИХ СВЯЗЯХ В МОРФОЛОГИИ

В «Сравнительной фонетике тюркских языков» уже затрагивался вопрос об алтайской гипотезе и были высказаны некоторые соображения о возможности использования материалов монгольских и тунгусо-маньчжурских языков при реконструкции тюркских праформ.¹ Мы снова останавливаемся на этом вопросе, так как сходства и совпадения в области морфологии для традиционной компаративистики имеют решающее значение и наличие их в больших размерах воспринимается как одно из важных свидетельств генетического родства языков.

I. Тюрко-монголо-тунгусские связи охватывают все разделы морфологии. Однако обнаружить морфологические показатели, общие для всех трех групп языков, пока не удается, если не считать аффикса *-r*, образующего в тюркских языках причастие настояще-будущего времени, в монгольских — так называемое абсолютное деепричастие, а в тунгусо-маньчжурских — причастие настоящего времени (?),² и аффикса (?) *-ra ~ -ru ~ -ri*, обозначающего место и направление (главным образом в составе наречий).³

Однаковые морфологические показатели часто встречаются в тюркских и монгольских языках или в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках порознь, иначе говоря, располагаются изолированными друг от друга группами.

Ниже мы рассмотрим связи в морфологии главным образом тюркских и монгольских языков, привлекая для оценки их характера и размеров как случаи совпадений и сходств, так и факты различий.

Общими тюрко-монгольскими показателями принято считать аффиксы местного (*-da*) и дательного (*-a*) падежей, имени действия (*-бу*), имени деятеля (*-чи*), относительных прилагательных, обозначающих место (*-даки*), аффиксы именного и глагольного словообразования (*-м*, *-бул*, *-ла*) и т. д.

Полностью совпадает способ образования одной из форм интенсива, ср. др.-турк. *ўп-ўрүү* ‘совершенно белый’, *köп-кёк* ‘совершенно голубой’, *сүм-сүчүү* ‘совершенно сладкий’, *кан-кара* ‘совершенно черный’; монг.-п. *cab-čayān* ‘совершенно белый’, *ib-ulayān* ‘совершенно красный’, *pob-poγuγan* ‘совершенно зеленый’, *köb-köke* ‘совершенно голубой’; бурят. *sab-sayān* ‘совершенно белый’, *ib-ulān* ‘совершенно красный’, *xab-xara* ‘совершенно черный’.

¹ См.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, с. 12.

² См.: Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 84—86.

³ См.: Lewicki M. Przyrostki przysłówkowe *-ra ~ -rā*, *-ru ~ -rū*, *-ri ~ -rī* w językach altajskich. — CO, 1938, № 15, S. 41. По мнению М. Левицкого, монг. *-ra*, *-ru* и маньчж. *-ri* — заимствования из тюркских языков. Подробнее об этих формах см. на с. 40 и сл.

И в тюркских, и в монгольских языках широко используются перифразистические глагольные образования грамматического типа, ср. ст.-узб. *alip kördi* 'попробовал взять' (*al-* 'брать', *kör-* 'видеть'), *ölüp këttii* 'умер' (*öl-* 'умирать', *kët-* 'уходить'); узб. *jizzip bërdi* 'написал' (*jizz-* 'писать', *bër-* 'давать'); др.-монг. *üküjü ilebe* 'скончался, умер' (*ükü-* 'умирать', *ile-* 'посылать'), *aburaju ögbe* 'спас' (*abura-* 'спасать', *ög-* 'давать');⁴ монг.-п. *abci üjebi* 'попробовал взять' (*ab-* 'брать', *üjé-* 'видеть'), в которых определенные глаголы подвергаются окказиональной грамматикализации.

Говоря о тюрко-монгольских связях в морфологии, необходимо подчеркнуть, что эти связи проявляются в разных тюркских и монгольских языках неодинаково. В западных монгольских языках количество морфологических элементов, общих с тюркскими языками, более значительно, чем у южных монголов. С другой стороны, в киргизском и казахском языках количество сходных с монгольскими форм значительно превышает их количество в узбекском и туркменском языках, в языках же Сибири и Алтая их несравненно больше, чем во всех других тюркских языках, а в тувинском и якутском настолько много, что они придают этим языкам совершенно своеобразный облик.

Для иллюстрации степени существующих между отдельными тюркскими и монгольскими языками сходств обратимся к материалам киргизского, тувинского и якутского языков. В киргизском имеются такие, общие с монгольскими языками морфологические элементы, как *-лъа*, *-бл*, *-л*, *-лонъ*, *-мал*. Примеры: *kälъa* 'дверь', *tokulъa* 'сбруя для езды верхом', *jasalъa* 'украшение', *tabilъa* 'находка', *karbl* 'караул, стража', *jasobl* 'исполнитель поручений при должностном лице', *takobl* 'подкрепление, опора', *bolъol* 'назначенный срок', *jurval* 'наслаждение, удовольствие', *dürbölöñ* 'переполох', *kozboloñ* 'мятеж, смута', *topoloñ* 'суматоха', *cämal* 'молодой, еще не перебродивший кумыс'.⁵ Приблизительно то же самое наблюдается в тувинском языке, ср. аффиксы *-л*, *-лъа*, *-лда*, *-мал*, *-dubjär*: *subjärlъa* 'полив', *churulъa* 'рисование', *çilda* 'сбор', *kažimal* 'ископаемое', *kilimal* 'искусственный', *bijimäл* 'письменный', *bir dubjär* 'первый', *dört dubjär* 'четвертый', *on dubjär* 'десятый'. Еще более примечателен в указанном отношении якутский язык, в котором В. В. Радлов обнаружил несколько десятков общих с монгольскими языками аффиксов.⁶ Сходство якутского языка с монгольскими не ограничивается материальной близостью аффиксов, оно проявляется также в общих и частных тенденциях грамматического развития, например в использовании числительного *ikki* в якутском языке и числительного *xojar* в монгольских языках в качестве соединительного союза: якут. *it ikki kyoska* 'собака и кошка', *cahił ikki turuya* 'лисица и журавль', *ən miñ ikki* 'ты и я';⁷ монг.-п. *dajir boru xojar* 'бурый и серый', *ere eñe xojar* 'муж и жена'; монг. *emgen övgön xojar* 'старик и старуха'.

При наличии больших сходств обнаруживаются и имеющие принципиальное значение различия: существование в монгольских языках возвратного склонения, отсутствующего в тюркских языках; одностороннее оформление в монгольских языках имени в сочетаниях притяжательного

⁴ См.: Haenisch E. Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Manghol un Niaca Tobca'ap. — StO, 1950, XIV₃, S. 23—24.

⁵ См.: Кудайбергенов С. Грамматические параллели монголо-туркских языков (на материале киргизского языка). — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 39—49; Сыдыков С. Тюрко-монгольские параллели. — В кн.: Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. Фрунзе, 1966, с. 178—187.

⁶ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 20; Барашков П. П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1958, III, с. 182.

⁷ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 146.

типа; случаи согласования в древнемонгольском языке качественных имен и причастий, выступающих в функции определения, с определяемым в числе, и реже, падеже (*üčüged kö'üd* 'маленькие сыновья', *yo'as sajid ökid* 'прекрасные благородные девочки', *qonoysad čeri'üd* 'переночевавшие воины');⁸ различие в монгольских языках инклюзива и эксклюзива,⁹ср. монг.-п. *bida* 'мы (с тобой, с вами)', *ba* 'мы (без тебя, без вас)'. Важным моментом расхождения является, кроме того, необязательность личного оформления глагольных форм в монгольском письменном языке и некоторых других монгольских языках: *abubasu* 'если возьму, возьмешь, возьмет', *javutii* 'иду, идешь, идет'. Совершенно различны способы выражения отрицания. Постановка отрицательных частиц перед глаголом, обязательная для монгольских языков, полностью исключена для тюркских, как современных, так и древних, и наоборот, тюркская инфиксация отрицания недопустима ни в одном монгольском языке, ср. др.-турк. *бар* 'иди' — *барма* 'не ходи', *бардї* 'он пошел' — *бармадї* 'он не пошел', *барџај* 'пойдет' — *бармажај* 'не пойдет'; монг.-п. *ide* 'ешь' — *bitegei ide* 'не ешь', *idegdän* 'ешьте' — *bii idegdän* 'не ешьте',¹⁰ *cidabai* 'он смог' — *ese cidabai* 'он не смог', *cidasu* 'если он сможет' — *ese cidasu* 'если он не сможет', *oluqu či* 'ты найдешь' — *ülä oluqu či* 'ты не найдешь'.¹¹ Особенно примечательно присутствие в монгольском письменном языке морфологических элементов, выражающих естественный пол, и следов выражения грамматического рода. Так, аффиксы *-γcin*, *-lun*, *-tani*, *-qan*, *-yui* и *-jin*¹² входят в состав женских имен собственных и слов, обозначающих живые существа женского пола. Прилагательные на *-tu* употребляются по отношению к мужскому полу, прилагательные на *-tai* — по отношению к женскому.¹³ Аналогичное различие можно проследить между числительными *qajar* и *jirin* 'два',¹⁴ между двумя формами вопросительного местоимения в «Сокровенном сказании»: *ja'un* (NT 15) и *jaujin* (NT 38), между разными вариантами окончаний глагольных форм прошедшего неопределенного — *-ba* (NT 17) и *-bi* (NT 22) и т. д.¹⁵

Существенные расхождения наблюдаются также в морфологической структуре слова. В тюркских языках при слово- и формообразовании именная основа остается относительно неизменной, тогда как в монгольских языках она то сохраняет, то утрачивает конечный *n*. При образовании формы множественного числа может исчезать не только *n*, но и *r*, *l*, *i* и именной аффикс *-sun*. Примеры: монг.-п. *morin* 'лошадь' — *morid* 'лошади', *balyasun* 'город' — *balyad* 'города', *qubčasun* 'одежда' — *qubčad* 'одеяния', *nuyusun* 'утка' — *nuyud* 'утки'; бурят. (диал.) *nöхör* 'товарищ' — *nöхöd* 'товарищи', *tuyal* 'теленок' — *tuyad* 'телята', *poxoi* 'собака' — *poxod* 'собаки'.¹⁶ Несколько отличается порядок присоединения

⁸ См.: Doerfer G. Beiträge zur Syntax der Sprache der Geheimen Geschichte der Mongolen. — CAJ, 1955, I, 4, S. 226—229.

⁹ В документах ильханов, отразивших влияние канцелярской переписки тюрок, *bida* и *ba* смешиваются. См.: Mostaert A. et Cleaves F. W. Trois documents mongols des archives secrètes vaticanes. — HJAS, 1952, XV, 3—4, p. 473.

¹⁰ См.: Владимицов Б. Я. О частцах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. — Изв. АН, VI серия, 1916, № 5, с. 349—358; Ramstedt G. J. Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOU, 1924, 52, S. 198—199.

¹¹ См.: Санжеев Г. Д. К вопросу об отрицании в монгольских языках. — АОН, 1962, XV, 1—3, с. 273—282.

¹² См.: Владимицов Б. Я. Следы грамматического рода в монгольском языке. — ДАН-В, 1925, с. 31—34; Doerfer G. Beiträge zur Syntax..., S. 262.

¹³ См.: Street J. Ch. The Language of the Secret History of the Mongols. — American Oriental Series, New Haven, 1957, 42, p. 22.

¹⁴ См.: Hambris L. Grammaire de la langue mongole écrite (première partie). Paris, 1946, p. 2.

¹⁵ См.: Doerfer G. Beiträge zur Syntax..., S. 248 ff.; Санжеев Г. Д. Следы грамматического рода в монгольских языках. — ВЯ, 1956, № 5, с. 74; Street J. Ch. The Language of the Secret History..., p. 40.

¹⁶ См.: Матхеев Б. В. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1958, III, с. 143.

нения аффиксов к основе: в монгольских языках в отличие от тюркских аффиксы принадлежности занимают место после падежных аффиксов,ср. монг.-п. *gertürtani* 'в вашей юрте'; калм. *maldm* 'моему скоту', *gertčn* 'в твоей юрте' (-*tür*, -*d*, -*t* — падежные аффиксы, -*tani*, -*m*, -*čn* — аффиксы принадлежности).

Наконец, следует указать на своеобразное и типичное только для монгольских языков выделение подлежащего при помощи частицы *ber*, материально совпадающей с показателем орудного падежа, или частиц *anu*, *iñi*: др.-монг. *küün ber mörin ber čino suraqutur adali biju* 'человек и лошадь похожи на то, что ты спрашиваешь'; монг.-п. *či ber ene örmüge abubasu* 'если ты возьмешь этот камлот', *birman anu ügülerün...* 'браман сказал...'.¹⁷

II. Анализ конкретных морфологических параллелей, которых довольно много,¹⁸ приводит к выводу о том, что они не могут служить надежной опорой для реконструкции тюрко-монголо-тунгусских праформ. Большинство их обязано своим возникновением длительному взаимодействию и смешению тюркских и монгольских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, некоторые же установлены без достаточных оснований. Безусловно, пока не во всех случаях удается убедительно доказать, что образование параллелей происходило путем проникновения морфологических элементов из одной группы языков в другую, однако сам факт существования такого пути, неоднократно отмечавшийся и тюркологами, и монголистами, бесспорен.

III. По вопросу о взаимодействии и смешении языков высказано много мнений, в той или иной мере совпадающих либо имеющих существенные различия или даже исключающих друг друга.¹⁹ В основном же можно выделить три точки зрения, вокруг которых группируются языковеды. Сторонники первой из них (А. Шлейхер,²⁰ М. Мюллер²¹ и отчасти А. Мейе²²) отрицают смешение языков, считая, что создание одной языковой системы из частей нескольких систем исключено. Между тем в рамках этой концепции иногда допускается возможность соединения неоднородных систем, например, грамматической системы одного языка и лексики другого, фонетической системы одного языка и морфологии другого и т. д.²³ Для сторонников второй точки зрения (Г. Шухардт,²⁴ В. Пизани,²⁵ Дж. Бон-фанте²⁶ и другие) смешение языков — постоянный и всеобъемлющий процесс, не знающий никаких ограничений. Те, кто придерживается третьей точки зрения (И. А. Бодуэн-де-Куртенэ,²⁷ В. А. Богородицкий,²⁸

¹⁷ См.: Шербак А. М. О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии. — НАА, 1968, № 1, с. 107—114.

¹⁸ Подробное изложение в работе: Schönfelder K. H. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle, 1956, S. 7—42.

¹⁹ Schleicher A. Sprachvergleichende Untersuchungen, II. Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht. Bonn, 1850, S. 26.

²⁰ Müller M. Lectures on the Science of Language, I. London, 1862, p. 71, 77.

²¹ Meillet A. 1) Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1921, p. 84—85; 2) Сравнительный метод в историческом языкознании. Русск. пер. М., 1954, с. 72.

²² См.: Tesnière L. Phonologie et mélange de langues. — TCLP, 1939, VIII, p. 85.

²³ Шухардт Г. Избранные статьи по языкоznанию. Русск. пер. М., 1950, с. 74, 77, 177.

²⁴ Pisani V. Parenté linguistique. — Lingua, Haarlem-Holland, 1952, III, 1, p. 10—12.

²⁵ Бонфантэ Дж. Позиция неолингвистики. — В кн.: Хрестоматия по истории языкоznания XIX—XX веков. М., 1956, с. 308.

²⁶ Бодуэн-де-Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков. — ЖМНП, 1901, CCCXXXVII, сентябрь, с. 12—24.

²⁷ Богородицкий В. А. К вопросу о «смешанных» языках. — Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском унив., 1894, с. 1, 3.

Л. В. Щерба,²⁸ Б. Я. Владимирцов,²⁹ А. Росетти³⁰), на наш взгляд, наиболее обоснованной, рассматривают смешение языков как реальный исторический факт, вытекающий из наличия географического соседства, культурных и торговых связей, а также «столкновений племен и народов», но вместе с тем указывают на устойчивость языка, его непрерывность (ср. у А. Мейе): каково бы ни было смешение, всегда можно выделить язык, образующий основу смешанного языка.

Понятно, что когда речь идет о смешении языков, то имеется в виду одностороннее или взаимное влияние не только в пределах лексики, но и в области фонетики, морфологии и синтаксиса. Лексические заимствования осуществляются разными путями, без необходимости наложения одной языковой системы на другую. Иначе обстоит дело с морфологическими заимствованиями. Заимствование целых словообразовательных рядов с выделением морфологических показателей и последующей активизацией их в заимствующем языке происходит довольно редко. Более обычный путь взаимопроникновения разных морфологий — через двуязычие, открывающее широкие возможности для полной или частичной субSTITУции аффиксальных морфем. Реализация этих возможностей находится в зависимости от размеров функционально-семантической насыщенности отдельных морфем и степени их формальной автономности в составе слова: чем меньше функциональная нагрузка морфемы, тем легче и вероятнее ее заимствование.³¹

Причины возникновения двуязычия в разные исторические периоды неодинаковы. В древние и в средние века оно являлось чаще всего следствием распространения языка на новые территории. Таким путем возникло двуязычие, оставившее глубокий след в лексике, фонетике и морфологии узбекского, таджикского, якутского, соловецкого, дагурского и многих других языков.

Особенно любопытны результаты узбекско-таджикского двуязычия, подробно описанные А. К. Боровковым³² и В. С. Растроғуевой³³ и использованные Г. Дёрфером.³⁴ Для характеристики его последствий в таджикских говорах достаточно воспроизвести некоторые места из работы В. С. Растроғуевой:³⁵ «Так, например, буквально во всех таджикских говорах употребителен узбекский суффикс -*ći*, образующий имена деятеля... В большем количестве проникли узбекские словообразующие аффиксы в некоторые крайние северные смешанные таджикские говоры, например в чустский», в котором используются: наречный суффикс -*са*; суффикс, образующий абстрактные существительные, -*lik*; ограничительный суффикс -*gina*; суффикс собирательных числительных -*la*. «Чустский и верхне-

²⁸ Ščegeba L. Sur la notion de mélange des langues. — Яфетический сб., 1925, IV, Л., 1926, с. 3, 4, 18.

²⁹ Владимицов Б. Я. 1) Турецкий народец хотоны. — ЗВО РАО, 1916, XXIII, 3—4, с. 272; 2) О двух смешанных языках Западной Монголии. — Яфетический сб., Пг., 1923, II, с. 32—52.

³⁰ Rosetti A. Langue mixte et mélange de langues. — Acta linguistica, Copenhagen, 1945—1949, V, 2, p. 73—79.

³¹ См.: Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953, p. 35.

³² Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. — Уч. зап. ИВ АН СССР, 1952, IV, с. 176—180, 190, 191, 198.

³³ Растроғуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, с. 129—142.

³⁴ Doerffer G. Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen. — Indogermanische Forschungen, Berlin, 1966, 71, 1/2, S. 92—99.

³⁵ Растроғуева В. С. Опыт сравнительного изучения..., с. 140—141. См. также: Джалалов О. Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку. — Тр. ИИЯЛ Таджикского филиала АН СССР, 1949, XXV, с. 19 и сл.; Джалалов А. Д. Категория множественности в современном таджикском языке. АДД. М., 1952, с. 20 и сл.; Юнусов М. А. Туркские (узбекские) слова в таджикском литературном языке. АКД. Баку, 1971, с. 34—37.

их своеобразие тесно связано с агглютинацией — особым приемом конструирования словоформ и выражения грамматических значений.

Единое, четкое и общепризнанное определение агглютинации³⁷ отсутствует, но, несмотря на это, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества морфологических показателей количеству грамматических значений, имеющего своим следствием то, что усложнение формы в названных языках происходит посредством наращения аффиксов, а не путем внутренних преобразований или так называемой внешней флексии.

Соответствие, о котором идет речь здесь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает словоформе видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена.

Различие флексивных и агглютинативных форм в структурном отношении, а отдельных морфем — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения, что способы выражения грамматических значений во флексивных и агглютинативных языках принципиально различны.³⁸ Более того, раздельность агглютинативных морфем и кажущаяся близость агглютинативных словоформ к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как признаки выражения грамматических значений самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы вообще (Г. Штейнталль). Еще О. Бётлингк на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения.³⁹

Действительно, морфемы агглютинативных языков в большей мере, чем флексивных, обнаруживают следы происхождения от самостоятельных слов, и, очевидно, прототипами словоформ в агглютинативных языках были синтаксические сочетания, в которых господствующий член стал в конце концов корневой морфемой, а подчиненные, зависимые члены преобразовались в аффиксальные морфемы. Однако связь агглютинативных морфем с самостоятельными словами может быть допущена лишь в этимологическом плане: в ходе изменения семантики синтаксических сочетаний происходили значительные формальные преобразования составлявших их компонентов, завершившиеся приобретением ими совершенно нового качества.

I, 2. Иногда наряду с агглютинативным, или аффиксальным, способом выражения грамматических значений в тюркских языках выделяется способ, именуемый «флексией основ», или «внутренней флексией».⁴⁰ Примеры: башк. *kañńi* ‘свекор, тест’ // *käjnä* ‘теща’, *bîc-* ‘пилить’, ‘рубить’ // *bîc-* ‘кроить, резать’; ⁴¹ тат. *ata* ‘отец’ // *äti* ‘папа’, *ana* ‘мать’ // *äni* ‘мама’.

³⁷ См.: Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, 1853, I, 4, с. 377—411; Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 1 и сл.; Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951, с. 117—125; Холович А. А. 1) Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, с. 94—98; 2) Очерки по строю японского языка. АДД. Л., 1949, с. 2—4.

³⁸ См.: Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808. S. 41—42.

³⁹ Бётлингк О. О языке якутов, с. 409—410.

⁴⁰ Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом и И. Грунцелем. См.: Schott W. Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849, S. 45—46; Grunzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, S. 21—22.

⁴¹ См.: Киекбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, V, серия филологическая, 1955, № 1, с. 145—146.

их своеобразие тесно связано с агглютинацией — особым приемом конструирования словоформ и выражения грамматических значений.

Единое, четкое и общепризнанное определение агглютинации³⁷ отсутствует, но, несмотря на это, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества морфологических показателей количеству грамматических значений, имеющего своим следствием то, что усложнение формы в названных языках происходит посредством наращения аффиксов, а не путем внутренних преобразований или так называемой внешней флексии.

Соответствие, о котором идет речь здесь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает словоформе видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена.

Различие флексивных и агглютинативных форм в структурном отношении, а отдельных морфем — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения, что способы выражения грамматических значений во флексивных и агглютинативных языках принципиально различны.³⁸ Более того, раздельность агглютинативных морфем и кажущаяся близость агглютинативных словоформ к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как признаки выражения грамматических значений самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы вообще (Г. Штейнталль). Еще О. Бётлингк на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения.³⁹

Действительно, морфемы агглютинативных языков в большей мере, чем флексивных, обнаруживают следы происхождения от самостоятельных слов, и, очевидно, прототипами словоформ в агглютинативных языках были синтаксические сочетания, в которых господствующий член стал в конце концов корневой морфемой, а подчиненные, зависимые члены преобразовались в аффиксальные морфемы. Однако связь агглютинативных морфем с самостоятельными словами может быть допущена лишь в этимологическом плане: в ходе изменения семантики синтаксических сочетаний происходили значительные формальные преобразования составлявших их компонентов, завершившиеся приобретением ими совершенно нового качества.

I, 2. Иногда наряду с агглютинативным, или аффиксальным, способом выражения грамматических значений в тюркских языках выделяется способ, именуемый «флексией основ», или «внутренней флексией».⁴⁰ Примеры: башк. *kañńi* ‘свекор, тест’ // *käjnä* ‘теща’, *bîc-* ‘пилить’, ‘рубить’ // *bîc-* ‘кроить, резать’; ⁴¹ тат. *ata* ‘отец’ // *äti* ‘папа’, *ana* ‘мать’ // *äni* ‘мама’.

³⁷ См.: Бётлингк О. О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания. — Уч. зап. АН по Первому и Третьему отделениям, 1853, I, 4, с. 377—411; Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 1 и сл.; Боровков А. К. Агглютинация и флексия в тюркских языках. — В кн.: Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944). Л., 1951, с. 117—125; Холович А. А. 1) Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1941, № 1, с. 94—98; 2) Очерки по строю японского языка. АДД. Л., 1949, с. 2—4.

³⁸ См.: Schlegel Fr. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808. S. 41—42.

³⁹ Бётлингк О. О языке якутов, с. 409—410.

⁴⁰ Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом и И. Грунцелем. См.: Schott W. Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849, S. 45—46; Gruenzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen. Leipzig, 1895, S. 21—22.

⁴¹ См.: Киекбаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке. — Уч. зап. Башкирского ГПИ, V, серия филологическая, 1955, № 1, с. 145—146.

То обстоятельство, что различие приведенных пар слов по тому или иному значению связано с противопоставлением разных гармонических типов, вызвало повышенный интерес к гармонии гласных и способствовало распространению среди некоторых тюркологов и монголистов представления, что будто бы наличие в тюркских и монгольских языках сингармонических параллелизмов является пережитком эпохи, когда гармония гласных выступала как «лексико-фонологическая система», или «своеобразная и специфическая внутренняя флексия основ».⁴² Так, считая сингармонизм наиболее ранним и примитивным способом выражения грамматических значений, Г. Д. Санжеев противопоставляет его агглютинации как способу наиболее позднему и совершенному.⁴³ Свою точку зрения он подкрепляет ссылкой на высказывание Б. Я. Владимирцова о том, что в монгольском языке «такие параллели, как *axhā* ‘старший, старший брат’ // *exxē* ‘старшая, мать’, сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам».⁴⁴ Г. Д. Санжеев ссылается также на Т. А. Бертаагаева, который говорит об «изменении фонем в зависимости от значимости слов».⁴⁵

Важным условием образования семантически различающихся сингармонических параллелизмов является вариантность звучания. Наличие гармонии гласных делает естественным появление сингармонических вариантов слова, передающих одно и то же значение. Сингармонические варианты встречаются как внутри одного языка и его диалектов, так и внутри разных языков, или же имеют разную диахроническую соотнесенность: один вариант более ранний, другой — более поздний.

Вариантность звукового состава в слове — черта, присущая в той или иной мере почти всем современным тюркским языкам. В древности она была также характерна для большого количества слов. Некоторые слова, различающиеся в современных тюркских языках наличием твердорядных или мягкорядных, значительно реже — нелабиализованных или лабиализованных гласных, обязаны своим существованием, с чисто формальной стороны, именно этой вариантности.

Вариантность, или непостоянство качества гласных в отношении твердости / мягкости, мы рассматриваем как следствие перехода слов из одного ряда в другой, чаще из твердого в мягкий.⁴⁶ Последнее обстоятельство, очевидно, объясняется общей направленностью эволюции звуков, а именно их развитием главным образом в сторону опереднения.

Появление «мягкого» варианта не обязательно ведет к исчезновению «твёрдого». «Твердый» вариант может существовать наравне с «мягким». Наличие двух фонетических вариантов одного и того же слова с одним и тем же значением создает почву для изыскания дополнительных возможностей выражения новых значений. Если, например, в башкирском языке *asî* и *äsl* не различаются по значению ('горький'), то в татарском языке такое различение имеет место: *ächî* 'горький', *äçî* 'кислый'.⁴⁷ Таким образом, гармония гласных, будучи чисто фонетическим явлением (при возникновении вариантовых слов противопоставление «твердости» и «мягкости» не имело фонологического значения), впоследствии приобретает

⁴² Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 116.

⁴³ Там же, с. 118.

⁴⁴ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, с. 133.

⁴⁵ Бертаагаев Т. А. Флексия основ в агглютинативных языках. — Тр. по филологии, Улан-Удэ, 1948, I, с. 99.

⁴⁶ Подробно об этом см. в кн.: Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков, с. 37—38.

⁴⁷ См.: Киерабаев Д. Г. Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, с. 145; Заяй Л. З. Основы татарской орфоэпии. — Изв. АПН РСФСР, 1952, 40, с. 95.

видимость «лексико-фонологической системы» или «свообразной и специфической внутренней флексии основ». Одним из доказательств того, что различие значений в плане гармонии гласных не связано с использованием ее как «лексико-фонологической системы», является характер тех значений, которые обычно выражает вариантная форма. Как правило, это оттенки лексических значений. Мы не знаем ни одного примера регулярного выражения таким способом какого-либо грамматического значения.

Подводя итог всему изложенному, можно прийти к выводу, что так называемая флексия основ в тюркских языках — следствие определенных фонетических закономерностей, не имеющих непосредственного отношения к образованию морфологического типа. Она носит характер эпизодических столкновений и противопоставлений вариантов слов, происходящих в условиях тесных диалектных взаимоотношений и взаимовлияний родственных языков.

I, 3. Помимо агглютинативного, или аффиксального, способа выражения грамматических значений, тюркским языкам известен ряд других способов, сфера использования которых значительно уже. Один из таких способов — изменение места ударения, ср. казах. *áлма* ‘не бери’ / *алмá* ‘взятие’, *бáрма* ‘не ходи’ / *бармá* ‘хождение’, *сáлма* ‘не клади’ / *салмá* ‘укладывание’; азерб. *ахшáм* ‘вечер’ / *áхшам* ‘вечером’, *буrá* ‘вот это место’ / *бúра* ‘сюда’, *наrá* ‘какое место’ / *hára* ‘куда’, *сабáh* ‘утро’ / *сáбан* ‘завтра’, *кýнортá* ‘полдень’ / *кýнорта* ‘в полдень’; тур. *аркадáшíм* ‘мой товарищ’ / *аркадáшíй* ‘я товарищ’.

I, 4. Другой способ выражения грамматических значений — повторение основ, полное или неполное.

Полное повторение наблюдается часто в пределах любой части речи. Примеры: башк. *нарí-нарí* ‘совершенно желтый’, *кíдíл-кíдíл* ‘совершенно красный’, *јáшíл-јáшíл* ‘совершенно зеленый’; тур. *о бана дўшман дўшман бакíјорду* ‘он враждебно смотрел на меня’, *онлар бол бол конуштулар* ‘они вволю наговорились’, *гэлдім гэлмәдім* ‘едва я пришел’; узб. *тэб-тэб элтін* ‘горы золота’, *арава-арава гап букв.* ‘телеги слов’, *тёр түка-түка* ‘обильно проливая пот’.

Неполное повторение, с усечением одного из компонентов и присоединением к нему согласного *n* (б) или *m*, характерно главным образом для прилагательных. Этим способом образуется форма интенсива, выражающая высшую степень насыщенности признака: др.-турк. *an-ak* ‘совершенно белый’, *kan-kara* ‘совершенно черный’; башк. *нарí-нарí* ‘совершенно желтый’, *кíп-кíдíл* ‘совершенно красный’, *јáм-јáшíл* ‘совершенно зеленый’. Использование приема неполного повторения основ для существительных — чрезвычайно редкое явление. В примерах типа *кан-караньюда* ‘в полном мраке’ (Uig III 61₁) мы имеем дело не с существительными, а с субстантивированными прилагательными (*кан-каранью* ‘совершенно темный’).⁴⁸

Особой разновидностью редупликативных комплексов являются слова-«ублеть» («mots-échos») — сочетания, в которых второе слово воспроизводит незначительными фонетическими изменениями первое слово. Примеры: др.-турк. *ахсак бухсак* ‘хромые и прочие’, *арслан бурслан* ‘левы и прочие звери’; азерб. *ät-mät* ‘всякое мясо’, *ађил-мађıl* ‘умишико’, *пул-мул* ‘деньги’, *дáмíр-дўмўр* ‘всякое железо’, ‘железный лом’; башк. *һíрәк-мірәк* ‘ядкий’; ⁴⁹ карач.-балк. *ахча-махча* ‘деньги и тому подобное’, *мўјўз-чўйўз*

⁴⁸ Несколько примеров неполной редупликации существительных приводит Дени. См.: Deny J. Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 19.

⁴⁹ См.: Юлашев А. А. К характеристике тюркских сложных слов. — ВЯ, 3, № 5, с. 74.

‘рога и прочее’;⁵⁰ *кум*, *кіз-міз* ‘всякие девицы’, *кашік-машік* ‘всякие ложки’; тур. *tabak mabak* ‘домашняя утварь’. Различие первого и второго компонентов может ограничиваться составом гласных: др.-турк. *jash-juu* ‘всякая зелень’, *jak juk* ‘всякая грязь’.

Далее, следует указать на формы, образующиеся способом повторения по моделям свободных синтаксических сочетаний, ср. ст.-узб. *köndin köp* ‘очень много’, *azdin az* ‘очень мало’, *jamanjın jaman* ‘очень плохой’; алт. *d'akshidän d'akshidän* ‘наилучший’; тат. *javizdan javiz* ‘зловреднейший’; тур. *kötülmərin kötүsү* ‘наихудший’.

I, 5. Спорным является вопрос об аналитических формах, которые представляют собой особый род взаимосвязи двух или даже трех элементарных морфологических единиц, выступающих в составе различных словоформ. О. Бётлинг⁵¹ и вслед за ним многие современные тюркологи признают наличие аналитических форм как перифрастических образований, выраждающих самостоятельные грамматические значения, но скептически относятся к возможности рассмотрения этих форм в одном ряду с аффиксальными, синтетическими формами и к выделению аналитических формантов в качестве регулярных морфем. По мнению А. А. Юлдашева, считающего взгляды О. Бётлинга ошибочными, аналитические формы ничем не отличаются от синтетических и должны включаться в число действующих регулярных форм.⁵²

Действительно, грамматикализованные перифрастические образования во многих отношениях близки к обычным словоформам, характеризуются определенной системностью, и их квалификация как своего рода форм не вызывает сомнений. Все же в грамматическом описании языка они должны занять особое место. Основания для этого следующие.

а) Грамматикализованные перифрастические образования в тюркских языках в большинстве случаев выражают слабо абстрагированные значения, придают действию конкретные дополнительные оттенки.⁵³ Об этом свидетельствует наличие в каждом из тюркских языков от 30 до 60 подобных образований.⁵⁴

б) В значительном количестве грамматикализованных перифрастических образований грамматическая «идиоматичность» тесно переплетается с лексической: в процесс семантического взаимодействия может включаться, с одной стороны, содержание основы, с другой, — лексические значения окказионально формализованных глаголов.⁵⁵ Часто именно поэтому, а не в силу каких-либо субъективных обстоятельств одни и те же перифрастические образования определяются некоторыми тюркологами как аналитические формы, другими — как фразеологические сочетания, третьими — как сложные глаголы.

в) Грамматикализованные перифрастические образования в тюркских языках могут состоять из двух, трех и большего количества слов, ср. кирг. *mэн köpürödön ötüp bара јатпін јїбіліп кәтпә јаздан калдым* ‘я, переходя через мост, чуть не упал’, где в сочетаниях *ötüp bара јат-* ‘переходить’

⁵⁰ См.: Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, с. 73.

⁵¹ B ö h t l i n g k O. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker. SPb., 1848, S. 59 (Extrait du Bull. de la classe hist.-philol. de l' Académie des sciences de St.-Pétersbourg, V, № 19—23).

⁵² Юлдашев А. А. Анализические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, с. 15.

⁵³ См.: Серебренников Б. А. К вопросу о «морфологизме». — В кн.: Анализические конструкции в языках различных типов. М.—Л., 1965, с. 102.

⁵⁴ См.: Щербак А. М. Рец.: Юлдашев А. А. Анализические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. — ВЯ, 1967, № 1, с. 157—162.

⁵⁵ См.: Севортаев Э. В. Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках. — В кн.: Анализические конструкции в языках различных типов, с. 233.

и *јїйліп кәтә јаздал қал-* ‘чуть не упасть’ носителем собственно лексического значения является только основа первого деепричастия: *öт-* ‘переходить’, *јїйл-* ‘падать’.⁵⁶

г) Глаголы, входящие в грамматикализованныеperiфрастические образования в качестве вспомогательных компонентов, утрачивают свои лексические значения только в пределах этих образований, иными словами, вспомогательными оказываются полнозначные глаголы, формализация которых имеет контекстуальную обусловленность.

д) Грамматическая форма, как правило, универсальна. Приведенные же А. А. Юлдашевым сочетания, например аналитические формы вида, согласно его собственному заключению, образуются далеко не от всех глагольных основ. Возьмем, например, башкирский язык. Образование формы на *-n ят-* возможно в нем для ограниченной группы глаголов.⁵⁷ Сочетание *-n отур-* «как грамматический показатель процессуальности регулярно употребляется лишь в глаголах движения горизонтального плана. . .».⁵⁸ Форма на *-n тур-* образуется от глаголов состояния,⁵⁹ форма на *-n јүр-* — главным образом от «имперфективных» глаголов, которые выражают «определенное занятие, предполагающее длительный и многократный процесс».⁶⁰ Формы на *-n бар-* и *-n кәл-* «ведут себя как формы лишь в глаголах со значением перехода из одного состояния в другое и в отдельных глаголах активного действия. . .».⁶¹ Далее, «. . . в форме на *-a бәр-* по преимуществу употребляются глаголы активного действия. . .».⁶² Приблизительно в таком же плане говорится и о других формах: на *-a түш-, -n чүк-, -n ал-, -n јібәр-, -n ташла-* и *-n кәт-*.

Итак, грамматикализованные periфрастические образования, будучи соотносимыми по содержанию с отдельными словоформами, а по форме — со словосочетаниями, являются устойчивыми лексико-грамматическими сочетаниями и обособление их от обычных парадигматических форм не содержит в себе ничего ошибочного. Такое обособление позволяет исследовать указанные образования и в целом, как специфическое явление, и порознь, для определения уровня их грамматикализации. Дело в том, что грамматикализованные periфрастические образования далеко не однородны. Одни из них — так называемые видовые и модальные формы, в состав которых входят глаголы *кал-*, *сал-*, *бар-*, *кәл-*, *бәр-*, *түш-*, *чүк-*, *јібәр-*, *ташла-*, *кәт-*, *јаз-*, *кој-*, грамматикализованы не полностью и недостаточно регулярны; другие, например сочетания с глаголом *ё(p)-*, с глаголами *тур-*, *отур-*, *јүр-*, *јат-*, близки к полной грамматикализации и при наличии почти абсолютной регулярности постепенно превращаются в обычные словоформы.

Процесс образования синтетических форм глагола на базе periфрастических образований происходит очень интенсивно; существуют десятки примеров, иллюстрирующих различные ступени этого процесса, ср. гаг. *алдіјдім* ‘я взял’ («давнопрошедшее очевидное время») <*алді* ёдім, *аләрім* ‘беру’ («настоящее время») <*аліјәрім* <*алі* јорірім (ср. тур. *аліјорум*); кирг. *кәлötт* ‘придет’ («будущее время») >*кәлә турур*, *кәлатам* ‘прихожу’ («настоящее время») <*кәлә јатам*; туркм. (диал.) *гәләдүрін* ~ *гәлдүрін* ‘иду’ («настоящее конкретное») <*гәлә дүрүр мән*; узб. *кәлјапті* ‘приходит’ («настоящее конкретное время») <*кәлајапті* <*кәла јётпіті* <*кәла јётпін турур*, *кәларді* ‘он приходил’ («прошедшее незаконченное», «неопределенный имперфект») <*кәлар ёді* и т. д.

⁵⁶ Пример из работы: Юнусалиев Б. М. Вспомогательные глаголы в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1949, с. 7.

⁵⁷ См.: Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках, с. 55.

⁵⁸ Там же, с. 64.

⁵⁹ Там же, с. 67.

⁶⁰ Там же, с. 72.

⁶¹ Там же, с. 76.

⁶² Там же, с. 80.

Наибольшей грамматикализации подверглись аналитические формы, образованные с участием вспомогательного глагола *ð(p)-* ‘быть’ (-*p* *ði*, -*jor* *ði*, -*a* *ði*, -*a turðan* *ði*, -*makta* *ði*, -*ðan* *ði*, -*mış* *ði*, -*n* *ði*, -*baj* *ði*, -*ca* *ði*), которые ничем не отличаются от синтетических форм и анализм которых часто выступает лишь на уровне орфографии.

КОМПЛЕКСНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ИХ СТРУКТУРА И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Комплексные морфологические единицы — словоформы, состоящие из нескольких морфем и воплощающие в себе единство языковой материи, формы и значения. Языковая материя — звуки, форма — особая структурная организация звуков, связанная с выражением определенных значений. Различия в составе звуков в связи с выражением разных значений лежат в основе разграничения словоформ и группировки их в морфологические классы.

I. Структура слова в тюркских языках прозрачна. Слова, имеющие подвижную морфологическую структуру, состоят из двух элементов: корня (основы) и аффикса или совокупности аффиксов. Такое определение не является новым. Оно существует давно, и среди советских тюркологов наиболее последовательно придерживался его Н. К. Дмитриев.⁶³ Большинство же зарубежных тюркологов, по крайней мере на протяжении последних трех десятилетий, признает наличие в тюркском слове тех же структурных элементов, что и в слове флексивных языков. Так, например, А. Дж. Эмре выделяет *temel* — *thème* (основа) и *belgi* — *désinence* (окончание) и подразделяет *temel* на *kök* (корень) и *türem* (аффиксы словообразования).⁶⁴ То же самое делает Г. И. Рамstedt (*Stamm+Endung*).⁶⁵ Ж. Дени и Л. Базен, считающие главнейшей особенностью тюркских языков их «почти исключительную суффиксальность», различают деривативные суффиксы и суффиксы окончания (*suffixes de dérivation et suffixes de désinence*), а также простую основу и производную, из которых первую соотносят с именным или глагольным корнем, а вторую рассматривают как сочетание именного или глагольного корня с деривативными суффиксами.⁶⁶

На первый взгляд определение морфологической структуры слова, данное А. Дж. Эмре, Ж. Дени, Г. И. Рамстедтом и Л. Базеном, заметно отличается от предложенного Н. К. Дмитриевым; однако по существу они совпадают. И в том и в другом случае практически выделяются прежде всего корневые морфемы и противопоставляются им не окончания, а аффиксы или суффиксы. Выделение же производных основ (*base dérivée*) и деривативных суффиксов, с одной стороны, и суффиксов окончания, с другой, — особый этап анализа морфологической структуры слова,

⁶³ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 43. Ср.: Баскалов Н. А. Морфологическая структура слова и части речи в тюркских языках. — СВ, 1957, № 1, с. 72 и сл.; Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, с. 59; Усманов С. У. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. АДД. Ташкент, 1964; Искаков А. И. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. АДД. Алма-Ата, 1964.

⁶⁴ Emre A. C. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 13.

⁶⁵ Ramstedt G. J. Über die Stämme und Endungen in den altaischen Sprachen. — JSFOU, 1951, 55₂, S. 98—105.

⁶⁶ Deny J. 1) Structure de la langue turque, p. 37—38; 2) Principes de grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, p. 6, 13, 14; Базин Л. Structures et tendances communes des langues turques. (Sprachbau). — Fundamenta, I, p. 14—15. См. также: Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I. Copenhagen, 1936, S. 18; Хасенова А. К. К вопросу об основе слова в тюркских языках. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 34—47. Ср.: Раҳматуллаев Ш. Отларда негизлар. — ЎТА, 1971, № 1, б. 22—30; № 2, б. 35—42; Ҳожиев А. Сўзнинг морфологик ва сўз ясалиш структураси. — ЎТА, 1976, № 3, б. 29—33.

не исключающий упомянутого выше, а лишь дополняющий его. Так, в узбекской словоформе *тэшчаларімђа* ‘моим камешкам’ налицует корень (*тэш* ‘камень’) и четыре аффикса (-ча-лар-ім-ђа), но наряду с этим может быть выделена основа (*тэшича* ‘камешек’) и окончание (-лар-ім-ђа), которое, как нетрудно заметить, имеет мало общего с окончанием флексивных языков.

В любом тюркском слове наблюдается строгое бинарное распределение входящих в него структурных элементов: слева — корневая морфема (префиксы отсутствуют,⁶⁷ небольшое количество их встречается лишь в заимствованных словах), справа — аффиксальные, или суффиксальные, морфемы. Фузионные процессы на границе корневых и аффиксальных морфем развиты слабо, хотя в отдельных диалектах отмечаются значительные сдвиги в этом отношении.⁶⁸

Корневая морфема (простая основа) — универсальна (одно склонение и одно спряжение). Она сама по себе соотнесена с тем или иным грамматическим классом и выражает определенные грамматические значения: именительного падежа или повелительного наклонения 2-го лица единственного числа. Примеры: др.-турк. *таб* ‘гора’, *таш* ‘камень’, *кол* ‘рука’, *тан* ‘найди’, *ал* ‘возьми’, *кіл* ‘делай’. Иногда одни и те же корневые морфемы соотносятся с разными классами, ср. кирг. *јан* ‘бок’ и ‘подходи сбоку, касайся’, *көч* ‘кочевка’ и ‘кочуй, переселяйся’; азерб. *дад* ‘вкус’ и ‘пробуй, «вкушай»; алт. *кат* ‘ряд’ и ‘складывай’; якут. *бай* (*бай*) ‘богатый’ и ‘богатей, обогащайся’.

Аффикс моносемантичен, т. е. передает одно значение. Вследствие чего количество грамматических показателей соответствует количеству грамматических значений. Чтобы проиллюстрировать эту особенность, воспользуемся искусственно составленным Л. Базеном,⁶⁹ но вполне допустимым примером из турецкого языка: *түрк* — *lä* — *ı* — *mir* — *ä* — *mä* — *dik* — *lär* — *ımiz* — *dän* — *mi* — *cınız*? ‘не из тех ли вы, кого мы не могли отуречить?’ В приведенном примере *-lä* — аффикс отыменного словообразования глагола, *-ı* — аффикс совместного залога, *-mir* — аффикс побудительного залога, *-ä* — аффикс, выражающий в сочетании с отрицанием невозможность совершения действия, *-mä* — аффикс отрицания, *-dik* — аффикс глагольного имени, *-lär* — аффикс множественного числа, *-ımiz* — аффикс принадлежности 1-го лица мн. числа, *-dän* — аффикс исходного падежа, *-mi* — аффикс, выражающий вопрос, *-cınız* — аффикс 2-го лица мн. числа. Ср. кирг. *копсуздандїрлбаңандіктаріңіздардан* ‘оттого, что вы не обезопасили себя’.⁷⁰

Аффиксальные морфемы строго контекстуальны, они располагаются в определенной последовательности и характеризуются наличием определенных окружений. Возьмем древнетюркскую словоформу *таб-лар-ім-ђа* ‘моим горам’. Морфема *-лар*, выступающая в этой словоформе и выражающая значение множественного числа, не может быть поставлена ни после морфемы *-ђа* (дат. падеж), ни перед морфемой *таб* (корневая морфема), а возможность присоединения к морфеме *таб* морфемы *-ді* (прошедшее категорическое) или *-са* (условное наклонение) вообще исключена. Точно так же недопустима постановка морфемы *-ім* (принадлежность, 1-е лицо ед. числа) ни перед морфемой *-лар*, ни после морфемы *-ђа*.

Указанные правила сохраняют свою силу для всех современных и древних тюркских языков. Нарушения правил немногочисленны и выражаются

⁶⁷ См.: Deny J. Existe-t-il des préfixes en turc? — BSLP, 1940, 39, 1, p. 51—65; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 44; Гулямов А. Г. К некоторым вопросам аффиксации в узбекском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордеевскому к его семидесятилетию. М., 1953, с. 101.

⁶⁸ См.: Mollova M. Traits de fusion dans le dialecte turc du Rhodope de l'Est. — Балканское языкознание, Sofia, 1970, XIV, 2, p. 57—81.

⁶⁹ Bazin L. Structures et tendances communes des langues turques, p. 16.

⁷⁰ См.: Орусбай А.-К. Из материалов экспериментального исследования киргизского ударения. — СТ, 1972, № 4, с. 118.

преимущественно в постановке аффиксов принадлежности перед аффиксом множественного числа *-лар*. Примеры: др.-турк. *тäñrimalärüm* (*täñri-m-lär-i-m*) 'мои повелители', 'мои боги' (Suv 8₁₈); крым.-тат. *бабамларъа*, тур. *бабамгиллэрә* 'к семье моего отца'; тофал. (карагас.) *añazilar* 'их брат', *atilar* 'их лошадь', *atilardan* 'от их лошадей' (вместо: *añalar*, *atlar*, *atparindan*);⁷¹ чуваш. *куз'ымсэм* 'мои глаза'.

II. Распределение словоформ по группам многообразно как по процедуре, так и по характеру используемых признаков. В данной работе применяется ступенчатая классификация, дихотомическая на первой ступени и квалификационная — на второй.

Все слова в любом языке, исключая языки относительно чистого изолирующего типа, различаются по признаку наличия или отсутствия подвижной морфологической структуры, так что о каждом слове можно сказать, что оно является морфологически членным, реально или потенциально (имеются в виду такие слова, как русск. *кенгуру*, *пальто* и т. п.), или выступает как нечто единое, нераздельное. Дихотомическая классификация позволяет распределить все слова по двум большим группам, или частям речи первой ступени: изменяемые и неизменяемые слова.

Слова с подвижной морфологической структурой по составу морфем и последовательности их сочетания образуют морфологические классы, или части речи второй ступени. Каждый морфологический класс по более частным морфологическим признакам делится на подклассы, разряды, подразряды и т. д. Неизменяемые слова образуют несколько групп, которые различаются только по сочетаемости с другими словами, и поэтому разряды неизменяемых слов несопоставимы с классами и разрядами слов, имеющих подвижную морфологическую структуру.

Понятно, что при такой классификации количество и состав частей речи будут варьировать от языка к языку, и это вполне закономерно, ибо, как справедливо отмечал Ф. Ф. Фортунатов, «между языками, различающимися в формах слов, должны существовать различия и в грамматических классах слов, и мы не должны думать поэтому, что даже наиболее общие грамматические классы, какие мы находим, например, в русском языке, должны существовать и во всех других языках, имеющих формы отдельных слов».⁷²

Поскольку слова как материальные образования тесно связаны с идеями и немыслимы без передачи содержания, естественно, может возникнуть вопрос, нельзя ли построить классификацию слов, исходя из передаваемого ими содержания.

Понятийное, или понятийно-аффективное, содержание выражаемое языковыми средствами, принципиально едино, и для установления определенных типов содержательных единиц нет необходимости прибегать к материалам конкретных языков. Для содержательной, или семантической, классификации достаточно использовать те наиболее важные логические категории, которые были выделены еще Аристотелем, например сущность, количество, качество и отношение.⁷³

Следует также подчеркнуть, что понятийно-аффективное содержание является монолитным, нерасчлененным. Несомненно прав был А. М. Пешковский, когда писал, что звуковая сторона слова, «несмотря на весь химизм сплеления отдельных звуков между собой», поддается дроблению на звуки, слоги и грамматические части, тогда как расщепление значения слова на части представить себе трудно. И никак нельзя согласиться

⁷¹ См.: Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 13—14. Материалы Н. П. Дыренковой требуют проверки, так как были изданы, не будучи подготовленными к печати самим автором, умершим в 1942 г.

⁷² Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды, I. М., 1956, с. 158.

⁷³ См.: Magnusson R. Studies in the Theory of the Parts of Speech. — Lund Studies in English, Lund—Copenhagen, 1954, XXIV, p. 6.

с ним, когда он утверждает, что расщепление содержания слова на отдельные части, соответствующие звуковым отрезкам, все же возможно и что эти «части» реально существуют в нашей мысли.⁷⁴ Расчленить содержательный аспект можно только условно, и такое расчленение всегда будет регулироваться морфологическим составом словоформы.

Иногда при классификации частей речи опираются не на понятийно-аффективное, а на «собственно языковое» содержание: обобщенные лексико-грамматические категории (предметность, действие, предметный признак, признак признака)⁷⁵ или общеграмматические «категориальные» значения (грамматическая предметность, грамматическая процессуальность, грамматическая атрибутивность и т. д.).⁷⁶ Однако такая замена носит чисто терминологический характер, так как существование собственно языкового содержания, выделяемого наряду с содержанием мышления и приписываемого языку в виде эманации понятий, является иллюзорным. Дело в том, что разнообразие языковых средств, используемых для передачи содержания, отнюдь не доказательство наличия в содержании нескольких уровней. Попытки же рассматривать обобщенные лексико-грамматические категории как совокупность определенных частных категорий практически означают использование в качестве классификационного признака грамматической формы: частные значения не существуют в расчлененном виде, их выделение предопределено анализом морфологического состава слова и его так называемой синтаксической морфологии, т. е. сочетаемости с другими словами. Итак, классификация слов, исходя из передаваемого ими содержания, вообще говоря, возможна, однако собственно содержательная классификация может быть только логической.

II. 1. В тюркских языках мы выделяем два класса изменяемых словоформ: именной и глагольный.

Наиболее общая модель именных словоформ — $A_1-4-3-2-1$, например, тур. *әвјікләрім* ‘моим домикам’ (*әв-јік-ләр-ім-ә*), где A_1 — корневая морфема или, иначе, простая именная основа, а $4-3-2-1$ — аффиксальные морфемы: падежа (1), принадлежности (2), числа (3) и морфема, передающая качественные оттенки или особые значения корневой морфемы.⁷⁷ На месте корневой именной морфемы может находиться сочетание корневой глагольной морфемы с конвертирующим аффиксом, например узб. *յэзмаси* ‘его запись’ (*յэз-* ‘писать’, *յэзма* ‘запись’). Поскольку же преобразуемая глагольная основа включает в себя ряд типичных глагольных аффиксов, то часть, предшествующая конвертирующей морфеме, бывает весьма протяженной, ср. А ($B_1-V-IV-III-y$) — $4-3-2-1$, где B_1 — корневая глагольная морфема, $V-IV-III$ — аффиксальные морфемы: залога, вида или модальности и отрицания, y — конвертирующая морфема. Приведенный выше (на с. 21) пример из турецкого языка представляет более сложный случай — включение в состав именной основы глагольной, образованной в свою очередь от простой именной основы, т. е. А [$B(A_1-x-V-IV-III)-y$] — $3-2-1$ (x — конвертирующая морфема, преобразующая простую именную основу в глагольную).

Порядок расположения аффиксальных морфем в словоформах именного класса последовательно фиксированный: каждая предыдущая мор-

⁷⁴ См.: Пешковский А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? — Избранные труды. М., 1959, с. 76.

⁷⁵ См.: Шapiro А. Б. К вопросу о частях речи в современном русском языке. Тезисы докладов на открытом расширенном заседании [ученого совета Института языкоznания АН СССР], посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 г. М., 1954, с. 9.

⁷⁶ См.: Суник О. П. Общая теория частей речи. М.—Л., 1966, с. 29.

⁷⁷ Впервые порядки следования аффиксов в связи с классификацией словоформ были описаны в раб.: Алпаров Г. Об агглютиративной особенности татарского языка. — ВНОТ, 1927, 7, с. 123 и сл. См. также: Азимов П. Туркмен дилинде аффикслериң өзара тиркешиш гелиш дүзгүллери. Ашгабат, 1944.

фема при полном исключении последующей может занимать конечное положение.

Аффиксальные морфемы первого, второго и третьего рядов присоединяются к любой простой или производной основе, способной стать компонентом словоформы данного грамматического класса. Иначе обстоит дело с морфемами четвертого ряда. Последние обладают минимальной сочетаемостью, т. е. количество простых и производных основ, выступающих с той или иной морфемой четвертого ряда, является ограниченным. Так, в узбекском языке аффиксы *-(i)нчi*,⁷⁸ *-та* сочетаются с одной небольшой группой простых основ, аффикс *-рəк* — с другой, *-(i)мтiр* и *-(i)и* — с третьей. Следовательно, морфемы первых трех рядов — постоянные, морфема четвертого ряда — варирующая.

Наиболее общая модель глагольных словоформ⁷⁹ — $B_1 - V - IV - III - II - I$, например тур. *jazdīramadīm* 'я не мог заставлять писать'

(jaz — дiр — a — ма — дi — м),
 $B_1 — V — IV — III — II — I$

где B_1 — простая глагольная основа, а $V - IV - III - II - I$ — аффиксальные морфемы: лица и числа (I), наклонения (II), отрицания (III), модальности (IV) и залога (V; последний порядок — условное объединение форм: аффиксы залогов сочетаются в одной словоформе и фактически образуют несколько порядков). На месте глагольной основы передко оказывается сочетание корневой именной морфемы с конвертирующим аффиксом, например кирг. *oјладi* 'он думал, мыслил' (*oј* 'мысль', *oјла-* 'думать, мыслить').

В словоформах глагольного класса без нарушения их грамматической целостности в непоследовательном порядке могут быть изъяты аффиксальные морфемы первого, третьего и четвертого ряда, при этом каждая морфема, начиная с морфемы второго ряда, при опущении предыдущей морфемы может занять ее место, ср.

*jaz — дiр — a — ма — дi
jaz — дiр — (a)⁸⁰ — дi
jaz — дiр — дi
jaz — дi
jaz — дiр — a — ма
jaz — дiр — ма
jaz — ма
jaz — дiр — (a)
jaz — (a)
jaz — дiр
jaz*

Взаимная перестановка морфем не допускается.

В составе глагольных словоформ все аффиксальные морфемы выступают в сочетании с любой простой и производной основой, т. е. являются постоянными.

Приведенная выше модель отражает структуру полных, или законченных, глагольных форм. В тюркских языках имеются также глагольные

⁷⁸ Когда аффиксальные морфемы присоединяются к основе, оканчивающейся на гласный, начальный *i* отсутствует.

⁷⁹ О порядке расположения аффиксальных морфем в глагольных словоформах тюркских языков см.: Voegelin C. F., Ellinghausen M. E. Turkish Structure. — Journal of the American Oriental Society, Baltimore, 1943, 63, 1; Bedford Ch. E. A Structural Analysis of Uzbek. — American Council of Learned Societies. Program in Oriental Languages. Publications Series B — Aids, 3. Washington, 1955; Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. Русск. пер. М., 1959, с. 164—169; Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д. Грамматика порядков и ее использования. — ВЯ, 1969, № 1, с. 42—55.

⁸⁰ Аффикс *-a* в указанном значении встречается только в отрицательных формах.

формы неполной вербальности (resp. деепричастия). Они отличаются от полных отсутствием аффиксальных морфем первого и второго ряда и наличием вместо них особых морфологических показателей — аффиксов *-a*, *-n* (б), *-балї*, *-бунча* и т. д. Глагольные формы неполной вербальности употребляются и самостоятельно, в функции зависимого сказуемого, и как компоненты аналитических образований лексического и грамматического типа, ср. узб. *эліп чікти* 'он вынес', *јэза элмаді* 'он не мог написать', *јікіла јәзді* 'он чуть не упал', *бэра бәрді* 'он пошел'.

Морфологические классы имени и глагола делятся на подклассы, различающиеся типом корневой морфемы и, отчасти, составом аффиксальных морфем. Первый подкласс имени — собственно имена, второй — имена действия. Далее, в подклассе собственно имен выделяются несколько лексико-грамматических разрядов, отличающихся друг от друга морфемами четвертого ряда: существительное, прилагательное, числительное, местоимение. Следовательно, глаголу как грамматическому классу противостоит только имя; существительное же, прилагательное — разряды одного из подклассов имени. Подклассы глагола — формы полной и неполной вербальности.

Принципиальное значение имеет вопрос о возможности совмещения в одном парадигматическом ряду двух или трех падежных аффиксов. М. С. Воронкин, отмечая присоединение аффиксов винительного, дательного, исходного и орудного падежей к аффиксу совместного падежа в говорах якутского языка, высказывает предположение, что эта особенность обусловлена влиянием монгольского языка,⁸¹ в котором «основой для двойного склонения выступают лишь падежи родительный и совместный».⁸² Вместе с тем распространено мнение, что двойное (и даже тройное) склонение характерно для самих тюркских языков. В качестве примеров двойного и тройного склонения приводят словоформы типа тат. *акіллідайдан* 'от того, что есть у умного человека'⁸³ и др.-турк. *сәніңдә* 'в тебе' 'у тебя'. Однако форма *акіллідай*, к которой присоединен аффикс исходного падежа, не является падежной. Не являются падежными в полном смысле слова и формы на *-нің*, к которым могут присоединяться аффиксы локативных падежей, не говоря о том, что в подобных случаях аффикс *-нің* утрачивает собственное значение, ср. др.-турк. *сәнің атің* 'твоя лошадь' и *сәніңдә* 'в тебе', 'у тебя'. По поводу сочетаний других падежных аффиксов, например, в чувашском языке: *малданба* (*мал-дан-ба*) 'с самого начала', *ајаранба* (*аја-ран-ба*) 'с детства', *ёнэрдәнбәлә* (*ёнэр-дән-бәлә*) 'со вчерашнего дня', *көргүннәрән* (*көргүн-нә-рән*) 'с осени', *көргүннәбә* (*көргүн-нә-бә*) 'осенью', любопытное замечание сделал Н. И. Ашмарин. «Иногда косвенный падеж существительного, — пишет он, — может склоняться; это бывает, когда подобный падеж представляет закоснелую форму, употребляемую как отдельное существительное». ⁸⁴ Ср. кар. *ўртәнбіладан* 'с утра', *танбілада* 'на рассвете'; тув. *сонбартан* 'с севера'. Такие же морфемы, как *-бача*, образовались не из сочетания двух падежных аффиксов (дательного и сравнительно-ограничительного падежей), а из сочетания падежного аффикса с послелогом, управлявшим дательным падежком (*-бача <-бә чак* или *-бә чаклї*).

В заключение остановимся на так называемых плеоназмах — сочетаниях в пределах одного ряда одинаковых или однозначных морфологических элементов: падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и множественного числа.

⁸¹ Воронкин М. С. Грамматические особенности говора ессейских якутов. — Тр. ИЯЛИ, Якутск, 1963, 4 (9), с. 127—128.

⁸² См.: Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М., 1951, с. 73.

⁸³ См.: Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 219.

⁸⁴ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, с. 129—130. См. также: Bezing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). — ZDMG, 1942, 96, 3, S. 454—458.

Было бы излишней смелостью говорить о том, что плеоназмы вообще не бывает. С другой стороны, нельзя согласиться с попыткой рассматривать плеоназмы как нечто обычное и даже непременное в агглютиративных языках. Многие «плеоназмы» представляют собой сочетания аффиксов, совпадающих лишь внешне, или, иначе говоря, являющихся омонимами. Так, аффикс *-түн ~ -түн* в составе прилагательных *күнтүн* ‘южный’, *таңтүн* ‘северный’ (*күнтүн таңтүн балык улуш* ‘южные и северные города и селения’, ТТ I₇) если и связан с аффиксом исходного падежа, то только этимологически,⁸⁵ ср. в тексте Тоньюкука: *обуздантан көрүг кэлті* ‘от огузов пришел лазутчик’ (Тон₈). В уйгурском варианте «Сказания об Огузе» встречается словоформа *тобушіданда* (*күн тобушіданда күн батышіча* ‘от востока до запада’, ЛОК 3б₃), в которой *-да*, скорее всего, не аффикс местно-исходного падежа, дублирующий предшествующий ему аффикс *-дан*, а усилительно-выделительная частица. Вполне вероятно, что и в местоименных формах *мунтада*, *сөнтәдә*, *антада* из древнеуйгурских текстов присутствует эта же частица, ср. гаг. *сөндә да вар бэндә да вар* ‘и у тебя есть, и у меня есть’; ⁸⁶ алт. *отко до сүба да* ‘и в огонь и в воду’.⁸⁷ Подобные комбинации допустимы и с другими усилительно-выделительными частицами, ср. *бэн-ök*, *сөн-ök*, *ол-ок*, *шул-ок*.

Наличие в одном ряду одинаковых или однозначных морфологических показателей чаще всего обусловлено тем, что один из них не осознается как таковой в пределах данного синхронного среза или в пределах данной словоформы.⁸⁸ Примеры: др.-турк. *тәгітләр* ‘принцы’; азерб. (диал.) *чохданнан* ‘издавна’, *гәҗдәннән* ‘пораньше’;⁸⁹ якут. *тојоттор* ‘господа’.

Сочетание двух одинаковых аффиксов множественного числа *-ларлар*, отмечаемое Ф. Г. Исхаковым у местоимений «в разговорном языке тувинцев»⁹⁰ и встречающееся в говорах узбекского языка, на первый взгляд не поддается объяснению. Учитывая некоторые особенности тюркских языков, можно высказать предположение, что прием интенсификации признака или подчеркивания количества посредством повтора применяется и в морфологии, ср. *кён кён* и *-ларлар*.

II. 2. Неизменяемые слова, как и изменяемые, распределяются по двум классам: самостоятельные неизменяемые слова (наречия, образные слова, междометия) и зависимые, или служебные, неизменяемые слова (послелоги, частицы). Последние функционально близки к аффиксам, в то же время некоторые из них, главным образом послелоги, обнаруживают признаки самостоятельных слов.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МОРФОЛОГИЯ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АФФИКСАЛЬНЫХ МОРФЕМ

Важнейшие задачи сравнительной морфологии: 1) описание морфемного состава родственных языков с целью выявления общих элементов; 2) реконструкция праформ; 3) прослеживание эволюции аффиксов и вы-

⁸⁵ Различие между этими аффиксами и их фонетическими вариантами проявляется, в частности, в дистрибуции. «-Дан как падежный аффикс находится после аффиксов множественного числа и принадлежности, как словообразовательный элемент — перед ними». См.: Gabain A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV₅, S. 13.

⁸⁶ См.: Покровская Л. А. Грамматика тагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 279.

⁸⁷ См.: Тощакова Т. М. Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1956, 1, с. 19.

⁸⁸ См.: Kogkmaz Z. Türkçede ek uyğılması olaylarının meydana gelişü üzerrine. — TDAY. Belleten, 1960, s. 173 v. dd.

⁸⁹ Из выступления В. И. Асланова на III региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, состоявшемся 24—28 ноября 1960 г. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 209.

⁹⁰ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 216. Ср. в алтайском языке: Чунжекова Е. Н. Местоимение. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1964, 6, с. 104.

ражаемых ими значений. Таким образом, этимологизация аффиксальных морфем не входит в число основных задач сравнительного исследования.

Осторожность, проявляемая нами в отношении этимологического анализа, вызвана отнюдь не сомнениями в правильности высказанной еще В. В. Радловым мысли о развитии «формальной материи» (Formstoff) агглютинативных языков из содержательной (Inhaltsstoff).⁹¹ Дело в том, что процесс лексической десемантизации слова при превращении его в морфологический элемент и развитие самого морфологического элемента связаны со значительной деформацией выразительной стороны, делающей почти невозможным установление ее первоначального облика, ср. узб. *-jan* — показатель формы настоящего конкретного времени <*-a+jamin* (*кёлжаптi* ‘он приходит в данный момент’ <*кёла жамитi*); узб. (диал.) *-взä* — показатель 1-го лица мн. числа прошедшего времени <*-муз+лар* (*кўрдувзä* ‘мы видели’ <*кўрдумузлар*);⁹² *-ä* — показатель мн. числа <*-лар* (*бизä ~ бизlä* ‘мы’ <*бизлар*, *сизä ~ сизlä* ‘вы’ <*сизлар*).⁹³ Специфику развития аффиксальных морфем хорошо передал П. И. Кузнецов. «...если показатель *-niz*, — пишет он, — без видимых фонетических причин, в силу одной лишь тенденции к „стяжению“, легко превращается в *-z*, то, быть может, то же самое явление нужно видеть в „сокращении“ (в свое время) показателя *-men* (*-ben*) до *-im*, *-m*, аффикса *-sin* (*-sen*) — до *-n* и *-siniz* — до *-niz* (и ныне — до *-z*).⁹⁴ Из цепи формальных преобразований, обычно не посещающих характера закономерного и последовательного фонетического изменения, выпадают целые звенья, о существовании которых можно лишь догадываться. В самом деле, разве есть определенные, строго сформулированные правила «узнавания» того, что *-(ž)t* в киргизском и чувашском и *-ча* в шорском языках в форме 3-го лица ёд. числа настоящего времени (кирг. *кёлтт*, чуваш. *кілёт*, шор. *кёлча* ‘идет сюда’, ‘приходит’) являются «осколками» причастий *турур* и *чадїр* (*чатїр*). Только благодаря сохранению в других тюркских языках и диалектах промежуточных форм тюркологи не задумываются над происхождением аффиксов *-(ž)t* и *-ча*, ср. чуваш. *кілтт*, узб. *кёладi*, уйг. *кёлїду*, ст.-узб. *кёллайдур ~ кёллайдурур*, карач.-балк. *кёлә турадi;* шор. *кёлча*, казах. *кёліп жатiр*, *кёлатiр* (<*кёлә жатiр*), уйг. (диал.) *кілвiтаду* (<*кёлiп жата дурур*). При отсутствии же промежуточных форм редко удается проникнуть в истоки развития той или иной грамматической формы даже специалистам, хорошо владеющим методикой сравнительного исследования и эрудированным в области исторической фонетики и морфологии. Примечательны в этом отношении попытки этимологизировать аффикс множественного числа *-лар*, предпринимавшиеся многими крупными тюркологами и алтайстами: О. Бётлингком, В. В. Радловым, В. Бангом, Г. Рамstedтом, Т. Ковалевским, К. Грёнбеком, Ж. Дени, Н. Поппе, К. Менгесом, Д. Синором, А. Дж. Эмре и другими. Тот факт, что было предложено более десяти разных этимологий аффикса *-лар* и что ни одна из них не является убедительной или хотя бы обнадеживающей, свидетельствует о больших объективных трудностях этимологизации аффиксальных морфем.

Господствующая тенденция формального преобразования морфологических элементов заключается в их упрощении, в стяжении до одного слога или одного звука. Ограниченнность фонемного состава аффиксальных морфем, с одной стороны, и их весьма значительное количество,

⁹¹ Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 29 и сл. См. также: Дмитриев И. К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 50—54.

⁹² См.: Гулаймов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I. Морфология. Ташкент, 1968, с. 112.

⁹³ См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 13.

⁹⁴ Кузнецов П. И. Личные аффиксы в турецком языке. — Тр. ВИИЯ, 1954, 5, с. 71.

с другой, делают естественным и неизбежным широкое распространение аффиксальной омонимии, внутриязыковой и межъязыковой. Так, в карачаево-балкарском, кумыкском языках и в диалектах узбекского языка полностью совпадают аффиксы винительного и родительного падежей: карач.-балк., кум. *колну* 'руку' и 'руки', узб. (диал.) *этни* 'лошадь' и 'лошади'; в чувашском языке — аффиксы винительного и дательного: *хулана* 'в город' и 'к городу', а также варианты аффиксов исходного падежа и так называемой предельно-достигательной формы, не относимой к числу падежных.⁹⁵ Аффикс родительного падежа в азербайджанском языке (-*йн*) омонимичен аффиксу творительного (орудного) падежа в древнетюркском языке, варианты аффикса местного падежа в салырском диалекте туркменского языка (-*за*, -*на*) внешне не отличаются от аффикса направительного падежа в хакасском языке (-*за*) и аффикса винительного и дательного падежей в чувашском (-*на*). Аффикс родительного падежа в киргизском языке (-*тин* ~ -*дүн*) совпадает с аффиксом исходного падежа в староузбекском языке и в диалектах других тюркских языков, а один из вариантов аффикса исходного падежа в узбекском языке (-*нан*) — с одним из вариантов аффикса творительного (орудного) падежа в якутском. Имеются и другие аналогичные примеры. Значительно больше примеров неполного совпадения аффиксальных морфем и еще больше — примеров отдаленного сходства двух, трех и даже четырех аффиксов.

Из сказанного следует, что достоверность морфемных этимологий часто недоказуема и что сплошное этимологическое исследование аффиксов, наподобие исследования лексического состава, неподесообразно. Вместе с тем ясно, что аффиксальные морфемы находятся на разных уровнях формального преобразования, что в диалектах и в родственных языках сохраняются промежуточные формы и что поэтому нельзя исключать достижения положительных результатов в отдельных случаях. В рамках сравнительной морфологии этимологизация аффиксов может быть оправдана лишь постольку, поскольку она подчинена задачам сравнительно-исторического изучения родственных языков: к этимологическим разысканиям приходится обращаться как к вспомогательному приему получения информации о древнем состоянии форм, когда применение сравнительного метода оказывается почему-либо малоэффективным. И хотя восстановление архетипов посредством этимологизации значительно уменьшает степень достоверности получаемых результатов, едва ли следует пренебрегать им.

⁹⁵ См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, 1967, XXXIV, с. 74—75.

Г л а в а I

ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ ИМЕНИ

Описание форм словоизменения имени в тюркских языках производится в несколько этапов. Первый из них — анализ элементарных морфологических единиц на уровне выражения и реконструкция праформ, второй — исследование содержательной стороны и третий — установление основных линий преобразования и развития функционально-семантического содержания форм в связи с их внешними изменениями. Понятно, что при отсутствии принципиальных различий в содержании праформ и форм, функционирующих в современных языках, третий этап описания становится излишним.

Р а з д е л 1

Формы падежа

I. В современных тюркских языках состав падежных форм приблизительно одинаковый.¹ По крайней мере формы именительного (основного), родительного (притяжательного), дательного, винительного, местного (местно-временного) и исходного падежей в абсолютном большинстве языков совпадают.

I, 1. Именительный падеж (иначе: главный, основной, начальный, абсолютный, неопределенный, безаффиксный, неоформленный, *Indefinitus, Nominativus*) лишен специального аффикса, и следы его присутствия в прошлом не обнаруживаются ни в диалектах, ни в древних памятниках письменности.

I, 2. Аффикс, образующий форму родительного падежа (ср.: притяжательный, родительно-притяжательный, относительный, *Genitivus*), имеет большое количество вариантов, которые подразделяются на несколько групп: I. *-нiң* (-nīñ) ~ *-нiң*; II. *-нiң* ~ *-нiң* ~ *-нүң* ~ *-нöң* ~ *-дiң* ~ *-дiң* (-dīñ) ~ *-дүң* ~ *-дöң* (-döñ) ~ *-тiң* ~ *-тiң* ~ *-туң* ~ *-тоң*; III. *-нiñ* ~ *-нуñ* ~ *-дiñ* ~ *-дуñ* ~ *-тiñ* ~ *-туñ*; IV. *-нiñ* ~ *-нуñ*; V. *-iң* ~ *-уң* ~ *-нiң* ~ *-нуң*; VI. *-(j)iñ* ~ *-(j)уñ* ~ *-нiñ* ~ *-нуñ*; VII. *-нi* ~ *-ну*; VIII. *-ni* ~ *-di* ~ *-ti* ~ *-mi* ~ *-zi* ~ *-ci* ~ *-shı* ~ *-pi* ~ *-ji* ~ *-xi* ~ *-ci* ~ *-li* ~ *-ni* ~ *-vi* ~ *-ji*; IX. *-н* ~ *-аñ* ~ *-най* (-jāñ). Примеры: азерб. *китабiñ* 'книги', арабанiñ 'телеги', онун 'его', онларiñ 'их'; алт. *төннiң* 'шубы', *каjaniң* 'скалы', *малдiң* 'скота', *сүдiң* 'воды', *кастiң* 'гуся', *мэнiң* 'мой', *онiң* 'его', *бiстiң* 'наш', *олордiң* 'их'; башк. *јулдiң* 'дороги', *баштiң* 'головы', *бöдбöң* 'льда', *даланiң* 'степи', *мiнiң* 'мой', *бiлдiң* 'наш'; кар. *атанiң* 'отца', *атнiң* 'лошади', *мёнiң* 'мой', *бiз(n)iң* 'наш'; кирг. *баланiң* 'ребенка', *тбнун* 'горы', *тандун* 'шубы', *октун* 'пули',

¹ См.: Севортиян Э. В. Категория падежа. — ИСГТЯ, II, с. 45 и сл.; Димитров Н. К. Категория падежа. — В кн.: Структура тюркских языков. М., 1962, с. 153.

мәнін 'мой', біздін 'наш'; кум. башні 'головы', юлну 'дороги', мәні 'мой', ону 'его', бізін 'наш'; казах. кімнің 'чей', аjdің 'луны', тастің 'камня', мәнің 'мой', оңің 'его', біздің 'наш'; тат. башнің 'головы'; туркм. ағајң 'дерева', окуечінің 'ученика', мәнің 'мой', бідің 'наш', оңуң 'его'; узб. этанің 'отца', мәнің 'мой', бізнің 'наш'; чувадл. пуллан 'рыбы', тірән 'кожи', лажан (~ лажсаның) 'лошади', манан 'мой', пірән 'наш'. Кроме приведенных выше, существует особый стяженный вариант аффикса родительного падежа в салырском диалекте туркменского языка (гәчінің ~ гәчің 'козы'),² в шорском, тувинском языках, в диалектах хакасского и других языков: шор. тајбанің ~ тајбаң 'тайги', кіжінің ~ кіжің 'человека', мәң 'мой', сәң 'твой', аң 'его'; тув. мәң, сәң, ðң; туркм. (диал.) мәң, фәң, он; тур. (диал.) бәм, сән,³ а также особые варианты у личных местоимений 1-го лица единственного числа в татарском языке или единственного и множественного числа — в ряде огузских языков: азерб. мәним; гаг., тур. бәнім, бізім; тат. мінім. Редкая разновидность аффикса родительного падежа (-їң) обнаружена в одном из говоров азербайджанского языка.⁴

Первая группа вариантов аффикса родительного падежа в полном или почти полном составе встречается в крымско-татарском, татарском, узбекском и уйгурском языках, вторая — в алтайском, башкирском, тувинском, хакасском, шорском, третья — в киргизском языке,⁵ четвертая — в караимском, пятая — в туркменском, шестая — в азербайджанском, гатаузском и турецком, седьмая — в карачаево-балкарском и кумыкском, восьмая — в говорах узбекского языка,⁶ девятая — в чувашском языке.⁷

Появление на месте начального *и* согласных *đ*, *t*, *m*, *s* и других обусловлено ассимилятивным воздействием конечного согласного основы. Так, например, в алтайском языке после основ на *l*, *j*, *p*, *ü* аффикс родительного падежа начинается с *đ*, после основ на глухой согласный — с *t*, после основ на все гласные и согласные *ң*, *н*, *м* — с *n*.

Переход ң в н В. А. Богородицкий объясняет влиянием исходного падежа.⁸

Варианты седьмой и восьмой групп появились вследствие утраты конечного ң или вследствие контаминации формы родительного падежа с формой винительного, происходившей в довольно ранний период, ср. в мани-

² См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

³ См.: Бердыев Р. Диалектные данные туркменского языка — один из источников при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 21; Назай G. Les dialectes turcs du Rhodope. — АОН, 1959, IX, 2, р. 222.

⁴ См.: Садыхов Б. П. Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка. — СТ, 1974, № 4, с. 94—96. Ср.: др.-турк. *-iб* (<-иң), тур. (диал.) *-iј* в *сәніј* 'твой'. См.: Korkmaz Z. Bartın ve yöresi ağızları. — Türkoloji Dergisi, Ankara, 1964, I, s. 121.

⁵ Варианты третьей группы наблюдаются в говорах и других тюркских языков. См.: Махмутова Л. Т. Описание грамматических особенностей касимовского говора татарского языка. — Изв. Казанского филиала АН СССР, серия гуманитарных наук, 1955, I, с. 78; Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 37; Максютова Н. Х. Бурзянский говор. — Там же, с. 94.

⁶ См.: Решетов В. В. Об одном узбекском падеже. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.—Л., 1951, с. 176 и сл.; Фауров Н. Ниёзбоши шевасида эгалик ва келишик қўшимчалари. — ЎТАМ, 1961, № 1, б. 62—63; Носиров Ш. Қўқон шевасида келишик категорияси. — ЎТА, 1963, № 2, б. 41—42; Шабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 45 и сл.; Туляков С. Морфологические особенности наманганскоого говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 11; Турғунов Т. Фарбий Фаргона шеваларининг муҳим хусусиятлари. — ЎТА, 1968, № 4, б. 63.

⁷ Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, филология, 1969, XXXIX, с. 113. См. также: Bezinzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus. — ZDMG, 1942, 96, 3, S. 431—434.

⁸ Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах. — ВНОТ, 1925, 3, с. 14.

хейских текстах: *анї⁹* ўчүн 'из-за этого', 'поэтому', *сізни ўчүн* 'ради вас', *бізни ўчүн* 'для нас', и в текстах староузбекского языка: *бір кірбазулїй ўскунасіні* 'ногу одного фазана', *Лутфіні ніјаті* 'намерение Лутфи', *анї ашідін* 'от него'.

Особое место занимает группа вариантов без начального *и*, вопрос о соотношении которой с другими вариантами аффикса родительного падежа остается открытым и в настоящее время, хотя изучением его занимались тюркологи нескольких поколений.

О. Бётлингк, считавший вариант без начального *и* более древним, объяснил появление *и* тем, что в древнетюркском языке именные основы оканчивались на *и* чаще, чем в современных языках, и что этот *и* в результате переразложения был отнесен к аффиксу.¹⁰ Основной довод О. Бётлингка вызвал возражения со стороны В. В. Радлова,¹¹ отметившего, что в древнетюркском языке именных основ на *и* было не больше, чем в современных языках. Тем не менее В. В. Радлов поддержал тезис о появлении начального *и* в аффиксе родительного падежа вследствие переразложения (*«durch falsche Trennung»*), сопроводив его своим объяснением. Переразложение, по мнению В. В. Радлова, имело место до того, как аффикс родительного падежа стал вообще присоединяться к именным основам. Вначале он употреблялся только с личными и указательными местоимениями и как раз в местоименных формах в восточных и западных диалектах происходило *«falsche Trennung»*: *а-нїң*, *бу-нїң* (поэтому в основном (именительном) падеже мн. числа — *о-лар*, *а-лар*, *бу-лар*), тогда как в средних диалектах морфологические границы воспринимались в соответствии с действительным положением вещей: *ан-їң*, *бун-їң* (поэтому в основном падеже мн. числа — *ан-лар*, *бун-лар*). Затем сфера функционирования обеих разновидностей расширилась и охватила именные основы. Приблизительно к тому же выводу пришли позднее В. Банг¹² и В. А. Богородицкий,¹³ причем первый из них изложил свои взгляды на происхождение разновидности с начальным *и* в виде гипотезы о существовании в тюркском языке двух типов склонения, местоименного и именного, и о влиянии одного из них на другой. Большую древность варианта без *и* первоначально признавал также Ж. Дени, который относил *и* к числу

⁹ К. Грёнбек в подобных случаях говорит об аффиксе винительного падежа. См.: G r ö n b e c h K. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936, S. 36.

¹⁰ B ö h t l i n g k O. 1) Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 160; 2) Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kassem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker. SPb., 1848, S. 14—15 (Extrait du Bull. de la Classe hist.-philol. de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, V, № 19—23). О происхождении аффикса родительного падежа см.: L a u f e r B. Zur Entstehung des Genitivs der altaischen Sprachen. — KSz, 1901, II, S. 133—138; M u n k á c s i B. Рец.: B a n g W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 138; M e n g e s K. H. Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1960, IX, S. 16—19; А б д у л л а е в Ф. Келишик аффиксларининг тенезисига доир. — ЎТАМ, 1961, № 5, б. 31; 1962, № 4, б. 52 и сл.; С у ю н чев Х. И. Карабаево-балкарские и монгольские лексические параллели. АКД. Баку, 1969, с. 17 и сл.

¹¹ R a d l o f f W. 1) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb, 1897, S. 61; 2) Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkischen. — Зап. АН, VIII серия, 1906, VII, № 7, с. 31—32. В поддержку довода О. Бётлингка, против возражений В. В. Радлова, выступил В. Котвич, который, однако, не привел убедительных примеров, свидетельствующих о широком использовании так называемого nominalного *и* в древнетюркском языке. См.: K o t w i c z W. Contributions aux études altaïques, V. N o m i n a l . — RO, 1936, XII, p. 138. Ср.: B a n g W. Zum auslautenden *n* im Altaischen. — TP, 1895, VI, S. 216—221.

¹² B a n g W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativ-pronomen. Berlin, 1917, S. 5, 6, 12 ff.

¹³ Б о г о р о д и ц к и й В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953, с. 152.

вставочных согласных.¹⁴ Противоположная точка зрения — относительно изначальности полного варианта¹⁵ и последующего выпадения *и* — была высказана К. Грюнбеком, предложившим оригинальную этимологию аффикса родительного падежа (< *най* ‘вещь’, ‘нечто’),¹⁶ впоследствии дополненную Н. А. Баскаковым (< *нэнэ* // *дэнэ* // *тэнэ* // *нэмэ* // *нэ* ‘что’ < ‘вещь’ < ‘владение’ < ‘сущность’ < ‘тело’).¹⁷

Наличие или отсутствие начального *и* является также разграничительным признаком вариантов аффикса винительного падежа: азерб. *at̫i* (*at-i*), кар. *atn̫i* (*at-ni*), узб. *etni* (*et-ni*) ‘лошадь’.

И в этом случае мнение большинства тюркологов таково, что вариант с *и* относительно поздний и что в появлении его важную роль сыграли именные основы на *и*¹⁸ или местоименные формы.

Так, согласно предположению В. В. Радлова, личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа в древнетюркском языке имели две разновидности: *mä* (*bä*), *sä* и *män̫i*, *cäni*. Последняя, как полагал он, очень рано стала функционировать в качестве формы винительного падежа, благодаря чему выделился аффикс *-ni* с соответствующим значением и образовались по аналогии формы *буни*, *анi*. В дальнейшем в значении основного (именительного) падежа (у В. В. Радлова: «Casus indefinitus») выступают *män̫*, *cäñi*, за формами же с конечным гласным закрепляется функция винительного падежа. Выделение варианта *-i* и присоединение его к именам происходило в южных диалектах, тогда как в восточных и западных сохранилось первоначальное (?) восприятие, т. е. *mä-ni*, *sä-ni*, *a-ni*, *bu-ni*, и к именам присоединялся аффикс *-ni* ~ *-ni*.¹⁹ П. М. Мелиоранский, В. Банг и другие тюркологи²⁰ определяли участие личных местоимений в образовании варианта аффикса винительного падежа с начальным *и* несколько иначе: *män̫i*, *cäni* — древнейшие формы винительного падежа на *-i*, в которых в результате переразложения *и* был отнесен к аффиксу. Р. Шоу, в отличие от упомянутых тюркологов, возводил аффикс *-ni* к слову *нэ* ‘вещь’ и, таким образом, считал вариант с *и* первичным.²¹

Сопоставление различных точек зрения и анализ фактов, привлекавшихся для их обоснования, не оставляют сомнений в том, что начальный

¹⁴ Deny J. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, p. 171, 175. В связи с этим В. А. Богородицкий заметил, что для вставки нет необходимых фонетических условий. См.: Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах, с. 13, прим. 2.

¹⁵ Ср.: Bang W. Zur vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, I. Zum Genitiv-Affix. — WZKM, 1895, IX, S. 271.

¹⁶ Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 106—107. Позднее к этой точке зрения присоединился Ж. Дени. См.: Deny J. Structure de la langue turque. — Conférences de l’Institut de Linguistique de l’Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 31. Напомним, что В. Шотт сопоставлял аффикс *-ni* с маньчжурской частицей (относительным местоимением?) *ниңгээ*. См.: Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 53. По мнению Дж. Г. Киехбаева, аффикс *-ni* включает в себя аффикс винительного падежа *-ni* и дополнительный морфологический элемент (?) *и* или *и*. См.: Киехбаев Дж. Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности—неопределенности. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966, с. 185.

¹⁷ Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, I, с. 135.

¹⁸ См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 160.

¹⁹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 78. В более поздней работе В. В. Радлов говорит о причине появления *и* в *-ni* ~ *-ni* то же самое, что и относительно *и* в аффиксе родительного падежа. См.: Radloff W. Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Turksprachen, S. 32.

²⁰ См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВО РАО, 1899, XII, 2—3, с. 28; Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, I, S. 14; Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 32; Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 155—156.

²¹ Shaw R. B. A Sketch of the Túrkí Language as Spoken in Eastern Túrkistán, I. Lahore, 1875, p. 12.

В аффиксах родительного и винительного падежей вторичен. Что же касается изложенных выше гипотез о его происхождении, то они, на наш взгляд, недостаточно обоснованы. Нет доказательств того, что в древнетюркском языке было большое количество имён, оканчивавшихся на *н*, и что впоследствии оно заметно сократилось. Ничто не свидетельствует также о ведущей роли склонения местоимений в процессе формирования падежной парадигмы, причем возможность переразложения местоименных форм *mäni* (*mä-ni*, вместо *män-i*) маловероятна: эти формы соотносились не с *mä*, а с *män*, так как нельзя было отождествить *mä* с каким-либо значимым элементом. Если все же допустить возможность подобного переразложения и выделения аффиксов *-niç*, *-ni*, с последующей унификацией за этой основе падежных форм всех имён, то придется столкнуться с другим препятствием, заключающимся в ничем не мотивированной избирательности действия аналогии. Например, в азербайджанском языке в притяжательном склонении аффиксы родительного и винительного падежей зачинаются с *и*, в простом склонении основ с конечным согласным *и* отсутствует, ср.

	азерб.	кар.
род.	<i>atïñin</i> 'его лошади'	<i>atïñin</i>
вин.	<i>atïñi</i> 'его лошадь'	<i>atïñ(i)</i>
род.	<i>atïn</i> 'лошади'	<i>atñin</i>
вин.	<i>atï</i> 'лошадь'	<i>atñi</i>

Чтобы найти путь к раскрытию истинной причины появления начального *и* в аффиксах родительного и винительного падежей, необходимо тщательно обследовать обе падежные парадигмы, простую и притяжательную. Первое, что бросается в глаза в ходе предварительных разысканий, — присутствие *и* в формах локативных падежей притяжательного склонения, т. е. в тех падежных формах, которые не обнаруживают его в простом склонении, ср. ст.-узб. *taşïñba* 'его камню', *taşïñda* 'на его камне', *taşïñdïn* 'от его камня'.

Какой же вывод следует из этого?

В. А. Богородицкий, первым обративший внимание на указанный выше параллелизм, дал ему довольно убедительное объяснение: «...корневое *и* личных местоимений, сохраняющееся перед окончанием в местном и исходном падежах, распространялось путем аналогии на членное притяжательное склонение 3-го лица, получившее также *и* перед окончаниями названных падежей».²²

Мы предлагаем иное толкование, отправным пунктом которого является предположение об исконной связи *и* с притяжательной парадигмой, точнее с формой принадлежности 3-го лица,²³ и о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое, когда склонение многих слов, например терминов родства, названий частей тела, названий любых предметов, относящихся к другим предметам как часть к целому и т. д., было исключительно притяжательным. Особое положение притяжательной парадигмы способствовало «проникновению» *и* в падежные формы простого (непротяжательного) склонения: по аналогии начальный *и* стал употребляться в аффиксах родительного и винительного падежей, сначала после основ на гласный (ср. *taşïñniç* 'его камня', *balanïç* 'ребенка'), а позднее — после любых основ, во всех тюркских языках, кроме огузских и чувашского.

Назовем некоторые факты, свидетельствующие в пользу предложенного толкования. Прежде всего следует отметить употребление формы основного

²² Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 153.

²³ На возможность такого толкования указывал В. Котвич. См.: Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. *N nominal*, p. 141.

падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица в значении простой (непрятяжательной) формы: таг. *бурну* 'нос', *бојну* 'шея';²⁴ долган. *мунну* 'нос';²⁵ туркм. *бәjnı* 'мозг'; хак. *ахсі* 'рот', *içnı* 'плечо', *iбі* 'юрта', *чілні* 'грива', *көксі* 'грудь', *бәlі* 'желчь', *хібі* 'подкладка';²⁶ шор. *әрді* 'губа'. В чувашском языке известны случаи, когда локативные формы притяжательного склонения выражают значения простых (непрятяжательных) локативных форм: *nit* 'лицо', *pіdүnјә* 'на лице', *pіdүnјәn* 'от лица', *лаjана* 'лошади', *ёнәnә* 'корове'.²⁷ В якутском языке простая форма исходного падежа от основ на гласный является по происхождению притяжательной, ср. *oјуртан* 'из лесу', *бöрötön* 'от волка', *кiәhəttәn* 'с вечера' (и подвергся ассимиляции).²⁸

Объяснение и в непрятяжательных формах родительного и винительного падежей влиянием притяжательного склонения, мы, естественно, должны ответить на вопрос о том, что представлял собой и в притяжательном склонении. Как указывалось выше, и является составной частью аффикса принадлежности 3-го лица, восходящего к лично-указательному местоимению *iñ ~ *in.

В якутском языке нет специального аффикса родительного падежа и, следовательно, отсутствует соответствующий падеж. Это отсутствие было истолковано О. Бётлингком как свидетельство образования формы родительного падежа в тюркских языках в период после распадения праязыка.²⁹ В. А. Богородицкий, в общем поддержавший точку зрения О. Бётлингка, счел, однако, необходимым заметить, что в период после распадения тюркского праязыка «проходились лишь позднейшие фазы в эволюции окончаний этого падежа».³⁰ В. В. Радлов, возражая О. Бётлингку, объяснял отсутствие формы родительного падежа в якутском языке отсутствием потребности в ней: первоначально якутский язык не был тюркским и в ходе его тюркизации некоторые специфически тюркские формы не были восприняты им.³¹ С критикой изложенных выше взглядов, и прежде всего точки зрения О. Бётлингка, выступил С. В. Ястребский, который убедительно показал недостаточность аргументации своих предшественников и отнес утрату родительного падежа к довольно позднему времени, поставив ее в один ряд с такими особенностями якутского языка, не имеющими аналогий ни в одном другом тюркском языке, как использование аффикса -ta в качестве показателя винительного неопределенного, или частного, падежа, «единообразное выражение отношений направления и покоя» и т. д.³² В самом деле, своеобразные черты якутского языка по сравнению с другими тюркскими языками являются скорее новообразованиями, чем архаизмами. Бесспорное и довольно глубокое

²⁴ См.: Покровская Л. А. Гагаузский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 117.

²⁵ См.: Убрайтова Е. И. Служебное слово *кызңа* в якутском языке. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953, с. 291.

²⁶ См.: Дмитриев Н. К., Исхаков Ф. Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, 1954, с. 99; Доможаков Н. Г. О некоторых особенностях сагайского и хаасского (качинского) диалектов. — Зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1956, IV, с. 68; Исхаков Ф. Г. Некоторые предположения о происхождении конечных т и д в словах *аст*, *үст*, *алд*, *арт* и т. п. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию, с. 125—126.

²⁷ См.: Benzling J. 1) Tschuwaschische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person. — ZDMG, 1940, 94, 2, S. 255; 2) Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 462.

²⁸ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 110. Ср.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 31; Ястребский С. В. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, с. 52.

²⁹ Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. III, IV, 163.

³⁰ Богородицкий В. А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских диалектах, с. 15.

³¹ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 30.

³² Ястребский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898, с. 22.

воздействие на морфологию якутского языка монгольского и тунгусского субстратов сделало якутский язык более «новым» и вместе с тем несколько экзотическим и направило семантическую специализацию отдельных падежных форм по пути, неизвестному другим тюркским языкам. Примером может служить совмещение в одной падежной форме значений местного и дательного падежей, типичное для монгольских языков. Правда, и в других тюркских языках наблюдаются подобные совмещения, но все они представляют собой лишь частные случаи многозначности той или иной формы, выражающей, тем не менее, вполне определенный круг значений. Попытка С. В. Ястремского выделить аффикс родительного падежа в изысканных конструкциях типа *aχat̪in ötöögö* 'усадьба его отца'³³ явно неудачна: К. Шрифель³⁴ справедливо указывает на невозможность отражения в якутском языке общетюркского *и* в *и*.³⁵

Родительный падеж в тюркских языках находится в особом положении, заметно отличаясь от других падежей тем, что образующий его аффикс функционирует не сам по себе, а как один из элементов двустороннего выражения связи имен, ср. др.-турк. *үjүрнiң kačanı* 'каган уй-уров', *olarnıң jüzi* 'их лик'. Именно поэтому нередко допускается присоединение к аффиксу родительного падежа аффиксов местного, дательного; исходного и сравнительно-ограничительного падежей,³⁶ ср. др.-турк. *bizñi* 'вам', *cizñi* 'вам', *mäñiñdïn* 'от меня', *cäñiñdïn* 'от тебя', *anñiñdïn* 'от него'; башк. *mäñiñčä* 'по-моему', *häniñčä* 'по-твоему', *bïddiñčä* 'по-нашему'; чuvаш. *pïrðö ~ pïrëndö* 'у нас', *pïrðöñ ~ pïrëndöñ* 'от нас', *pïrðö ~ pïrënbö* '(с) нами'. Случай, когда форму родительного падежа можно квалифицировать как собственно падежную, наблюдаются у личных местоимений, в одних языках — 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа (алт., башк., кирг., тур., туркм., узб. диал., чuvаш., шор.), в других — 1-го и 2-го лица мн. числа (азерб.), в третьих — 1-го лица ед. и мн. числа (гаг.) или только 1-го лица мн. числа (уйг.). Примеры: др.-турк. *bizñi ÿe* 'наш дом' (МК III 370), *mäñiñ ñltä* 'в моей стране' (КР 16₄); ст.-узб. *bizniñ ñl* 'наш народ' (БН 53), *bizñi xan* 'наш хан' (ШН 91); азерб. *bizim kütä* 'наша улица', *cizñi kütä* 'ваша улица'; алт. *mäñiñ bala* 'мой ребенок', *cäñiñ bala* 'твой ребенок', *bistñiñ bala* 'наш ребенок', *slördiñ bala* 'ваш ребенок'; гаг. *böñim ÿe* 'мой дом', *bizim ÿe* 'наш дом'; уйг. *bizniñ öj* 'наш дом'. Поскольку подобное ограничение имело место и в древнетюркском языке и размеры его в настоящее время по существу не изменились, трудно усмотреть в нем проявление какой-либо тенденции формального развития притяжательно-определительных конструкций.

I. 3. Основные группы вариантов аффикса (дательного) падежа (ср. направительный, направительно-дательный, *Dativus*): I. *-ba* (-*ha*, -*ja*) ~ *-ka* ~ *-xa* ~ *-bo* ~ *-ko* ~ *-xo*; II. *-tä* ~ *-kä* ~ *-xä*; III. *-a* ~ *-ja*; IV. *-a* ~ *-na* (-*ja*). Пятую группу образуют варианты, характеризуемые удлинением конечного гласного основы или преобразованием основы в целом (у личных местоимений). Примеры: азерб. *adama* 'человеку', *yanija* '(к) двери', 'в дверь', *mäñä* 'мне', *ona* 'ему'; азерб. (диал.) *mä*, *mäñ* 'мне', *cä*, *cäñ* 'тебе';³⁷ алт. *ajilña* 'дому', *japanška* 'шалашу', *tojlo* 'свадьбе', *toşko* 'льду', *mä ~ mägö* 'мне'; алт. (диал.) *mä ~ maža* 'мне', *ö ~ oğa* 'ему';³⁸ гаг. *kïra* 'в поле',

³³ Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 87. См. также: Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л., 1950, с. 42.

³⁴ Schriefel K. Der «Genitiv» im Jakutischen und Verwandtes. — KSz, 1912/1913, XIII, S. 313.

³⁵ Подробнее об этом на с. 78.

³⁶ См.: Богоординский В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 168.

³⁷ См.: Бехбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 16—17.

³⁸ См.: Бабушкин Г. Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях телеңгитского диалекта алтайского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966,

‘к полю’, *масаја* ‘столу’, *сокә* ‘на улицу’ (*сокак* ‘улица’), *бана* ‘мне’; кар. *атаңа* ‘отцу’, *атка* ‘лопади’, *мә ~ маја* ‘мне’, *бізгә* ‘нам’; кирг. *малжә* ‘скоту’, *тонбо* ‘шубе’, *атка* ‘лопади’, *көлгө* ‘озеру’, *маба* ‘мне’; крым.-тат. *ташкә* ‘(к) камню’, *маңа* ‘мне’; тув. *холба* ‘руке’, *хөлгө* ‘озеру’, *а'тка* ‘лошади’, *чазә* ‘в степь’, *бörд* ‘волку’, *мә ~ мәңб* ‘мне’, *біскә* ‘нам’; туркм. *јармә* ‘ круше’, *гәчә* ‘козе’, *дүрнә* ‘журавлю’; туркм. (диал.) *гәчіjä* ‘козе’;³⁹ хак. *хасха* ‘гусю’, *санә* ‘лыжам’, *таба* ‘горё’, *маба* ‘мне’; хак. (сагайск.) *столбә* ‘столу’, *атхә* ‘лошади’;⁴⁰ чuvаш. *хирә* ‘в поле’, *хулана* ‘в город’, *мана* ‘мне’; *шор*. *мә ~ маңа* ‘мне’, *сә ~ саба* ‘тебе’, *ә ~ аңа* ‘ему’; якут. *далба* ‘в загон’, *кікса* ‘девочке’, *күйлөгө* ‘в озеро’, ‘к озеру’, *їнахха* ‘корове’, *кунаңца* ‘бычку’, *міәхә* ‘мне’, *бініәхә* ‘нам’. В кызыльском диалекте хакасского языка и в диалектах якутского языка отмечено удвоение аффикса дательного падежа: хак. (диал.) *палаба* ‘ребенку’, *кізәгә* ‘человеку’; якут. (диал.) *міәхәгә* ‘мне’, *әjіәхәгә* ‘тебе’, *бініәхәгә* ‘нам’.⁴¹ Особого внимания заслуживает форма дательного падежа, встречающаяся у личных местоимений в казахском и каракалпакском языках: *мазан* ‘мне’, *саңан* ‘тебе’, *օբан* ‘ему’, *буңан* ‘этому’, *сөбән* ‘тому’; ср. узб. (диал.) *мә-гән ~ маңан*, *сә-гән ~ сабан*, *օбан ~ уңан*.⁴² В говорах башкирского языка форма дательного падежа у личных и указательных местоимений образуется не непосредственно от основы, а от формы родительного падежа; ср. в кубалякском говоре — *һинىңә* ‘тебе’, *анىңа* ‘ему’, *мініңа* ‘этому’; в кизильском — *һинәгә* ‘тебе’, *аніңа* ‘ему’;⁴³ в асинском — *мініңә* ‘мне’, *һинىңә* ‘тебе’, *аніңа* ‘ему’.⁴⁴ Показателем дательного падежа для форм принадлежности в большинстве тюркских языков является аффикс *-a*, который в 3-м лице выступает с так называемым вставочным *и*: алт. *энэзинә* ‘его матери’; гаг. *кардашина* ‘его брату’; к.-кали. *атасина* ‘его отцу’; крым.-тат. *бабасина* ‘его отцу’; туркм. *обадина* ‘в его аул’. В тувинском, узбекском и уйгурском языках и в этом случае употребляется аффикс *-ba ~ -ka*.

Первая группа вариантов аффикса дательного падежа характерна почти для всех тюркских языков Сибири и Алтая, а также для языков кыпчакской и карлукско-уйгурской групп, вторая — для диалектов хакасского языка, третья — главным образом для языков огузской группы, отчасти для алтайского, хакасского, шорского и некоторых других, четвертая — для чuvашского, пятая — для алтайского, тувинского, хакасского, шорского и туркменского языков.

Варианты с удлинением конечного гласного основы и вариант *-a* в языках Сибири и Алтая восходят к одному из вариантов первой группы: *шор*, *тәрә* ‘к шкуре’ (<*тәрәгә*>); тув. *бörд* ‘волку’ (<*бörүгә*>), *мә* ‘мне’ (<*мәңб*>), *сә* ‘тебе’ (<*сәңб*>), *ә* ‘ему’ (<*օбօ*>); алт. (диал.) *таңа* ‘заре’ (<*таңба*>). К нему же восходит якутский вариант *-ңа*. Не совсем ясно, в каком отношении к вариантам первой группы находится вариант *-a* в огузских языках. Д. Синор считал его самостоятельным «аффиксом места» (*ac-p-a*, *kic-p-ä*, *үz-ä*), выполняяшим функции дательного падежа и вошедшем в состав аффиксов дательного и местного падежей *-ba*, *-da*.⁴⁵ Придержи-

с. 175. Ср.: Кучигашева Н. А. Имя существительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1962, 5, с. 21 и сл.

³⁹ См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

⁴⁰ См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 158.

⁴¹ См.: Убрайтова Е. И. Якутский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 412.

⁴² См.: Эгамов В. 1) Галля-аральский говор Самаркандской области. АКД. Самарканд, 1954, с. 17; 2) Самарқанд областининг Фаллаорол шеваси. Самарқанд, 1970, б. 65.

⁴³ См.: Миржанова С. Ф. Кубалякский говор башкирского языка. АКД. Уфа, 1967, с. 12—13.

⁴⁴ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка. АКД. М., 1955, с. 10.

⁴⁵ Sinor D. À propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang. — JA, 1939, CCXXXI, p. 556—560.

зующиеся аналогичной точки зрения Б. А. Серебренников и К. Г. Менгес
рассматривают *-a* как древнейший показатель дательного (дательно-
направительного) падежа,⁴⁶ который в сочетании с *-k*, также являвшимся,
по их мнению, аффиксом дательного падежа,⁴⁷ образовал аффикс *-ka*.

Существование в тюркских языках падежного аффикса *-k* не подтверждается
какими-либо фактами, если не считать попытки Б. А. Серебренникова обнаружить его в составе аффикса *-mak*, образующего имя
члена семейства, и в составе аффикса *-ačak ~ -ačak*, являющегося показателем будущего
времени в огузских языках. Таким образом, и наличие в *-ka* «древнейшего показателя дательного падежа» *-a* остается недоказанным. Очевидно, аффикс *-a* в огузских языках восходит к *-ba*, о чем писал еще О. Бётлингк.⁴⁸ Как можно предположить, преобразование *-ba* в *-a* происходило
значительно раньше, в пределах личных местоимений, ср. гаг. *бана* 'мне',
сна 'тебе', *она* 'ему'; кирг. *маңа*, *саңа*, *аңа*, позднее распространилось
на существительные с конечным звонким согласным, а затем, по аналогии, в ряде тюркских языков стало всеобщим.

Что касается формы дательного падежа типа *маңан* 'мне', то В. В. Радлов объяснял ее как дальнейшее развитие формы на *-bar* и связывал этот процесс с фонетическим преобразованием одного из компонентов — аффикса *-py (> p > n)*.⁴⁹ В интерпретации В. Банга *n* — аффикс, не-
когда образовывавший форму *аллатива*, или специальный морфологический элемент, создававший эффект «усиленного дательно-направительного падежа».⁵⁰ В. Котвич допускал возможность образования *маңан* из *мань* путем метатезы.⁵¹

В якутском *iňxə* последний компонент рассматривается как отражение южнотюркского *-ba ~ -ka*, первый — как сочетание *i* с архаическим аффиксом дательного падежа *-ä(?)*.

I, 4. К числу основных вариантов (винительного) падежа (*Accusativus, Accusativus definitus*) мы относим следующие: I. *-ni ~ -ñi ~ -nu ~ -nö ~ -ñi(-dñi) ~ -di ~ -dy ~ -dö (-dö) ~ -ti ~ -mñi ~ -ty ~ -tö;* II. *-ni ~ -nu;* III. *-i ~ -di ~ -mi ~ -ni ~ -mi ~ -ni ~ -zi ~ -shı ~ -vi ~ -li ~ -ci ~ -pi ~ -xi ~ -çi;* IV. *-(j)i ~ -(j)y ~ -ni ~ -nu;* V. *-i ~ -y ~ -ji ~ -ju;* VI. *-a ~ -na.* Условно *юда* же может быть отнесен и аффикс *-iñ*. Примеры: азерб. *anani* 'мать', *adami* 'человека', азерб. (диал.) *buđduju* 'пшеницу', *körpüjü* 'мост';⁵²

⁴⁶ Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (g, q, γ) окончаний дательно-направительного падежа в тюркских языках. — Краткие сообщения Ин-та народов Азии, 83, монголоведение и тюркология, М., 1964, с. 69—71; Менгес К. Н. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies. — Tafel-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1968, XV, p. 110.

Дж. Г. Киехбаев возводит аффикс дательного падежа *-ka ~ -ba* к сочетанию аффикса *латива -a* с аффиксом винительного падежа *-iñ*. См.: Киехбаев Дж. Г. О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории пределенности—неопределенности, с. 177.

⁴⁷ Первая попытка разложить аффикс *-ka* на значимые морфологические элементы была предпринята В. Бангом, который сопоставил *k* с начальным согласным в аффиксе *-iñ*, ср. *tashki* 'внешний' (предположительно, 'падеж положения, покоя') и конечным согласным в словах *jak*, *sak*, *carp* 'сторона'. Сам В. Банг, однако, признавал проблематичность подобных сопоставлений. См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 52.

⁴⁸ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 160.

⁴⁹ Radloff W. 1) Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkischen, S. 38; 2) Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 79.

⁵⁰ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 38—39. Ср.: Ишаев А. *Маран, саган, оған ҳақида*. — ЎТА, 1972, № 5, б. 49. Ср. также: Сеэртлян Э. В. Категория падежа, с. 50.

⁵¹ Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, V. *N nominal*, p. 134. См. также: Исхаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 223; Эгамов В. Самарқанд областининг Галлаорол шеваси, б. 65; Шоиниятова М. Ш. Ўзбек шеваларида келишниклар. Каанд. дисс. (Рукопись). Тошкент, 1971, б. 64.

⁵² См.: Чәфәров Ҧ. Тавус шивәләринин бә'зи морфологи хүсусийәтләри Загтында. — Уч. зап. Кировабадского ГПИ, 1956, 4, с. 140.

алт. *каптї* 'мешок', *үгүні* 'филина', *кардї* 'снег', *мәні* 'меня', *сәні* 'тебя'; башк. *јулдї* 'дорогу', *кёштö* 'птицу', *даланї* 'степь', *һолбонð* 'овес'; узб. (диал.) *кёнпї* 'много', *эшиї* 'плов', *иштї* 'работу', *сиздї* 'vas';⁵³ др.-турк. *атїб* 'лошадь', *бодунуб* 'народ', *каҗанїб* 'кагана', *кiшiг* 'человека'. В караимском, кумыкском, татарском, тувинском, хакасском и других языках у имен в форме принадлежности 3-го лица единственного числа, а в якутском языке у имен в форме принадлежности всех трех лиц единственного и множественного числа употребляется стяженная разновидность аффикса винительного падежа — *-иң*, которую рассматривают либо как окончание именительного падежа притяжательного склонения, либо как особую морфему,⁵⁴ср. алт., хак., шор *адиң*, башк., кум. *атиң*, гаг. *атїнї*, узб. *этїнї* 'его коня'; якут. *атїбїн* 'моего коня', *атїбїн* 'твоего коня', *атїтїн* 'его коня', *атїбїтїн* 'нашего коня', *атїбїтїн* 'вашего коня', *атларїн* 'их коня', *ми(j)игїн* 'меня', *әjигїн* 'тебя'.⁵⁵ В карачаевском и кумыкском языках вследствие ассимиляции начального согласного аффикса конечным согласным основы и последующего упрощения группы согласных, аффиксы родительного и винительного падежей после аффикса принадлежности 1-го лица ед. числа приняли форму *-и ~ -у*: карач. *атамї* 'моего отца', *колуму* 'моей руки', 'мою руку'; кум. *анамї* 'моей матери', 'мою мать'.

Варианты, входящие в первую группу, имеются почти во всех тюркских языках, кроме огузских и некоторых других, варианты второй группы — в караимском, карачаево-балкарском и кумыкском языках, варианты третьей группы — в говорах узбекского и других тюркских языков, четвертой — в азербайджанском, туркменском и якутском, пятой — в гагаузском и турецком языках, а также в говорах азербайджанского языка,⁵⁶ шестой — в чувашском. Вариант *-иб* встречается только в памятниках древнетюркской письменности.

Причины появления вариантов, различающихся качеством начального согласного, чисто фонетические и, в общем, такие же, как и те, которые обусловили многообразие вариантов аффикса родительного падежа.

Вопрос о соотношении вариантов с начальным *и* и без *и* подробно обсуждался выше (см. с. 31).

При почти полном единодушии тюркологов относительно сближения вариантов *-и* и *-иї* обнаруживается резкое расхождение мнений по вопросу о возможности объединения с ними варианта *-иб*. В. В. Радлов категорически отрицал такую возможность и считал *-иб*, предположительно, аффиксом, который функционально соответствовал определенному артиклю (*<? -иб*) и был вытеснен у имен местоименным аффиксом винительного падежа *-иї*.⁵⁷ П. М. Мелиоранский, напротив, склонен был видеть в *-иб* «древнюю побочную форму окончания *-и* в наречиях османском, азербайджанском и якутском».⁵⁸ Точка зрения В. Банга, в основном совпадающая с точкой зрения П. М. Мелиоранского, содержит ряд оригинальных моментов, в частности, указание на то, что аффикс *-и* в языках огузской группы развился из *-иб* в результате выпадения конечного *и*.⁵⁹

⁵³ См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1953, с. 14; Фаурова Н. Ниёзбоши шевасида эгалик ва келишик қўшимчалари, б. 62–63; Турғулов Т. Фарбий Фаргона шеваларининг муҳим хусусиятлари, б. 63.

⁵⁴ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 82.

⁵⁵ В формах *mijiei*, *öjiei* С. В. Ястребский выделял аффикс родительного падежа *-ji* и *-ki*. См.: Ястребский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке, с. 32. У Э. В. Севортияна *-ji* — аффикс винительного падежа. См.: Севортиян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках. — Уч. зап. ВИИЯ, 1948, № 6, с. 92.

⁵⁶ Рустамов Р. А. Роль диалектных данных азербайджанского языка при разработке сравнительной грамматики тюркских языков. — ВДТЯ, III, Баку, 1963, с. 14.

⁵⁷ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 77, 85.

⁵⁸ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 28.

⁵⁹ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 14.

Есть все основания думать, что аффикс *-и* — древнейшая разновидность показателя винительного падежа и что он использовался одинаково для всех имен. Мы не можем, например, игнорировать то обстоятельство, что в памятниках рунической письменности, при наличии четко выраженных языковых особенностей южного типа, отсутствует форма винительного падежа на *-и*. С другой стороны, объяснение *-и* из *-и* не представляет никаких-либо трудностей с точки зрения фонетики тюркских языков. Нетрудно сблизить с *-и* и вариант *-и*, развившийся в результате наложения парадигмы притяжательного склонения на простую парадигму (см. выше, с. 33).

Совпадение вариантов аффикса винительного и аффикса родительного падежей является следствием поздних преобразований и не имеет отношения к их генезису.

I, 5. Варианты аффикса местного падежа (ср. местно-временной, локативный, *Locativus*): *-да ~ -до ~ -та ~ -то ~ -ла ~ -ло ~ -за ~ -зо ~ -да ~ -са ~ -со ~ -на ~ -но*. Примеры: алт. *туда* 'на горе', *ймә* 'в лекарстве', *юјдо* 'на овце', *тошто* 'на льду', *каста* 'на гусе', 'у гуся', *бистә* 'у нас', *алордо* 'у них'; башк. *јулда* 'на дороге', *башта* 'на голове', *кадда* 'на гусе', 'у гуся', *далала* 'в степи', *калала* 'в городе', *міндә* 'у меня', *бләдә* 'у нас'; ударба 'у них'; чуваш. *лаҗара* 'на лошади', *хулара* 'в городе', *вәрманда* 'в лесу', *кілдә* 'в доме', *шурда* 'в болоте', *тирзәнъ* 'на кожах', *уләхра* 'на лугу', *манра* 'у меня', *пирдә* 'у нас', *унра ~ унда* 'у него'.

Варианты *-да*, *-ла* прослеживаются в башкирском языке, варианты *-ра*, *-чә* — в чувашском, *-за*, *-на* — в диалектах туркменского языка.⁶⁰

В якутском языке с аффиксом *-да ~ -та* надежно сближается показатель частного или партитивного падежа (см. ниже, с. 57). Кроме того, общетюркский аффикс *-да ~ -та* является частью сложного аффикса *-дәүі ~ -тәүі*, образующего относительные прилагательные со значением места или времени. По-видимому, он вошел также в состав некоторых наречий и стал одним из компонентов аффикса сравнительного падежа *-тәңар*.⁶¹ В собственном значении аффикс *-да (>-на)* в якутском языке обнаружен у местоимений, ср. *манна* 'здесь', *суманна* 'вот здесь', *ітіннә* 'вот там', *онна* 'там', *сонна* 'именно там',⁶² однако О. Бётлингк возражал против сопоставления якутского *-на* с общетюркским *-да*, ссылаясь на то, что *-на* является, кроме того, аффиксом частного падежа притяжательного склонения, где, по его мнению, не было условий для ассимилятивного изменения *ð* в *н*.⁶³ В связи с этим К. Шрифль высказал предположение, что *ð* в аффиксе частного падежа притяжательного склонения выпал и поэтому начальный согласный аффикса восходит не к *ð*, а к так называемому вставочному н.⁶⁴ Не исключен и иной путь появления *н* в указанном аффиксе: вначале *ð* подвергся ассимиляции, а затем слился с «вставочным» *н*. Ср. якут. *ісінәгі* 'находящийся внутри' (<*ічиннәгі*<*ічиндәгі*).

Говоря о фонетических условиях образования вариантов аффикса *-да* в чувашском языке, отметим прежде всего переход *т* в *ч* в положении после аффикса множественного числа *сән*, вызванный мягкостью конечного *н*.⁶⁵ После гласных и всех согласных, кроме *л*, *р*, *н*, в чувашском языке используется вариант *-ра* (в порядке исключения данный вариант возможен и после *л*, ср. *хөвәлрә* 'на солнце').⁶⁶ Примечательно, что в па-

⁶⁰ См.: А т а ж а н о в М. Түркмен дилиниң салыр диалектинде исимлерىң морфологик айратынылыклары. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1959, III, с. 83.

⁶¹ См.: Schriefl K. Der Lokativ im Jakutischen. — KSz, 1909, X, S. 214.

⁶² См.: Я стре м с к и й С. В. Падежные суффиксы в якутском языке, с. 18—19; Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, S. 33—35.

⁶³ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 175.

⁶⁴ Schriefl K. Der Lokativ im Jakutischen, S. 212.

⁶⁵ См.: А ш м а р и н Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Морфология. Казань, 1898, с. 124.

⁶⁶ Там же, с. 120. См. также: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 437.

мятниках рунической письменности аффикс местного падежа после *л*, *р*, *н* преимущественно — *-та*, тогда как во всех других случаях — *-да*. Следовательно, вариант *-ра* должен был развиться из варианта *-да*, в котором начальный согласный, попадая в условия, способствовавшие его спирантизации, переходил в *р*.

Вариант *-ла* в башкирском языке встречается после основ на гласный, что, на первый взгляд, свидетельствует о фонетической обусловленности начального *л*. Более конкретная причина появления этого варианта пока не ясна. Б. А. Серебренников считает, что появление *-ла* в окончании местного падежа — результат сложных морфологических ассоциаций, отправной точкой для которых послужили формы типа *калалар* 'города' и *урамдар* 'улицы'. Наличие последних создавало у говорящих представление о том, что аффикс *-лар* разился из аффикса *-дар* и что *ð* в положении между гласными переходит в *л*. Под влиянием этой ассоциации *ð* в форме *калада* изменился в *л*.⁶⁷ Другое решение было предложено Дж. Г. Киехбаевым, указавшим на генетическую связь башкирского *-ла* с аффиксом местного падежа «*-ла ~ -лэ* в тунгусо-маньчжурских языках», в частности, в эвенкийском и эвенском».⁶⁸

Г. Б. М. Левицкий был, пожалуй, первым, кто недвусмысленно и с большой убежденностью заявил о том, что в древнетюркском языке существовали формы местно-дательного падежа с аффиксами *-ра*, *-ру*, *-ри*, восходящие к единой праформе.⁶⁹ О существовании в древнетюркском языке форм на *-ра*, *-ру*, *-ри* писал также В. Котвич, сопоставивший их с монгольскими наречиями типа *dotor* 'внутрь', *yadara* 'наружу', *inari* 'до', *cinari* 'после' и вопросительным и указательным местоимениями *xāru* 'куда', *tere* 'тот'.⁷⁰ Наличие падежной формы на *-ру* признавали К. Брокельман⁷¹ и Г. Рамстедт, причем последний сопоставил ее, как и В. Котвич, с соответствующей формой в монгольских языках⁷² и высказал предположение о развитии аффикса *-ру* из китайского **lu* 'путь, дорога'.⁷³

Компетентные высказывания М. Левицкого, В. Котвича, К. Брокельмана и Г. Рамстедта вызвали большой интерес у тюркологов и способствовали тому, что формы на *-ра*, *-ру*, *-ри* стали объектом специальных историко-грамматических исследований. Основное внимание уделялось уточнению места, занимаемого перечисленными формами в падежной парадигме. Вместе с тем не прекращались попытки обосновать реконструкцию праформ, выразившиеся в конечном итоге в указании на наличие в древнетюркском и современных тюркских языках: 1) наречий и послелогов *асра* 'внизу', *иңде* 'внутри', *кәрәй* 'сзади', 'после, затем', *öңрә* 'впереди', 'вперед', *соңра* 'затем, после', *үзәрә* 'над',⁷⁴ *кәңрү* 'широко', *јаңару* 'в сто-

⁶⁷ Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — БДС, с. 139.

⁶⁸ Киехбаев Дж. Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (для филологического факультета Башкирского государственного университета). Уфа. 1967, с. 14.

⁶⁹ Lewicki M. Przyrostki przysłówkowe *-ra ~ -rä*, *-ru ~ -rū*, *-ri ~ -ri* w językach altajskich. — CO, 1938, № 15, s. 41.

⁷⁰ Kotwicz W. 1) Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 65—67; 2) Studia nad językami altaiskimi. — RO (1950), 1953, XVI, s. 288—289. Cpr.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 84—85; Poppe N. Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1954, p. 59.

⁷¹ Брокельман С. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 157 ff.

⁷² Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 45.

⁷³ Там же, с. 53.

⁷⁴ См.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 63—64; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, p. 115.

‘*аңару* ‘туда’;⁷⁵ 2) живых падежных форм *jūrākṛā* ‘в сердце’ (*jā-*
ñ jūrākṛā yrdi ‘он попал в сердце слона’),⁷⁶ *шадра* ‘к шаду’ (*tar-*
шадра ydī jađimīz ‘мы рассеяли врагов, следуя в направлении тар-
*кого шада’),⁷⁷ *башра* ‘по голове, в голову’ (*olär iкki башра kakıştī*
*оба били друг друга по голове’), *көзрә* ‘по глазам, в глаза’, *tjōbrā*
*рень, за корень’ (*tatīñ kōzrā tīkānīg tjōbrā* ‘татов [бей] по глазам,
чку [хватай] за корень’;⁷⁸ *әбімәрү ~ әбімәрү* ‘к моему становищу’ (бас-
jañidip *әбімәрү* *барді* ‘став врагами [мне], басмылы отправились
‘му становищу’);⁷⁹ 3) формы направительного падежа на *-зару*, обра-
шайся, по мнению некоторых тюркологов, путем сложения аффикса
‘ального падежа -ба с аффиксом местно-направительного падежа *-ру*
*-ра’;*⁸⁰***

Хотя выделение форм на *-ра*, *-ру*, *-ri* получило признание широкого
та специалистов, сомнения относительно существования в тюркском
языке подобных падежных форм полностью не рассеялись. Эти сом-
гия своеобразно выразил Н. К. Дмитриев, поставивший тур. *үзә*
‘гласно’, *сонра* ‘после’ и *ташра* ‘провинция’ в один ряд с *бура*, *ора*,
‘*з* в наречиях *бурада* ‘здесь’, *орада* ‘там’, *шурада* ‘там’ и присоеди-
лился к предположению В. В. Радлова⁸¹ относительно того, что *-ра*
за, ора, шура восходит к слову *ара* ‘середина, промежуток’.⁸² А. Н. Са-
лович в виде предположения указал на наличие в составе аффикса *-ра*
‘причастной приставки’ *-a*,⁸³ К. Гүенбек отметил многочисленные
чи образование наречий и послелогов от глагольных основ,⁸⁴ а А. Зай-
ковский изобразил тот путь, по которому происходило превращение
из окончания деепричастия в ~~слово~~ именных форм: «...весьма ве-
сно, что направительный суффикс *-ра*, *-ру* появился благодаря
разложению деепричастий. ... Банных от каузативных глаголов
-р. И поскольку такие деепричастия часто обозначают направление,
значение *-ра* было воспринято как направительный суффикс, так что
с помощью его стали образовывать формы от имен».⁸⁵ А. Габен вообще
отрицает возможность интерпретации *-ра* как падежного аффикса.⁸⁶ Все
обязывает нас отнести с осторожностью к восстановлению обще-

⁷⁵ См.: Mansuroğlu M. 1) Das Karakhanidische. — Fundamenta, I, S. 101;
 2) Das Altosmanische. — Там же, S. 170. К. Каримов относит сюда же др.-турк. *јару*
ј, *орү*, *нару*, *тапару*, *јандру*. См.: Каrimov K. «Күтадғы билик» тилемда
 тилем аффикслари ва уларнинг ишлатилшидаги фонетик қонуцийлар. — УТАМ,
 № 2, б. 64.

⁷⁶ См.: Müller F. W. K. Uigurica III. Uigurische Avadāna-Bruchstücke (I—
 Berlin, 1922, S. 58).

⁷⁷ См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic. — Uralic and Altaic Series,
 Bloomington, 1968, p. 135.

⁷⁸ См.: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatur-
 hen Mittelasiens, S. 158.

⁷⁹ См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 135.

⁸⁰ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 31, 65;
 Сортан Э. В. Категория падежа, с. 60; Menges K. H. The Turkic Lan-
 guage Peoples, p. 111.

⁸¹ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 85.

⁸² Дмитриев Н. К. 1) Наречия места в турецком языке. — В кн.: Памяти
 Земника Л. В. Щербы. Л., 1951, с. 157; 2) Служебные имена в турецком языке. —

Строй тюркских языков. М., 1962, с. 130—131. См. также: Ашинин Ф. Д.
 Гимнологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен
чыра [бура] ‘это место’. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963,
 —105. В. Банг считал *бура*, *ора*, *шура*, как и *ташра*, *чрә*, архаическими па-
 леми образованиями на *-ра*. См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmani-
 1, S. 10.

⁸³ Самойлович А. Краткая учебная грамматика современного османского
 языка. Л., 1925, с. 91.

⁸⁴ Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 40 ff.

⁸⁵ Zajączkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodnio-
 tureckim. — Prace Komisji Orientalistycznej, Kraków, 1932, № 15, s. 166.

⁸⁶ Gabain A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen. — StO, 1950, XIV,

турецких падежных форм на *-ra*, *-ru*, *-ri* и тщательно разобраться в тех фактах, которые были приведены выше.

Поскольку в специальной литературе *-ra*, *-ru*, *-ri* иногда фигурируют как разные по происхождению аффиксы, целесообразно рассматривать каждый из них в отдельности.

А) Количество наречий и послелогов на *-ra*, встречающихся в древних и современных тюркских языках, невелико (20—25), но это, разумеется, не играет решающей роли при определении степени обоснованности реконструкций. Гораздо важнее учет функциональных и семантических особенностей каждой формы. Примечательно, например, что слова *бурада* (*бура*) 'здесь', *орада* (*ора*) 'там', *нэрэ* 'что за местность?' в турецком языке, *нара* 'куда?' в азербайджанском и *кајра* 'куда?' в караимском в выражении места или направления сохранили следы предметного лексического значения, и поэтому сопоставление входящих в них компонентов *-ra*, *-рэ* со словом *ара* 'среда', 'место', 'промежуток' и со словом *јэр* 'земля' в форме дательного падежа не требует особых доказательств.⁸⁷ Ср. аналогичные образования, включающие слова *јэр* 'земля', *jak* и *јэн* 'сторона' в узбекском языке: *кајәрга*, *кајәкка*, *кајән* 'куда?'; ср. также: узб. (диал.) *бэра* (<*бу јәрга*) 'сюда', *шәра* (<*шу јәрга*) 'сюда', *ўра* (<*у јәрга*) 'туда';⁸⁸ уйг. *майшәдә* (<*мана шу јәрдә*) 'здесь', *машакка* (<*мана шу jakka*) 'сюда'.⁸⁹ В семантике же таких наречий и послелогов, как др.-турк. *тәгрә* 'вокруг'; алт. *ажира* 'больше, сверх', *кәчирә* 'через', *öткүрә* 'через, сквозь', *кајра* 'назад, обратно', *удура* 'навстречу, напротив';⁹⁰ туркм. *бајра* 'назад'; хак. *iбірә* 'вокруг', *индерә* 'вниз', *нандира* 'назад', *тәрә* 'до', *түңдәрә* 'вниз лицом', 'вверх дном', *читәрә* 'до',⁹¹ заметно присутствие процессуальных моментов, что может быть истолковано как следствие их глагольного происхождения.

В тюркских языках большое количество наречий и послелогов появилось в результате обособления и грамматикализации деепричастий, ср. др.-турк. *кәсә* 'кратко, ясно' (*кәс-* 'резать'), *оза* 'прежде, раньше' (*оз-* 'опережать'); алт. *ала* 'с, от' (ал- 'брать'); тур. *гөрә* 'согласно, судя по' (*гөр-* 'видеть'); узб. *баса* 'затем' (*бас-* 'натупить'), *јана* 'еще' (*јан-* 'возвращаться'), *кајта* 'снова' (*кајт-* 'возвращаться'), и это дает нам право поддержать мысль о том, что некоторые формы на *-ра* являлись исторически деепричастиями, образованными от ~~глагольных~~ глагольных основ на *-р* или от форм побудительного залога: др.-турк. **тәгір-* 'окружать'; алт. *кәчир-* 'перевозить, переносить', *ажир-* 'перевозить, переводить'; хак. *iбір-* 'окружать', *индер-* 'спускать вниз', *нандир-* 'возвращать', *тәр-* 'задевать', 'дотрагиваться', *түңдәр-* 'опрокидывать, переворачивать', *читәр-* 'доводить, доставлять'. А. Габен допускает связь с деепричастием и др.-турк. *ташра* 'вне, снаружи',⁹² и надо сказать, что такая связь подтверждается рядом фактов, ср. тур. *ташра* 'провинция', *ташір-* 'путь через край'; якут. *таһара* ~ *таһарә* 'вне, наружу', *таһар-* 'выходить наружу', 'выносить'.⁹³ Не исключено, что и остальные шесть наречий и послелогов, морфологи-

⁸⁷ Убедительные доводы и многочисленные факты, свидетельствующие в пользу подобного сопоставления, приведены в работе Ж. Дени. См.: Deny J. Grammaire de la langue turque, р. 604. См. также упомянутую выше статью Ф. Д. Ашнина.

⁸⁸ См.: Мамедов С. А., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г. Рец.: Мирзаев М. М. Узбек тилининг Бухоро групса шевалари. Тошкент, 1969. — СТ, 1972, № 4, с. 137.

⁸⁹ См.: Джамалдинов О. Наречие в современном уйгурском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 9.

⁹⁰ См.: Тощакова Т. М. Послелоги в алтайском языке. — Уч. зап. Горного Алтайского НИИЯЛ, 1956, 1, с. 44—50; Кучигашева Н. А. 1) Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного и исходного) в современном алтайском языке. АКД. М., 1955, с. 14; 2) Наречие в алтайском языке. — В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 57.

⁹¹ См.: Gröpösch K. Der türkische Sprachbau, I, S. 39, 45.

⁹² Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950, S. 90.

⁹³ См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л., 1927, с. 2594. См. также: Böhlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 214.

ческий состав которых до сих пор окончательно не установлен, восходят к деепричастиям, образованным, однако, не от первичных, а от вторичных (отыменных) глагольных основ,ср. алт. *öң* 'перед', *öңör-* 'посадить в седло впереди себя'; тат. *сöң* 'последний', *сöңjar-* 'опаздывать'. В современных языках такие основы почти не сохранились, что объясняется временной и ареальной ограниченностью данного типа. Чтобы не оставалось неясностей в этом отношении, напомним, что из семи «трудных» наречий и послелогов на -ра наибольшее количество встречается в орхоно-енисейских текстах (*acra*, *içrä*, *käsrä*, *öñrä*, *tashra*), турецком (*içrë*, *sonra*, *tashra*, *üzrë*), азербайджанском (*içrä*, *sonra*, *üzrë*), туркменском (*ïrë*, *doñra*, *üdrë*) и узбекском (*içra*, *söñra*, *uzra*) языках, наименьшее — в балкарском (*cora*, ср. *soñura*),⁹⁴ казахском (*soñra*), караимском (*sondra* в *sondrada*), татарском (*soñra*) и якутском (*mähära* ~ *mähapä*). Итак, мы имеем дело с архетипическим образованием, сфера употребления которого с течением времени суживается: старые наречия и послелоги на -ра от вторичных (отыменных) глагольных основ постепенно исчезают, а появление новых практически не имеет места, так как аффиксы -a, -(a)r, при помощи которых образовывались глагольные основы от имен, давно и полностью утратили продуктивность.⁹⁵

Из привлекаемых тюркологами примеров живых падежных форм два, *jüräkä* 'в сердце' и *şadra* 'к шаду', спорные: первый — из-за сходства, а нередко и совпадения букв уйгурского алфавита, передающих к(з) и р, второй — из-за неясности текста (допустимо, как полагал В. В. Радлов, чтение *şad aرا*: «[следуя] в составе [войска тардупшкого] шада», ср. в Онгинской надписи: *əبۇز ارا* 'среди огузов'; ср. также: ст.-узб. *кўз ара* 'между глаз', *jyz miç tikan ara* 'между ста тысячами щипцов'). Остальные примеры, взятые из словаря Махмуда Кашигари, *başra*, *közrä*, *tübrä*, а также примеры из старотурецкого языка *jolïra*, *döñer*, *başra* (*başra başra kamçî ilõ urmaktiř*),⁹⁶ на первый взгляд, убедительны. Однако при более глубоком подходе к ним возникают сомнения и недоуменные вопросы. В этих примерах -ra используется в качестве живого морфологического элемента, с чем трудно совместить его предельно ограниченное употребление. Если аффикс -ra был живым морфологическим элементом в древнетюркском языке, то кажется странным отсутствие его как такого в памятниках рунической письменности, в древнеуйгурских текстах. Наконец, примеры из словаря Махмуда Кашигари и из памятников старотурецкого языка настораживают еще и потому, что передаваемые ими значения не обнаруживают ничего специфического по сравнению с содержанием формы дательного падежа. Хотя вопрос о морфологическом составе словоформ *başra*, *közrä*, *tübrä*, *jolïra*, *döñer* остается открытым, совершенно очевидно, что восстановление общетюркской формы направительного падежа на -ra на основе этих последних примеров было бы неоправданным риском. Может быть не случайно аффикс -ra выступает только у Махмуда Кашигари и в старотурецких текстах, часть которых — переводы с персидского. Как известно, в иранских языках широко употребителен послелог (*ra*), выражющий наряду с другими значениями направительное.⁹⁷

⁹⁴ См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 31.

⁹⁵ См.: Севортиян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, с. 203 и сл.

⁹⁶ См.: Duran S. Türkçede cihet ve mekân gösteren ek ve sözler. — TDAY. Belleten, 1956, s. 19; Korkmaz Z. Türkçede eklerin kullanımı şekilleri ve ek kalanlaşması olayları. — Ankara Üniversitesi dil ve tarih-coğrafya fakültesi yayınları, № 124, Türk dili ve edebiyatı serisi, 1962, № 19, s. 8—9.

⁹⁷ См.: Очинников И. К. Использование послелога *ra* (ର) в произведениях таджикских и персидских классических авторов (XI—XV вв.). — Тр. ИЯ АН СССР, 1956, VI, с. 396 и сл.

Б) Наречия и послелоги на *-ру* выступают не реже, чем наречия и послелоги на *-ра*, но главным образом в староисъменных текстах. Помимо примеров, приведенных М. Мансуроглу — *кэнрү* 'широко' и *яңару* 'в сторону' — известны следующие: *акуру ~ ақру* 'медленно, тихо', *аркуру* 'поперек', *бәкру* 'крепко', *бүтүрү ~ бүтүрү* 'полнотью, целиком', *ябұру ~ яңбуру* 'близко', *јандуру ~ јантурұ* 'снова', *јөтірү ~ јэтірү* 'до', *көрү* 'по сравнению', *күңру* 'косо', *кутуру* 'полнотью', *öрү* 'вверх, вверху', *öttүрү* 'через', *öttүрү ~ öттрү* 'потом, затем', *ташру* 'вне', *утру* 'напротив'. Нет необходимости доказывать, что все они являются по происхождению деепричастиями. В связи с этим снимается вопрос о соотношении *-ра* и *-ру*, так как параллельные формы, например *ташра* и *ташру*, *көрә* и *көрү*, *утура* и *утру*, отражают вариативность древних деепричастий, ср. *бара ~ бару ~ барї*.

Единственная живая падежная форма на *-ру(-ару)* — *әбімәрү*, отмеченная в тексте Моюн-чура. Приимая во внимание обычное для этого и других орхон-енисейских текстов выпадение *г(г)* после *м* (ср. *әбімә* 'в мое становище', *оғлума* 'моим сыновьям'), нетрудно согласиться с тем, что *әбімәрү* — дальнейшее развитие формы направительного падежа на *-бару* (*әбімәрү*). Именно в таком виде аффикс *-бару* известен языкам южной группы, ср. тур. *ilər'i* 'вперед, впереди', *içər'i* 'внутрь, внутри', *dışarı* 'вне, снаружи'.

Предположение о наличии аффикса *-ру* в составе аффикса направительного падежа *-бару* не может быть использовано в качестве аргумента, так как нет никаких фактов, прямо или косвенно указывающих на допустимость членения *-бару* на *-ба* и *-ру*.⁹⁸ Попутно заметим, что формы направительного падежа в современных тюркских языках — относительно поздние образования, развившиеся из служебных слов, ср. хак. *көлзэр* 'к озеру', *абасса* 'к дереву'; тув. *даңдива* 'к горе', *оттува* 'к огню'. Ср. также: алт. *турда* *ð'är*, *турда* *ðbn* 'к дому'.⁹⁹

В) На основании изложенного становится очевидным, что и форма на *-ри*, располагающаяся в одном ряду с наречиями и послелогами на *-ра*, *-ру*, должна рассматриваться как деепричастное образование. Правда, возможны исключения, например алт. *үзәр'i* 'сверх', 'на, к', по-видимому, — форма древнего направительного падежа на *-барї*.

Таким образом, реконструкция в тюркском прайзыке падежных форм на *-ра*, *-ру*, *-ри* не имеет достаточных оснований.

1. 7. У аффикса исходного падежа (ср. отложительный, *Ablativus*) насчитываются больше двадцати вариантов, объединяемых в следующие группы: I. *ðан* ~ *-дон* ~ *-дан* ~ *-тан* ~ *-тон* ~ *-тэн* ~ *-нан* ~ *-нон* ~ *-нэн* ~ *-лан* ~ *-лон* ~ *-зан* ~ *-зон* ~ *-сан* ~ *-сон*; II. *-даң* ~ *-доң* ~ *-таң* ~ *-тоң* ~ *-наң* ~ *-ноң*; III. *-дін* (*-дін*) ~ *-дүн* ~ *-тін* (*-тін*) ~ *-түн*; IV. *-тан* ~ *-ттан* ~ *-тон* ~ *-ттон*; V. *-тан* ~ *-ран*; VI. *-дај* ~ *-тај* ~ *-нај*. Примеры: азерб. *дағдан* 'с горы', *мәндән* 'от меня', *біздән* 'от нас'; алт. *аттаң* 'с коня', *сөстөң* 'от слова', *малдаң* 'от скота', *көлдөң* 'из озера', *таңнаң* 'от зари', *оноң* ~ *анаң* 'от него', *мінаң* ~ *мунаң* 'от этого', *мәнәң* 'от меня', *сәнәң* 'от тебя'; башк. *баштан* 'с головы', 'от головы', *кафдан* 'от гуся', *даланан* 'из стеши', *мінән* 'от меня', *білдән* 'от нас'; *чуваш* *лаҗаран* 'от лошади', *хуларан* 'из города', *вәрмандан* 'из леса', *урамран* 'с улицы', *шурдан* 'из болота', *манран* 'от меня', *пірдән* 'от нас', *јундан ~ јунран* 'из крови';¹⁰⁰ *шор*, *мәнәң* 'от меня', *сәнәң* 'от тебя', *анаң* 'от него'; якут. *тастан* 'из камня', *ојуртан* 'из лесу', *табаттан* 'от оленя', *бörötтöң* 'от волка'.

⁹⁸ См. ниже, с. 48.

⁹⁹ См.: Тощакова Т. М. Послелоги в алтайском языке, с. 21.

¹⁰⁰ См.: Ашимарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 121; Корнилов Г. Е. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР. — МЧД, II, с. 151; Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибрайкинским говором чувашского языка. — МЧД, II, с. 171.

Варианты первой группы употребляются в кыпчакских и огузских языках,¹⁰¹ в тувинском и узбекском, варианты второй группы — в алтайском, хакасском и шорском, третьей — в древнеуйгурском, староузбекском и современном уйгурском языках, в говорах кумыкского и других тюркских языков,¹⁰² варианты четвертой группы — в якутском, пятой — в чувашском, шестой — в говорах узбекского языка.¹⁰³

Разнообразие согласных в начале аффикса исходного падежа вызвано, в основном, ассимилятивными процессами и не требует специального объяснения.¹⁰⁴

Не совсем ясна причина изменения в алтайском, хакасском и шорском языках конечного н в ң. По мнению В. А. Богородицкого, это изменение произошло под влиянием родительного падежа, «с которым исходный имеет некоторые точки семасиологического соприкосновения».¹⁰⁵

Наличие вариантов с широким и узким нелабиализованными гласными — *-тан* ~ *-дан* и *-тін* ~ *-дін* — отражение очень древних диалектных расхождений в огласовке данного аффикса.

Варианты якутского языка с дополнительным *t* после основ на гласный, ср. *oјүртан* ‘из лесу’, *бörötтöн* ‘от волка’, *кiэhэттэн* ‘с вечера’, первоначально, как полагал В. В. Радлов, появились в пределах падежной парадигмы местоимений вследствие ассимиляции конечного *н* местоименных основ начальным *t* аффикса исходного падежа.¹⁰⁶ С. В. Ястремский, сравнивая варианты с дополнительным *t* с древнеуйгурскими падежными формами типа *мэнiүдiн* ‘от меня’, пришел к заключению, что они образовались от формы родительного падежа (-н > -т + -тан).¹⁰⁷ Наиболее обоснованное решение предложено теми тюркологами, которые устанавливают связь формы на -тан с притяжательным склонением: «дополнительный» или «вставочный» *н* ассимилировался и вошел в состав падежного аффикса, затем форма притяжательного склонения получила статут простой (непротяжательной) формы.¹⁰⁸

Отсутствие формы исходного падежа в памятниках рунической письменности почти единодушно объясняется очень поздним образованием ее из аффикса местного падежа и дополнительного морфологического элемента *-н*¹⁰⁹ (у Д. Синора и К. Г. Менгеса — древнего урало-алтайского аффикса латива),¹¹⁰ из аффиксов местного и орудно-творительного па-

¹⁰¹ См.: Байрам дурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965, с. 14.

¹⁰² См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 29; Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — Там же, с. 152; Максютова Н. Х. Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 15; Зуфаров С. Сайрамский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1966, с. 9; Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958, с. 71. Ср.: Курышжанов А. Формы и значения падежей в языке *Codex Cumanicus*. АКД. Алма-Ата, 1956, с. 10.

¹⁰³ См.: Носиров Ш. Құқон шевасида келишик категорияси, б. 44.

¹⁰⁴ Необычные изменения, например *ð* > *н* в положении после гласного в башкирском языке, могли быть обусловлены сложными морфологическими ассоциациями. См.: Серебренников Б. А. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов, с. 138.

¹⁰⁵ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 159.

¹⁰⁶ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen, S. 31.

¹⁰⁷ Ястремский С. В. Грамматика якутского языка, с. 52.

¹⁰⁸ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 110.

¹⁰⁹ См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 463. Ср.: Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen, S. 57; Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II, с. 124.

¹¹⁰ Sinor D. 1) D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques. — ТР, 1943, XXXVII, p. 147; 2) Un suffixe de lieu ouralo-altaïque. — АОН, 1961, XII, 1—3, p. 177; Menges K. H. 1) Morphologische Probleme. I. Zum Genitiv und Accusativ, S. 19; 2) The Turkic Languages and Peoples, p. 110.

дежей,¹¹¹ или из аффикса местного падежа и слова *jan* 'сторона',¹¹² или же из послелога *adīn* 'другой, кроме'.¹¹³ Существует и другая точка зрения, сторонники которой признают самостоятельность аффикса *-дан* и отрицают связь между ним и аффиксом местного падежа. В обосновании этой точки зрения важную роль играет то, что начальный дентальный в аффиксе исходного падежа, например в телеутском диалекте, ассимилируется конечным согласным основы, в то время как в аффиксе местного падежа ассимиляция не наблюдается, ср. *männäñ* 'от меня', *künnäñ* 'от дня', *mändä* 'у меня', *kündä* 'в день'.¹¹⁴ О большой древности формы исходного падежа свидетельствует ее наличие во всех современных тюркских языках. Очевидно, отсутствие этой формы в текстах рунической письменности не следует воспринимать как изначальное явление.¹¹⁵

Еще В. В. Радлов, выразивший сомнения в существовании генетической связи между аффиксами исходного и местного падежей, обратил внимание на то, что в древнеуйгурском языке встречается разновидность аффикса исходного падежа с узким гласным (*-dīn ~ -tīn*);¹¹⁶ ср. ст.-кыпч. *jövartīn* 'сверху' (Cod. Cum. 60v₃₀), *tashṭīn* 'снаружи' (Cod. Cum. 30r₁₆). В настоящее время, когда глубоко исследованы многие языки и диалекты, стало очевидным, что границы распространения указанной разновидности значительно шире, чем это представлял себе В. В. Радлов. Разновидность с узким гласным выступает в современном уйгурском языке, в говорах алтайского, башкирского, узбекского и других языков. Кроме того, она прослеживается в большой группе наречий, ср. башк. *aftīrtīn* 'исподтишка'; башк. (диал.) *jāšīrtīn* 'тайком', *äkīrtīn* 'по-тихоньку';¹¹⁷ кум. (диал.) *alašatīn* 'снизу';¹¹⁸ хак. *ırahṭīn* 'издалека', *ozarətīn* 'с той стороны (реки)', *čobartīn* 'сверху'; хак. (качинск.) *andartīn* 'оттуда', *čabīndīn* 'с близкого расстояния';¹¹⁹ шор. *mīnartīn ~ mīnārtīn* 'отсюда', *töbərtīn* 'снизу', *kajdartīn* 'откуда?', *üstürtīn* 'сверху'. Сразу же заметим, что оснований для рассмотрения этой разновидности как следствия происходившего в ряде тюркских языков перехода a в ī нет: уйгурский язык не относится к таким языкам и, тем не менее, как раз в нем разновидность с узким гласным является господствующей. Следовательно, при оценке высказываний тюркологов относительно образования формы исходного падежа в послеорхонский период и о связи ее с формой местного падежа необходимо иметь в виду, что среди вариантов аффикса исходного падежа равноправное положение занимает разновидность с узким гласным. При этом, конечно, не следует забывать, что и в орхоно-енисейских надписях встречаются варианты *-dan ~ -tan*, *-dīn ~ -tīn*,¹²⁰ ср. *tashdīntan* 'снаружи', *obuzdūntan* 'от огузов'.¹²¹

¹¹¹ См.: Poppe N. Türkisch-tschiwassische vergleichende Studien. — Islamica, Leipzig, 1925, I, 4, S. 421.

¹¹² См.: Ramstedt G. J. Über die Struktur der altaischen Sprachen. — JSFOu, 1951, 55₂, S. 96; Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг». АКД. Ташкент, 1962, с. 15.

¹¹³ См.: Wang W. Vorläufiges über der Herkunft des türk. Ablativus. — UJb, 1925, V, 4, S. 392—410. А. Габен высказывает мысль о наличии в основе всех локативных падежей тюркских языков особых именных образований на *-m*, *-k*, *-n*, выражавших локативные значения, ср. *al*, *alm*, *alīn*, *alṭīn ~ alđīn* 'перед'; *act* 'низ'; *art* 'зад'; *orun* 'место', *orta* 'середина', *ortu* — *ordu* 'лагерь, становище'; *üst* 'верх'; *jan*, *jak* 'сторона' и т. д. См.: Gabain A. Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen, S. 1—14; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 110.

¹¹⁴ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 64.

¹¹⁵ См.: Шербак А. М. Методы и задачи этимологического исследования аффиксальных морфем в тюркских языках. — СТ, 1974, № 1, с. 36—38.

¹¹⁶ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 64.

¹¹⁷ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 116.

¹¹⁸ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 57.

¹¹⁹ См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 156.

¹²⁰ Варианты *-duñ ~ -tuñ* образовались под влиянием лабиальной гармонии гласных.

¹²¹ См.: Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 133—134.

Учитывая наличие разновидности с узким гласным и то обстоятельство, что форма исходного падежа с конечным *и* является общетюркской, а форма без *и* — по преимуществу региональной, мы считаем, что в языке старописьменных памятников и в современных языках отразилось очень древнее диалектное совпадение формы исходного падежа с формой местного, происшедшее вследствие утраты конечного *и*.

Вопрос о том, как три варианта аффикса исходного падежа — *-дан* ~ *-тан*, *-дїн* ~ *-тїн* и *-да* ~ *-та* — развились из одного прототипа, пока не ясен. Современная тюркология не располагает фактами, указывающими хотя бы на дальние подступы к его решению. Есть уверенность лишь в одном: поиски должны проводиться на уровне ранних этапов развития данной формы, так как многообразие вариантов обусловлено скорее всего особенностями ее происхождения. Все, что доступно тюркологам в настоящее время, не выходит за границы предположений и догадок. Можно, например, допустить, что прототипом различных вариантов аффикса исходного падежа было деепричастие **tājīn* ~ **tājan* 'сторонясь', 'оставляя в стороне' и что преобразование его происходило как в направлении стяжения (**tājīn* > *-tīn* > *-tīn*, **tājan* > *-tān* > *-tan*), так и по линии утраты последнего слога (**tājīn* ~ **tājan* > *-tā* > *-ta*).

I, 8. Аффикс (направительного) падежа (направительно-дательный, директивный, Directivus) — -бару — *-kary* ~ *-bary* ~ *-kāry* ~ *-bāri* ~ *-kāri* ~ *-bāri* ~ *-kāri* ~ *-bar* ~ *-kar*.

В собственном значении направительного падежа форма на *-бару* ~ *-kary* наблюдается, как правило, лишь у существительных и только в древнетюркском языке. Примеры: *ол ёргарў барсар* 'если пойдешь в ту страну' (КТм₈), *јазїна обузару сү ташкөдміз* 'к весне мы вышли с войском на огузов' (КТб₄₈), *кїтајбару Тонра Эсіміг ідміш* 'он послал к киданям Тонгра Эсима' (Тон₉), *Отүкән јишару удузтум* 'я повел [войско] к Отюкенской черни' (Тон₁₅), *казан баңару анча аїдміш* 'так велел мне сказать каган' (Тон₃₄), *үйзурбару* 'к уйгурам' (Ман III 40₃), *біргарў бап* 'связав воедино' (КР 80₂).

В древнетюркском языке аффикс *-бару* ~ *-kary* выступает также в составе наречий: *ілгәрў* 'вперед' (~ 'на восток'), *бәргарў* 'сюда, в эту сторону' (~ 'на юг'), *курібару* 'назад' (~ 'на запад'), *јірбару*¹²² 'туда, в ту сторону' (~ 'на север'), *күн ортусиңару* 'в полуденном направлении' (~ 'на юг'), *түн ортусиңару* 'в полуночном направлении' (~ 'на север'), *јүгәру* 'вверх'. Ср. в современных языках: алт. *тішкарі* 'наружу', *әңіргәрі* 'вечером', 'к вечеру', *д'аскарі* 'весной', 'к весне', *ічкәрі* 'внутрь', *ұчкарі* 'в конец', *күскәрі* 'осенью', 'к осени', *тәскәрі* 'наоборот, наизнанку';¹²³ башк. (диал.) *кішкарі* 'зимой', *хункарі* 'позднейе', *кіскәрі* 'вечером', *тәшкәрі* 'в обед';¹²⁴ гаг. *іләрі* 'вперед', *ічәрі* 'внутрь', *дішарі* 'наружу', 'снаружи'; казах. *әкінышарі* 'во второй раз', *әндігәрі* 'вперед, отныне', 'в дальнейшем'; кар. *артхарі* 'назад'; карач.-балк. *ічкәрі* 'внутрь', *тішхарі* 'наружу', *обарі* 'наверх'; тофал. *ондарі* 'направо', бурундарі 'вперед', *соңдарі* 'назад', *шікәрі* 'внутрь'; шор. *мінарі* ~ *мінәрі* 'сюда', *анаңарі* ~ *анәрі* 'туда', *ташкарі* ~ *ташкәрі* 'наружу'.

В отличие от аффикса *-бару* ~ *-kary* аффикс (бар ~ кар) присоединяемый обычно к местоимениям, часто встречается не только в наречиях, но и в падежной парадигме, ср. др.-турк. *аңар көрү білің* 'взираите на нее' (КТм₁₁), *муңар тәгір улублук* 'этого [человека] коснется величие' (МК I 352); алт. *мінәр* 'сюда', *анаң* 'туда'; башк. (диал.) *мәңца* ~ *мөңарба* 'этому',

¹²² *јірбару* < *јірі* ~ *арі* 'туда' + *-бару*, ср. *јіріja* 'туда' (КТм₁), *бәргарў* < *бәрі* 'сюда' + *-гарў*, ср. *бәріjä* 'сюда' (КТм₈).

¹²³ Кучигашева Н. А. 1) Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного и исходного) в современном алтайском языке, с. 6; 2) Наречие в алтайском языке, с. 54.

¹²⁴ См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 108.

ača ~ ačarba 'ему', *těgčä ~ těgčärğä* 'тому';¹²⁵ *kar.* *anap* 'ему'; кум. *bučar* 'этому', *shučar* 'тому', *obar* 'тому'; *nog.* (караног.) *mačar* 'мне', *cačar* 'тебе', *bučar* 'этому', *cočar* 'этому', *obar* 'тому'; *tat.* *möčar* 'этому', *ačar* 'ему', *shučar* 'поэтому'; *tat.* (диал.) *ulimarcä* 'моему сыну', *yzimärğä* 'мне самому';¹²⁶ *tuv.* *kajnär* 'куда?', *soňčär* 'назад'; *hak.* (качинск.) *čozar* 'наверх', 'вверх', *taschar* 'наружу', *chaschar* 'к весне', *chačar* 'к лету', *küscär* 'к осени';¹²⁷ *por.* *mînartïn ~ mînärtïn* 'отсюда', *anartïn ~ anärtïn* 'оттуда'. В якутском языке форма на -бар входит в парадигму притяжательного склонения имени: *ačabütičar* 'нашему отцу', *ačabütičar* 'нашему отцу', *ačalarıčar* 'их отцу'.

Происхождение аффикса *-baru ~ -kary ~ -bari ~ -kari* интересовало многих тюркологов, и по этому поводу было высказано несколько мнений. В. В. Радлову казалось почти бесспорным, что данный аффикс — составной (-ба ~ -ка — аффикс дательного падежа, -ру — наречный аффикс) и что в таком виде он вначале использовался для образования наречий, а затем, будучи выделенным как нечто единое, приобрел функции показателя направительного падежа.¹²⁸ По мнению Э. В. Севортияна, аффикс *-baru ~ -kary* образовался путем простого сочетания аффикса дательного падежа *-ba ~ -ka* с другим падежным аффиксом *-ra ~ -ru*.¹²⁹ Для С. Дуррана и Р. Р. Арата аффикс *-baru ~ -kary* — результат переразложения глагольных образований, точнее деепричастий (ср. *taš-ik-ap-y > taš-kary*, *ič-ik-ər-y > ičkär-y*),¹³⁰ для К. Каримова — деепричастие от глагола *kara-* 'смотреть'.¹³¹ А. Боржаков, не сомневающийся в том, что первым компонентом рассматриваемого морфологического показателя является аффикс дательного падежа *-ba ~ -ka*, второй из них (*-ru*) возводит к слову *ara*.¹³² Н. П. Дыренкова и А. З. Абдуллаев связывают *-baru ~ -kary* с аналогичным по своему фонетическому облику самостоятельным словом «рука».¹³³

Интерпретация аффикса *-baru ~ -kary* как двухсоставного неубедительна из-за отсутствия серьезных доказательств существования в тюркских языках «наречного» или падежного аффикса *-ra ~ -ru*. Трудно также согласиться с тем, что данный аффикс появился вследствие переразложения или преобразования деепричастий. Более приемлема гипотеза Н. П. Дыренковой и А. З. Абдуллаева о развитии аффикса *-baru ~ -kary* из самостоятельного слова. В пользу нее свидетельствует относи-

¹²⁵ См.: Юлдашев А. А. К изучению говора башкир Туймазинского района БАССР. — БДС, с. 144.

¹²⁶ См.: Бурганина Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 38.

¹²⁷ См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 156.

¹²⁸ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 31, 32, 65.

¹²⁹ Севортиян Э. В. Категория падежа, с. 60. См. также: Захарова О. В. Дательно-направительный падеж в языке «Кутадгу билиг». — Уч. зап. филологического факультета Киргизского гос. унив., 1957, 3, с. 73; Исенгалиева В. А. Функции дательно-направительного падежа в казахском языке. — Тр. ИЯЛ АН Казахской ССР, 1959, I, с. 96; Благова Г. Ф. 1) Турецкий аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. — ВЯ, 1963, № 6, с. 87; 2) Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (опыт сравнительно-типологического изучения). — ВЯ, 1970, № 1, с. 68; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 11.

¹³⁰ Duran S. Türkçede cihet ve mekân gösteren ek ve sözler, s. 4—5; Arat R. R. Türkçede cihet meşhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — Türkイヤt mecmuası, İstanbul, 1965, XIV (ayrı basım), s. 1. Ср.: Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen. — MSFOU, 1896, 5, p. 179.

¹³¹ Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», с. 8.

¹³² Боржаков А. Түркмен дилинде ат чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 66.

¹³³ Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 12; Абдуллаев Э. З. Түрк дилләrinde јөnlük hal şəkilçisinin mənşəsi nagynda. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1969, № 3—4, с. 116.

тельно широкая распространённость семантических переходов типа «рука > сторона» (ср. ст.-азерб. *ануң саб колїна вардум* ‘я пошел на его правую сторону’; в диалектах азербайджанского языка такое же значение может иметь слово *алл*,¹³⁴ ср. аффикс направительного падежа *-алла* в чувашском языке), а также то, что все известные аффиксы направительного падежа в тюркских языках образовались довольно поздно и восходят к самостоятельным словам.

Аффикс *-бар ~ -кар* — дальнейшее развитие аффикса *-бару ~ -карү*.¹³⁵ В. Банг, будучи уверенным в существовании автономной формы направительного падежа с аффиксом *-р*, сохранившейся у причастий типа *табар*, *алір*, *білур* и *тандір*, *албір*, разлагал *-бар* на *-ба* и *-р*.¹³⁶

Большую и важную проблему представляет вопрос об отношении к аффиксу *-бару ~ -карү* аффикса дательного падежа (*-ба ~ -ка*). По существу, он был поставлен еще в конце прошлого столетия, и ответом на него явилась попытка объяснить *-бару ~ -карү* как сочетание двух односложных аффиксов, *-ба ~ -ка* и *-рү*. Безусловно, есть основания думать, что аффикс *-ба ~ -ка* связан с аффиксом направительного падежа: он обнаруживает не только внешнее сходство с последним, но и близость семантических функций, чем, кстати сказать, объясняется постепенное «вытеснение» им аффикса *-бару ~ -карү* из числа продуктивных морфологических показателей. Однако, на наш взгляд, аффикс *-ба ~ -ка* должен рассматриваться не как компонент аффикса *-бару ~ -карү*, а как формально преобразованная разновидность его, хронологически более поздней, чем все другие разновидности, кроме *-а* (*-бару > -бар > -ба > -а*). Характерно, что аналогичным изменениям подверглась форма направительного падежа в хакасском языке и его диалектах (ср. *ајассарі > ајас-сар > ајасса > ајасса* ‘к дереву’; *-са* < *сарі* ‘сторона’).¹³⁷ Уместно заметить также, что преобразование двухсложных морфологических показателей в односложные является общеязыковой тенденцией, своего рода универсалией.

I, 9. Аффиксы направительного падежа (*-діва ~ -тіва ~ -дува ~ -тува* и *-віді ~ -кіді*) — *буду ~ -куду* используются только в тувинском языке, в котором они образовались, из послелогов *тіба ~ таба*¹³⁸ и *кіді* (? у З. Б. Чадамба: *куду* ‘вниз’¹³⁹). Примеры: тув. *дајдіва* ‘к горе’, *оттува* ‘к огню’, *хајадіва* ‘к скале’; тув. (тодж.) *таңбіді* ‘к горе’, *дәргіді* ‘на небо’.

I, 10. Ограниченнное распространение имеет и аффикс направительного падежа (*-сар*) — *зар ~ -са ~ -зә ~ -са ~ -за* (< *сарі* ‘в направлении, в сторону’ < *сарі* ‘сторона’, ср. ст.-узб. *баз* *сарі* ‘к саду’, Хорасан *сарі* ‘в направлении Хорасана’, *Ләңәр саріңа* ‘в сторону Лангара’; шор. *тајбә сәра* ‘по направлению к тайге’). Примеры: хак. *Абаканзар* ‘в Абакан’, *атсар* ‘к коню’, *хозанзар* ‘к зайцу’, *таңзар* ‘в горы’, *ібзәр* ‘в дом’; хак. (качинск.) *туразә(r)* ‘к дому’, ‘к юрте’, *ајасса(r)* ‘к дереву’, *көлзәр* ‘к озеру’; хак. (сагайск.) *туразарі(r)* ‘к дому’, *ајассарі(r)* ‘к дереву’; хак. (кызыл.) *хапса* ‘в мешок’, *әтсә* ‘к мясу’.¹⁴⁰

I, 11. Следующий аффикс направительного падежа — (*-алла*) — встречается в чувашском языке. Примеры: *вәрманалла* ‘по направлению к лесу’, *кіләллә* ‘к дому’, *отаралла* ‘к пасеке’.

¹³⁴ См.: Садыгов А. Ш. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века. — СТ, 1972, № 4, с. 129.

¹³⁵ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 79.

¹³⁶ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 48 ff.

¹³⁷ См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 153, 157.

¹³⁸ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 140.

¹³⁹ См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка. АКД. Новосибирск, 1970, с. 6, 16.

¹⁴⁰ Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 9; Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 153, 157.

Г. И. Рамстедт возводит аффикс *-алла* к слову *алә* 'рука' в форме дательного падежа.¹⁴¹ И. Бензинг видит в *-алла* сочетание аффиксов дательного и «наречного» падежей (*а-*+*-ла* < *-ла*).¹⁴²

I, 12. Некоторое время тому назад сначала Н. К. Дмитриев, затем Б. А. Серебренников и позднее К. Г. Менгес высказали предположение, что в древнетюркском языке или в тюркском праязыке существовала форма ~~дательно-направительного~~ падежа на *-к*.¹⁴³ из которой путем присоединения другого аналогичного по значению аффикса (*-а*) образовалась форма дательного падежа, используемая в большинстве современных тюркских языков. В связи с этим положение о том, что встречающийся в древнетюркском и в ряде современных тюркских языков аффикс дательного падежа *-а* развился из *-ба* (<*-ка*),¹⁴⁴ естественно, подверглось пересмотру.¹⁴⁵

Следы падежного аффикса *-к*, по мнению Б. А. Серебренникова, сохранились в форме глагольного имени на *-mak* и в форме будущего времени типа *олајак*, типичной для огузских языков. В пользу гипотезы Н. К. Дмитриева, Б. А. Серебренникова и К. Г. Менгеса свидетельствует также наличие в туркменском языке формы на *-к*,¹⁴⁶ относимой туркменскими лингвистами в литературном языке к наречиям, а в диалектах — к числу активных форм дательного падежа.¹⁴⁷

Попытка выделить падежный аффикс *-к* в формах на *-mak* и *-ајак* представляет определенный интерес: наряду с глагольными именами на *-mak* имеются глагольные имена на *-ма* и у глагольных имен на *-mak* иногда ощущается присутствие целевого значения, характерного для форм дательного падежа. Все же, не будучи достаточно аргументированной, эта попытка сама по себе не может служить основанием для внесения коррективов в традиционную реконструкцию падежной парадигмы тюркского праязыка.

Что касается последнего факта, а именно наличия в диалектах туркменского языка формы «дательного падежа» на *-к*, то он заслуживает особого внимания и как будто является убедительным доказательством упомянутой выше гипотезы. Рассмотрим его более подробно.

Форма «дательного падежа» на *-к* выступает главным образом в западных говорах ёмудского диалекта (на территории Казанджикского и Кизил-Атрекского районов). Примеры: *дүйәк* 'верблюду', *фүрәк* 'стаду', *Чәнишләрік* 'в [аул] Чекишлер'.¹⁴⁸ В литературном туркменском языке и в других диалектах она встречается лишь в словах, обозначающих направление: *іләрік* 'вперед', 'на юг', *ічәрік* 'внутрь', *дашарік* 'вне, наружу', *jокарік* 'вверх', 'на восток', *байрәк* 'назад', 'на север', *ашак* 'вниз', 'на запад',

¹⁴¹ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 56. Ср. примечания к этому изданию Н. А. Баскакова (с. 230).

¹⁴² Benzinger J. Tschuwashische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 454.

¹⁴³ Дмитриев Н. К. 1) Страны тюркских языков. М., 1962, с. 116; 2) Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, с. 51; Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*). . . , с. 69—71; Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 110. См. также: Гаджиева Н. З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков. — СТ, 1972, № 3, с. 6; Киеикбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 116 и сл.

¹⁴⁴ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 62, 81.

¹⁴⁵ О том, что *-ба* и *-а* в тюркских языках разные падежные аффиксы, см. также: Рорре N. Türkisch-tschiwassische vergleichende Studien, S. 418.

¹⁴⁶ См.: Потолевский А. П. Некоторыеrudиментарные падежные формы в туркменском языке. — Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 5—6, с. 14—15.

¹⁴⁷ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 108.

¹⁴⁸ См.: Амансыров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 5; Шамурадов К. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 18—19; Грамматика туркменского языка, I, с. 108.

аңрік 'туда', *бәрік* 'сюда', *бәjläk* 'туда, в ту сторону', *шәjläk* 'вот туда, в ту сторону', *нірәк* 'куда?'.¹⁴⁹

По вопросу о происхождении туркменской формы на -k, отсутствующей в других тюркских языках, высказано два мнения: *-k* — показатель архаической формы аллатива;¹⁵⁰ *-k* — усеченная разновидность аффикса направительного падежа *-karу ~ -karі*.¹⁵¹

Первые результаты анализа имеющихся в нашем распоряжении материалов не подтверждают ни заключения о функционировании *-k* в качестве реликтового морфологического показателя архаической формы аллатива, ни предположения о его связи с аффиксом направительного падежа *-karу ~ -karі*.

Как отмечают составители «Грамматики туркменского языка», *-k* при соединяется только к основам, оканчивающимся на гласные. Такого рода избирательность необычна при образовании падежных форм в тюркских языках. Очевидно, в данном случае мы имеем не то, что принято называть основами, а определенные грамматические формы, структурное постоянство которых вполне естественно. И в самом деле, одни из них — омертвевшие формы направительного падежа на *-karу ~ -karі*: *іләрі* 'вперед', 'на юг', *ічәрі* 'внутрь', *дашарі* 'наружу', *jокарі* 'вверх'; другие — деепричастно-наречные образования, выражающие направленность действия: *ယаrа* 'назад', *аңrі* 'туда', *бәrі* 'сюда'; третьи — продуктивные формы дательного падежа на *-a*: *бәa гітдіm* 'я пошел в аул', *jәңdә gіtдi* 'он отправился на север', *намä gәrәk* 'зачем нужно', ср. в западных говорах ёмудского диалекта: *бәak гітдіm*, *jәңdәk гітдi*, *намäk gәrәk*.¹⁵²

Обзор приведенных примеров убеждает в том, что все формы на *-k* передают те же значения и без него. В некоторых диалектах, например в салырском, а также «в туркменской разговорной речи» допускается параллельное употребление и той и другой формы, ср. *іләrі gіtдi ~ іләrіk gіtдi* 'он пошел вперед', *бәrі gәl ~ бәrіk gәl* 'иди сюда', *дашарі чіkдi ~ дашаріk чіkдi* 'он вышел наружу'.¹⁵³

Далее необходимо отметить, что если в *іләrі*, *ічәrі*, *дашарі* последний гласный краткий, то в формах *іләrіk*, *ічәrіk*, *дашаріk* он непременно долгий. Следовательно, *-k* присоединяется не один, а с гласным, составляющим вместе с ним единое целое. Был ли этот гласный первоначально лабиализованным или нелабиализованным, широким или узким, неясно, так как общим правилом стало уподобление его конечному гласному исходных форм, ср. *бәrіk* 'сюда' (*бәrі*), но *бәjläk* 'туда', 'в ту сторону' (*бәjlä*), *дүjäk* 'к верблюду' (*дүjä*).¹⁵⁴

Перечисленные особенности форм на *-k* в туркменском языке и его диалектах и учет специфики образования форм дательного и направительного падежей в тюркских языках вообще приводят к выводу, что использование *-k* с неизвестным гласным в начале как морфологического или квазиморфологического элемента — относительно поздняя региональная инновация.

¹⁴⁹ См.: Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 17; Грамматика туркменского языка, I, с. 101, 108, 389; Амансыров Ж. Түркмен диалектология. Ашхабад, 1970, с. 308—309. Аналогичные примеры приведены в одной из работ В. Котвича с пометой «Китайский Туркестан» (*нәrәk*, *бәrәk*). См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 52.

¹⁵⁰ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 108, 389.

¹⁵¹ См.: Шамурадов К. Западные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 19; Боржаков А. Вопросительные местоимения в туркменском языке. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 6, с. 60.

¹⁵² См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамурадов К., Аразкулов С. Түркмен диалинц диалектлеринц очерки. Ашхабад, 1970, с. 256.

¹⁵³ См.: Амансыров Ж. Түркмен диалектология, с. 309; Грамматика туркменского языка, I, с. 389.

¹⁵⁴ См. ниже, с. 55.

Элемент *-ik ~ -ak*, . . . , по всей видимости, восходит к самостоятельному слову, которое выполняло служебные функции послелога, управлявшего дательным падежом, или же к частице.

Примечательно, что в човдурском диалекте туркменского языка к словам, обозначающим направление, присоединяется ограничительно-выделительная частица *gīnə*: *jokarğıñə* 'на восток', *ashakgīñə* 'на запад', *ılərígīñə* 'на юг', *baıragıñə* 'на север', *aırıgıñə* 'туда', *bärígīñə* 'сюда'.¹⁵⁵ Учитывая это и другие упомянутые выше факты, мы считаем наиболее вероятным прототипом элемента *-ik ~ -ak* . . . усилительно-выделительную частицу *ok ~ ök*, которая близка по своей семантике к частице *gīnə*¹⁵⁶ и присоединение которой к именам, глаголам и наречиям прослеживается как в древних, так и в современных тюркских языках. Примеры: др.-турк. *cəñä-ok* 'тебе именно',¹⁵⁷ *ol-ok* 'тот же', *barbıl-ok* 'иди же', *ämdi-ok* 'теперь вот', *munta-ok* 'здесь же', *anتا-kıja-ok* 'там же', *ançulaju-ok* 'так же',¹⁵⁸ *bıñ-ök* 'я же', *ol ërni-ök* 'вот того мужчину',¹⁵⁹ *anðaß-ok* 'такой же', *burunnanak* (< *burunnan-ok*) 'издавна', *anتا-ok* 'тогда же';¹⁶⁰ ст.-узб. *Самарқанди-ок* 'именно Самарканд', *Möshñöðda-ok* 'в Мешхеде же', *tüjnlä-ok* 'ночью же'; алт. *ol-ok* 'то же', *bu-ok* 'это же', *anða-ok* 'там же', *ondij-ok* 'также';¹⁶¹ хак. *cınök* 'ты же', *suß* *хазынзарох* (*хазын-зар-ох*) 'к берегу же реки', *pariboxcha* (*parib-ox-ча*) 'он также пошел';¹⁶² туркм. *bajak* (< *baja-ok*, ср. др.-турк. *baja-ok* *köldim* 'я только что пришел')¹⁶³ 'раньше, прежде'; узб. *cizdanök* 'от вас же', *hızırök* 'только что', *hızırdañök* 'уже сейчас', 'сейчас же', *ütagan jılıjök* 'еще в прошлом году', *bırıncı jıldaýök* 'уже в первый год', *ërtagaýök* 'завтра же', *u kıldi dëgunchaýök* 'как только он пришел'; узб. (диал.) *bagınak* (< *bar-gıñ-ok*) 'иди-ка';¹⁶⁴ шир. *ılarbok* (*ılarba-ok*) 'с ними же', *ıraqtaçok* 'издалека же', *anarok* 'туда же', *pazok* (< *nac-ok*) 'опять', *chakiok* (< *chakiï-ok*) 'хорошо же', *mönök* *kölörümök* 'я тоже приду', *tajbadok* (< *tajbadəa-ok*) 'в тайге же', *andok* (< *anða-ok*) 'там же';¹⁶⁵ шир. (диал.) *aþok* (< *aþa-ok*) 'там же'.¹⁶⁶

Все изложенное выше имеет непосредственное отношение и к наречиям *bıläk ~ buläk*, *bıtäk ~ bутäk* 'сюда', *oläk*, *otäk* 'туда', встречающимся в говорах ёмудского диалекта. Дж. Амансыров полагает, что они состоят из указательных местоимений и «существительного в падеже».¹⁶⁷ Действительно, в них нетрудно выделить указательные местоимения *бу(л)* и *о(л)*. Почти наверняка могут быть выделены также существительные: в *булäk* и *oläk* — *apä* 'место' (*бул-apä-k*), в *butäk* и *otäk* — *mäj* 'сторона'

¹⁵⁵ См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949, с. 6, 17.

¹⁵⁶ В говорах узбекского языка частица *ok* иногда выполняет функции ограничительно-выделительной частицы, ср. в паркентском говоре: *daptarðan uştäjök* (лит. *uchtagina*) *köldi* 'остались только три тетради', *majlis saat bëشتäjök* (лит. *bëشتагина*) *bëshlanqan 5di* 'собрание началось только в пять часов'. См.: Афзалов Ш. Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Ташкент, 1957, б. 150.

¹⁵⁷ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 3.

¹⁵⁸ Там же, с. 369.

¹⁵⁹ Там же, с. 382.

¹⁶⁰ См.: Когкмаз Z. Türkçede *ok/ök* kuvvetlendirme (intensivum) edati üzerrine. — TDAY. Belleten (1961), 1962, s. 13—29.

¹⁶¹ См.: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка, с. 221.

¹⁶² См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 120.

¹⁶³ См.: T. D. K. Divanü lügat-it-türk tercümesi, I. Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939, s. 37.

¹⁶⁴ См.: Мамедов С. А., Киличев Э. Р., Нигматов Х. Г. Рец.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро групса шевалари. Ташкент, 1969. — СТ, 1972, № 4, с. 137.

¹⁶⁵ Дыренкова Н. П. Грамматика ширского языка. М.—Л., 1941, с. 82, 90, 247, 248.

¹⁶⁶ Там же, с. 89.

¹⁶⁷ См.: Амансыров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 12.

(*бу-тāj-ак*).¹⁶⁸ Последний же компонент в рассматриваемых формах является не надежным аффиксом, а, как можно предположить, стяженной частицей *ok*.

Таким образом, и материалы туркменского языка не дают убедительных доказательств существования в тюркском языке формы дательно-направительного падежа на -k. При этом традиционный взгляд на развитие аффикса дательного падежа -a из аффикса -ba ~ -ka путем выпадения согласного остается непоколебленным, тем более, что в распоряжении тюркологов имеются факты параллельного употребления того и другого аффикса в особых фонетических условиях, ср. др.-турк. *әлімқа ~ әлімә ~ әлімә* ‘моему племенному объединению’; шор. *којімбә ~ којіма* ‘моей овце’; кум. *атіма (~ атімбә)* ‘моему коню’.

I, 13. С. Е. Малов отнес к формам (направительного) падежа др.-турк. *бәріjä* ‘на юг’, *jүrіjä* ‘на север’, *куrіjä* ‘на запад’.¹⁶⁹ Последние, очевидно, не являются особыми падежными образованиями, на что указывали В. В. Радлов, В. Банг, А. Габен и Л. Базен. Правда, толкование их В. В. Радловым как сложных слов (ср. *бәrі+jak* ‘сторона’)¹⁷⁰ или как огузских форм дательного падежа на -a, предложенное В. Бангом,¹⁷¹ и объяснение Л. Базена, сопоставившего конечную часть в *бәrіjä* и *куrіjä* с послелогом *ijä*,¹⁷² встречают значительные трудности.

I, 14. Нет необходимости в подробном разборе наречий *öңдүрі ~ öңдүрті* ‘впереди’ (~‘на востоке’), *кәдірті* ‘сзади’, *үстүрті* ‘сверху’, *таштірті* ‘наружу, вне’, также иногда относимых к формам направительного падежа. Аргументы, приведенные В. Бангом и А. Габен в пользу интерпретации последних как деепричастных образований, достаточно убедительны.¹⁷³

I, 15. Аффикс (сравнительно-ограничительного) падежа (сравнительно-пределный, Aequativus, Quantitativus, le cas relatif) — (-ча ~ -ја). Примеры: др.-турк. *субча* ‘как вода’, *таңча* ‘как гора’, ‘с гору’, *өгүзчә* ‘как река’, ‘с реку’.

Аффикс *-ча ~ -ја* присоединяется к разным именам и выражает широкий круг значений. Так, форма, образованная при помощи указанного аффикса, передает в тувинском языке направительное значение: *хәмчә* ‘к реке’, *әжікчә* ‘к двери’; в староазербайджанском, староузбекском и алтайском языках — сравнительно-ограничительное: ст.-азерб. *дәвәјә* ‘[величиной] с верблюда’, *хіранҗа* ‘[длиной] с копыте’;¹⁷⁴ ст.-узб. *кілча* ‘с волосок’, *Кабул каріча* ‘как снег в Кабуле’, *бләкчә* ‘с кисть руки’, *сәнчә* ‘как ты’; в шорском — сравнительно-ограничительное (-чә) и продольно-направительное (-ча ~ -чә): *көрачә* ‘[величиной] с хариуса’, *субча сал* *әңча* ‘по реке спускается плот’. Ср. хак. *адајја* ‘[величиной] с собаку’, *чолја* ‘по дороге’, *харја* ‘по снегу’. С количественными числительными и с существительными, выступающими в сочетании с ними, *-ча* выражает приближенность, например: др.-турк. *јүзчә* ‘около ста’; ст.-узб. *міңчә* ‘около тысячи’, *бір ајча* ‘с месяц’; тур. *бінләрђ јїл* ‘(около) тысячи лет’; хак. *чібіргічә* ‘около двадцати’; якут. *үонча* ‘около десяти’, *сүрбөчә* ‘около двадцати’, *сүсчә* ‘около ста’. Присоединяясь к глагольным именам, аффикс *-ча* образует

¹⁶⁸ См.: Ашиян Ф. Д. Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* [бура] ‘это место’, с. 101.

¹⁶⁹ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, с. 45.

¹⁷⁰ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 85.

¹⁷¹ Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Siebter Brief: Neue Ansichten—neue Einsichten? — UJb, 1934, XIV, 3, S. 203.

¹⁷² Bang W. L'inscription d'Uyuğ-Tarlıq (Iénisséï). — Acta Orientalia, Havniæ, 1955, XXII, 1—2, p. 3.

¹⁷³ Bang W. und Gabain A. Türkische Turfan-Texte, I. — SPAW, philhist. Klasse, Berlin, 1929, XV, S. 261. Ср. у В. Котвича: *күндүрі* ‘в течение целого дня’ из *күн+дү+р+и*, где -дү — афф. дат.-местн. пад., -р — особый аффикс, -и — афф. принадлежности. См.: Kotwicz W. Studia nad językami ałtajskimi, s. 294—295.

¹⁷⁴ См.: Шукюров А. Дж. Наречие в азербайджанском языке. АКД. Баку, 1966, с. 9.

формы, относимые в большинстве своем к одной из групп деепричастий: др.-турк. *takî қалтî балîk* (*балак?*) *сув ічінтай јұзарчай* подобно тому как рыба плавает в воде' (Man I 17₁₃), *күчі жетмішиңчай* 'насколько хватало его сил' (USp 43₅), *улұб болдуңуңча* 'до того, как вырастешь' (XX₃₅₅); ст.-тур. *вардійнча* 'пока он не пошел' ('Ашырпаш 18); ст.-узб. *блгүйчай* 'пока не умрет', *таң аткунча* 'до рассвета', *бйшармаңчай* 'до созревания', *тінмаңурча* 'пока не утихнет', *көтәрмәгінчай* 'пока не поднимет'; казах. *ајтпајінша* 'не сказал'; шор. *кәлгәнчай* 'до того, как приеду'; якут. *барбітча* 'поскольку ушел', *көрбүтчай* 'поскольку увидел'. Ряд форм с аффиксом -ча постепенно обособляется и претерпевает существенные изменения в семантическом плане, ср. ст.-узб. *мобулча* 'монгольский', *түркчай* 'турецкий', *өзгәчай* 'другой'; башк. *татарса* 'татарский', *башкортса* 'башкирский'; кирг. *орусча* 'русский', *кірбізча* 'киргизский' (*орусчадан кірбізчая* *которбыла* 'переведите с русского на киргизский'); тур. *узунجا* 'длинноватый', *кізілжа* 'красноватый', *күнларја* 'гуннский' (*аврупанын күнларја істіләсі* 'гуннское завоевание Европы'); туркм. *баракалпакча* 'каракалпакский'.

Во всех тюркских языках имеются наречия, включающие в себя аффикс ча: др.-турк. *мунча* 'этак, так'; алт. *анча* 'столько', 'с того, с то', *мінча* 'столько', 'с этого, с это', *әртәнчай* 'назавтра, завтра', *алдінча* 'спереди', *артійнча* 'больше', *табінча* 'постепенно', *чіннча* 'по правде'; карач.-балк. *бізнічай* 'по-нашему'; таг. *бунжай* 'этак', *ајакча* 'стоя', *јалнізча* 'одиноко'; казах. *күсша* 'по-птичьи', *адамша* 'по-человечески', *баскаша* 'по-другому', *бізшай* 'по-нашему', *бүгінгішай* 'по-сегодняшнему', *сонша* 'столько', *канша* 'сколько?'; якут. *бачча* (*бу*), *ітіччай* (*іті*), *очко* (*ол*) 'столько'.

Форма на -ча не закрепилась в тюркских языках в падежной парадигме: далеко не все имена присоединяют к себе аффикс -ча, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического «контекста» (ср. -лар-ча, -ча-сі-на и т. д.). Имеются и другие особенности, отличающие -ча от прочих падежных аффиксов. «Единственный пункт, в котором элемент -са ~ -са еще не дошел до стадии обычного башкирского аффикса, — отмечает, например, Н. К. Дмитриев, — это ударение... все падежные аффиксы современного башкирского склонения принимают ударение, тогда как аффикс -са ~ -са — безударный». ¹⁷⁵ В таких тюркских языках, как тувинский, хакасский и шорский, аффикс -ча не подчиняется закону гармонии гласных, ср. шор. *тајбада pір ајчай ползам* 'я пробыл в тайге с месяцем'. Последнее обстоятельство побудило Н. П. Дыренкову относить -ча к служебным словам: послелогам или послелогам-аффиксам. ¹⁷⁶ Однако неподчинение аффикса -ча закону гармонии гласных объясняется скорее поздним процессом частичного разрушения гармонии гласных, чем сохранением относительной самостоятельности. Аффикс -ча действительно развился из послелога *чак, *чака или *чакли, как считает большинство тюркологов. ¹⁷⁷ Более того, такой послелог сохранился в тюркских языках, ср. башк. *шакті*, тат. *чаклай* 'до, вплоть до', 'размером с'; казах. *шакті*, кирг. *чакті*, түв. *шә*, узб. *чўлі*, чуваш. *чухлә*, якут. *саза* 'приблизительно, около', 'размером с'. ¹⁷⁸ Из этого, тем не менее, не следует, что -ча, подобно чаклай ~ чакті, функционирует как послелог. Кстати, при отсутствии гармонических разновидностей

¹⁷⁵ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 114.

¹⁷⁶ Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка, с. 64.

¹⁷⁷ См.: B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 173; R a d l o f f W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 65; Д е п у J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), p. 634; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 114; Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 140; Севортиян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, с. 98 и сл.

¹⁷⁸ См.: Коркина Е. И. О некоторых особенностях говора якутов Момского района. — В кн.: Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961, с. 31.

данного аффикса в хакасском языке употребляется мягкорядный вариант (-ч̄ ~ -j̄), тогда как постулируемый прототип его является твердорядным.

Прослеживание аффикса -ча в падежных и квазипадежных образованиях, а также в древнейших наречиях типа *бунча*, *анча*, *їнча*, *анчайңча* дает основание отнести его к общетюркским морфологическим элементам, появившимся на уровне прайзыка.

I, 16. Морфологический показатель, образующий форму предельного падежа (*Terminalis*) — -бача. Примеры: ст.-узб. *түнгача* 'до ночи', *ах-шамбача* 'до вечера', *кішкача* 'до зимы', *Їәмән нұдуудіңача* 'до границ Пемена'; узб. *бу кунгача* 'до этого дня', *төңбача* 'до горы', *jakинбача* 'до недавнего времени'; кирг. (диал.) *отузуничу ўйлажа* 'до тридцатого года'.¹⁷⁹

Данная форма, образовавшаяся путем слияния формы дательного падежа с послелогом *чаклі 'до'*, большинством тюркологов зачисляется в разряд наречий, что в общем соответствует действительному положению вещей. Хотя аффикс *-бача* распределен так же, как другие падежные аффиксы, налицо признаки его особого положения, характеризуемого ограничением в сочетаемости с причастиями и местоимениями и факультативностью употребления.

I, 17. Аффикс творительного падежа (ср. творительно-инструментальный, совместно-орудный, орудный, орудийный, инструментальный, *Instrumentalis*) — -їн. Примеры: др.-турк. *јашіл көк бәзәдің түмән јулдузін* 'ты украсил голубое небо тысячами звезд', *ðз әлігін бітій тәгіртім* 'я написал своей рукой', *күнін јатмаді көр түнін јатмаді* 'ни днем ни ночью не лежал', *білігін үкушун ішін ішләр* ёр 'муж делает дела знанием и разумением'. В современных тюркских языках аффикс *-їн* выделяет группу непродуктивных наречных образований: алт. *ð'азін* 'весной', 'всю весну', *ð'aїн* 'летом', 'все лето', *күзүн* 'осенью', 'всю осень', *кіжін* 'зимой', 'всю зиму', *түнін* 'ночью', 'всю ночь', *түжүн* 'днем', 'весь день', *канчазін* 'в который раз'; башк. (диал.) *кішін* 'зимой', *јадін* 'весной', *јәјін* 'летом', *кәбән* 'осенью';¹⁸⁰ казах. *жасарін* 'тайком', *астіртін* 'исподтишка', *жазай* 'летом', *кісін* 'зимой'; төфал. *чазын* 'весной', *кіһін* 'зимой', *чан* 'летом'; хак. (качинск.) *чајаңзін* 'летом', *часхізін* 'весной'; якут. *кінін* 'зимой', *сајін* 'лето', 'летом', *күнін* 'осень', 'осенью'.

Использование аффикса *-їн* как показателя творительного падежа в древности и присутствие его в составе наречий во всех современных тюркских языках — достаточно убедительные основания для введения формы творительного падежа на *-їн* в падежную парадигму тюркского прайзыка. Вместе с тем настороживает особое положение формы на *-їн* среди других форм, выразившееся в самом факте ее повсеместного исчезновения как падежной формы. Отдельные, очень редкие случаи употребления формы на *-їн* в собственном значении, насколько нам известно, обнаружены только в чувашском языке, ср. *аллан пар та уран ут* 'руками отдавай, ногами ходи' (пословица), *куз'ян кур-* 'видеть собственными глазами'.¹⁸¹

I, 18. Второй аффикс, или аффикс-послелог, творительного падежа имеет следующие разновидности: I. -ла ~ -ло; II. -бән (-бәнән) ~ -пән (-пәнән) ~ -мән (-мәнән) ~ -ман; III. -ба ~ -па ~ -ма; IV. -біла ~ -піла ~ -міла; V. -пала ~ -палан; VI. -бінаң ~ -пінаң ~ -мінаң; VII. -бан ~ -ман ~ -нан; VIII. -даң ~ -таң ~ -наң; IX. -лан ~ -нан. Примеры: азерб. (диал.)

- билән

¹⁷⁹ См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 10.

¹⁸⁰ См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 108 (примеры из айского говора).

¹⁸¹ См.: Андреев Н. А. Имя существительное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Чебоксары, 1957, с. 27.

бардашімнан 'с моим братом', *балтёжнан* 'топором';¹⁸² *алт.* *малтала* '(с) топором', *атла* '(с) конем', *којло* '(с) овцой', *ўнлә* '(с) голосом'; *гаг.* *авшамнан* 'вечером'; *казах.* *таспән* '(с) камнем', *тастармән* '(с) камнями', *казбән* '(с) гусем'; *кар.* *атба* '(с) конем', *ітбә* '(с) собакой'; *хак.* *атнаң* '(с) конем', *холнаң* '(с) рукой', *азахнаң* '(с) ногой'; *хак.* (*кызыл.*) *шілбіла* ~ *шілдібіла* ~ *шілдіман* '(с) конем', *аңачла* ~ *аңачпіла* ~ *аңачман* '(с) деревом';¹⁸³ *хак.* (*качинск.*) *аттінаң* ~ *аттаң* '(с) конем';¹⁸⁴ *чуваш.* *лаҗаба* ~ *лаҗабала* '(с) лошадью', *пулаба* '(с) рыбой', *манба* '(со) мной', *санба* '(с) тобой';¹⁸⁵ *шор.* *пічакра* ~ *пічакпіла* '(с) ножом', *малтаба* ~ *малтабіла* '(с) топором', *салбїнма* ~ *салбїнміла* '(с) ветром', *кэммә* 'с кем?'.

Варианты первой группы прослеживаются в алтайском и турецком языках, в кызыльском и бельтирском диалектах хакасского языка, варианты второй группы — в казахском языке и кураминских говорах узбекского языка, третьей — в караимском, чувашском и *шорском* языках, четвертой — в *шорском* языке, в кызыльском, бельтирском и сагайском диалектах хакасского языка, пятой — в чувашском, шестой и восьмой — в качинском диалекте хакасского языка, седьмой — в кызыльском, бельтирском и сагайском диалектах хакасского языка, девятой — в языках огузской группы.

Все приведенные выше варианты связаны между собой и по традиции, идущей от конца прошлого столетия, возводятся к послелогу *бірлән* ~ *бірләй* ~ *білән*.¹⁸⁶ Правда, в последнее время были предприняты попытки пересмотреть традиционное решение, по крайней мере для чувашского языка, и включить в число прототипов аффикса творительного падежа *союз ва*¹⁸⁷ или же считать соответствующую форму отражением некогда существовавшего в тюркских языках *комитатива* на *-п* ~ *-б*.¹⁸⁸

К послелогу *білән* восходит и аффикс орудного падежа *-нан* ~ *-нон* в якутском языке. В. В. Радлов возводил его к одному из компонентов послелога *білән* (*лән*),¹⁸⁹ что означает то же самое, так как процесс преобразования указанного послелога в аффикс заключался не только в асимилятивных изменениях согласных, но и в выпадении отдельных звуков и слогов. Особую позицию занял С. В. Ястребский, сопоставивший *-нан* с аффиксом совместного падежа *-лан* «у местоимений; собственных и притяжательных имен» и объяснивший изменение *л* в *н* присоединением аффикса *-лан* к основам с конечным *н*.¹⁹⁰ В связи с этим Л. Н. Ха-

¹⁸² См.: Ширапьев М. Ш. Новые диалектные данные для истории тюркских языков (по материалам азербайджанских диалектов). — СТ, 1970, № 5, с. 23; Дежаидзе В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965, с. 85.

¹⁸³ См.: Доможаков Н. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 10.

¹⁸⁴ Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 154, 157, 160.

¹⁸⁵ См.: Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибрайкинским говором чувашского языка, с. 170.

¹⁸⁶ См.: Денидзе Г. Формы и значения творительного падежа в хакасском литературном языке. — В кн.: Вопросы хакасского языка и литературы. Материалы и сообщения. Абакан, 1955, с. 145 и сл.

¹⁸⁷ См.: Павлов И. П. К вопросу о происхождении аффиксов *комитатива*, в чувашском языке. — В кн.: Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, 13–15 июня 1967 г. Тезисы сообщений. М., 1967, с. 29. Позднее им было высказано предположение, что аффиксы *-пала* и *-лан* соединяли в прошлом близкие по значению (синонимичные) аффиксы *-на*, *-ла* и *-н*. См.: Павлов И. П. К вопросу о генезисе формантов комитатива в чувашском языке. — В кн.: Чувашский язык, литература и фольклор, 2. Чебоксары, 1973, с. 329.

¹⁸⁸ См.: Segebrecht B. A. Über tschuwaschische Themen. II. Über den Ursprung der Instrumentalisierung im Tschuwaschischen. — АОН, 1964, XVII, 2, S. 134.

¹⁸⁹ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 31.

¹⁹⁰ Ястребский С. В. 1) Падежные суффиксы в якутском языке, с. 15; 2) Грамматика якутского языка, с. 52.

ритонов заметил, что «в якутском языке аффикс совместного падежа всегда произносится с долгим гласным и притом обычно узким».¹⁹¹

Очевидно, и алтайские наречия типа *түнілә* ‘ночью’, *яјіла* ‘летом’ отражают один из этапов преобразования указанного выше послелога. Ср. также: чuvаш. *с'ёрлә* ‘ночью’, *с'улла* ~ *с'уллаба* ‘летом’.

Связь с послелогом *білән* аффикса творительного падежа *-їн*¹⁹² сомнительна.

I, 19. Аффикс совместного падежа (*Comitativus*) — *-мн* ~ *-дїн* ~ *-тїн* ~ *-нїн* ~ *-лїн* ~ *-нїн*. Примеры: якут. *туруја саһіллїн* ‘журавль с лисицей’, *сірәјә күлбәхтїн* ‘лицо его с ушами’, *убајїм оютуңүн* ‘мой старший брат со своим ребенком’.

Форма совместного падежа образовалась, согласно предположению В. В. Радлова, из сочетания аффикса творительного падежа с аффиксом относительных прилагательных *-лї*: *ајалїн* ‘с отцом’ (< *аја-лї-їн*).¹⁹³ О. Бётлингк отождествлял первый компонент аффикса *-мн* с аффиксом отымененного образования глаголов *-ла*.¹⁹⁴ По мнению Е. И. Убрыатовой, форма на *-мн* — заимствование из эвенкийского языка.¹⁹⁵

I, 20. Аффикс винительного неопределенного (частный, партитивный, *Accusativus indefinitus*, *Partitivus*) — *-да* ~ *-до* ~ *-та* ~ *-то* ~ *-ла* ~ *-ло* ~ *-на* ~ *-но*. Примеры: якут. *атта тут* ‘поймай коня’, *мастла көрт* ‘наруби дров’, *ұта бас* ‘начерпай воды’.

Аффикс *-та* в якутском языке В. В. Радлов сопоставлял с усиливально-выделительной частицей *-та* ~ *-тә*.¹⁹⁶ С. В. Ястребский — с общетюркским аффиксом местного падежа, следы которого в якутском языке сохраняются также в форме относительных прилагательных, обозначающих место, ср. *тиатабї* ‘находящийся в лесу’.¹⁹⁷ Правильнее, пожалуй, было бы считать прототипом *-та* аффикс исходного падежа, совпадший в языке памятников рунической письменности с аффиксом местного.¹⁹⁸ Сам факт появления частного падежа в якутском языке Е. И. Убрыатова объясняет влиянием эвенкийского языка, точнее, контаминацией общетюркского местного падежа с эвенкийским винительно-назначительным.¹⁹⁹

I, 21. Второй аффикс совместного падежа — *-лїгү* упоминает Т. Текин.²⁰⁰ О подробной характеристике этого аффикса не может быть и речи, так как в нашем распоряжении лишь два примера его использования (БК_{33, 41}).

I, 22. Аффикс сравнительного падежа (уподобительный, *Comparativus*) — *-табар* ~ *-тобор* ~ *-дабар* ~ *-дбор* ~ *-лабар* ~ *-лбор*, якут. (диал.) *-тэгэй*,²⁰¹ в притяжательном склонении и у личных местоимений — *-набар*. Примеры: якут. *хатиң тіттәгэр бөгө* ‘береза прочнее лиственницы’ (resp. ‘по сравнению с лиственницей’), *хахај әхәтәгэр күстәх* ‘лев сильнее медведя’,²⁰² *маннатабар* ‘чем это’.²⁰³

¹⁹¹ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 111.

¹⁹² См.: Фулом А. Ӯзбек тилида келишиклар. Ӯзбек тилининг илмий грамматикаси учун материаллар. — Тр. Узбекского филиала АН СССР, II серия, филология, Ташкент, 1941, 2, с. 66, 78.

¹⁹³ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 32.

¹⁹⁴ См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 163.

¹⁹⁵ Убрыатова Е. И. О языке долган. — В кн.: Языки и фольклор народов сибирского Севера. М.—Л., 1966, с. 49.

¹⁹⁶ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 30.

¹⁹⁷ Ястребский С. В. 1) Грамматика якутского языка, с. 59; 2) Падежные суффиксы в якутском языке, с. 20.

¹⁹⁸ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 107—108.

¹⁹⁹ Убрыатова Е. И. О языке долган, с. 51—52.

²⁰⁰ Tekin T. A Grammar of Orkhon Turkic, p. 138.

²⁰¹ См.: Воронкин М. С. Грамматические особенности говора ессейских якутов. — Тр. ИЯЛИ Якутского филиала АН СССР, 1963, 4 (9), с. 128.

²⁰² См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 113.

²⁰³ См.: Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140.

Первая попытка дать этимологическое объяснение аффикса *-тāбар* была предпринята О. Бётлингком, отметившим в своей грамматике, что аффикс сравнительного падежа включает в себя аффикс исходного падежа *-тā* и что конечная часть его совпадает с окончанием дательного падежа у посессивных форм.²⁰⁴ Несколько позднее В. В. Радлов предложил рассматривать его как сочетание аффикса исходного падежа *-та(н)* со словом *ари* или с аффиксом направительного падежа *-бару ~ -карү*.²⁰⁵ С. В. Ястребский связывал аффикс *-тāбар* с кайбальским тобор 'поперечный', 'поперек',²⁰⁶ Ф. Г. Исхаков — с хакасским аффиксом исходно-начинательного падежа *-тацар ~ -дацар ~ -нацар*.²⁰⁷ Г. И. Рамстедт, как и многие другие тюркологи и алтайсты, отождествлял первый компонент аффикса *-тāбар* с аффиксом исходного падежа (*-тā*), что же касается второго компонента, то он видел в нем послелог *кёрә* 'согласно, соответственно'.²⁰⁸ Трудности идентификации аффикса *-тāбар* в целом или его компонентов с какими-либо тюркскими аффиксами или служебными словами вынудили Л. Н. Харитонова заявить о вероятности его образования не на якутской почве.²⁰⁹

Едва ли можно сомневаться в том, что одним из компонентов аффикса *-тāбар* был аффикс исходного падежа *-тā ~ -та*. Труднее определить характер и первоначальный облик второго компонента. Поскольку значение сравнительного падежа заключается в указании на некоторое превосходство по качественным признакам одного предмета, явления или живого существа над другим, можно предположить, что второй компонент аффикса *-тāбар* восходит к причастию на *-ар* от глагола *аңас* 'подниматься', 'переваливать', 'переходить какой-либо предел'. Ср. якут. *аңас* 'превосходящий других в каком-либо отношении' (*түргэнинän аңас* 'по скорости (в косьбе) он лучше').²¹⁰

I, 23. Второй аффикс (сравнительного) падежа представлен двумя группами вариантов: I. *-тīj ~ -dij*; II. *-tīj ~ -tuj ~ -dīj ~ -duj*. Примеры: алт. *куштīj* 'с птицу', *кандīj* 'как кровь', *түндīj* 'как ночь', *андīj ~ ондīj* 'такой', *мундīj ~ міндīj* 'этакий'; шор. *чажіндīb* 'как молния', *мэндīg ~ міндīb* 'этакий', *әндīg ~ андīb* 'такой'.

Н. П. Дыренкова обратила внимание на сходство аффикса сравнительного падежа в алтайском и шорском языках с послелогом-аффиксом *-дäg ~ -däk*.²¹¹ Последний, находясь на периферии падежной парадигмы или скорее даже за ее пределами, передко используется как словообразовательный элемент, ср. др.-турк. *сөнітäгләріг* 'подобных тебе' (вин. пад.; QBN 438₉); ст.-кипч. *күндәй* 'как солнце' (Cod. Сим. 69v₉); казах. *ајнадај* 'как зеркало';²¹² кум. *ајдај* 'как луна'; узб. *биздак* 'подобный нам', *сиздак* 'подобный вам'.

I, 24. Попытка ввести в падежную парадигму (уподобительную) форму на *-лајн ~ -лају ~ -лај* не получила поддержки тюркологов из-за своеобразия ее значения и ограниченности использования. Все же в некоторых тюркских языках, включая древние, аффикс *-лајн ~ -лају ~ -лај* употребляется довольно регулярно и серьезных препятствий для отнесения образуемой им формы к падежным, по существу, нет. Примеры: др.-турк. *адїглају* 'словно медведь', *бörләјү* 'подобно волкам', *кэлңізләјү* 'подобно

²⁰⁴ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 163.

²⁰⁵ R a d l o f f W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 32. Cp.: R ä s ä n e n M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 62. В отличие от В. В. Радлова М. Рясищен имеет в виду разновидность аффикса исходного падежа *-та*.

²⁰⁶ Ястребский С. В. Грамматика якутского языка, с. 62.

²⁰⁷ Исхаков Ф. Г. Имя существительное. — ИСГТЯ, II, с. 129—130.

²⁰⁸ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 43.

²⁰⁹ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 122.

²¹⁰ См.: Некарский Э. К. Словарь якутского языка. СПб., 1907, с. 18.

²¹¹ Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка, с. 67.

²¹² Мұсабаев Ф. Ф. Қосымша даі/дей, тай/тей туралы. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1955, 3—4, с. 47 и сл.

турным ручьям'; ст.-кишч, оврілајін 'как вор' (Cod. Cum. 30v₁₉), бузовләј 'как теленок', јавләјін 'как масло' (Cod. Cum. 70r₁₄, v₅), күгүрчиңләј 'как голубь', сөзләј 'как слово, подобно слову' (Cod. Cum. 71v_{5,15}), күмүшләј 'как серебро', јамбуруләјін 'как дождь', öтмәкләј 'как хлеб' (Cod. Cum. 72r_{4,15}, v₅); ст.-узб. сизләјін 'подобная тебе', Ваміклајін 'как Вамык', подобно Вамык; башк. балалај 'по-детски', кіддај 'по-девичьи', көштај 'по-птичьи'; башк. (диал.) төјмәләјін 'с пуговицу'; карач.-балк. сәнләј 'как ты'; кум. алмалајін 'как яблоко', 'с яблоко', бурчаклајін 'как горох', 'с горошину'. По происхождению форма на -лајін ~ -лају ~ -лај — деепричастная.

I, 25. Редкой является и другая подобительная форма — на -сіб (-сї — аффикс отыменного образования глаголов, -б — аффикс отглагольного образования имен), ср. др.-турк. овлансіб 'как ребенок', бәгсіг 'как бек' (бу ёр ол бәгсіг 'этот мужчина, как тот бек'), кулсіб 'как раб', 'подобный рабу'.

I, 26. Аффикс (исходно-начинательного) падежа («обозначает пункт, от которого начинается действие») -таңар ~ -даңар ~ -наңар, используемый в качинском диалекте хакасского языка, образовался из сочетания аффикса исходного падежа -таң ~ -даң ~ -наң с послелогом-аффиксом -ар (< андар),²¹³ ср. хак. (качинск.) постаңар 'далъше от себя', кізідәңәр 'от человека', парамнаң андар 'о моем ребенке'; шор. мінаң ара 'отсюда (и далъше)'.

I, 27. Аффикс -шан, образующий форму (причинно-целевого) падежа (Causalis) в чувашском языке, восходит к послелогу үчүн.²¹⁴ Преобразование послелога үчүн в аффикс происходит также в кумыкском языке.²¹⁵

I, 28. Аффикс (пределно-достижательного) падежа (Terminalis) в чувашском языке -чән ~ -чән И. Бенцинг сравнивает с послелогами чән (азерб.) и чәнли (туркм.) 'до'.²¹⁶ Ср. также: кирг. чәйін 'до' — отузунчу жілдә чәйін 'до тридцатого года'; шор. шән 'пора', 'время', 'мера'.

I, 29. Аффикс (лишнительного) падежа (Abessiv) -сәр, выделение которого в чувашском языке до недавнего времени являлось предметом споров,²¹⁷ стоит в одном ряду с общетюркским аффиксом именной привативности -сіз. Примеры: карач.-балк. мәңсіз 'без меня', бізсіз 'без нас'; кум. онсуз 'без него', оларсіз 'без них'; туркм. фәнғід 'без тебя', бағбанғід 'без садовника'. Большинство абессивных форм, как отметил А. П. Почелуевский, «подверглось переосмыслению и несет в настоящее время чаще атрибутивную функцию».²¹⁸

I, 30. В тюркских языках есть также формы обращения, которые иногда квалифицируются как падежные.

В древнетюркском и староузбекском языках обращение выражается при помощи аффикса -а (-ja). Примеры: др.-турк. ај мәбүчлара 'о маги!' (Uig I 7₁₀), ај јәкләрә 'о демоны!', әлігләр әлігіјә 'о предводитель предводителей!' (Uig IV A₁₀₃); ст.-узб. сакіја тут бадә 'виночерпий, держи вино', ділбәра кәл кәл 'о возлюбленная, иди, иди', Бабіра häргээз кулак шәріңба ол гүл салмади 'о Бабур, никогда та роза не прислушивалась

²¹³ См.: Диренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 119; Патакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 155. Несколько иначе объясняет происхождение аффикса исходно-начинательного падежа Ф. Г. Исахаков, сопоставляющий последний компонент с аффиксом направительного падежа -тар ~ -тар. См.: Исахаков Ф. Г. Имя существительное, с. 130.

²¹⁴ См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 469.

²¹⁵ Долинина Ю. П. Падежи в современном кумыкском языке. АКД. М., 1954, с. 11.

²¹⁶ Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 468. Чувашские языковеды не считают форму на -чән ~ -чән падежной. См.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке, с. 74—75.

²¹⁷ См.: Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, 1955, XII, с. 6—9.

²¹⁸ Почеклевский А. П. Некоторыеrudиментарные падежные формы в туркменском языке, с. 14.

к твоим стихам'. Следует, однако, отметить, что для староузбекского языка данная форма не типична: она встречается лишь в поэтических текстах, где ее использование представляет дополнительную возможность для образования соответствующего размера. Аффикс *-a* (-ja) развился из вокативной частицы.

В ряде современных языков, преимущественно в терминах родства, показателем вокатива является аффикс *-i*. Ср. башк. (диал.) *аттіj* 'отец!', (лит. *atāj*), *äcij* 'мать!' (лит. *äcāj*), *abij* 'старший брат!' (лит. *abāj*), *anij* 'старшая сестра!' (лит. *anaj*), *baeij* 'дядя!' (лит. *babaj*);²¹⁹ тув. (диал.) *uvaj* 'старшая сестра!', *duñmaj* 'младший брат (сестра)!', *çñgej* 'жена старшего брата!';²²⁰ чuvаш. (диал.) *adžj ~ adāj* 'отец!', *abaj* 'мать!', *niʃʃj ~ niʃʃaj* 'брать!'²²¹ Хотя появление *-j* относится к эпохе существования общетюркского языка, нет никаких оснований утверждать, что уже в праязыке он имел функции показателя звательного падежа. Как и другие морфологические элементы подобного рода, *-j*, очевидно, образовывал форму субъективной оценки. Ср. в тувинском языке: *avaj* 'мама!', *acha* 'папа!'.²²²

Аффикс *-ok*, употребляемый в чuvашском языке, заимствован из русского языка, ср. русск. *Василек*, *Васек*, *Игорек*. Заимствованными являются также аффиксы *o*, *u*, *ø*, *i*, образующие форму вокатива в диалектах гагаузского языка.²²³

Неясна природа аффикса *-(a)v ~ -(ə)v* в говорах чuvашского языка и в кумыкском языке. Примеры: чuvаш. (диал.) *attœv* 'отец!', *annœv* 'мать!';²²⁴ кум. *iñiñ* 'младший брат!', *öčiñ* 'тетя!', *añav* 'дядя!'.²²⁵ Ср. узб. *Halima-jy* 'Халима!', *Alim-əv* 'Алим!', *Talip-y* 'Талиш!'.²²⁶ То, что в кумыкском языке он присоединяется к именам собственным, независимо от их употребления в значении вокатива, дает право отнести и его к числу аффиксов уменьшительности-ласкательности.

В разных тюркских языках в качестве вокатива, помимо форм уменьшительности-ласкательности, используются формы принадлежности, например в хакасском языке — форма принадлежности 2-го лица, в татарском — 3-го лица: хак. *abāñ* 'дедушка!', *añañ* 'дядя!', *chañañ* 'старшая сестра!', *tañiñ* 'дядя (по матери)!'; тат. *ätic̄i* (при обращении жены к мужу), *änic̄i* (при обращении мужа к жене).²²⁷

Подводя итог обзору и анализу падежных форм, мы должны заметить, что многообразие их — следствие поздних процессов, о чем свидетельствует региональность употребления и относительная прозрачность этиологии.

Общетюркская парадигма на основе данных сравнительного исследования реконструируется нами в следующем виде:

²¹⁹ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора. — БДС, с. 90; Юсупов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка. — Там же, с. 151; Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 37; Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 8.

²²⁰ См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка, с. 16.

²²¹ См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора. — МЧД, III, с. 41.

²²² См.: Сат Ш. Ч. Материалы по тандинскому говору. — Тр. Кызыльского ГПИ, 1963, 3, с. 63.

²²³ См.: Grimba V. Sur le vocatif en gagaouze. — АОН, 1961, XIII, 3, p. 253—260.

²²⁴ См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора, с. 42.

²²⁵ См.: Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках. — ИСГТЯ, II, с. 329.

²²⁶ См.: Рулом А. Ўзбек тилида келишиклар, б. 6, 12; Гуламов Я. Г. О падежных формах в ташкентском говоре. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, LXIX, филологические науки, языкоизнание, 1955, 8, с. 52—53.

²²⁷ См.: Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках, с. 331.

1) Именительный (основной) —	
2) Родительный	*-i _η
3) Дательный	*-kā (< *-kāpy)
4) Винительный	*-i _β
5) Местный	*-mā
6) Исходный	*-mā ~ *-mān ~ *-mīn (? < *-mājan ~ *-mājīn)
7) Творительный	*-i _n
8) Сравнительно-ограничи- тельный	*-čā

Последняя форма, сохраняющая признаки послеложного сочетания, находится на периферии падежной парадигмы; форма же творительного падежа зафиксирована лишь в памятниках.

II. 1. Характеристике содержания падежных форм посвящено много работ. Наиболее значительные из них написаны А. В. де Гроотом,²²⁸ Р. Якобсоном²²⁹ и Е. Куриловичем.²³⁰ Взгляды каждого из них хорошо известны и неоднократно подвергались критическому разбору,²³¹ что избавляет нас от необходимости начинать очерк подробным специальным обзором. Мы остановимся, тем не менее, на основных положениях концепции Е. Куриловича, так как именно эта концепция образует методологическую основу нашего исследования.

Касаясь попытки Р. Якобсона дать структурно-семантическое описание падежей путем выделения общих и частных значений, Е. Курилович отмечает, что подобное описание было бы вполне возможным и эффективным, если бы объектом его были чисто семантические значимости. Там, где семантическое тесно переплетается с синтаксическим, необходим иной подход, предполагающий выделение сначала синтаксических различий, а затем семантических, так как семантика падежных форм устанавливается исходя из их синтаксических функций. Синтаксическая функция, таким образом, первичная функция падежной формы. Она может быть и ее содержанием, когда употребление падежной формы не связано с выражением какой-либо семантики, ср., например, форму винительного падежа, которая употребляется после переходных глаголов и указывает на подчинение имени глаголу, т. е. является формальным знаком синтаксической связи. Вместе с тем падежные формы могут быть выразителями тех или иных семантических значимостей, ср. винительный падеж цели при глаголах движения. Выражение семантической значимости — вторичная функция падежной формы.

Выделение двух функций, первичной и вторичной, Е. Курилович кладет в основу разграничения двух типов падежа: грамматического (cas grammatical) и конкретного (cas concret). У грамматического падежа первичная функция — синтаксическая, вторичная — семантическая (адвербальная); у конкретного падежа первичная функция — семантическая (адвербальная), вторичная — синтаксическая.

Различие между грамматическим падежом и падежом конкретным проявляется, в частности, в синтаксической позиции в отношении управ-

²²⁸ De Groot A. W. 1) Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas. — Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939, p. 107—127; 2) Classification of Cases and Uses of Cases. — In: For Roman Jakobson. The Hague, 1956, p. 187—194.

²²⁹ Jakobson R. 1) Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 1936, 6, S. 240—287; 2) Морфологические наблюдения над славянским склонением. 's-Gravenhage, 1958.

²³⁰ Kurylowicz J. Le problème du classement des cas. — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Kraków, 1949, IX, p. 20—43.

²³¹ См.: Чешко Е. В. К вопросу о падежных корреляциях. — ВЯ, 1960, № 2, с. 50—56; Степанов Ю. С. Проблема классификации падежей. (Совмещение классификаций и его следствия). — ВЯ, 1963, № 6, с. 36 и сл.; Fillmore Ch. J. The Case for Case. — In: Universals in Linguistic Theory. New York, 1968, p. 7 ff.

ляющего глагола. Грамматический падеж занимает доминирующую положение в группе глагола (центральная позиция), конкретный — находится на ее периферии (периферийная или маргинальная позиция). Это различие, применительно к тюркским языкам, очень просто и вместе с тем точно выразил Х. Карасаев. «... опущение косвенного дополнения, — пишет он, — не нарушает минимального смысла предложения... Опущение же прямого дополнения вносит неясность в значение предложения».²³²

Грамматические падежи в индоевропейских языках — винительный «прямого управления», именительный и приименной родительный; конкретные — инструментальный, дательный, отложительный, местный. Первые из них образуют каркас падежной системы, вторые — ее обрамление. Сущность конкретных падежей характеризуется помещением их между грамматическими падежами и наречием. Иными словами, конкретные падежи входят в падежную парадигму только в аспекте вторичной функции, первичная же их функция такова, что они должны быть отнесены к семантической системе адвербальных дериватов. Следовательно, грамматические падежи — синтаксическая система, в основе которой — управление имени или глагола; конкретные падежи образуют семантическую систему, в которой они объединяются своим адвербальным значением. Противопоставление именительного и винительного падежей — синтаксическая оппозиция, противопоставление грамматических и конкретных падежей — семантико-синтаксическая оппозиция, противопоставление же местного падежа исходному — семантическая оппозиция.

Переходя непосредственно к материалам тюркских языков, мы не ставим перед собой задачу подробно описать все значения падежей в каждом из них. Наша цель — раскрыть структуру содержания тюркских падежных форм и определить основные моменты соотношения в нем значений функционального и семантического порядка.

В тюркских языках грамматические, или, точнее, общие грамматические, падежи — именительный, винительный, родительный; конкретные — местный, дательный, исходный.²³³

Различие тюркских, как и индоевропейских, падежей в синтаксическом плане является выражением конструктивных особенностей предложения. Так, именительный падеж — падеж подлежащего, родительный падеж — падеж приименного определения, винительный падеж выступает как форма прямого дополнения, а местный, дательный и исходный падежи — как формы косвенного дополнения (обстоятельства). Все падежные формы, кроме формы винительного падежа, употребляются в функции сказуемого. Форма винительного падежа практически лишена этой функции, а форма родительного падежа выполняет ее реже других падежных форм: ст.-узб. *хум аниң бадә* *аниң* 'кувшин — его, вино — его';²³⁴ гаг. *о адам она ўуват ётмиш ани бу мёралар діл бир чорба йнин ама інсанін*

²³² Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке. — Тр. ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР (1944), 1945, I, с. 32.

²³³ Ср. ставшее почти традиционным в тюркологии деление падежей на грамматические и пространственные. См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 61; Севортиян Э. В. Категория падежа, с. 45. Критическое отношение к подобному делению с указанием на необоснованность трактовки ряда падежей как неграмматических выражено в работах: Закиев М. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — В кн.: Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964, с. 218; Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке. АКД. Уфа, 1971, с. 7. Это критическое отношение возникло, по всей видимости, вследствие некоторой терминологической неясности. Конечно, все падежи — грамматические, но в функционально-семантическом плане они распадаются на две группы, из которых одна, если так можно выразиться, более грамматична, чем другая. Речь идет о тех падежах, первичная функция которых синтаксическая.

²³⁴ См.: Турабова М. Я. Морфологические особенности языка «Шейбанинамэ» Мухаммеда Салиха. АКД. Ташкент, 1966, с. 6.

хәпсінін 'тот человек ему ответил, что эта земля не одного хозяина, а всех людей'.²³⁵

Из сказанного выше следует, что именительный, родительный и винительный падежи имеют различные общесинтаксические функции, тогда как местный, дательный и исходный — одну и ту же (преимущественно выражение косвенного дополнения-обстоятельства). Последние различаются в синтаксическом плане частными функциями, реализуемыми главным образом в правилах сочетаемости. Так, например, одни глаголы, причастия и послелоги требуют дательного падежа, другие — исходного.²³⁶

Семантические различия в отличие от синтаксических вытекают прежде всего из своеобразия значений самих падежных форм, и они четко выражены у тех падежей, которые не различаются в общесинтаксическом плане: у местного, дательного и исходного. Поскольку первичная функция этих падежей семантическая, их содержание можно описать путем выделения общих и частных значений в соответствии с концепцией Р. Якобсона.

Общие значения — результат абстрагирования от всех конкретных случаев семантического употребления падежных форм. Общее значение местного падежа заключается в указании на положение лица или предмета в пространстве и времени; дательный падеж обозначает лицо или предмет, к которым направлено действие или в отношении которых что-либо констатируется; исходный падеж указывает на исходный пункт во времени, пространстве, развитии, движении, сравнении и т. д.

Что касается частных семантических значений, которые есть и у общих грамматических падежей, то они наиболее полно и глубоко выявляются в оппозициях однотипных синтаксических единиц, ср. узб. *кардэшлар јэрдамি / кардэшларниң јэрдами*. Признак, лежащий в основе этого противопоставления, чисто семантический: сочетание с именительным падежом²³⁷ выражает преимущественно качественные отношения (*кардэшлар јэрдами* 'дружеская помощь'), сочетание же с родительным падежом — принадлежность, понимаемую очень широко (*кардэшларниң јэрдами* 'помощь друзей'). Другая оппозиция — алт. *он акчаб алдым / он акчадаң алдым*, в которую входят формы дательного и исходного падежей. Дательный падеж обозначает цену, стоимость, обменный эквивалент (*он акчаб алдым* 'я купил за десять копеек'), исходный — разделительность (*он акчадаң алдым* 'я купил по десять копеек [за штуку]'). Членами третьей оппозиции, ср. узб. *бўш сўм элди / бўш сўмни элди*, являются именительный и винительный падежи. Прямое дополнение имеет форму именительного падежа, если объект действия неопределенный (*бўш сўм элди* 'он взял [в дорогу] пять рублей'), и форму винительного падежа, если объект действия определенный или непосредственный (*бўш сўмни элди* 'он взял пять руб-

²³⁵ См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка, с. 115.

²³⁶ См.: Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке. Приложение, с. 45—53; Хыдыров М. Н. Послелоглар ве оларың уланылылышлары. Ашгабат, 1947; Коклинова А. А. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке. АКД. М., 1953, с. 8—15. Имеются также послелоги, управляемые родительным падежом. См.: Tieitz A. 1) Der freistehende Genitiv im Türkisch-Türkischen. — UAJb, 1958, XXX, 3—4, S. 183—194; 2) Ein Typus des freistehenden Genitivs im Aserbajdschanischen. — UAJb, 1960, XXXII, 3—4, S. 220—229.

²³⁷ В последние годы наметилась тенденция рассматривать нулевую форму (resp. форму именительного падежа) определительного члена конструкций тюркского изафета как особый притяжательный падеж. «В башкирском и в других тюркских языках, — пишет Р. Ф. Зарипов, — самостоятельно существуют два притяжательных падежа — определенный и неопределенный. В предложении оба эти падежа играют одинаковую синтаксическую роль, но по семантике они сильно дифференцированы». См.: Зарипов Р. Ф. О притяжательных падежах в башкирском языке. — В кн.: Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966, с. 210. Не считая необходимым останавливаться здесь на разборе критерии выделения падежей, заметим, что использование в определительной конструкции притяжательного (resp. родительного) или именительного (у Р. Ф. Зарипова — второго притяжательного) падежей лишь косвенно связано с выражением семантической оппозиции определенность/неопределенность.

лей [которые имелись в виду']). Значение определенности заключено в самом имени (имя собственное, местоимение, прилагательное, числительное) или создается своеобразием контекста, наличием определений, а также присоединением к имени аффиксов принадлежности. Определенность объекта делает употребление винительного падежа необходимым, но не абсолютно обязательным.²³⁸ Так, в разговорном казахском языке прямое дополнение, выраженное именем с аффиксами принадлежности 1-го и 2-го лица, иногда стоит в именительном падеже.²³⁹ Нарушение правил нередко допускается в поэтических текстах в целях сохранения размера, ср. др.-турк. *сұңға бәрді бу пәнд әзүм* 'я сам дал тебе этот совет', *сіzlärgä bәrämäñ јуртум* 'вам я отдаю свои владения', *калі кіjsäç atлас унұтма бозүң* 'если наденешь атлас, не забывай свою бязь'. Следующую оппозицию образуют именительный и исходный падежи, ср. ст.-узб. *ол арак iчti / ол аракдін iчti*. О значении формы именительного падежа при выполнении ею функций прямого дополнения говорилось выше (*ол арак iчti* 'он пил водку'). Форма исходного падежа с глаголами *ал-*, *iч-*, *jә-* и некоторыми другими выражает партитивность (*ол аракдін iчti* 'он выпил водки'). Разумеется, число оппозиций и выявляемых при их помощи частных семантических значений не ограничивается этими примерами.

Одним из факторов, способствующих возникновению семантических различий падежных форм, является семантика имен. Так, в староузбекском языке и ряде диалектов узбекского, башкирского, ногайского, туркменского языков употребление косвенного дополнения в именительном падеже при глаголах движения имеет место чаще всего тогда, когда имена являются географическими наименованиями или обозначениями единиц политico-административного деления.²⁴⁰ Употребление именительного падежа в обстоятельственной или авербиальной функции прослеживается у имен со значением времени года или времени вообще. Примеры: ст.-узб. *чаjир iчмäс күнләрі наштнї кәзäр эди* 'в дни, когда не пил вина, пользовался наркотическими средствами'; башк. *бадар кбнб килгэйд* 'приходите в воскресенье'; гаг. *о вакитлар бән тракторији шилдим* 'в то время я работал трактористом'; кирг. *күш арабаçдї камда јаз чанаңдї камда* 'зимой готовь телегу, летом готовь сани'; шор, ол *күн кәлгэн* 'он приехал в тот день'. Глагольные имена в дательном падеже выражают, как правило, значение цели. Эта же падежная форма у числительных или имен, обозначающих время, передает значение предела. Когда форма исходного падежа образована от количественных числительных, а также от счетных слов и существительных, выступающих в сочетании с количественными и разделительными числительными, то при глаголах *ал-*, *бәр-* и некоторых других она имеет преимущественно разделительное значение, например: узб. *мән бунi бәши сўмнан элдим* 'я взял это по пять рублей [за штуку]'; будучи же образованной от имен, обозначающих лиц, эта форма указывает на исходный пункт отложительного действия: узб. *мән бунi бәши кишідан элдим* 'я взял это у пяти человек'; форма ис-

²³⁸ Относительно оформленности и неоформленности прямого дополнения см.: Камилова Х. 1) О винительном падеже в узбекском языке. — Уч. зап. Ташкентского ГПИ, 1947, 1, с. 51—58; 2) Ўзбек тилидаги тўлдирувчилик ҳақида. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, 1, с. 144—157; Балақаев М. Б. 1) Қазақ тіліндегі тұра толықтауыштар. — Вестник АН Казахской ССР, 1948, № 10 (43), с. 58—71; 2) Қазақ тіліндегі тұра толықтауыштардың жалғаулы, жалғаусыз жұмысалуы. — Вестник АН Казахской ССР, 1948, № 12 (45), с. 19—28; Дирикова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 23; Иванов А. И. Прямой объект и формы его выражения в чувашском языке. — Уч. зап. [Чувашского] НИИ, «Филологический сборник», 1965, XXVIII, с. 89 и сл.; Чижекова Е. Н. О прямом дополнении в алтайском языке. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1971, 10, с. 121—129.

²³⁹ См.: Курышжанов А. Значение аккузатива в языке Codex Cumani-cus. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 46—47.

²⁴⁰ См.: Зарипов Р. Ф. Категория падежа в башкирском языке, с. 9.

ходного падежа от предметных существительных при упомянутых выше глаголах выражает значение партитивности: алт. *аракідаң аштаң ічіп діді* ‘он попил водки, поел пищи’; кирг. *чајдан ічтік* ‘мы выпили чаю’; узб. *суевдан эліп кәлің* ‘принесите воды’.

Важную роль в образовании семантических различий падежей играет семантика управляющих глаголов. Как указывалось выше, при глаголах движения именительный падеж может быть формой косвенного дополнения. Примеры: ст.-узб. *Бухара барді* ‘он отправился в Бухару’, *Хорасан жәтті* ‘он дошел до Хорасана’; башк. (диал.) *район салтімйү* ‘в район ты съездил?’, *ул кітті бөгөн Давлакан* ‘он уехал сегодня в Давлеканово’;²⁴¹ ног. *мән ат міндім* ‘я сел на лошадь’; кирг. *базар бар* ‘иди на базар’; туркм. *Јолёттән гіттім* ‘я поехал в Йолотань’;²⁴² узб. *ұқір мактап кәліп* ‘придя в школу, учись’, этам *Гәшкәнт бәрганла-*
рида ‘когда мой отец отправился в Ташкент’.

Ниже приведены дополнительные сведения о синтаксических функциях и семантических значениях отдельных падежей. Часть фразовых примеров взята из грамматических работ указанных выше авторов.

A) Грамматические падежи

Именительный падеж в тюркских языках является особым грамматическим падежом: синтаксические функции его значительно шире функций именительного падежа в индоевропейских языках, что послужило причиной неодинакового наименования его в специальной литературе (основной, главный, неопределенный и т. д.). В форме именительного падежа выступают имена, выполняющие функции подлежащего, прямого и косвенного дополнений, определения, обстоятельства, именной части сказуемого.

Подлежащее в именительном падеже употребляется со всеми глаголами в форме любого залога.

Использование формы именительного падежа в функции косвенного дополнения возможно в устойчивых сочетаниях типа ст.-узб. *ајакдін баш* ‘с ног до головы’, при прямом дополнении в винительном падеже («сделать что-нибудь чем-нибудь»): ст.-узб. *муні пајтахт қіліп әді* ‘он сделал этот [город] столицей’, *janimni kіlibdур су* ‘душу мою она растворила (букв. сделала водой)’.

Особые случаи употребления прямого и косвенного дополнений в именительном падеже — при сочетании личных и указательных местоимений с существительными или прилагательными в качестве аппозитивных членов, ср. ст.-узб. *мән зағіфі* ‘меня слабого’, *мән бәзарані* ‘меня бедного’, *мән аварані* ‘меня скитальца’, и при перечислении, когда в ряду сополагающихся имен падежное оформление получает только последнее имя, ср. ст.-узб. *Ташкәнд ва Шаҳрухия ва Сайрамні аліп әді* ‘он захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам’, *ічмәк ва јәмәк ва ужкуңа хұрсанд* ‘они рады питью, еде и сну’; кирг. *мән кој уј јілкі төгө туз бәрдім* ‘я дал соли овцам, коровам, лошадям и верблюдам’.

Определение имеет форму именительного падежа в конструкциях тюркского изафета 1-го и 2-го типов: гаг. *күш авшамі* ‘зимний вечер’, *кардаш жардімі* ‘братьская помощь’; кирг. *алтін балік* ‘золотая рыбка’, *әркәк бала* ‘мальчик’, *күн жак* ‘солнечная сторона’.

(Винительный падеж) — падеж прямого дополнения при переходных глаголах, однако в староузбекском и современном узбекском языке прямое

²⁴¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 14; Максютова Н. Х., Яруллина У. М. Из наблюдений над башкирскими говорами. Уфа, 1963, с. 15. См. также: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 37.

²⁴² См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — ВДТА, IV, Баку, 1966, с. 123.

дополнение в винительном падеже встречается с глагольными формами страдательного залога: *эшні јёйлди* 'ели плов', *чојні ічілди* 'пили чай'.²⁴³

Б) Конкретные падежи

Глагольные имена в ~~(местном)~~ (местно-временном) падеже уточняют время совершения основного действия: кирг. *мэн кэлгэндэ ал јазді* 'когда я пришел, он писал'; узб. *уніқ ҳакіда ғапірганімізда бір кіши шікәжат кіліп кэлді* 'когда мы говорили о нем, пришел человек с жалобой'; *шор, күсکү кэлгэндэ шаналярін таңрап азік аліп таңда аңнап парғаннар* 'когда наступила осень, они починили лыжи, взяли провиант и отправились охотиться в тайгу'.

Глагольное имя на *-mak* в форме местного падежа в турецком, узбекском и других, главным образом огузских и карлукско-уйгурских, языках функционирует как *verbum finitum*, передавая непрерывное, обычно совершающееся действие: тур. *бу мэсэлэ ўзэріндэ дурулласына лүзум гөрмәмәккәјім* 'не вижу необходимости останавливаться на этой проблеме', *онлар бази дәлләрләз бу фікрә қаршы гәлмәктә іділәр* 'они, [приводя] некоторые аргументы, выступали против этой точки зрения'; туркм. (диал.) *ишләмәк-дәмід* 'мы работаем';²⁴⁴ узб. *сувчіларіміз күнлік суңарыш нормасіні эшіріп бағармәкталар* 'наши поливальщики перевыполняют дневную норму полива'; уйг. *сүбіріш ішліріні кізбін јүргүзмәктә* 'горячо проводят поливные работы'.

В староузбекском языке и диалектах современного узбекского языка форма местного падежа, преимущественно у названий городов, областей, стран, выражает направление действия или его предел: ст.-узб. *Кундузда кэліп* 'прия в Кундуз', *Самарканда барғанда* 'когда отправились в Самарканд'; узб. (диал.) *ман Біждувэнда бәраман* 'я отправляюсь в Гиждуван', *мунда кэлің* 'идите сюда',²⁴⁵ *ојда јүрің* 'пойдемте домой', *кінәдә бәддік* 'мы ходили в кино'.²⁴⁶

В памятниках древнетюркской письменности с формой местного падежа совпада форма исходного, ср. *кағанта болён кэлті* 'от [тибетского] кагана пришел белён', *Кара көлтә сүңүшидүмүз* 'мы сразились при Кара-кёле', *түргаш кағанта көрүг кэлті* 'от тюргешского кагана пришел лазутчик'. Следы подобного совпадения обнаруживаются также в некоторых современных тюркских языках, в частности в диалектах азербайджанского и хакасского языков.²⁴⁷

Пательный падеж обозначает:

а) лицо или предмет, к которым направлено действие: казах. *шакір-маған жәргә барма* 'не ходи туда, куда не зовут'; кирг. *ал орунба отурұду* 'он сел на место'; туркм. *боңшулара гітті* 'она ушла к соседям'; якут. *күйләгә күстар түстүйләр* 'на озеро опустились утки';

б) лицо или предмет, в отношении которых совершается действие или констатируется какое-либо состояние: ст.-узб. *яхширак сөн мәңә öz оғлумадын* 'ты для меня лучше родного сына'; башк. *уңа ні булған* 'что с ним случилось?'; шор. *піскә қам кәрәк чок* 'нам шаман не нужен', *їлар сөккә тің корукчалар* 'они очень боятся холода';

в) предел во времени и пространстве, до которого происходило или будет происходить действие: ст.-узб. *таңдін акшамда* 'от зари до сумерек';

²⁴³ См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тетина, с. 102; Фулом А. Ўзбек тилида келишиклар, б. 9.

²⁴⁴ См.: Аразкулиев С. Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР. АКД. Ашхабад, 1962, с. 13.

²⁴⁵ См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро группашевалари, б. 47.

²⁴⁶ См.: Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка. АКД. М., 1959, с. 16.

²⁴⁷ См.: Патачакова Д. Ф. Категория падежа в качинском диалекте хакасского языка, с. 158; Ибрагимов Б. М. Заметки о морфологических особенностях говоров Лачинского района.— ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 84.

башк. *сәйәт бишка қайта* 'он вернется к пяти часам'; кирг. *отузба чүктөм* 'мне исполнилось тридцать лет'; хак. (качинск.) *піс часха кіләзэр* 'приходите к пяти часам'; шор. *йлар ўш күнгә шібара тојладилар* 'они пировали в течение трех дней'; якут. *кәләргә күн ўйһ турар өтә* 'к [нашему] приходу солнце стояло высоко';

г) цель, предназначение: ст.-узб. *курған бўрқатмәқліккә баш кўрәк* 'чтобы укрепить крепость, нужна голова'; алт. *сұға барад* 'он пойдет за водой', *атті тударға барді* 'он пошел ловить коня'; казах. *мән наң алуңа кәттім* 'я отправился за хлебом'; кар. *бір тас тасламакка* 'камень для того, чтобы бросать'; ног. *карт тәзәккә кәтті* 'старик уехал за кизяком'; тат. *балалар урманға жіләккә кіттіләр* 'дети ушли в лес за ягодами'; туркм. *окамага гәлди* 'он приехал учиться'; уйг. *Касим окушка кәтті* 'Касим уехал учиться'; хак. *ол абасха парван* 'он уехал за лесом', *ол ўгрәнәргә парбан* 'он уехал учиться'; шор. *мән атка парбан* 'я пошел за лошадью';

д) цену, стоимость, обменный эквивалент: кирг. *ал јўз сомбо кој сатіп алді* 'он купил баранов за (~ на) сто рублей'; туркм. *бу аті јүд манада алді* 'он купил эту лошадь за сто рублей'; узб. *мән буні баш сўмба әлдім* 'я купил это за пять рублей', *у бу тэвукни чејда алмашибиди* 'он выменял эту курицу на чай'; шор. *мән чўс салковаја албіңа саттім* 'я продал соболя за сто рублей'; якут. *харчыңа йлім* 'я взял за деньги';

е) причину (что более характерно для исходного падежа): алт. *коркі-жанына ол оруј бәрді* 'он от испуга заболел', *шүрбәнба түшкәрі чиңп болбос* 'из-за выюги нельзя выйти во двор'.

В самаркандско-бухарской группе говоров узбекского языка дательный падеж может выступать в значении местного, что принято связывать с влиянием таджикского языка.²⁴⁸ В. В. Решетов, не исключающий возможность таджикского влияния, все же предпочел объяснить этот случай существованием в староузбекском языке особой падежной формы, совмещавшей функции дательного и местного падежей.²⁴⁹ Примеры: *акам калхозга ішлайді* 'мой старший брат работает в колхозе', *ман бәшінчі сінфга дарс бәраман* 'я даю уроки в пятом классе', *біз јеткә туралыз* 'мы живем в общежитии', *кітебларім уја көлган* 'мои книги остались дома'.²⁵⁰ Сходное явление отмечено в тувинском языке, в котором форма дательного падежа употребляется в значении местного лишь при глаголах в будущем и прошедшем времени, в настоящем же времени такое употребление ее исключено, ср. *мән Кізілба чурттап турған мән* 'я жил в Кызыле', *мән Кізілба чурттар мән* 'я буду жить в Кызыле', *мән Кізілда чурттап тур мән* 'я живу в Кызыле [в данный момент]'.²⁵¹ В якутском языке указание на место — одно из обычных значений формы дательного падежа при глаголах статического плана:²⁵² *ат далба турар* 'лошадь стоит в загоне', *ат далба кірәр* 'лошадь входит в загон'. В памятниках древнетюркского языка дательный падеж обозначает время: *tokuz јәгірмі јашімба өгсүз болуп* 'оставвшись к девятнадцати годам без матери' (ЕП 45₂), *јунд јіл алтїнч ај он јаңика* 'в год лошади, шестой месяц, десятый [день]

²⁴⁸ См.: Мирзаев М. Об употреблении дательного и местного падежей в бухарском говоре узбекского языка. — Уч. зап. Бухарского ГПИ, Ташкент, 1957, с. 69—72. Ср.: Йулдомов А., Рузинев Г. Ўзбек тилидаги жўналиш ва ўринпайт келишиклари доир. — В кн.: Ўзбек филологияси масалалари. Ташкент, 1970, б. 18 и сл.

²⁴⁹ Решетов В. В. Узбекский язык, I. Введение. Фонетика. Ташкент, 1959, с. 25. См. также: Маруфов А. Ўзбек адабий тилидаги икки келишик формаси ҳақида. — ЎТАМ, 1958, № 1, б. 45; Фуломов Ё. Ф. Ўзбек тилида қаратқич ва түшум келишиклари ҳақида. — Там же, б. 47.

²⁵⁰ См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро групса шевалари, б. 47; Зияева И. Дательный падеж в узбекском языке. АКД. Самарканд, 1966, с. 8.

²⁵¹ См.: Исааков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. с. 128, 134.

²⁵² См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 109.

новой [луны]’ (Usp 3₁), *тöртүнч ај токуз отүзбä* ‘четвертого месяца, двадцать девятого [дня]’ (МБ I₁).²⁵³

Синтаксическая функция дательного падежа проявляется в сочетании с каузативами, когда он обозначает лицо или предмет, побуждаемые или допускаемые к совершению действия: кирг. *кiшiгä соjdурдан коj* ‘баран, зарезанный человеком’; тув. *хoj бöрjgä чидирткэн* ‘овца съедена волком’; шор. *апшакка манаттöрдим* ‘меня выслеживал медведь’.

Основное значение исходного падежа — исходное, в смысле указания:

а) на исходный материал или среду, на исходный пункт во времени, пространстве, развитии: азерб. *сэл дајдан ахiрдi* ‘поток побежал с гор’, *сähärдän соjуз ѫл асiр* ‘с утра дует холодный ветер’; алт. *бörü малдаң бiр баjталдi туттi* ‘волк схватил из табуна одну кобылицу’, *кара түлкүйдөң тон ётти* ‘он сделал шубу из чернобурой лисицы’;²⁵⁴ казах. *бiз тавданбiз* ‘мы с гор’; кар. *ол яраттi топрахтан балчихтан* ‘он создал [его] из земли, из глины’; кирг. *сöз сөздөн түйт* ‘слово рождается от слова’; тув. *бу столду шiвiдэн кiльдан* ‘этот стол сделали из ели’, *мэн аkitdan чаjä алдiм* ‘я получил от брата письмо’; шор. *кёббөдөң азiк ал* ‘возьми провизию из лодки’, *шорлар арбадаң талкан iштöпчалар* ‘шорцы делают из ячменя толокно’;

б) на то, с чем что-либо сравнивается: азерб. *Бара дäniз Xäzärdän däriñdir* ‘Черное море глубже Каспийского’; алт. *слэрдiң сös күмүштөң бälү* ‘ваше слово дороже серебра’; кар. *jokt дзомартлiрак коj соjувцудан* ‘нет более щедрого, чем тот, кто режет овец’, *кiцирәк мацiдөн* ‘меньше кошки’; кирг. *кiтöп дзиптэрдэн чоң* ‘книга больше тетради’; уйг. *аттiн ёгiз iшттiн пäс* ‘выше лошади, ниже собаки’; хак. *пiр хозаннаң күстiг* ‘волк сильнее зайца’; чуваш. *пiлдан да туттä* ‘спаще меда’, *ёдэмрөн вайли* ‘сильнее человека’; шор. *казiңнаң кадiв* ‘твёрже березы’;

в) на причинно-следственные взаимосвязи: азерб. *о бу сöзү аjиjиндан дädi* ‘он сказал это со злости (~ от злости)’; алт. *сöккө тоңдонимнаң колдориm кабiшпаj бардi* ‘из-за того, что замерз, мои руки не стали сгибаться’; карач.-балк. *уалуандан конакнi бëti кiзарбаң әди* ‘от стыда лицо гостя покрылось краской’; башк. *алтiн тапкандан шатлана* ‘он радуется тому, что нашел золото’; кар. *башлади улус чидама сувсаптан да ачлiхтан* ‘народ начал страдать из-за жажды и голода’; кирг. *тiл бiлбөгэндиктэн мэн јакши iштөj албадiм* ‘из-за того, что я не знал языка, я не мог хорошо работать’; тув. *сöктан доңар* ‘от холода мерзнут’; тур. *боjаздан яtti* ‘она слегла из-за [болезни] горла’; узб. *каттik сэвуктан һамма аrikлар музлап кэлди* ‘из-за сильных холодов замерзли все арыки’; чуваш. *с'ин пурдан кёмэрэм* ‘я не вошел потому, что там был человек’;²⁵⁵ якут. *тiмниттан сiр хаjита барбита* ‘от мэроза земля потрескалась’;

г) на то, что является средством, орудием совершающего действия, или на того, кто выступает в роли посредника: ст.-узб. *Хоjа Каландiн ярмак јiбариldi* ‘деньги были посланы через Ходжу Калана’; алт. *öбögön кöзнöк-тöң кöрдi* ‘старик видел из окна (~ через окно)’; чуваш. *аz'у сана укс'a күржёрэн парза janä* ‘отец послал тебе деньги через соседа’; шор. *злчидзiң пiлiн алдiм* ‘я узнал через посла (~ от посла)’;

д) на место, где происходит действие (resp. движение): тат. *баскiчлар-дан мäйiп* ‘поднявшись по ступенькам’; тур. *чамурлу ѡолдан гiдiйорлар* ‘они идут по грязной дороге’;

е) на то, что действие переходит на объект путем приложения его к определенной части: башк. *кулiмдан тöттi* ‘он схватил меня за руку’, *бöбадiнан алдi* ‘он схватил его за горло’; ног. *ол тартпаңа моjиннаң*

²⁵³ См.: Ванг W. Zu den türkischen Zeitbestimmungen. — Túrán, Budapest, 1918, 1—2, S. 91.

²⁵⁴ См.: Кучигашева Н. А. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке, с. 14.

²⁵⁵ О значениях падежных форм в чувашском языке см.: Иванов А. И. Склонение и его роль в чувашском языке, с. 93—99.

асылған ‘он повесился на перекладине (букв. за шею)’; тат. *баланъ башынан* *сийлади* ‘он погладил ребенка по голове’; тур. *колумдан чәкілдігіні* *хисеттім* ‘я почувствовал, что меня тянут за руку’, *јанакларімдан өттү* ‘он поцеловал меня в щеки’; туркм. *Орад онуң бојнундан бујаклади* ‘Ораз обнял его за шею’; узб. *кизни башидан сілади* ‘он погладил девушки по голове’; хак. *палаzin холинаң тудиp* ‘держа своего ребенка за руку’; шор. *чағадаң тудар* ‘он хватает за ворот’;

ж) на то, что действие распространяется не на объект в целом, а лишь на его часть (значение партитивности): ст.-узб. *бу та'амдін жәніз* ‘поешьте этой пищи’; кар. *кім татса әди ол сүесундан* ‘если кто-нибудь попробовал бы этого напитка’; кирг. *наңдан сатіп алдім* ‘я купил хлеба’; тув. *шајдан хајндір* ‘вскипяти чаю’; шор. *паліктаң піжіртпі салдім* ‘я велел сварить рыбы’, *кузуктаң аліп алдім* ‘я взял орехов’. Когда часть названа, исходный падеж по существу дублирует родительный, выражающий отношение части к целому. Примеры: гаг. *алдім бір тәнә кара үзүмдән* ‘я взял одну ягоду черного винограда’; уйг. *коғундін бір тілім жәді* ‘он съел кусок дыни’, *чајдін бір жұтум ічті* ‘он выпил глоток чаю’.

Форма исходного падежа от количественных, порядковых и «штучных» числительных, а также от существительных, выступающих в сочетании с числительными, имеет, как правило, разделительное значение: алт. *бір кікі ә'аңис күніңдә ә'ірмә тіjіңдә* *адіп ә'ат* ‘один человек в день стреляет по двадцать белок’; кирг. *баш кітептән сатіп алдік* ‘мы купили по пять книг’; тат. *бірәр кітаптан* ‘по одной книге’; туркм. *мән бу дәптерләрі әкі көпүкдән алдім* ‘я купил эти тетради по две копейки’; узб. *буларниң нар біріга баштадан кітеп тәгаді* ‘каждому из этих достанется по пять книг’, *мән сізга баш сўмнан бёраман* ‘я дам вам по пять рублей’, *бірінчідан* ‘во-первых’, *иккінчідан* ‘во-вторых’; хак. (качинск.) *пірәр кіз-дәң* ‘по одному человеку’; шор. *алтон салковајдаң алдім* ‘я купил по шестьдесят рублей [за штуку]’, *пәштәң* ‘по пяти’.

Имя в исходном падеже является компонентом устойчивых сочетаний, выражающих избыточную меру качества или количества и часть целого: ст.-узб. *көпдін көп* ‘очень много’, *аздін аз* ‘очень мало’, *јамандін јаман* ‘очень плохой’; тур. *доғрудан доғруя* ‘прямо, непосредственно’; кирг. *баштән бір* ‘одна пятая’; узб. *иккідан бір* ‘одна вторая’.

Некоторые сочетания с исходным падежом становятся фразеологизмами,ср. ст.-узб. *әлік аябидін қалып* ‘оставишься без рук и ног’.

В тувинском языке имя в исходном падеже может обозначать субъект действия: чазактан чарлік ўндуруғэн ‘правительство издало указ’, әжімдән мәңбә бајір чәдірткән болду ‘мой товарищ послал мне привет’.²⁵⁶

Для всех тюркских языков характерно обозначение формой исходного падежа субъекта в страдательных конструкциях: ст.-кыч. *бурун алај айтілді пәјгамбәрдән* ‘так раньше было сказано пророком’ (Cod. Cum. 62г₂); башк. *hiң якшилардің тілдәрінән макталдің* ‘ты был восхваляем устами лучших’; кирг. *мән доктордон көрүнгөнмүн* ‘я осмотрен доктором’. Иногда в таких конструкциях имя, обозначающее действующее лицо, употребляется со словами *тараф*, *тәмән* ‘сторона’ в исходном падеже: азерб. *мәҗалә мәшһүр журналист тәрәфіндән язилмайшдір* ‘статья написана известным журналистом’; башк. *рөхсәт діректор тарафиナン бірілді* ‘разрешение было дано директором’; кирг. *мән тарашибидан айтілжан сөз* ‘слово, сказанное мной’; тур. *бу мәсәлә В. Шотт тараффіндан япілмайштір* ‘эта проблема была сформулирована В. Шоттом’; туркм. *јај ішчіләр тараптыйдан ғалїнjar* ‘дом строится рабочими’; узб. *бу ўзак тадкікэтчілар тэмәнідан... бір бўйнлі сўздан ібрат дәп тушунілар әди* ‘этот корень рассматривался исследователями как состоящий из ... односложного слова’.

²⁵⁶ См.: Исааков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 136.

Необычный случай — обозначение именем в исходном падеже с глаголами попутительного залога так называемого ближайшего объекта действия, который за редкими исключениями выражается формой дательного падежа: башк. *мін баланан хат јаддірам* 'я заставляю ребенка писать письмо', *хід карттан аттің ісіртігіб* 'велите старику напоить лошадь'.

У ~~орудного~~ падежа В. В. Радлов выделил четыре значения: собственно орудное, комитативное, временное и значение состояния.²⁵⁷ Примеры: др.-турк. *бу бітігін мән Бујан-Тәмүр өз әлігін бітій тәгіртім* 'этот документ я, Буян-Темур, написал собственной рукой' (USp 15₁₇), *тапуң кіл уханба тұнұн һам күнүн* 'служи богу денно и нощно' (QBН 50₁), *каңім қаған јәтің іжірмі әрін ташікміш* 'мой отец каган выступил с семнадцатью мужами' (КТб₁₁).

II, 2. Прежде чем перейти к определению основных линий развития функционально-семантического содержания, мы должны отметить, что все падежные формы современных и древних тюркских языков, развившиеся из общетюркских праформ, имеют строго очерченные синтаксические функции и семантические значения.²⁵⁸ Представление о функциональной неопределенности многих падежей, в частности о возможности использования в значении каждого из них именительного падежа, далеко не соответствует действительному положению вещей. Взаимозаменность падежей или использование одной падежной формы вместо другой — относительно редкие явления, вызванные разными обстоятельствами: своеобразием внутренних условий исторического развития, языковыми контактами, наличием зон незначительной семантической различимости падежей.²⁵⁹ Рассмотрим это подробнее.

Действие внутренних, диахронических, факторов, очевидно, предопределило колебания в глагольном и послеложном управлении, ср. др.-турк. *Кара құмұб олурұр әртіміз* 'мы осели в Каракумах', *Отүкән жәріг конміш* '[я] поселился в Отюкенской земле' (в современных тюркских языках — с дательным и местным падежами); башк. *үткән кіш қажтті* 'он вернулся в прошлую зиму' (~ башк. диал. *үткән үйшта ۋاјтتى*);²⁶⁰ алт. *аттің әйдәккә алді* 'он взял коня за повод' (в других тюркских языках — с исходным падежом); казах. *ол 1929 жілі түвілді* 'он родился в 1929 году' (~ казах. диал. *ол 1929 жілда түвілді*);²⁶¹ кирг. *сэндән корксо* 'если будет бояться тебя' (в древнетюркском языке — с дательным падежом); тат. *ілмән саңындым* 'я соскучился по родине' (~ з.-сиб.-тат. *ілмә саңын-тім*);²⁶² тув. *күс бөрдә ајнаң күзуктап чорук кәр* 'когда наступает осень, уходят копать сарану и собирать кедровый орех' (~ тув. диал. *күс бөрдә ајнаң күзуктап чорук кәр*);²⁶³ туркм. *ондан баш мінүт ішләйәр* 'пять минут десятого' (~ туркм. диал. *оно баш мінүт ішліјә*);²⁶⁴ узб. *мәңа азәп бәрмә* 'не мучай меня' (~ узб. диал. *мәні эзәп бәрмә*), *мәңі сүкті* 'он бранил меня' (~ узб. диал. *мәңдә сўкті*).²⁶⁵

²⁵⁷ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 103.

²⁵⁸ Ср.: Абдуллаев Ф. А. Келишик аффиксларининг генезисига доир (3-маддода). — ЎТАМ, 1962, № 4, б. 58.

²⁵⁹ Здесь не принимаются во внимание описанные выше случаи употребления падежных форм в зависимости от семантики управляющих глаголов, послелогов и самих имен.

²⁶⁰ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 14.

²⁶¹ См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 13.

²⁶² См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, с. 21.

²⁶³ См.: Чадамба З. Б. Тоджинский диалект тувинского языка, с. 16.

²⁶⁴ См.: Амансырыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 10—11.

²⁶⁵ См.: Шамсиддинов И. И. Каракульский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 16.

Следствием интенсивных языковых контактов является развитие обстоятельственной функции у винительного падежа, см. караб.-балк. *біз појәздні сав сабатні складік* 'мы ожидали поезд целый час'; башк. (диал.) *үткән йәлтің кіші әд булті* 'в прошлом году народу было мало';²⁶⁶ кар. *хан күннүй* 'в среду', *кәчхурину* 'вечером'.²⁶⁷ Контактами обусловлено, по-видимому, употребление местного падежа в значении дательного, и наоборот, в самаркандско-бухарских говорах узбекского языка, а также использование действительной конструкции с исходным падежом, обозначающим субъект действия, в тувинском языке.²⁶⁸

Наличие зон незначительной семантической различимости падежей — основная причина варьирования падежных форм в пределах одной и той же языковой единицы,ср. башк. *алтін тапкандан* (~ *тапканы*) шатрана 'он радуется тому, что нашел золото'; тур. *үյўурлардан* (~ *үйўурларын*) *бір кісті* 'часть уйголов', *сіздөн* (~ *сізді*) *бір ріјам вар* 'у меня есть просьба к вам'; туркм. *чајаларын* (~ *чајалардан*) *бірнәчәлі* 'некоторые из детей', *таңтада* (~ *таңта*) *јад* 'пиши на доске', мән *баби* (~ *бабда*) *гәддім* 'я гулял в саду', *көпіріні* (~ *көпүрүдөн*) *гәчіп* 'перейдя мост', *кітаби* *стола* (~ *столда*) *бој* 'положи книгу на стол'.²⁶⁹

При нынешнем состоянии исторической тюркологии реконструкция содержательного аспекта системы падежей тюркского языка представляет большие трудности. Все же любые попытки продвинуться вперед в этом направлении небесполезны. Кстати, таких попыток было уже немало, и обзором их начинается заключительная часть данного раздела.

Как указывалось выше, ряд тюркологов считает, что в языке была одна падежная форма с синкретическим местно-исходным значением. Тщательное изучение всех доступных материалов не позволяет согласиться с такой интерпретацией: если бы форма местного падежа некогда совмещала функции местного и исходного падежей, пережитки функциональной синкретичности обязательно сохранились бы у нее и в настоящее время. В действительности же ни одно типичное значение формы исходного падежа (собственно исходное; исходное в смысле указания: на исходный материал, на то, с чем что-либо сравнивается, на причинно-следственные взаимосвязи, на то, что является орудием или посредником и т. д.) для формы местного падежа не характерно.

Широко распространено мнение, что на древней стадии развития тюркских языков существовал единый объектно-посессивный падеж, выполнявший функции родительного и винительного падежей.²⁷⁰ Это мнение обычно подкрепляется ссылками на карачаево-балкарский, кумыкский и узбекский языки. Однако наблюдаемое в названных языках совпадение форм родительного и винительного падежей является вторичным и несомненно поздним. Дж. Г. Киеекбаев, который полностью разделял точку зрения тюркологов, выдвинувших гипотезу о единстве происхождения родительного и винительного падежей, пользовался следующим аргументом. «Развитие родительного падежа из винительного, — пишет он, — объясняется тем, что понятие или значение определенности является точкой соприкосновения этих двух падежей, поскольку оба эти падежа выражают определенность с той только разницей, что аффиксальный винительный падеж указывает на определенность прямого дополнения,

²⁶⁶ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 8.

²⁶⁷ См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 156.

²⁶⁸ См.: Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 136.

²⁶⁹ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 118—120.

²⁷⁰ См.: Севортиян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках, с. 99; Жиганова Л. Г. О категории падежа в современном казахском литературном языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 93; Фуломов Ё. Г. Ўзбек тилида қаратқыч ва тушум келишпилари ҳақида, б. 47—52.

а аффиксальный родительный — на определенность имени-атрибута».²⁷¹ Отмеченное Дж. Г. Киеубаевым синтаксическое различие — принципиальное, именно оно предопределяет структуру содержания падежной парадигмы. В функциональном аспекте родительный и винительный падежи не обнаруживают точек соприкосновения и вообще не совместимы в одной форме.²⁷² В указанных выше языках мы встречаемся не с одной единой формой, а с двумя омонимичными формами. Напомним также, что у родительного и винительного падежей восстанавливаются разные праформы: *-(i)ң и *-(i)н.

Путь семантических преобразований родительного падежа В. Банг представлял себе как переход от значения Adessiv-Inessiv'a к значению Possessiv-Genitiv'a. Например, первоначальное значение *mäniç*, как он полагал, было «при мне находящийся», «ко мне относящийся», ср. *mäniñki* в современных языках.²⁷³ Пока нет убедительных фактов, подтверждающих гипотезу В. Банга или, напротив, опровергающих ее. Мы считаем исходным для формы родительного падежа собственно посессивное значение, так как только оно отличает родительный падеж от именительного в определительной конструкции, и, следовательно, только с необходимостью его передачи могло быть связано образование особой падежной формы.

По мнению К. Г. Менгеса, выражение прямого дополнения винительным и именительным падежами относится к числу архаических явлений.²⁷⁴ В самом деле, частичный параллелизм синтаксических функций винительного и именительного падежей имеет глубокие основания, которые пока не удается раскрыть и которые заложены значительно ниже верхнего уровня праязыка.

Итак, имеется большое количество фактов, позволяющих реконструировать падежную парадигму тюркского праязыка приблизительно с тем же функционально-семантическим содержанием, которое прослеживается в современных тюркских языках.

Обсуждение вопроса о том, существовало ли такое состояние праязыка (у Х. Карасаева: «аморфно-синтетический строй»),²⁷⁵ когда вся падежная парадигма была представлена двумя падежами, именительным и винительным (у Л. Г. Жигжановой: основным и объектно-посессивным),²⁷⁶ кажется нам по меньшей мере преждевременным.

Раздел 2

Формы принадлежности

I. В современных и древних тюркских языках формы принадлежности образуются при помощи следующих аффиксов:²⁷⁷

Ед. ч. 1-е л. -(i)m ~ -(y)m
2-е л. -(i)ң ~ -(y)ң ~ -(i)n ~ -(y)n

²⁷¹ Киеубаев Дж. Г. Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (для филологического факультета Башкирского государственного университета), с. 13.

²⁷² См.: Серебренников Б. А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и в тюркологии. — В кн.: Вопросы методов изучения истории тюркских языков. Ашхабад, 1961, с. 57.

²⁷³ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1, S. 13—14.

²⁷⁴ Menges K. H. Morphologische Probleme, I. Zum Genitiv und Accusativ, S. 22.

²⁷⁵ Карасаев Х. Семантика падежей в киргизском языке, с. 21.

²⁷⁶ Жигжанова Л. Г. О категории падежа в современном казахском литературном языке, с. 93.

²⁷⁷ См.: Богоодицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 162—164; Дмитриев Н. К. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, II, с. 25 и сл.; Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, с. 80—81; Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, с. 9.

3-е л. -(с)ї ~ -(с)у ~ -(з)ї ~ -(з)у
Мн. ч. 1-е л. -(ї)мїз²⁷⁸ ~ -(у)муз ~ -(ї)бїз ~ -(у)буз ~ -(ї)бїс ~ -(у)бус ~
- (ї)вїз ~ -(у)вуз ~ -(ї)вїс ~ -(у)вус
2-е л. -(ї)ңїз ~ -(у)ңуз ~ -(ї)ңїз ~ -(у)ңуз ~ -(ї)ңїз ~ -(у)ңуз ~
- (ї)ңїз ~ -(у)ңуз ~ -(у)вуз
3-е л. -(с)ї ~ -(с)у ~ -(з)ї ~ -(з)у

Имеются и другие, менее распространенные варианты аффиксов принадлежности, встречающиеся в некоторых языках и диалектах. Так, в говорах узбекского языка аффикс 2-го лица ед. числа выступает в виде *-i(j)* (ср. в караимском), аффикс 1-го лица мн. числа — в виде *-(в)үз*, *-(в)уза* (<*-вуз + лар*>), аффикс 2-го лица мн. числа — в виде *-(j)из*, *-јла* (<*-иц + -лар*>).²⁷⁹ В говорах азербайджанского языка во 2-м лице ед. числа могут быть *в, б* (в формах вин., род. и дат. падежей) и *j*, ср. *атув* 'твой отец', *бабајин* 'твоего дедушку', *гöзуңун* 'твоего глаза', *гöзуђа* 'твоему глазу';²⁸⁰ в алтайском языке в 1-м лице мн. числа — *-ic*, например, *үліс* 'наш сын'; в чувашском языке в 1-м лице ед. числа — *-(ă)m*, в 1-м лице мн. числа — *-(ă)mär*, во 2-м лице соответственно *-y* и *-är*, в 3-м — *-ă*, *-i*, *-(ă)jē*, *-sh* (после гласных);²⁸¹ в якутском языке в 1-м лице мн. числа — *-бїт ~ -бут ~ -мїт ~ -мут*, во 2-м — *-бїт ~ -бут*, в 3-м лице ед. числа — *-(m)a*.

В чувашском языке аффиксы принадлежности 1-го и 2-го лица выступают нерегулярно.²⁸² При этом в моргаушском говоре принадлежность 1-му и 2-му лицу выражается личными местоимениями: *ман ал* 'моя рука', *сан ал* 'твоя рука';²⁸³ в ишлейском говоре имеет место употребление формы принадлежности 3-го лица в значении 1-го и 2-го,²⁸⁴ в красноч-

²⁷⁸ В диалектах туркменского языка наблюдается присоединение аффиксов принадлежности к основам на согласный без соединительного гласного. См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразкулов С. Түркмен диалиның диалектлериниң очерки. Аштабат, 1970, с. 242.

²⁷⁹ См.: Шерматов А. Қарши шевасида келишик ва эгалик қўшимчалари. — ЎТАМ, 1959, № 3, б. 48; Носиров Ш. Қўқон шевасининг бальзи морфологик хусусиятлари. — ЎТА, 1964, № 3, б. 57—58; Гафурова Н. С. Ниябашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 13; Назаров К. 1) Притяжательные аффиксы в узбекских народных говорах. АКД. Ташкент, 1963, с. 8, 9, 13 и сл.; 2) Қипчоқ лаҗжасида эгалик аффикслари. — В кн.: Адабиётшунослик ва тилшунослик масалалари, 5. Тошкент, 1963, б. 565; Туляков С. Морфологические особенности наманганскоого говора узбекского языка, с. 10; Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 27.

²⁸⁰ См.: Ширалиев М. Ш. 1) Азербайджанская диалектология на новом этапе. — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 53; 2) Второе лицо категории принадлежности и склоняемости (на материале диалектов и говоров азербайджанского языка). — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 44—45; Бехбудов С. М. Зангаланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 15. О различных вариантах аффикса принадлежности 2-го лица в азербайджанском языке и истории их развития см.: Вэлиев С. Э. Мәнсубийјет шәкилчисинин инишафи тарихине даир (II шәхси төки). — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1970, № 2, с. 12—17.

²⁸¹ См.: Benzing J. Tschuwašische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person, S. 252 ff. И. Бенцинг связывает *-шё* с общетюркским *-сі*. Ср.: Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965, с. 32. По мнению Б. А. Серебренникова, аффикс *-шё* происходит из марийского языка. См.: Серебренников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 260.

²⁸² См.: Андреев И. А. Чувашский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 49.

²⁸³ См.: Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора. — МЧД, I, с. 158. См. также: Сергеев Л. П. Из наблюдений над ибрейским говором чувашского языка, с. 172; Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора. — МЧД, II, с. 40; Алексеев А. А. Особенности сенгилеевского говора чувашского языка. — МЧД, IV, с. 19.

²⁸⁴ См.: Чаплина Р. И. Морфологические особенности ишлейского говора. — МЧД, I, с. 127. См. также: Максимов В. В. Некоторые особенности говора села Ком-Елга Белебеевского района Башкирской АССР. — МЧД, III, с. 182.

тайском — в значении формы обращения.²⁸⁵ В саларском языке одни и те же аффиксы используются в единственном и множественном числе: 1-е лицо — -(i)и, 2-е лицо — -(i)ң, 3-е лицо — -и, -ci ~ -с,²⁸⁶ а в языке желтых уйгуров — один аффикс для первых двух лиц обоих чисел, причем только с основами на гласный, ср.: мәниң млаң ‘мой ребенок’, сәнің млаң ‘твой ребенок’, містэрнің млаң ‘наш ребенок’, сілэрнің млаң ‘ваш ребенок’.²⁸⁷ Сокращение форм принадлежности в саларском языке и почти полное исчезновение их в языке желтых уйгуров рассматривается обычно как следствие влияния китайского языка. Ср. в разговорной речи туркмен: біз оба ‘наш аул’.²⁸⁸

Особо должны быть отмечены разновидности аффиксов принадлежности 1-го и 2-го лица множественного числа в наманганском говоре узбекского языка — -(i)ммиз и -(i)ңбиз, ср. кизиммиз ‘наша дочь’, кизиңбиз ‘ваша дочь’.²⁸⁹

В узбекском языке принадлежность во 2-м лице множественного числа часто передается сочетанием соответствующего аффикса единственного числа с аффиксом -лар, ср. -(i)ңлар, -ларің, -(i)нна ~ -(y)нна. То же самое наблюдается и в ряде других тюркских языков: алт. -ар ~ -ор < -(i)бар < *-(i)ңлар; кирг., тофал., тув. -(i)ңар; шир. -ларің ~ -нарің ~ -тарің; чуым. -(i)ңнар. Подобный способ образования формы принадлежности во множественном числе не исключен и для 1-го лица, например, в бешкентском говоре узбекского языка: бозләрув ‘наши сады’, көчләрув ‘наши улицы’.²⁹⁰

Определенный интерес представляет удвоение и утрение аффикса принадлежности 3-го лица (ср. *kaјcicі* < *kaјi + cі + cі*), имеющее длительную историю в тюркских языках. Примечательно, что одни слова оформляются преимущественно или только удвоенным аффиксом, для других двойное оформление факультативно. Особенно большое количество случаев удвоения имеет место в говорах узбекского языка — ниязбашинском: блісі ‘его сын’, муннісі ‘его нос’, хэтінісі ‘его жена’;²⁹¹ казараспском: төртісі ‘четыре из них’, онісі ‘десять из них’, көпісі ‘большинство из них’, jan көпірісі ‘мост через канал’, мәріп мүдірісі ‘заведующий отделом народного образования’;²⁹² ошском: сіңісі ‘его младшая сестра’, іккізвісі ‘двоих их’, ярмісі ‘половина чего-либо’, тұј башісі ‘распорядитель на свадьбе’.²⁹³ Ср. в казахском языке: ұактісі ‘его время’, ақірісі ‘последний из них’;²⁹⁴ в булунском, анабарском и оленекском говорах якутского языка: санніта ‘его плечо’ (лит. санна, от сарін), көхсүтә ‘его спина’ (лит. кёхсö, от кёгүс), кінніта ‘его тесть’ (лит. кінна, от кілін), мәйіута ‘его шея’ (лит. мәйjo, от мәj); тұмсуга ‘его клюв’ (лит. тұмса, от тұмус), анніта ‘его низ’ (лит. анна, от амін);²⁹⁵ в гагаузском: бојнусу ‘его шея’; в камско-устынском подговоре говора татар нагорной стороны: бүсісі ‘этот’, ансісі ‘тот’, шунсісі ‘тот’, тілгісісі ‘тот’, бірсісі ‘один из них’.²⁹⁶

²⁸⁵ См.: Котлеев В. И. Морфологические особенности красночетайского говора, с. 43.

²⁸⁶ См.: Тенишев Э. Р. Страй саларского языка. АДД. М., 1969, с. 40.

²⁸⁷ См.: Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров, с. 18—19.

²⁸⁸ См.: Тачмурадов Т. Категория принадлежности в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1959, с. 6.

²⁸⁹ См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 10.

²⁹⁰ См.: Абдурахмонов Д. Бешкент шеваси. — ЎТА, 1964, № 2, б. 62.

²⁹¹ См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка, с. 13.

²⁹² См.: Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шевасида әгалик аффикслари. — ЎТАМ, 1959, № 3, б. 69.

²⁹³ См.: Фармолов И. Ўзбек тили таркибида Ўш шеваси ва унинг морфологик хусусиятлари. — Уч. зап. Ферганского ГПИ, 1959, 9, с. 43.

²⁹⁴ Айдаров Т. Языковые особенности казахов Тамдинского района Узбекской ССР. АКД. Ташкент, 1967, с. 18.

²⁹⁵ См.: Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140.

²⁹⁶ См.: Бурганиева Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР. — В кн.: Материалы по диалектологии. Казань, 1955, с. 40.

Присоединение второго аффикса происходит чаще всего вследствие десемантизации и слияния первого аффикса с корневым элементом.²⁹⁷ Не случайно в разных тюркских языках обнаруживается значительное количество примеров употребления формы принадлежности 3-го лица безотносительно к обычно передаваемому ею значению, ср. долган. *муннү* 'нос' (*муннұта* 'его нос'), *төрдүй* 'корень' (*төрдүтә* 'его корень');²⁹⁸ *пор*, *әрді* 'губа', *карді* 'желудок', *пүрдү* 'нос', *мојдү* 'шея', *ішті* 'живот';²⁹⁹ гаг. *анній* 'лоб', *гүнү* 'именины', *којнү* 'грудь', *кутусу* 'коробка' и т. д.³⁰⁰ Удвоение аффикса принадлежности может быть вызвано также своеобразной семантической специализацией «одинарной» формы или необходимости двойного выражения принадлежности. Пример семантического разграничения «одинарной» и «удвоенной» форм приводит Ю. Джуманазаров: *бүтүнісі* 'все они', *бүтүні* 'целое (чего-либо)'.³⁰¹ Двойное выражение принадлежности имеет место в сочетаниях типа тур. *піјада јұзбаши* 'пехотный капитан' (*јұзбаши* 'капитан'), *түркіjә дәнізатісі* 'турецкая подводная лодка' (*дәнізатті* 'подводная лодка'); узб. *кітеппі сұзбашісі* 'предисловие книги' (*сұзбаші* 'предисловие', 'начало повествования, относящегося к книге', ср. также: *унің эна тілісі* 'его родной язык', *тұj башісі* 'распорядитель на их свадьбе'),³⁰² в которых принадлежность является двухстуменчатой: 1) *сұз* — *баші*, 2) *кітеппі* (*сұз* — *баші*)*сі*. К. Назаров указывает на лексикализацию аффиксов принадлежности и на экспрессивно-стилистическое употребление «удвоенной» формы.³⁰³ М. Мирзаев отмечает, что повторение аффиксов принадлежности (*әртаjісі*, *кәчәjісі*, *күпісі*) служит целям усиления значения.³⁰⁴

Для говоров узбекского, крымско-татарского и некоторых других языков характерно окказиональное смещение рядов, или порядков, следования аффиксов принадлежности и аффикса множественного числа *-лар*, наблюдаемое главным образом в терминах родства: аффиксы, выражающие принадлежность, оказываются перед аффиксом *-лар*, а не после него, ср. в ташкентском говоре: *жамла* 'мой старший брат', *хәламла* 'моя тетя со стороны матери', *бувімла* 'моя бабушка', в ошском говоре: *тозамлар* 'мой дядя и другие близкие родственники', *бәлаңлар бәрмі* 'есть ли у вас ребенок?', *эпаңлар* 'ваша тетя'³⁰⁵ и в найманском говоре узбекского языка: *жішлабіңнар* 'ваша кишлаки', *баланнар* 'ваши дети';³⁰⁶ з.-сиб.-тат. *інәп-салар* 'наши матери', *јөңкәмәләргә* 'к семье моей снохи';³⁰⁷ тофал. *аңазілар* 'их старший брат', *атілар* 'их лошадь';³⁰⁸ тур. (диал.) *бабајан* 'твоему

²⁹⁷ См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 4. Mitteilung: Durch das Possessivsuffix erweiterte Nominalstämme. Berlin, 1921, S. 3 ff.

²⁹⁸ См.: Убрятова Е. И. Служебное слово *кизнә* в якутском языке, с. 291.

²⁹⁹ См.: Исааков Ф. Г. Некоторые предположения о происхождении конечных *-т* и *-д* в словах *аст*, *уст*, *алд*, *арт* и т. п., с. 126.

³⁰⁰ См.: Дмитриев Н. К. Гагаузские этюды. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 20, серия филологических наук, 1939, 1, с. 5; Покровская Л. А. Гагаузский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 117.

³⁰¹ Жуманазаров Ю. Ҳазораси шевасида әғалик аффикслари, б. 69.

³⁰² См.: Гулямов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 44.

³⁰³ Назаров К. 1) Притяжательные аффиксы в узбекских народных говорах, с. 9—10; 2) Об экспрессивно-стилистических особенностях употребления притяжательных аффиксов (по материалам узбекских говоров). — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., языкознание, 1963, 211, с. 240; 3) Әғалик аффиксларининг *-иси* формаси ҳақида. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., 1962, 202, с. 36 и сл.

³⁰⁴ Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро групса шевалари, б. 46.

³⁰⁵ См.: Фармонов И. Ўзбек тили таркибида Ўш шеваси ва унинг морфологик хусусиятлари, б. 11.

³⁰⁶ См.: Валпев М. Найма шевасида кўплик категорияси. — ЎТАМ, 1962, № 5, б. 43.

³⁰⁷ См.: Тумашева Д. Г. 1) Саз яғы татарлары сейләшпе (Көнчыгыш диалекты). — В кн.: Татар теле һәм әдәбияты, I. Казан, 1959, б. 180; 2) Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам. АДД. М., 1969, с. 21; Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 21.

³⁰⁸ См.: Дырекова Н. П. Тофаларский язык, с. 13.

отцу';³⁰⁹ туркм. *дајімлар* 'мой дядя (со стороны матери)', *дајдамлар* 'моя тетя (со стороны матери)';³¹⁰ чулым. *тонумнар* 'мои шубы';³¹¹ в южных говорах крымско-татарского языка: *бабамлар* 'мои родители', *кардашінлар* 'твои братья (со своим окружением)'.³¹²

На вопрос о том, что явилось причиной смещения порядков следования названных выше аффиксов, нельзя дать однозначный ответ. Очевидно, для узбекского языка существенно то, что аффикс *-лар* в подобных случаях обычно выражает не множественность, а почтительность или иронию.³¹³ В турецких говорах Грузии смещение порядков можно объяснить стремлением «дифференцировать дательные падежи от слов с аффиксом принадлежности второго лица и третьего лица».³¹⁴ Необычное расположение аффикса множественного числа *-сәм* в чувашском языке, по всей видимости, обусловлено его поздним образованием. Вместе с тем для чувашского языка, как и для тофаларского и чулымского, нельзя отрицать возможность иноязычного влияния.³¹⁵ Как полагает Э. В. Севортиян, «исторически размещение показателей принадлежности и множественности было, по-видимому, сходно с тем, что мы видим в форме *баба-м-лар*, т. е. сначала шел аффикс принадлежности, а затем множественности».³¹⁶

Аффикс принадлежности 3-го лица имеет две разновидности, находящиеся в отношении дополнительного распределения: после основ с конечным согласным — *-ї*, после основ на гласный — *-сї*.³¹⁷

Аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям,³¹⁸ а предикативные показатели — к личным и лично-указательным местоимениям.³¹⁹

1-е лицо, ед. число — *-м* < **män*. Для обоснования этой реконструкции достаточно сослаться на татарский язык, в котором характерной для тюркских языков форме настояще-будущего времени типа *бара-мән* соответствует форма типа *бара-м* (ср. караг.-балк. *бара-ма*). Обратим внимание

³⁰⁹ См.: Гудиашвили Е. Склонение основ с аффиксом принадлежности второго лица в речи туркоязычного населения Цалкинского района. — Тр. ИЯ АН Грузинской ССР, серия восточных языков, 1954, I, с. 332.

³¹⁰ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 88.

³¹¹ См.: Дульзон А. П. Чулымско-турецкий язык. — В кн.: Языки народов СССР, II, М., 1966, с. 450.

³¹² См.: Севортиян Э. В. Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II, М., 1966, с. 240.

³¹³ См.: Гулямов Я. Г. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В кн.: Узбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 187.

³¹⁴ См.: Джикия С. С. Об одном морфологическом явлении в ахалцыхском наречии анатолийско-турецкого языка. — Тр. Тбилисского гос. унив., 1937, VI, с. 121..

³¹⁵ Ср.: Серебренников Б. А. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. — АОН, 1962, XV, 1–3, с. 311–313.

³¹⁶ Севортиян Э. В. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков). — В кн.: Туркологический сб., 1971. М., 1972, с. 137.

³¹⁷ См.: Ванг W. Studien zur vergleichende Grammatik der Turksprachen. — SPAW, 1916, LI, LII, S. 1236. Г. Рамстедт и В. Котвич рассматривали *с* в составе аффикса принадлежности как древний показатель множественного числа. См. ниже, с. 89.

³¹⁸ Иная точка зрения выражена в работе: Серебренников Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. — В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А. А. Реформатского. М., 1971, с. 277–282.

³¹⁹ См.: Дмитриев Н. К. Категория принадлежности, с. 32. Ср.: Севортиян Э. В. Категория принадлежности. — ИСГТЯ, II, с. 42; Назаров К. Этапик аффиксларининг тарихига доир. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., 1962, 202, с. 5–13. По мнению Ф. А. Абдуллаева, все формы принадлежности единственного числа восходят к слову *чиң* ~ *чиң* с предполагаемым значением 'тело, основа': 1) *ам* — *чиң* > *ам* — *сїң* > *ам* — *їң* > *ам* — *ім* 'моя лошадь'; 2) *ам* — *чиң* > *ам* — *сїң* > *ам* — *їң* 'твоя лошадь'; 3) *ам* — *чиң* > *ам* — *сїң* > *ам* — *їң* > *ам* — *і* 'его лошадь'. См.: Абдуллаев Ф. Келишик аффиксларининг генезисига доир. — ЎТАМ, 1961, № 5, б. 31. Обстоятельный критический разбор этой точки зрения дается в упомянутой выше статье К. Назарова (с. 5–6).

также на диалекты хакасского языка, в которых прослеживается и полная, и стяженная форма, ср. качинск. *парзабин*, сагайск. *парзам*.³²⁰ Ср. также: башк. *барірмін* и башк. (диал.) *барірім* ~ *барім* 'я пойду'.³²¹ Сам путь преобразования местоимений или связки *турур* в ходе грамматикализации является типичным для тюркских языков, и многочисленные разновидности личных показателей, используемые в них, представляют собой те или иные варианты их сокращения, главным образом в конечной части, ср. кирг. *кэләт* (<*кэлә-турур*) 'придет'; туркм. *гэлдүрін* (<*гэлә-дүрүр-мән*) 'иду'; узб. (диал.) *ујкуз* (<*ујку-биз*) 'наш сон'.

2-е лицо, ед. число — *-ң < *сান*. Преобразование **сান* происходило по линии усечения начального с, ср. алт. *бэрәрің* 'ты даешь'; башк. *бараң* и башк. (диал.) *бараң* 'ты идешь'.³²² Нечто подобное происходит с аффиксом *-лар*, ср. алт. *улар* 'ващ сын' (<*обул-йгар* <*озул-йң-лар*); узб. (диал.) *бизәр*, *бизә* 'мы' (<*биз-ләр*), *сизәр*, *сизә* 'вы' (<*сиз-ләр*). Убедительным аргументом в пользу возведения *-ң* к **сা�н* служит наличие промежуточных форм, сохраняющих начальный с или звуки, развившиеся из него. В настоящее время к числу таковых с достаточной уверенностью можно отнести первый компонент формы 2-го лица множественного числа: азерб. (диал.) *гәлірсініз* 'вы идете'; тат. (диал.) *тіңліңсіңіз* 'вы слушаете'; казах. (диал.) *кәләсіңіз* 'вы придете', *юкушісіңіз* 'вы ученик'. Как указывалось выше, И. Суяров, ссылаясь на Д. Исаева, приводит другую промежуточную форму, почти полностью совпадающую с исходной: кирг. *бардісің* 'ты пошел', *кэлдісің* 'ты пришел',³²³ однако существование такой формы в киргизском языке пока не подтверждено.

Изменение конечного *ң*, реконструируемого в праформе (**сан*), в *и* (*сан*)³²⁴ — следствие формальной унификации личных местоимений единственного числа, происходившей на основе местоимения 1-го лица (*мән*). Примечательно, что в некоторых тюркских языках *ң* сохранился в личном показателе глагольных форм: тат. *барасің* 'ты идешь' (*бара-сің*, ср. в шорском языке и в качинском диалекте хакасского языка³²⁵), а в одном из говоров узбекского языка — в самом местоимении: *саң* 'ты'.³²⁶

3-е лицо, ед. число — *-и(ң) ~ -и(ң) < *иң ~ *иң*. В древнетюркском языке функции предикативного показателя 3-го лица выполняло лично-указательное местоимение *ол*: ол *әвәй барміш* ол 'он отправился домой' (МК I 38), ол *таварін сатіблі* ол 'он намерен продать его имущество' (МК II 297), ол *таріб тарітбап* ол 'он посеял посев' (МК II 319). Ср. тув. *бу кіміл* (*кім* ол) 'это кто?', ол *тур* ол 'он стоит'; хак. *чөйл* (*чөх* ол) 'нет'. Будучи первоначально указательным, местоимение *ол* заняло место в одном ряду с местоимениями *мән* 'я' и *сән* 'ты' довольно поздно и не получило широкого распространения в служебном использовании, как предикативный показатель. Поэтому возводить к нему аффикс принадлежности 3-го лица не имеет смысла. Очевидно, существовал другой прототип, вхо-

³²⁰ См.: Патачакова Д. Ф. Качинский диалект хакасского языка. АКД. Новосибирск, 1965, с. 17.

³²¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18—19.

³²² Там же, с. 18; Юдашев А. А. Говор тентярей Учалинского района Башкирской АССР. — В кн.: Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953, с. 338.

³²³ Суяров И. Шахс олмашларининг этимологияси ҳақида. — УТА, 1964, № 2, с. 34. Подобная форма отмечена в одном мамлюкско-кипчакском тексте, где ее появление А. Зайончковский объясняет влиянием форм типа *кәттмішсан*, *кәлмішсан*. См.: Zajaczkowski A. Materiał kolokwialny arabsko-kirzacki w Słowniku «ad-Durra 'al-mudī'a fi-l-lugat at-turkiyya». — RO, 1968, XXXI, 1, s. 75—76.

³²⁴ По мнению Н. К. Дмитриева, более древней является разновидность с конечным *и*. См.: Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости. — ИСГТЯ, II, с. 13. В. В. Радлов считал разновидность с конечным *и* стяженной формой родительного падежа (*сан < сани*). См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 73—74.

³²⁵ См.: Патачакова Д. Ф. Качинский диалект хакасского языка, с. 17.

³²⁶ См.: Назаров К. Эгалик аффиксларининг тарихига доир, б. 10.

дивший в разряд личных местоимений на уровне праязыка или протоязыка.

В древних и современных тюркских языках встречаются наречия и прилагательные, образованные от лично-указательного местоимения **iñ ~ *iñ*³²⁷ ср. др.-турк. *iñcha ~ iñčä* 'так, таким образом', *iñaru* 'туда', *iñčip* 'так', *iñdīn ~ iñdīn* 'другой, противоположный'; *kirg.* *nar ~ nar̄* 'тот, находящийся по ту сторону'; *tuv.* *iñdi* 'та, другая сторона', *iñär* 'туда', *iñda* 'там', *iñdib* 'такой', *iñcha* 'столько, так'; *якут.* *iñna* 'туда, там'³²⁸. К этому местоимению и восходит аффикс принадлежности 3-го лица, правильная форма которого, таким образом, должна быть реконструирована с конечным *ñ*,³²⁹ ср. др.-турк. *urñ oñlin kyl boltt̄ s̄ilik k̄iz oñlin k̄yñ boltt̄* 'его сыновья стали рабами, а его целомудренные дочери — рабынями' (КТб₇), *kažanññ birlä Suna jñsha sõñyñdum* 'с их каганом я сразился в Сунгайской черни' (БК₂₇), *anañ kõñylin içrä* 'в его сердце' (Man III 22₆). Составители грамматики туркменского языка отмечают присутствие *ñ* «в фольклоре и классической литературе».³³⁰ В якутском языке аффикс принадлежности 3-го лица с конечным *ñ* сохранился в многочленной изафетной конструкции, ср. *mññ ataqñm suola* 'след моей ноги', *kiññ ataqñm suola* 'след ноги человека'.³³¹

Продолжает оставаться нерешенной проблема происхождения так называемого вставочного с, появляющегося в том варианте аффикса принадлежности 3-го лица, который присоединяется к основам на гласный, ср. тат. *tash* 'камень', *tashñ* 'его камень', но: *ana* 'мать', *anasñ* 'его мать'. В. А. Богородицкий ставил этот с в «родство с элементом *s*, встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени спряжения с отрицанием . . .», а также с с в причастии будущего времени на -*si*, типа *tat. barasñ*.³³² В поддержку предположения В. А. Богородицкого выступил Б. А. Серебренников, который дал свое объяснение появлению *s* в составе аффикса принадлежности. По его мнению, употребление формы типа *barasñ* наряду с формами 1-го и 2-го лица (*barasim*, *barasic*) создавало впечатление, будто она содержит особый аффикс принадлежности -*si*. Иначе говоря, произошло переразложение: элемент *s*, показатель будущего времени, был отнесен к аффиксу принадлежности -*i* и затем стал регулярно присоединяться к основам на гласный.³³³ В этом объяснении, подкупаю-

³²⁷ См.: B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten. (Wörterbuch), S. 36.

³²⁸ Выполнение местоимением **iñ ~ *iñ* функций предикативного показателя 3-го лица не отразилось в текстах, что объясняется ранней изоляцией формы 3-го лица. В современных тюркских языках предикативные показатели 1-го и 2-го лица восходят к личным местоимениям, предикативный показатель 3-го лица — к вспомогательному глаголу *tur-* (-*turur* ~ -*tur* ~ -*m*).

³²⁹ См.: Дмитриев Н. К. 1) Грамматика башкирского языка, с. 65; 2) Категория принадлежности, с. 33; Кононов А. И. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 49; Насыров В. М. Язык орхоненоисейских памятников. М., 1960, с. 32—33; Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района, с. 11; Каримов К. Категория падежа в языке «Кутадгу билиг», с. 13; Кулев Г. К. О форме винительного падежа типа *sözin*, *tewesin* в тексте «Divanü lügat-it-türk» Махмуда Кашиги. — СТ, 1970, № 4, с. 70.

³³⁰ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 95.

³³¹ По вопросу о происхождении элемента -*iñ* в многочленной изафетной конструкции якутского языка нет единого мнения. С. В. Ястребинский видел в нем аффикс родительного падежа. См.: Ястребинский С. В. Грамматика якутского языка, с. 87. См. также: M e p g e s K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 109. К. Шрифель, справедливо указывавший С. В. Ястребинскому на невозможность отражения в якутском языке общетюркского *ñ* в *ñ*, считал -*iñ* показателем инструментального падежа. См.: Sch r i e f l K. Der «Genitiv» im Jakutischen und Verwandtes, S. 313. Однако употребление формы инструментального падежа в изафетной конструкции ничем не мотивировано. Правильное, на наш взгляд, решение («*añatññ* — *casus indefinitus*») было предложено В. В. Радловым и О. Бётлингком. См.: R a d l o f f W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 37.

³³² Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание, с. 162.

³³³ Серебренников Б. А. Туркологические этюды, II. К проблеме происхождения *s* в варианте притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа -*sy* (-*si*). — В кн.: Вопросы тюркологии. Баку, 1971, с. 114—115. Ср. у В. Банга: -*iñ* образовался из -*si*.

щем простотой и убедительностью доводов, есть одно уязвимое место. Существование в тюркских языках формы будущего времени на *-с* никем не доказано. Что же касается будущего типа *барасі*, то оно является формой принадлежности 3-го лица, образованной от имени действия на *-а*.

1-е л., мн. ч. — *-біз ~ -міз < *біз < *nīc;*
2-е » » — *-ңіз < *ciz < *cīc.*

Изменение внешнего облика местоимения 2-го лица множественного числа происходило в рамках действия аналогии, ср. *атім — атіміз, атің — атіңіз*.

3-е лицо, мн. число — также, как в единственном числе (форма единственного числа в тюркских языках продолжительное время) являлась и формой множественного числа).

II. 1. Формы принадлежности выражают юридическую принадлежность, отношение части к целому, пространственные и временные отношения, родственные связи и т. д.: гаг. *блусу* 'его сын', *бабаніз* 'ваш отец'; тув. *öñiküm* 'моя коза', *a'düm* 'моя лошадь', *kazï* 'его гусь', *akcïm* 'мой рот'; тур. *чантам* 'моя сумка', *ëvin* 'твой дом', *kıtaby* 'его книга', *kolu* 'его рука'; якут. *aðalara* 'их отец', *kïspit* 'наша дочь'.

В хакасском языке форма принадлежности 2-го лица, а в татарском и узбекском языках форма принадлежности 3-го лица используются в качестве вокатива: хак. *aðač* 'дедушка!', *aðan* 'дядя!', *chaðan* 'старшая сестра!', *taðiñ* 'дядя (по матери)!'; тат. *ätmicî* (при обращении жены к мужу), *änicî* (при обращении мужа к жене);³³⁴ узб. *dadasi* 'отец!', *amakisi* 'дядя!' (*amakisi*, *manavi tõñtakka pûpica kîlîp kûjîñ* 'дядя, пригрозите этому глупцу'). Аффикс принадлежности 1-го лица нередко выражает эмоциональность, почтительное отношение или ласкательность.³³⁵ В якутском языке формы принадлежности от количественных числительных служат для обозначения возраста: *mîn bîjîl otutum* 'мне в нынешнем году 30 лет', *bu obo altata* 'этому ребенку 6 лет'.³³⁶ В разных тюркских языках формы принадлежности, образованные от числительных, передают значение паритивности и собирательности: др.-турк. *bîrî* 'один из них', *iñiñcisi* 'второй из них', *üçagüsü* 'трое из них'; тур. *iñimiz* 'мы оба', *iñiniz* 'вы оба'.

Особенно многозначен аффикс принадлежности 3-го лица. В 3-м лице происходит сильное ослабление значения принадлежности, что в известной мере противопоставляет его формам других лиц.³³⁷ Говоря об ослаблении, мы имеем в виду форму принадлежности 3-го лица, не сопряженную с формой родительного падежа (так называемый односторонний изафет). Как отмечает С. С. Майзель, если аффикс принадлежности 3-го лица в сочетании с родительным падежом имени выражает различный характер и различную степень принадлежности (принадлежность предмета предмету, признака предмету, материала предмету, сделанному из него, части целому, принадлежность действия субъекту действия, принадлежность состояния проявляющему его предмету или лицу и т. д.), то в сочетании с именительным падежом он выражает главным образом отношение (отношение единичного предмета к обобщенному, части к целому, отношение

в результате ассимиляции звука *с* конечным согласным основы (например, **kaðansî > kaðanî*). Аффикс *-сі* при этом сопоставляется с аффиксом прилагательных *-сіб ~ -сіе*, который В. Банг возводит к самостоятельному слову **acib* (от *ac-* 'вешать'). См.: Bang W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Turksprachen, 3. Über das Possessivsuffix *-si* und einige seiner möglichen Verwandten. — SPAW, 1916, LI, S. 1236 ff.

³³⁴ См.: Юлдашев А. А. Звательные слова в тюркских языках, с. 329.

³³⁵ Там же, с. 332. См. также: Ирамова Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1967, с. 15—16; Савакасов Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 194—195.

³³⁶ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 146.

³³⁷ См.: Севортиян Э. В. Категория принадлежности, с. 43—44.

к причине, источнику или материальной основе, отношение — связь с местом, временем и т. д.).³³⁸

Особое положение аффикса принадлежности 3-го лица проявляется в том, что, будучи словоизменительным элементом и нередко оказываясь в роли своеобразного артикла,³³⁹ он относительно легко переносится в сферу словообразования и вместе с тем обнаруживает расположность к приобретению дополнительных синтаксических функций.

В сфере словообразования аффикс принадлежности 3-го лица выступает как элемент, выделяющий различные группы наречий или существительных, подвергшихся в той или иной мере адвербализации. Примеры: ст.-азерб. *дүні* 'ночью', *јазі* 'вездой', *эртәсі*, *данласі* 'на следующий день';³⁴⁰ азерб. (диал.) *сабанларі* 'завтра', *дүннәннәрі* 'вчера';³⁴¹ ст.-узб. *кәчасі* 'ночью', *таңласі* 'утром'; узб. *эхірі* 'наконец', *бір күні* 'однажды', *jaxшісі* 'лучше', *тұрғысі* 'вернее, правильнее', *нар жілі* 'каждый год', *kickасі* 'короче говоря'; гаг. *шурләсі* 'вог здесть'; кирг. *бір күнү* 'однажды'; тур. *доғрусу* 'поистине, на самом деле', *сонраларі* 'позже', *акшамларі* 'по вечерам', *сабанларі* 'по утрам', *гүндүзләрі* 'днем', *гәйәләрі* 'по ночам', *бурасы* 'здесь', *орасы* 'там', *аңқасы* 'откровенно', 'ясно', *кісајасі* 'коротко, вкратце';³⁴² уйг. *јазлібі* 'летом', *күзлүгі* 'осенью', *кәчісі* 'ночью', *күндүзі* 'днем'.³⁴³

Многой регулярный характер носит употребление рассматриваемого аффикса как словообразовательного элемента лексико-грамматических разрядов имени, ср. кум. *бусу* 'этот'; тат. *бунисі* 'этот', *анисі* 'тот'; тур. *бірі* 'кто-то', *кімі* 'некоторые', *чөйү* 'большинство' (*чөйү инсанлар* 'большинство людей', *чөйү заман* 'в большинстве случаев'); чуваш. *илдәнни* 'золотой', 'из золота', *сăранні* ' кожаный', *урлай* 'ширина', *хуләнәши* 'толщина', *тулаш* ' внешность'. Ср. также: ст.-кирг. *бірсі күн* 'послезавтра' (Сөд. Cum. 36r₂₈).

В чувашском языке наблюдается тенденция к использованию аффикса принадлежности 3-го лица единственного числа в роли определенного артикла западноевропейских языков: *кімә* 'лодка', *кіммі* 'лодка (уже упомянутая)'.³⁴⁴

Синтаксические функции³⁴⁵ аффикса принадлежности 3-го лица заключаются в его использовании в качестве соединительного члена ('разновидность парного аффикса'), ср. алт. *адаазі ўлі* 'отец и сын', *энээй балазі* 'мать и ребенок'; тур. *каразі күндүзі-бә* 'день и ночь', *абазі палазі* 'отец и сын', или средства выражения связи между определением и определяемым,³⁴⁶ например: азерб. *алма абајі* 'яблоневое дерево', *пәмбіб тар-*

³³⁸ Майзель С. С. Изает в турецком языке. М.—Л., 1957, с. 25—43.

³³⁹ См.: Гюнбеч К. Der türkische Sprachbau, I, S. 92—93; Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (I). Das Possessivsuffix der dritten Person, S. 266.

³⁴⁰ См.: Шукров А. Дж. Наречие в азербайджанском языке, с. 6.

³⁴¹ Там же, с. 11.

³⁴² См.: Майзель С. С. Изает в турецком языке, с. 124 и сл.

³⁴³ См.: Жамалдинов О. Наречие в современном уйгурском языке, с. 7.

³⁴⁴ См.: Серебренников Б. А. О некоторых отличительных признаках волгоградского языкового союза. — В кн.: Языковые контакты в Башкирии. Уфа, 1972, с. 9—10.

³⁴⁵ О синтаксических функциях аффикса принадлежности 3-го лица см.: Абуханов Г. А. Семантика и синтаксическая функция притяжательных аффиксов в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1950, с. 9 и сл.; Майзель С. С. Изает в турецком языке. М.—Л., 1957; Иванов С. Н. Туркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 282, серия востоковедческих наук, 1959, 11, с. 189—196; Аслиддиев С. Категория принадлежности в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1964, с. 16 и сл.

³⁴⁶ Ср. у И. А. Андреева: «Форма принадлежности 3-го лица больше воспринимается как средство синтаксической связи двух имен, нежели как показатель принадлежности предмета». См.: Андреев И. А. О категории дефинитивности в чувашском языке. — Уч. зап. Чувашского НИИ, Филологический сб., 1965, XXVIII, с. 81.

ласі ‘хлопковое поле’, *jajın istmici* ‘жара лета’; узб. *ўзбеккадабијети* ‘узбекская литература’, *унің бірінчі асары* ‘его первое произведение’. При этом аффикс принадлежности присоединяется к определяемому. В караимском языке в нарушение общих правил аффикс принадлежности оказывается у определения: *кіңісі олтуруш* ‘маленький стул’, *уллусу тёшәк* ‘большая кровать’.³⁴⁷ В азербайджанском и турецком языках форму принадлежности имеет определение, выраженное причастием: азерб. *онун тәс-вір ётдіjі суратлар* ‘изображенные им образы’; тур. *онун вәрдіjі малумат* ‘данные им сведения’. Примечательно, с точки зрения тюркского синтаксиса, вынесение имени, оформленного аффиксом принадлежности 3-го лица, в препозицию определительной конструкции,³⁴⁸ ср. алт. *ð'олі ð'ок кіжі* ‘беспутный человек’; кум. *атасі анасі јок јаш* ‘ребенок, у которого нет отца и матери’; шир. *үжى پاھىچ چوڭ کارا چىش* ‘бескрайняя тайга’; тур. *дамі җанаң ёв* ‘дом с горящей крышей’; туркм. *әдірі бүтін дүнja яјран* *ядіjі* ‘писатель, произведения которого распространялись по всему свету’, *хәj Фаий қәфілән* ‘эй, с подстриженными волосами’;³⁴⁹ узб. *кўзлари қора* *кіз* ‘черноглазая девушка’, *шайғи ҳич үй* ‘дом с открытой дверью’. См. также Сл. Замахшари, II: *тізігә тәгінчә ak am* ‘до колен белая лошадь’, (272), *јүзінің біr җані ak am* ‘лошадь, у которой одна сторона морды белая’ (277). В последнем примере определяемое — *am* ‘лошадь’, определение — *јүзінің біr җані ak* ‘одна сторона ее морды белая’. Наличие формально выраженной связи у слова *јүз* ‘морда’ со словом *am* ‘лошадь’ служит целям образования распространенного определительного сочетания, в котором как группа определения, так и группа определяемого может состоять из нескольких слов. Возникновение сочетаний подобного типа, вероятнее всего, было связано с перемещением логического ударения, ср.

- 1) [*am* *јүзінің біr җані*] *ak* ‘одна сторона морды лошади белая’;
- 2) [*јүзінің біr җані ak*] *am* ‘лошадь, у которой одна сторона морды белая’.

II, 2. Вся совокупность значений, охватываемая понятием принадлежности, результат длительного и очень сложного семантического развития конструкций типа *män — kisi — män*, *biz — kisi — biz*, в которых повторение личного местоимения первоначально служило целям выражения связи между компонентами предикативного сочетания. Указанные конструкции на ранних ступенях развития тюркских языков передавали качественную или какую-либо иную характеристику лица или предмета и вместе с тем выражали разные аспекты положения одного лица или предмета в отношении другого. При этом в первом значении они усложнялись путем введения дополнительного компонента — вспомогательного глагола äр-, использование которого в дальнейшем стало факультативным, ср. *biz-kisi-äryr-biz* ‘мы имеем состояние людей’, ‘мы люди’, *biz-kisi-ärdi-biz* ‘мы имели состояние людей’, ‘мы были людьми’. Очевидно, с этого момента, т. е. с момента закрепления за конструкциями типа *män-kisi-män* значения ‘я имею состояние человека’, ‘я человек’, начинается формальное обоснование омонимических конструкций с иной семантической специализацией — ‘я имею человека’, ‘мой человек’, завершающееся образованием формы родительного падежа, ср.

*män-kisi-män*³⁵⁰ → *mänin kisi-m*
biz-kisi-biz → *bizniz kisi-biz*

О том, что развитие категории принадлежности происходило именно так или сходным путем, свидетельствуют встречающиеся в разных тюрк-

³⁴⁷ См.: Мусаев К. М. Структура караимского языка. АДД. Баку, 1968, с. 11.

³⁴⁸ См.: Иванов С. Н. К истолкованию категории принадлежности (на материале турецкого языка). — СТ, 1973, № 1, с. 31 и сл.

³⁴⁹ См.: Тәчмұрадов Т. Туркмен дилинде дегипшлилик категориясының аңладылыши Ѽллары. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1959, III, с. 38—39.

³⁵⁰ См.: Серебренников Б. А. О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя языков. — ВЯ, 1965, № 4, с. 23.

ских языках, в частности в кумыкском и туркменском, случаи безаффиксного сочетания имен, семантические отношения между которыми носят характер принадлежности, ср. казах. (диал.) *Тәльман колхозда баріп* ‘поехав в колхоз имени Тельмана’.³⁵¹ И хотя приведенный пример может быть с достаточными основаниями объяснен совсем иначе — как следствие упрощения притяжательной конструкции, как позднейшее явление,— он все равно показывает, что возможность выражения принадлежности посредством сочетания имен по способу прымывания вполне реальна.

К. Грёнбеку казалось, что древнейшей (*ursprüngliche*) у аффикса принадлежности 3-го лица была функция артикля.³⁵² Хотя форма принадлежности 3-го лица занимает несколько обособленное положение, ее древнейшая функция не может быть определена без учета форм 1-го и 2-го лица.

Раздел 3

Формы числа

I. Ни в одном из тюркских языков нет особой, материально выраженной, формы единственного или двойственного числа. Специальный морфологический показатель имеется лишь у формы множественного числа — *-лар*. В чувашском языке нет аффикса *-лар* и соответствующее значение выражает аффикс *-сём*. К названным двум аффиксам тюркологи добавляют несколько других, выделяемых в древнетюркском языке или реконструируемых на уровне алтайского праязыка.

V I, 1. Аффикс *-лар* известен по самым ранним письменным источникам и имеет много разновидностей, появившихся вследствие ассимиляции конечными согласными основы его начального согласного, вследствие выпадения согласных³⁵³ и действия гармонии гласных, ср.: *-лор* ~ *-л* ~ ~ *-ла*³⁵⁴ ~ *-лаj* ~ *-тар* ~ *-тор* ~ *-дар* ~ *-дор* ~ *-саp* ~ *-дар* ~ *-зар* ~ ~ *-рап* ~ *-нар* ~ *-нор* ~ *-на* ~ *-ар* ~ *-а* ~ *-лар* ~ *-тāр*³⁵⁵ ~ *-и(p)* ~ ~ *-лу(p)*³⁵⁶ (наибольшее число разновидностей — в якутском языке) (16),

³⁵¹ См.: Нурмагамбетов А. Западная группа говоров казахского языка. АДД. Алма-Ата, 1974, с. 83. См. также: Дмитриев Н. К. Страй тюркских языков. М., 1962, с. 259; Тачмуратов Т. Категория принадлежности в современном туркменском языке, с. 6.

³⁵² Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 92, 100.

³⁵³ Выпадение конечного согласного в *-лар* может быть частичным, не охватывающим все формы. Так, в диалектах туркменского языка *p* выпадает перед аффиксами принадлежности и перед падежными аффиксами с начальным гласным, в кумыкском языке — преимущественно перед аффиксами родительного, винительного и дательного падежей с начальным согласным, в карачаево-балкарском и турецком языках — в форме именительного падежа и перед всеми падежными аффиксами, в начале которых выступают согласные. См.: Агаджанов М. Салырский диалект туркменского языка, с. 10; Нартыев Н. Сарынский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 15; Разкулиев С. Говоры туркмен Туркменского района Каракалпакской АССР, с. 14; Бердиеев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразкулиев С. Туркмен диалинчи диалектлеринчи очерки, с. 238; Назай G. Les dialectes turcs du Rhodope. — АОН, 1959, IX, 2, р. 222.

³⁵⁴ Б. А. Серебренников придает большое значение наличию аффикса множественного числа *-ла* в балкарском языке. См.: Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-lar* в тюркских языках. — СТ, 1970, № 1, с. 52. Однако нет оснований сомневаться в том, что упомянутый аффикс является разновидностью аффикса *-лар*: именно в таком виде он выступает в хуламо-безенгийском и баксанском диалектах. См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку, с. 30, 45.

³⁵⁵ Разновидности аффикса *-лар* с долгим гласным отмечены в качинском диалекте хакасского языка. См.: Патачакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, серия филологическая, 1964, X, с. 4.

³⁵⁶ См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 15.

в түлөйкенском говоре киргизского языка (15),³⁵⁷ в алтайском и киргизском языках (12)).³⁵⁸

Размеры употребления аффикса *-лар*, особенности его дистрибуции и характер выражаемых значений таковы, что можно с уверенностью говорить о нем как о морфологическом элементе, прошедшем длительный путь развития и бесспорно присутствовавшем в тюркском прайзыке. Отсутствие его в чувашском — результат довольно поздних преобразований чувашского языка,³⁵⁹ происходивших при активном участии нетюркского субстрата.³⁶⁰

Вопрос о происхождении аффикса *-лар* ставился многими тюркологами и алтаистами,³⁶¹ однако удовлетворительного решения не получил.

Ниже мы рассмотрим лишь те попытки этимологизации аффикса *-лар*, которые так или иначе выходят за пределы тюркских языков.

Г. Рамстедт связывал аффикс *-лар* с аналогичным по значению аффиксом *-nar* в монгольских языках, а этот последний — с монгольским словом **nar* ‘совокупность’, сохранившимся, по его мнению, в якутском языке: *нāр* ‘вместе с, совместно’.³⁶² Согласно предположению Н. Поппе, аффикс *-лар* образовался в результате сложения двух других аффиксов множественного числа, **-ла* (ср. тунг.-маньчж. *-л*) и **-р*³⁶³ (последний рассматривается К. Менгесом как общеалтайский аффикс собирательности, «возможно идентичный аффиксу тюркских разделительных числительных»³⁶⁴). Приблизительно та же мысль была высказана Д. Синором, который в отличие от Н. Поппе полагал, что образование аффикса *-лар* из *-л* и *-р* происходило не на тюркской почве (так как тот и другой в от-

³⁵⁷ Тураиджанова М. Түлөйкенский говор киргизского языка. АКД. Фрунзе, 1954, с. 12.

³⁵⁸ О фонетических разновидностях аффикса *-лар* в тюркских языках и диалектах см.: Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, с. 160 и сл.; Дмитриев Н. К. Категория числа. — ИСГТЯ, II, с. 65 и сл.; Фуломов А. Ф. Ўзбек тилида кўпллик категорияси. Тошкент, 1944, б. 9—12; Дииканов К. Имя существительное в киргизском языке, с. 76; Рустамов Р. А. О монографическом изучении диалектов азербайджанского языка. — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 87; Ишев А. *-Лар* аффиксининг Манғит шевасидаги варианлари. — ЎТАМ, 1961, № 4, б. 39—41; Насиров Д. С. Қарақалпақ тилинде көплек категориясы. (Илмий грамматика бойынша материаллар). Нөхис, 1961, б. 22; Боргояков М. И. Некоторые фонетические и морфологические особенности бельтирского говора хакасского языка. — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, серия филологическая, 1964, X, с. 54; Данияров А. Д. Категория множественности в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 10.

³⁵⁹ См.: Гёпвеш К. Der türkische Sprachbau, I, S. 71.

³⁶⁰ Подробно о происхождении аффикса *-сэм* см.: Сергеев В. И. Генезис и семантика форманта множественности *-сэм* в чувашском языке. — СТ, 1972, № 3, с. 29—34.

³⁶¹ Библиографию и краткий обзор этимологий см. в работах: Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar*, *-lär* in den Türkssprachen. Kraków, 1936, S. 23—32; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 28—30; Deny J. Türkçede «ler» edatının mensebi. — В кн.: Üçüncü Türk Dil Kurultayı, 1936. İstanbul, 1937, s. 291—295; Emre A. C. 1) Étude comparative sur l'étymologie de la désinence du plural *-ler* en turk. — Türk Dili, seri II, İstanbul, 1941, № 5—6, s. 97—105; 2) Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 199; Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 52—53; Dilâçar A. Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964, s. 156—158; Кононов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969; Серебренников Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках. — СТ, 1970, № 1, с. 49 и сл.

³⁶² Ramstedt G. J. 1) Kleine altaistische Beiträge, II. Die Pluralendung mo. *-nar*, tü. *-lar*. — JSFOu, 1951, 55, S. 35; 2) Введение в алтайское языкознание. Морфология. Русск. пер. М., 1957, с. 59.

³⁶³ Рорре N. Plural Suffixes in the Altaic Languages. — UAJb, 1952, XXIV, 3—4, p. 73, 75. Мысль о том, что аффикс *-лар* является комбинацией двух других аффиксов множественного числа, впервые была высказана В. Бангом. См.: Bang W. Zum auslautenden *n* im Altaischen. — TP, 1895, VI, S. 220.

³⁶⁴ Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 111.

дельности неизвестны тюркским языкам) и что таким образом аффикс *-лар* не является тюркским по происхождению.³⁶⁵ С выводом Д. Синора в определенном смысле согласуется заключение П. Аалто о заимствовании тюркского *-лар* и монгольского *-nar* из китайского языка.³⁶⁶

По поводу приведенных попыток этимологизации аффикса *-лар* следуем следующие замечания: 1) якут. *нāр* 'порядок, соответствие' восходит к монг.-п. *najir* 'согласие, гармония'³⁶⁷ и, следовательно, не может служить основой для реконструкции монгольской праформы **nar* 'совокупность'; 2) отсутствие удовлетворительной тюркской этимологии аффикса *-лар* — недостаточно убедительное свидетельство его нетюркского происхождения; ничто не мешает считать *-лар* собственно тюркским аффиксом, не поддающимся в настоящее время этимологизации; 3) механическое членение морфем на фонемы и сопоставление последних в границах произвольно выбранного языкового ареала (алтайского, урало-алтайского или ностратического) не обеспечивает строгой достоверности выводов. Дело в том, что в алтайистической интерпретации почти все согласные тюркских языков (*л*, *р*, *н*, *с*, *з*, *т*, *ш*, *к*) оказываются реликтовыми показателями множественного числа, и благодаря этому существуют широкие возможности для выявления морфологических параллелей в других языках. Лишь в одном английском языке могут быть обнаружены три «общих» с тюркскими языками аффикса множественного числа: *s*, *n*, *z*.

На наш взгляд, имеются убедительные факты, свидетельствующие о заимствовании монгольского аффикса *-nar* из тюркских языков, что считал необходимым отметить еще М. А. Кастрен.³⁶⁸

Как указывает С. А. Козин, употребление аффикса *-nar* в древнемонгольском языке было предельно ограниченным, наблюдалось «лишь в трех-четырех случаях» и в XIII в. «не получило еще должного развития, представляя сравнительно позднюю формацию».³⁶⁹ При этом в XIV—XV вв. у западных монголов, подвергшихся сильному ассимилятивному воздействию тюрок, очень часто употреблялся аффикс *-lar* в именных и глагольных формах, см. Сл. Замахшари, II: *kibeler* 'делали' (100), *asaqbałar* 'спрашивали' (106), *eriltüler* 'просьбы' (164), *keleldübeler* 'беседовали' (214).

К аффиксу *-nar* в монгольских языках присоединяются другие аффиксы множественного числа: монг.-п. *lamanarud* 'ламы'.³⁷⁰ Подобные явления обычно имеют место лишь при отсутствии четкого восприятия значения морфологического элемента.

Наконец, обращает на себя внимание следующее обстоятельство: в тюркских языках аффикс *-лар* — единственный общераспространенный показатель множественного числа на протяжении всей письменной истории их. Монгольские языки располагают значительно большим количеством аффиксов, выражющих множественное число. Древнейшие из них *(-t)(-d)*, *(-ut)(-ud)*, *(-s)*, *(-nuud)*.³⁷¹ Кстати, Б. Я. Владимирпов, говоря о наличии в монгольских языках множества лексических и морфологических заимствований из тюркских и других языков, ссылался для

³⁶⁵ Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes. — AM, NS, 1952, II, 2, p. 226—228.

³⁶⁶ Aalto P. Altaistica, II. The Suffixes *-lar*, *-nar*, *-lär*. — StO, 1952, XVII, p. 15—16.

³⁶⁷ См.: Пекарский Э. К. Словарь якутского языка, с. 1680. См. также: Kałuzynski S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961, S. 37.

³⁶⁸ Castrén M. A. Versuch einer burgjätischen Sprachlehre. SPb., 1857, S. 11.

³⁶⁹ Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 69, серия филологических наук, 1946, 10, с. 123.

³⁷⁰ См.: Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, I. М., 1953, с. 134.

³⁷¹ См.: Козин С. А. К вопросу о показателях множественности в монгольском языке, с. 122.

подтверждения своей мысли на обилие в них форм множественного числа.³⁷²

Что касается перехода начального *л* в *н*, то для монгольского письменного языка или для древнемонгольского языка он вполне допустим: монг.-п. *насин* 'сокол' (< др.-турк. *лачин* < ?), *поjon* 'найон' (< кит. *лао-ье*). Впрочем, этот переход мог произойти и не на монгольской почве: во многих тюркских языках после основ на *м*, *н*, *ң* рассматриваемый аффикс выступает с начальным *н*.

I, 2. Аффикс *-сэм*, как указывалось выше, известен только чувашскому языку. При этом в лизовом диалекте он не подчиняется нёбной гармонии, а в говорах верхового диалекта имеет несколько вариантов — *-сам* ~ *-сэм* (сундырский,³⁷³ средний,³⁷⁴ моргаушский³⁷⁵ говоры), *-сэн* ~ *-сэн* (говор с. Ковали).³⁷⁶

Происхождение *-сэм* до сих пор остается неясным. Н. И. Ашмарин возводил его к слову *сан* 'число',³⁷⁷ Г. Рамстедт — к слову *сајн* 'каждый' (*күн сајн* 'каждый день'),³⁷⁸ образованному от общего с *сан* корня — *са-* 'считать'. О. Прицак видел в нем сочетание двух общеалтайских показателей множественного числа (*-са ~ *-са и *-и),³⁷⁹ тогда как Н. А. Андреев отнес его к числу аффиксов, заимствованных из нетюркских языков.³⁸⁰

I, 3. В 1884 г. Б. Мункачи выдвинул гипотезу о существовании в древнетюркском языке формы множественного (~двойственного?) числа на *-з*.³⁸¹ Позднее Г. Рамстедт выделил аффикс *-з* в слове *көкүз* 'грудь',³⁸² а В. Банг — в группе слов, обозначающих парные предметы, живые существа и части тела: *ікіз* 'двойня', *бәніз* 'лицо', *омуз* 'плечо', *ағіз* 'рот'.³⁸³ В дальнейшем этот список был расширен за счет включения в него слов *көз* 'глаз', *тіз* 'колено', *бујнуз* 'рог', *јодаз* 'голень', *үчүз* 'тройня'. Гипотеза Б. Мункачи была воспринята, таким образом, как нечто очевидное и так или иначе отразилась в большом количестве работ.³⁸⁴ В обосновании

³⁷² В ладимиров Б. Турецкие элементы в монгольском языке. — ЗВО РАО, 1911, XX, 2—3, с. 181.

³⁷³ Чуркин Т. Я. Опыт изучения чувашских говоров Сундырского района. АКД. Л., 1950, с. 13.

³⁷⁴ Канюкова А. С. Чувашская диалектология, с. 62 и сл. См. также: Цаплина Р. И. Особенности некоторых чувашских говоров Татарской АССР и Куйбышевской области. — МЧД, II, с. 189.

³⁷⁵ Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора, с. 156.

³⁷⁶ Сергеев Л. П. Урмарский говор чувашского языка. АКД. М., 1965, с. 16.

³⁷⁷ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, II. Казань, 1898, с. 150—151. См. также: Вenzing J. Das Tschuwaschische. — Fundamenta, I, S. 722; Андреев И. А. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. — МЧД, III, с. 51 и сл.

³⁷⁸ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 61. По мнению Г. И. Рамстедта, в чувашском языке в качестве показателя множественного числа употреблялся также аффикс **-вләк* < *böläk* 'часть, подразделение'. Ср.: Киехбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972, с. 143.

³⁷⁹ Ruitsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe. — Ural-Altaische Bibliothek, Wiesbaden, 1957, V, S. 150.

³⁸⁰ Адреев Н. А. Аффиксы чувашского языка. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. — Зап. [Чувашского] НИИЯЛИ, 1952, VI, с. 183. Было высказано предположение о связи *-сэм* с камассийским *-саң*. См.: Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 225. Ср.: Киехбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание, с. 142.

³⁸¹ «Budenz-Album». Budapest, 1884. См. также: Munkácsi B. Rec.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, I. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 125 ff.

³⁸² Ramstedt G. J. Über mongolische Pronomina. — JSFOu, 1906, 23, S. 20.

³⁸³ Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, S. 307—310.

³⁸⁴ См.: Ligeti L. Die Herkunft des Volksnamens Kirgis. — KCsA, 1925, I, 5, S. 375, 381—383 (Л. Лигети выделяет аффикс **-з* в этнонимах *күрбіз* и *өбүз*); Poppe N. Türkisch-tschiwassische vergleichende Studien, S. 425; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 13, 14, 28; Дмитриев Н. К. 1) Грамматика башкирского языка, с. 221; 2) Категория числа, с. 67—68; Ruitsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe, S. 138—139; Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 64, 85;

ее важную роль сыграло наличие соотносительных форм личных местоимений, а также именных и глагольных форм 2-го лица единственного и множественного числа, различающихся компонентом (*i*)^z, ср. мэн 'я' — біз 'мы', сён 'ты' — сіз 'вы'; бардің 'ты пошел' — бардіңіз 'вы пошли'.

Хотя три четверти века, прошедшие со времени опубликования упомянутой выше работы Б. Мункачи, значительно увеличили объем фактов, которыми оперируют тюркологи, ничего нового, проливающего свет на историю вновь открытой формы, не появилось. Стали лишь более категорическими некоторые заключения, и сама гипотеза приобрела явно алтайическую окраску. Так, например, Д. Синор поставил тюркский *-з в один ряд с монгольским -с, тунгусским и уральским -р и решительно заявил, что*-з — единственный собственно тюркский аффикс множественного числа, все остальные, включая аффикс -лар, заимствованы из других языков.³⁸⁵

Тем не менее, как бы это ни казалось парадоксальным, пока нет никаких оснований говорить о существовании аффикса двойственного или множественного числа -з ни в древнетюркском языке, ни в тюркском прайязыке.

Прежде всего обратим внимание на то, что з прослеживается в словах, обозначающих парные предметы или части тела, не чаще, чем в словах, не имеющих подобных значений, см. др.-турк. *kaz* 'гусь', *kiz* 'девочка', *öz* 'сам', *az* 'мало', *caz* 'болото', *koz* 'орех', *kuz* 'осень', *buz* 'лед', *cöz* 'слово', *juz* 'сто', *taz* 'пыль', *taz* 'береста', *maz* 'корень', *tuz* 'соль', *uz* 'искусный', *jaz* 'весна' и т. д. С другой стороны, слова, обозначающие явно парные предметы или части тела, не включают в себя з и не обнаруживают его следов, см. др.-турк. *kaş* 'бровь', *kol* 'рука', *ajak* 'нога', *kulak* 'ухо', *ərin* 'губа', *əgən* 'плечо', *əpkə* 'легкое', *jan* 'бок', *yarın* 'лопатка', *mirsək* 'локоть', *jaçak* 'щека'. В слове *ik(k)iz* 'двойня' значение двойственности-парности выражено самой основой — числительным *ikki* 'два' (ср. тур. *üçüz* 'тройня'); что же касается з, то это, очевидно, утративший продуктивность аффикс именного словообразования, подобный тому, который вошел в состав форм субъективной оценки: *kicigəz* 'маленький' (от *kiciz*), *jaçıbzəz* 'луна' (от *jaçık*).³⁸⁶

Особого объяснения требует конечный з в личных местоимениях множественного числа. Нельзя сказать с уверенностью, что местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа имеют общие корни с местоимениями 1-го и 2-го лица множественного числа, так как в них выступают разные гласные:

	'я'	'мы'	'ты'	'вы'
тат.	<i>min</i>	<i>biz</i>	<i>cin</i>	<i>ciz</i>
тув.	<i>mən</i>	<i>bis</i>	<i>cən</i>	<i>cic</i>
уйг.	<i>män</i>	<i>biz</i>	<i>sän</i>	<i>ciz</i>
хак.	<i>min</i>	<i>nis</i>	<i>cin</i>	<i>cirəp</i>

Различие между теми и другими настолько регулярное и очевидное, что ни о каком «случайном расхождении» не может быть и речи. Кроме

Räsenen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 55 (М. Рясянен восстанавливает тюркскую праформу в виде *р'); Саferoglu A. Türk dili tarihi, I. İstanbul, 1958, s. 135; Мшанов М. К истории аффиксов множественности в казахском языке. — Уч. зап. Гурьевского ГПИ, серия историко-филологическая, Уральск, 1962, II, с. 70—75; Ализаде А. Дж. Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков). АКД. Баку, 1966, с. 18—19; Veltze H.-P. Plural, Dual und Nominalklassen in altaischen Sprachen. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1969, XVIII, 3, S. 485.

³⁸⁵ Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 220, 221, 229. В рецензии на эту статью Н. Цопце высказывается против сопоставления тюркского з с монгольским с. См.: FUF, 1953, XXXI, 1—2, p. 29.

³⁸⁶ См.: Brockelman C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 142.

того, как справедливо заметил О. Бётлингк, «мы» не есть множество «я», и термин «форма множественного числа» здесь неуместен.³⁸⁷ Структурно-фонетическое сходство личных местоимений, наблюдаемое во многих языках, образовалось в результате процессов, далеко выходящих за пределы прайзыкового состояния, и оно не дает оснований для историко-морфологического анализа их. Попутно напомним об интересной гипотезе О. Бётлингка, поддержанной В. В. Радловым, согласно которой в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа объясняется как элемент, образовавшийся вследствие стяжения местоимения 2-го лица единственного числа *ci 'ты': *biz* 'мы' < *bi 'я' + *ci 'ты', *ciz* 'вы' < *ci 'ты' + *ci 'ты'.³⁸⁸ К сожалению, эта гипотеза обходит молчанием причину различия гласных.

С существованием личных местоимений, различающихся компонентом (i)z, тесно связано наличие соотносительных именных и глагольных форм 2-го лица единственного и множественного числа, так как -(i)и и -(i)ииз, являющиеся аффиксами принадлежности, восходят к личным местоимениям. Конечно, это не значит, что аффикс -(i)ииз развился непосредственно из местоимения *ciz*. Он, очевидно, включает в себя и -сiи (ср. кирг. *бардiсiң* 'ты пошел', *кэлдiсiң* 'ты пришел';³⁸⁹ тур. *görüjorsunuz* 'вы видите'; тат. диал. *тiңлiјесiңiз* 'вы слушаете';³⁹⁰ башк. *бараңиң*, башк. диал. *бараң* 'ты идешь', башк. *бараңиђiб*, башк. диал. *бараџiб* 'вы идете'³⁹¹) и -сiз. Поскольку же праформа для -(i)ииз в виде *-сiңсiз невероятна с точки зрения здравого смысла, остается предположить, что своеобразие показателя 2-го лица множественного числа — следствие выравнивания форм в рамках действия аналогии.

I, 4. Следующий аффикс множественного числа, выделяемый тюркологами, и в особенности алтайцами, в древнетюркском и некоторых современных тюркских языках — (-m).³⁹² Однако древнетюркские формы *tägim* 'принцы' и *tarqam* 'тарханы', в которых константируется наличие данного аффикса, для тюрок, как указывал П. М. Мелиоранский,³⁹³ неразложимы. Соотношение же форм единственного и множественного числа типа *tägin* — *tägim*, *tarqan* — *tarqam* — необычное для тюркских языков. Приведенные формы, форма **türküt* 'тюрики', восстанавливаемая с учетом китайских источников,³⁹⁴ а также тат. *нарат* 'сосна', якут. *эрэм* 'мужчины', *хотут* 'сборище женщин' (ср. монг.-п. *qatun* — *qatut* 'супруга — супруги'), **kirbüt* 'девушки' (от *kirbün*), **uolat* 'юноши' (от *uolän*), *tojom* 'господа' (от *tojon*), **nojom* 'парни' (от *nojon*), **döjöt* 'друзья' (от *döbor*), **körgejt* 'члены семьи' (от *körgejn*), **oijüt* 'шаманы' (от *oijün*), **udağat* 'шаманки' (от *udağan*), не являются тюркскими по происхождению.³⁹⁵ Не случайно

³⁸⁷ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168. См. также: С у я р о в И. *Биз ва сиз олмошларининг маънолари ҳақида*. — ЎТА, 1963, № 5, б. 37 и сл.

³⁸⁸ B ö h t l i n g k O. 1) Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasembek's türkisch-tatarischer Grammatik, zum Original und zur deutschen Übersetzung von Dr. J. Th. Zenker, S. 39; 2) Über die Sprache der Jakuten, S. 168.

³⁸⁹ См.: С у я р о в И. Шахс олмошларининг этимологияси ҳақида, б. 34. Приведенные И. Суяровым примеры требуют дополнительной проверки.

³⁹⁰ См.: Якурова Г. К. Описание некоторых морфологических особенностей языка татар, расположенных по реке Зай (Татарская АССР). — ВДТЯ, II, Баку, 1960, с. 140.

³⁹¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

³⁹² См.: Sinor D. À propos de la biographie ouigoure de Hiuan-tsang, p. 548—549.

³⁹³ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 80. См также: Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 85.

³⁹⁴ См.: Poppe N. Plural Suffixes in the Altaic Languages, S. 68. По мнению некоторых ираиштов, прототипом китайского *i*-*küe* явилась согдийская форма множественного числа *turkit*. См.: Harrington J. Irano-Turcica. — АОН, 1972, XXV, 1—3, р. 272—273.

³⁹⁵ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 102—103; Аитонов Н. К. Заметки о говоре якутов Среднеколымского района. — В кн.: Сборник диалектологических материалов якутского языка. Якутск, 1961, с. 56—57;

к подобным формам в тюркских языках присоединяется аффикс *-лар* (~ *-тар* ...): др.-турк. *təg̊itlär* 'принцы' (Uig III 42₂₄); якут. *эрэйтэр*, *хотумтар*, *kïrbëttar* и т. д.

Иного происхождения формы на *-ат* в «Бабур-наме»: *бэгät* 'беки' (46), *туманат* 'туманы — подразделения' (60), *бölükät* 'округи' (172), *базат* 'сады' (172), *aјmakat* 'аймаки' (191). Нельзя не согласиться с К. Брокельманом, что в этом случае мы имеем дело с арабским аффиксом, перенесенным через посредство персидского языка в староузбекский.³⁹⁶ Ср. ст.-тур. *ağavat* 'аги'.³⁹⁷

Не являются собственно тюркскими и такие формы, как *алнајут*³⁹⁸ 'герои', 'знатные лица' (МК III 422; Uig III 65₈), *бајајут* 'богачи' (ТТ VI_{прав., 11}; Uig II 36₃₇), *уруңутлар* 'предводители' (Tîş 20 b₄), *таңшут* 'стихи' (Куап₁₇₂),³⁹⁹ характерные главным образом для буддийских текстов.

1. 5. В числе аффиксов множественного числа тюркологи называют также *(a)н* ср. у К. Гренбека: *оғлан* 'юноши', *эрән* 'мужи', *бодун* 'народ', *кіркін* 'девушки'.⁴⁰⁰ А. Габайн дополнила этот список словом *örtäն* 'огни', но сопроводила весь параграф знаком вопроса, так как значение множественного числа для них не считает окончательно установленным.⁴⁰¹ Д. Синор привел, кроме того, *kîrkuн* — китайское наименование кыргызов и *копан* 'все'.⁴⁰² Употребление аффикса *(a)н* в древнетюркском языке свидетельствовано в XI в. Махмуд Кашгари в словах *оғлан* и *эрән* (МК I 74) и, несколько позднее, Абу-Хайяном — в слове *эрән*,⁴⁰³ причем Махмуд Кашгари воспринимал указанные образования как необычные, находящиеся «не в соответствии с правилом; по правилу признак множественного числа *-лар*» (МК I 35).

Если наличие аффикса множественного числа *-(a)н* в словах *бодун*, *örtäն*, *кіркін*, *копан* является предметом споров и даже отрицается некоторыми тюркологами (последние склонны видеть в составе *бодун* и *örtäն* аффиксы именного словообразования -ун и -ан, а в *копан* — омертвевший аффикс орудного падежа; слово *кіркін* не поддается морфологическому членению на *кірк-* и *-їн*), то присутствие его в словах *оғлан* и *эрән* обычно не вызывает сомнений.

Пока трудно дать окончательный ответ на вопрос о том, какова природа словоформ *оғлан* и *эрән* в тюркских языках; все же предположение А. Г. Гулямова, что «слова *ўблон*, *ёрон*, *эрон*, *боён* включают в себя персидский аффикс множественного числа,⁴⁰⁴ может служить основой для

Никифоров Г. А. Об аффиксе множественного числа *-т* в якутском языке. — Тр. ИЯЛИ, Якутск, 1963, 4 (9), с. 89—92; Воронкин М. С. Грамматические особенности говора ессейских якутов. — Там же, с. 126; Афанасьев П. С. Говор верхоянских якутов. Якутск, 1965, с. 140 (*талаттар* 'соседи', *күйлөттэр* 'озера', *хламтар* 'звери'); Коркина Е. И. О некоторых особенностях говора якутов Момского района, с. 33.

³⁹⁶ Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litursprachen Mittelasiens, S. 151. См. также: Кораев С. К. Топонимика. Ташкент, 1970, б. 17.

³⁹⁷ Depuy J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), p. 156.

³⁹⁸ См.: Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 63.

³⁹⁹ Н. Поппе включает в эту группу и слово *урајут* 'женщина', морфологический состав которого не ясен. См.: Рорре N. Plural Suffixes in the Altaic Languages, p. 69.

⁴⁰⁰ Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 58, 66—68. См. также: Коновалов А. Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках, с. 15—18.

⁴⁰¹ Gabain A. Alttürkische Grammatik, S. 61.

⁴⁰² Sinor D. On Some Ural-Altaic Plural Suffixes, p. 208—210.

⁴⁰³ Расулова Н. А. Исследование языка «Китаб ал-идрәк ли-лисән ал-атräк» Абу-Хайяна. АКД. Ташкент, 1969, с. 9.

⁴⁰⁴ Гуломов А. Ф. Ўзбек тилида кўпллик категорияси, б. 38—42. В недавно опубликованной статье А. Г. Гулямов относит *-(a)н* в *оғлан* и *эрән* к числу морфем, выражавших первоначально значения субъективной оценки. См.: Гуломов А. Ф. Республика олий мактабларида ўзбек тилинун ослиги дисциплиналари. — В кн.: Ўзбек тили нутқи маданияти масалаларига бағишланган республика тилшунослик конферен-

дальнейших поисков. То обстоятельство, что слово *оглан* зафиксировано в текстах рунической письменности, не обнаруживающих прямых следов персидского влияния, затрудняет принятие гипотезы А. Г. Гулямова, тем не менее само по себе оно не доказывает ее несостоятельности. Заметим в связи с этим, что персидский аффикс множественного числа присутствует в древнетюркском *түркән* 'тюрги' (QBN 20₁₁, 21₁),⁴⁰⁵ староузбекском *калмакан* 'калмыки' (ШН 123), в ряде форм старотурецкого языка: *мәб'усан* 'депутаты', *забитан* 'офицеры', *шагирдан* 'ученики', *јәнічәріјан* 'янычары',⁴⁰⁶ а также туркменского: *эннанлар* 'женщины', *jаранлар* 'друзья', *мәрданлар* 'люди'.⁴⁰⁷

I, 6. Еще один аффикс множественного числа (resp. *Kollektiva*), (-гүн), К. Гре́йбек пытался обнаружить в словах *кәліңүн* (*кәлін-гүн*) 'невестки', *инігүн* (*ин-ji-гүн*) 'младшие братья',⁴⁰⁸ встречающихся в орхонских надписях. И эту попытку нельзя считать успешной, так как нет уверенности в том, что приведенные слова являлись формами множественного числа. Весьма вероятно, что *кәліңүн* — форма уменьшительности, а *инігүн* — композитное образование, состоящее из слов *ині* и *јёгүн*.

I, 7. По мнению Г. Рамстедта, в тюркском прайзыке аффиксом множественного числа был также (*-с), являющийся составной частью аффикса принадлежности 3-го лица -сї. Вначале, как полагает он, -ї выражал принадлежность в единственном числе, а -сї — во множественном,⁴⁰⁹ позднее это различие утратилось: каждый из них стал выражать и то и другое значение. Таким образом, для одного из этапов истории тюркских языков устанавливается семантическое тождество форм типа *аҗасі* (*аҗа-с-ї*) с формами типа *аҗаларі* (*аҗа-лар-ї*) 'их (его) старшие братья'.

Хорошо известно, что во всех современных и древних тюркских языках использование двух вариантов формы принадлежности 3-го лица обусловлено различием фонетических условий, иными словами, указанные варианты находятся в отношении дополнительной дистрибуции: -ї присоединяются к основам на согласный, -сї — к основам на гласный, и нет никаких данных, которые позволяли бы думать, что в тюркском прайзыке причина двухвариантности аффикса принадлежности была иной. В. А. Богородицкий, резко выступивший против «фонетического» решения проблемы с и сопоставивший его с «элементом с, встречающимся в глагольных аффиксах будущего времени спряжения с отрицанием . . .», заметил, между прочим, что «эпоха когда-то любимых объяснений посредством всевозможных вставочных звуков уже отошла в прошлое». Развеется, не все согласные, находящиеся в особых фонетических условиях, являются «вставочными», и нельзя не согласиться с тем, что в прошлом обращение к «вставочным» звукам нередко становилось приемом, позволявшим избегать решения трудных задач, тем не менее сам факт существования так называемых вставочных звуков бесспорен. К. Менгес, также отрицательно относящийся к возможности объяснения -сї как фонетически обусловленного варианта -ї, указывает, что «зияние» в тюркских языках устраняется только посредством *j* и изредка *b*,⁴¹⁰ Однако, кроме

цияси. Ташкент, 1969, б. 54. Ср.: Bang W. Über die türkischen Namen einiger Grosskatzen. — KSz, 1916/1917, XVII, S. 141—142.

⁴⁰⁶ См.: Фазылов Э. Материалы по истории узбекского языка. II. Из истории категории множественного числа в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 95.

⁴⁰⁶ См.: Deny J. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), p. 156.

⁴⁰⁷ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 89.

⁴⁰⁸ Grönbach K. Der türkische Sprachbau, I, S. 58.

⁴⁰⁹ Ramstedt G. J. Über mongolische Pronomina, S. 19—20. См. также: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 23; Pritsak O. Tschuwaschische Pluralsuffixe, S. 141—142.

⁴¹⁰ Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание, с. 162. Ж. Дени связывал происхождение с с неправильным членением местоимения *кәндісі* (*кәнді-сі*) < *кәнд’өзі*. См.: Deny J. Structure de la langue turque, p. 31, 32, 49.

⁴¹¹ Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 114.

j, *b* и *a*, в этой роли выступает *p*, например: уйг. *палтору* ‘его пальто’, *кинору* ‘его кино’, *дунјари* ‘его мир’, *тожору* ‘его курица’, и, следовательно, «репертуар» тюркских интервокальных протез не такой уж ограниченный, как может показаться на первый взгляд. Не отрицая правомерности поисков иного, «нефонетического», решения проблемы с в аффиксе принадлежности 3-го лица, мы хотели бы все же подчеркнуть, что отнесение его к числу реликтовых аффиксов множественного числа — оригинальная, но ничем не обоснованная догадка.

В одной из своих последних работ Г. Рамстедт привел в качестве примера на -с в значении множественного числа древне-туркское *їшбарас*⁴¹² — титул, название должности (< скр. *īśvara + -s?*), встречающееся один раз в надписи Моюн-чура.

Подводя итог изложенному выше, мы реконструируем на уровне тюркского языка двухчленную парадигму морфем числа, в которой первый член характеризуется отсутствием материального выражения, а второй представлен аффиксом *-лар*.

II, 1. В древних и современных тюркских языках форма без специального морфологического показателя имеет значение неопределенной или совокупной множественности: др.-турк. *кәjik jœjœ табишџан jœjœ* ‘питаясь оленями и зайцами’ (Тон₈); ст.-узб. *чупчук бозгак болғандур* ‘у воробьев бывала лихорадка’ (БН 5); тур. *бабамің ікі мәрәкі варді күш* вә чічәк ‘у моего отца были две страсти: птицы и цветы’;⁴¹³ шор. *ол кој кадарді* ‘он пас овец’. В современных тюркских языках указанная форма нередко выражает значение единичности: ног. *ўјдён шіктім арбаңа міндім* ‘я вышел из дома, сел в телегу’; тур. *кані вурулду гәни адам пәнҗөрәдән дөндү* ‘в дверь постучали, молодой человек отвернулся от окна’; шор. *апиј козан аңапча* ‘старик охотится на зайцев’.

Для формы с аффиксом *-лар* также характерно прежде всего значение неопределенной или совокупной и затем членимой множественности, см. ног. *бу кімнің жілкіларі* ‘это чьи лошади?’, тур. *бүтүн окудузум кітаплар* ‘все прочитанные мною книги’, бән-дә *сәні жаңакларіндан* öпәјෝјім ‘и я поцелую тебя в твои щеки’. Значение же единичности у этой формы связано главным образом с выражением почтительного отношения, ласкальности и иронии: узб. *этамла(p)* ‘мой отец’, *бувімнің ёрларі* ‘муж моей бабушки’, *бу кіши Азімовнің кізілар* ‘это — дочь Азимова’;⁴¹⁴ узб. (диал.) *экэмлә* ‘мой старший брат’;⁴¹⁵ якут. *күннәрім* ‘мое солнышко’, *аттарым* ‘моя лошадушка’.⁴¹⁶ Форма на *-лар* от имен существительных, обозначающих вещество, материал, состояние и т. п., передает особый оттенок экспрессивности и используется как средство гиперболизации (у Ж. Дени — «pluriel d'exagération ou d'amplification»): башк. *ағиделләр аша ук аттім* ‘я метнул стрелу через реки Белые’ (resp. ‘... через реку Белую’);⁴¹⁷ гаг. *жаннар акіj* букв. ‘крови текут’;⁴¹⁸ тат. *чайлар ічтім* ‘я пил чай’; тур. *хастајі гүнәшләрдә гәзәдірмәк* букв. ‘прогуливать больного на солнцах’, *канлара бојамак* букв. ‘окраситься кровями’, *топракларда јатмак* букв. ‘лежать в землих’;⁴¹⁹ туркм. *маңлајларинан* букв.

⁴¹² Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 57. Дж. Клосон и Э. Трыарский полагают, что прототипом др.-турк. *їшбарас* была санскритская форма множественного числа от *īśvara* (*īśvarās*). См.: Clason G., Trygubskij E. The Inscription at Ikhe Khushotu. — RO, 1971, XXXIV, 1, p. 14.

⁴¹³ Пример взят из кн.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 67.

⁴¹⁴ См.: Зулейхеев Я. -Лар аффиксияннан сүз таркибида құлланиши хусусиятлари. — УТА, 1972, № 5, б. 67—69.

⁴¹⁵ См.: Туляков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка, с. 8—9.

⁴¹⁶ См.: Никифоров Г. А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке. — В кн.: Тюркологический сб., I. М.—Л., 1951, с. 140.

⁴¹⁷ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 220.

⁴¹⁸ См.: Покровская Л. А. Грамматика тагаузского языка, с. 109.

⁴¹⁹ См.: Deny J. Grammaire de la langue turque (dialekte osmanli), p. 152—153.

‘с его лбов’;⁴²⁰ узб. *тўрларимни арттім* букв. ‘я вытер поты’. Частным случаем развития значения аффикса *-лар* является его семантическое обособление и функционирование как словообразовательного элемента, выделяющего одну из групп наречий, или в качестве предикативного члена. Примеры: ст.-узб. *кішлар* ‘зимой’, *јазлар* ‘летом’, *күзләр* ‘осенью’; хак. (диал.) *пу бллар городтаңыар* ‘эти парни из города’, *піс оларның ұмудларібістар* ‘мы старше их’;⁴²¹ якут. (в сочетании с аффиксом принаследженности 3-го лица) *түннәрі* ‘всю ночь’, *саїннарі* ‘все лето’, *кійиннарі* ‘всю зиму’.⁴²²

Местоимения с аффиксом *-лар* чаще всего воспринимаются как формы вежливости (*cis*) или как формы пренебрежительного, иронического отношения (*cэн*),⁴²³ количественные числительные или существительные, находящиеся в сочетании с ними,— как формы, выражющие прилизительность, а наречия и деепричастия — как формы интенсивности. Примеры: азерб. *бірх јашларінда* ‘в возрасте около сорока лет’, *соңралар* ‘впоследствии’, ‘в последнее время’; башк. *сәбәт биштәрдә* ‘часов в пять’; казах. *сабат тобىздарда* ‘часов в девять’; тур. *отуз јашларінда* [человек] лет тридцати’; ст.-узб. *ахірлар* ‘наконец’, *бурунлар* ‘прежде’, *соңралар* ‘после’, *эмділәр* ‘теперь’, *андалар* ‘там’; узб. *сізлар* ‘Вы’, *уч кунлар* ‘дня три’, *әллік жіллар* ‘лет пятьдесят’, *аллақачонлар* ‘когда-то’, *шунчалар* ‘столько’, *күллар* ‘много’, *карамајлар* ‘без оглядки’, *куріллар* *кәссін* ‘пусть сохнет’.⁴²⁴ Вместе с тем числительные (при субстантивации) и местоимения могут выступать и как формы собственно множественного числа, причем для местоимений 1-го и 2-го лица присутствие аффикса *-лар* (иногда в удвоенном виде) является обязательным лишь в некоторых тюркских языках, например: алт. *сләр*, з.-сиб.-тат. *сісләр*, тофал. *сіләр*, тув. (диал.) *сіләрләр* ‘вы’; з.-сиб.-тат. *післәр*, тув. (диал.) *бістәрләр* ‘мы’,⁴²⁵ для местоимения же 3-го лица — во всех языках: алт. *олор*, башк. *улар*, з.-сиб.-тат. *уллар*, салар. *вуләр*, ст.-узб. *алар*, тув. *олар*, тув. (диал.) *оларлар*, шор. *йлар ~ лар*, др.-турк. *анлар*. Несколько необычно использование количественных числительных с аффиксом *-лар* в якутском языке при так называемом штучном счете: *бірдәр* ‘один’, *иккіләр* ‘два’, *үстәр* ‘три’, *түйрттәр* ‘четыре’.⁴²⁶

Чувашская форма с аффиксом *-сәм* по своему содержанию в значительной мере совпадает с формой на *-лар*,ср.: *хулагазм* ‘города’, *иккәзәнҗә* ‘прилизительно в два [часа]’, *пірәннәзәм* ‘мой муж’ (букв. «нашиные»).⁴²⁷

II, 2. В большом разделе монографии «Строй тюркских языков», посвященном формам собирательности и множественности,⁴²⁸ К. Грёнбек обратил внимание тюркологов на то, что в орхонских надписях аффикс *-лар* используется редко, преимущественно в терминах родства. Наблюдая далее случаи употребления форм на *-лар* рядом с формами на *-гүн,*

⁴²⁰ См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 122.

⁴²¹ См.: Патакова Д. Ф. Способы выражения категории множественности в качинском диалекте хакасского языка, с. 11.

⁴²² См.: Вöhrlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 165.

⁴²³ См.: Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 10 («форма *сенлар*... по отношению к старшим по возрасту выражает пренебрежение»).

⁴²⁴ См.: Гуломов А. Ф. Ўзбек тилида күплük категорияси, б. 31; Низомиддинова С. Ҳозирги замоя ўзбек тилида сөн. Ташкент, 1963, б. 57—58; Гулаймов Я. Г. Грамматика ташкентского говора, I, с. 21—24; Абдуллаев А. Майло кучайтиришнинг морфологик усули. — ЎТА, 1970, № 1, б. 68—71.

⁴²⁵ В диалектах разных тюркских языков эти местоимения имеют большое количество вариантов,ср.: узб. *бизә*, *бизәй*, *бизәр* ‘мы’, *сизә*, *сіләр*, *сіләлә*, *сірәр* ‘вы’.

⁴²⁶ См.: Никифоров Г. А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке, с. 141.

⁴²⁷ См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (IV). Die Kasus, S. 424—428; Андреев Н. А. Аффиксы чувашского языка, с. 176, 178, 180, 181.

⁴²⁸ Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 57—83.

-(a)n, К. Грёнбек приходит к выводу, что аффикс *-лар* в древнетюркском языке выражал не число, а собирательность,⁴²⁹ и что различие единственного и множественного числа было чуждо его носителям. То, что мы рассматриваем в настоящее время как множество, продолжает К. Грёнбек, воспринималось как некая нечленимая совокупность, как род (Genus), и именно род, совокупность, а не индивидуум, лежали в основе восприятия древними тюрками реальной действительности. В древнеуйгурском языке, как полагает К. Грёнбек, отразилось уже иное мировоззрение, и это объясняется главным образом тем, что уйгуры, оказавшись в Восточном Туркестане, столкнулись с «новой духовной культурой, европейской».⁴³⁰ Для нового мировоззрения характерно восприятие множества как совокупности отдельных индивидуумов. Точку зрения К. Грёнбека с некоторыми изменениями воспроизводит в работе, посвященной древнетюркскому языку, О. Припак. Множественное число, указывает он, в древнетюркском языке выражалось только в пределах личных местоимений (!?) *biz* ‘мы’ (*bi-z*), *ciz* ‘вы’ (*ci-z*) и притяжательных форм, тогда как аффикс *-лар* передавал собирательность, и значение множественного числа развилось у него под влиянием индоевропейских языков Туркестана.⁴³¹

Маловероятно, чтобы орхонские тюрки в VIII—IX вв. не могли воспринимать индивидуума самого по себе и рассматривали его как своего рода манифестиацию нечленимой совокупности. Многие факты свидетельствуют о том, что степень осознания собственной индивидуальности или индивидуальности как таковой у древних тюрок была достаточно высокой. Напомним о нарочито подчеркнутом выделении личности и личных заслуг тюркских каганов, их советников и приближенных в памятниках рунической письменности.

Тщательное исследование древних и современных тюркских языков убеждает в том, что одной из отличительных особенностей их является максимальная экономия выразительных средств. Если, например, для русского языка употребление формы единственного числа имен в значении множественного допустимо в ограниченных размерах и иногда кажется несколько необычным, ср.: *вишня нынче крупная, заяц сейчас линяет*; здесь разводят птицу, на второй деланке закончили посадку дуба, то для современных тюркских языков это довольно распространенное явление, а для древних — почти норма. Там, где нет необходимости в специальном выражении множественного числа, аффикс *-лар* отсутствует. Почему, скажем, в узбекском языке возможно *бэлаларниң јураги* наряду с *бэлаларниң јураклари*? Потому, что множественность здесь, как справедливо замечает А. Г. Гулямов, является сама собой разумеющейся.⁴³² Ведь мы хорошо знаем, что, например, в восточнотуркестанском, староузбекском или современном узбекском языках аффикс *-лар* представлен широко и выражает разнообразные значения и тем не менее в значении множественного числа часто выступают неоформленные имена, причем в таких случаях, которые для индоевропейских языков, как правило, недопустимы: др.-турк. *анүң көзүй кёктүң кёкрәк әрді* *анүң сачи мүрән усүбүй-дәг анүң тиши ўн јүй-дәг әрді* ‘ее глаза были голубее неба, ее волосы были подобны течению реки, ее зубы были словно жемчуг’ (ЛОК 9₃); узб. *у сўқинаста сўяја башлади эјекка турди* ‘он постепенно начал выздоравливать, встал на ноги’. В подобных примерах присутствие аффикса *-лар* не исключено, см. др.-турк. *јәнчүй тизиги-тәг көртлә тишләрі* ‘ее прекрасные зубы, подобные ожерелью из жемчуга’ (ТТ X₄₅₀), но не является обязательным,

⁴²⁹ Там же, S. 58. См. также: Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 150.

⁴³⁰ Там же, S. 61.

⁴³¹ Pritsak O. Das Alttürkische. — In: Handbuch der Orientalistik, V, Altaiistik, I. Turkologie. Leiden—Köln, 1963, S. 38.

⁴³² Уломов А. Ф. Узбек тилида кўплук категорияси, б. 17.

так как ясно, что речь идет не об одном глазе, не об одном волосе, зубе, не об одной ноге. Если бы имелся в виду один глаз, один волос или зуб, одна нога, то непременно были бы использованы уточняющие слова, ср. др.-турк. *абам бир адакін сісар* ‘если он отломит одну из ножек’ (ТТ I₁₉₉), *башінтай бірәр әвін сачі анта мунта сачіліп* ‘волосы на ее голове рассыпались по одному во все стороны’ (ТТ X₄₃₅), *әтүзінтәкі бір әвін түсіңдің жәмә ада туда тәзгүргәлі убулув әрмәзләр* ‘они не смогут также причинить вред ни одному волосу на телах [правителей из «рода» бодисатв]’ (Uig IV A₂₅₉), *жілтізіңде көдіріп сөгүт бүтікіңде көзі тәгін бір көзі тәгілті* ‘он наткнулся на корни [дерева], напоролся глазом на ветку и ослеп на один глаз’ (ТТ III_{прав.} 71). Эта же тенденция проявляет себя в языке орхонских надписей. Кстати, необходимо учитывать и своеобразие их содержания (надписи — эпитафии): повествование ведется одним лицом и в большей своей части является описанием походов и сражений, проведенных с его участием. Просмотр всего текста памятника в честь Кюль-тегина не позволил обнаружить такие случаи отсутствия аффикса множественного числа, которые находились бы в резком противоречии с нормами современных тюркских языков.

Многочисленные факты, часть которых была приведена выше, свидетельствуют о том, что в древнетюркском языке и в тюркском языке единичность и множественность в плане содержания различались. С учетом средств выражения различение единичности и множественности у имен происходило в рамках противопоставления определенному (считаемому) числу неопределенного (совокупного) числа. И единичность и множественность являлись частными случаями определенного числа, противопоставлялись неопределенному числу и выражались посредством сочетания неоформленных имен с числительными и наречиями: *бір*⁴³³ *таш* ‘один камень’, *үч таш* ‘три камня’, *отуз таш* ‘тридцать камней’, *алқы таш* ‘все камни’, *жөп таш* ‘много камней’. Неопределенное (совокупное) число выражалось вначале только неоформленными именами, а затем — и именами с аффиксом *-лар*. И, конечно, К. Грёнбек был прав, утверждая, что значение неопределенного (совокупного) числа или собирательности у аффикса -лар предшествует значению множественности. В восточнотуркестанском языке X—XIII вв. аффикс *-лар* стал использоваться и при выражении определенного числа, все же обычно он отсутствует.⁴³⁴ Подобное явление наблюдается и в большинстве современных тюркских языков, исключая азербайджанский, караимский⁴³⁵ и некоторые другие. Своевобразие караимского языка — результат длительного влияния на него славянских языков.⁴³⁶ В тувинском, узбекском и якутском языках возможность присутствия аффикса *-лар* у имен, сочетающихся с числительными, объясняется влиянием русского языка.⁴³⁷ Все же, по-видимому, данная особен-

⁴³³ С течением времени числительное *бір* ‘один’ в сочетании с существительными стало выражать значение ‘некий, неопределенный’, однако эта неопределенность не имеет отношения к числу. *Бір таш* — ‘некий камень’, но определенно — ‘один камень’.

⁴³⁴ Аффикс *-лар*, присоединяемый к существительным, которые выступают в сочетании с количественными числительными, в староазербайджанском языке, по мнению А. Ализаде, имел особое значение. См.: Элизадэ А. Азэрбајҹан дилинин язымы абыдәләриндә сајларны ифада олумасына даир (мигдар сајлары). — В кн.: Азэрбајҹан дилчилүү мәсәләләри. Бакы, 1967, с. 120—121.

⁴³⁵ В караимском языке употребление аффикса *-лар* приобрело чрезвычайно большие размеры, ср.: *міхлар* ‘усы’, *кіптілар* ‘ножницы’, *кашлар* ‘брови’, *кулахлар* ‘уши’. См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 10.

⁴³⁶ О влиянии славянских языков на караимский см.: Kowalski T. Karaïmische Texte im Dialekt von Troki. Kraków, 1929, S. XXXIII, XXXVIII; Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 14 и сл.

⁴³⁷ См.: Искаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 207; Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. АДД. Новосибирск, 1973, с. 29; Шакирова Н. М. Некоторые особенности категории числа имен существительных в русском и узбекском языках. — В кн.: Сборник научных трудов аспирантов Среднеазиатского гос. унив.,

ность не только является следствием влияния извне, но и в какой-то мере отражает внутренние тенденции развития, в частности, стремление подчеркнуть «специфические виды и различия элементов, относящихся к одной группе».⁴³⁸

Появление аффикса *-лар* как особого средства выражения неопределенного (совокупного) числа ускорило процесс развития у неоформленных имен значения единичности. Тем не менее и в настоящее время оно не является единственным и разграничение двух форм не всегда достаточно строгое.⁴³⁹ Как отмечал Т. Ковальский, иногда в совершенно одинаковых условиях ставится то неоформленное имя, то имя с аффиксом *-лар*, и там, где выбор между двумя формами подвержен колебанию, форма с аффиксом *-лар* воспринимается как более экспрессивная.⁴⁴⁰

Итак, первоначальное значение формы на *-лар* — неопределенное (совокупное) число — совпадает с первоначальным значением неоформленных имен. Это значение явилось исходным для развития всех других значений: множественности, интенсивности, приблизительности.

В заключение остановимся на вопросе соотношения значений неопределенного (совокупного) числа и собираательности. Значение собираательности в том смысле, в каком оно интерпретировалось исследователями русского языка (ср. у А. А. Потебни: «Сплошное множество, понятое как единица»;⁴⁴¹ у А. А. Шахматова: «Собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое»;⁴⁴² у В. В. Виноградова: «Совокупность лиц, предметов, мыслимых как коллективное или собираательное единство, как одно неделимое целое»⁴⁴³), может быть первичным, предшествующим появлению понятия раздельного множества, и вторичным, развившимся после его появления и в связи с ним. Так, *вишня* во фразе *вишня нынче крупная* передает собираательное значение первого типа, тогда как у слов *единство, учительство, белье, дворня* более вероятно наличие собираательных значений второго типа.⁴⁴⁴

Обращаясь к русскому языку, мы отнюдь не утверждаем, что в нем употребление имен в единственном числе в значении совокупного или сплошного множества непременно предшествовало появлению собственно собираательных имен. Возможно, в подобных случаях единственное число имени «является образом сплошного множества», а единичный предмет или лицо служит символом множества предметов или лиц,⁴⁴⁵ т. е. имеет место стилистически мотивированное замещение одной формы другой (синекдоха), например: *зацвела вишня* вместо *зацвели вишни*.⁴⁴⁶ Материалы русского языка мы используем для более четкого и наглядного показа различий между двумя типами собираательности в тюркских языках.

IV. Ташкент, 1958, с. 217; Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 147.

⁴³⁸ См.: Бектемиров Х. Категории имени существительного в языке Амири. — В кн.: Лингвистический сб. Ташкент, 1971, с. 58; Грамматика туркменского языка, I, с. 154.

⁴³⁹ См.: Соколов С. А. Категория числа в турецком литературном языке и ее взаимосвязь со смежными лексико-грамматическими категориями. — СТ, 1970, № 4, с. 75 и сл.; Любимов К. М. О числовом значении нулевой формы тюркских существительных (на материале турецкого языка). — СТ, 1972, № 5, с. 78—83.

⁴⁴⁰ Kowalski T. Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes *-lar*, *-lär* in den Türkssprachen, S. 2, 11. Ср.: Иванов С. Н. Родословное древо тюрок Абул-Гази-хана. Ташкент, 1969, с. 43 и сл.

⁴⁴¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, III. М., 1968, с. 26.

⁴⁴² Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. Л., 1925, с. 94.

⁴⁴³ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, с. 156.

⁴⁴⁴ Там же, с. 157—158.

⁴⁴⁵ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. III, с. 25—26.

⁴⁴⁶ А. А. Потебня считал уместным поставить вопрос о том, не синекдохична ли вообще любая собираательность, т. е. не идет ли любое собираательное значение от единичности. См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, III, с. 29.

Собирательное значение неоформленных имен и имен с аффиксом *-лар* следует сопоставить с собирательностью первого типа в русском языке (совокупное или сплошное множество), а форм на *-лар*, образованных от собственных имен, географических названий, названий профессий, возрастных групп и т. д., — с собирательностью второго типа. Примеры: азерб. *Rüstamovlar* 'Рустамов и члены его семьи' (ср. *Rüstamovgıl*⁴⁴⁷); карач.-балк. *Махмутлар* 'Махмут со своими домашними', *Блдарлар* 'семья Эльдара', 'Эльдаровы';⁴⁴⁸ казах. *Абајлар* 'Абай и его спутники'; к. калп. *Ташкәнләр* 'Ташкент и другие города' (*Ташкәнләргә барып ойсам* 'если я поеду учиться в Ташкент и другие города'); крым.-тат. *Асанлар* 'Асан и его окружение (семья или друзья)';⁴⁴⁹ тур. *Нәсринләр* 'семья Несрин' (*Нәсринләрин көшкүнә јүрүдүлләр* 'отправились на виллу семьи Несрин'); туркм. *Мухатлар* 'семья Мухатовых';⁴⁵⁰ узб. *յўшлар* 'молодые, молодежь'; уйг. *дадамлар* 'отец и те, кто с ним', *Алмутілар* 'Алма-Ата и ее окрестности';⁴⁵¹ хак. *йәгрәтчиләр* 'учителя, учительство'; якут. *эрдэллірдээр* 'эрделирды'.

Во множественном числе сталкиваются разные языковые тенденции и «в разнообразии употребления форм множественного числа, — как отмечает В. В. Виноградов, — выражается смысловое противопоставление разъединенного множества отдельных единиц и коллективной совокупности, или сплошной массы однородных предметов».⁴⁵² У определенной категории слов, выделяющихся своеобразием лексической семантики, указанное противопоставление подверженонейтрализации, и таким образом появление у них значения собирательности (resp. собирательности второго типа) представляется вполне закономерным.

Значение собирательности второго типа в отдельных тюркских языках развилось также у форм, не выражавших первоначально множественность и не отразивших в своем содержании упомянутых выше тенденций. См. др.-турк. *татлак* 'таты' («татство»), *їтлак* 'собаки'; кар. *карајлых* 'караимы' («караимство», ср. рус. *славянство*), *куллух* 'рабы', *багатирлых* 'богатыри'.⁴⁵³

О ФОРМАХ СКАЗУЕМОСТИ

Нередко в описательных грамматиках тюркских языков в разделе о словоизменении имени рассматриваются формы сказуемости, которые образуются при помощи аффиксов, восходящих к личным местоимениям, ср. др.-турк. *сән кишиң кимүң обләсән* 'ты человек, чей ты сын?'; казах. *окыштің*, казах. (диал.) *окыштіңіз* 'вы ученик'; хак. (диал.) *мәң хакас мәң* 'я хакас', *сән хакас сән* 'ты хакас', *піш хакас піш* 'мы хакасы', *сіләр хакас сіләр* 'вы хакасы'.⁴⁵⁴ Однако указанные аффиксы не являются специфической принадлежностью имени, выступают в качестве предикативной связки и играют важную роль в создании морфологического своеобразия глагола.

⁴⁴⁷ Асланов А. Мұасир азәрбајҹан дилиндә инкарлығ вә кәмијјәт категоријалары. Бакы, 1963, с. 73, 83. Об аффиксе *-гıl* см.: Munkacsy B. Čuwaš. *kil* 'Haus'. — KSz, 1905, VI, 2—3, S. 184; Самойлович А. Н. О слове «тиль» — «дом, семья» в наречиях переднеазиатских турков. — Яфетический сб., 1924, III. М.—Л., 1925, с. 99—102 (А. Н. Самойлович оценивает как неудачное сопоставление Ж. Дени форм типа *Rüstamovgıl* с формами типа *төрткүл*); Ализаде А. Дж. Категория числа в азербайджанском языке (на материале письменных памятников XIV—XIX веков), с. 19—21; Räsänen M. Uralaltaische Wortforschungen. — StO, 1955, XVIII, S. 5.

⁴⁴⁸ См.: Хабиев М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964, с. 39.

⁴⁴⁹ См.: Севортиян Э. В. Крымско-татарский язык, с. 239.

⁴⁵⁰ См.: Хазратова Р. Выражение множественности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1971, с. 9.

⁴⁵¹ См.: Ыазирқы заман уйғур тили, II. Алмута, 1966, б. 48.

⁴⁵² Виноградов В. В. Русский язык, с. 166.

⁴⁵³ Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 127.

⁴⁵⁴ См.: Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 41.

Г л а в а II

ФОРМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ

Если формы словоизменения, за исключением явных новообразований и единичных случаев, таких как отсутствие родительного падежа в якутском языке, являются общими для всех тюркских языков, то формы словообразования настолько различны, что подчас невозможно выделить общие архетипы даже для региональных подразделений. Естественно, что в ходе обособленного развития тюркских языков, характеризовавшегося длительным взаимодействием и смешением с нетюркскими языками, некоторые общетюркские формы утратились. Однако не в этом основная причина различий, наблюдавшихся в словообразовании. Процесс формирования многих словообразовательных элементов начался сравнительно поздно, на самой последней стадии существования тюркского праязыка, наиболее же интенсивное проявление его относится ко времени дробления праязыка и к последующему периоду. Это обстоятельство ставит тюркское словообразование в особое положение, выводя его в какой-то мере за пределы сравнительных штудий. Глубокое и детальное изучение словообразования в основном — область конкретноязыковых исследований, получающих выход в компаративистику лишь в виде эпизодических экскурсов.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Прежде чем перейти к описанию различных разрядов имени, выделяемых присущими им словообразовательными формами, рассмотрим ряд промежуточных морфологических образований, фактически располагающихся на границе словообразования и словоизменения.

Самое примечательное из таких образований — форма на *-ki ~ -ki ~ -ky ~ -kү ~ -gi ~ -ji ~ -jү ~ -ji...* Аффикс *-ki ~ -ki...* присоединяется к существительным, местоимениям и числительным, занимая место как после падежных аффиксов, так и перед ними, ср. кум. сәнәдәгіні^ki 'принадлежащий тому, который находится у тебя'; ног. мәнікідәгінні^ki 'находящегося у меня'; тат. *kaјдағыні^ki* 'у где находящегося?'; тур. сәнінкіләрдән 'от твоих'.

Рассматриваемый аффикс передает значение принадлежности, а также пространственные и временные отношения. В ташкентском говоре узбекского языка он используется для выражения почтительности, ср. *әjимгилар, акамгилар*.¹

В имеющихся в нашем распоряжении материалах аффикс *-ki ~ -ki...* встречается после форм именительного, родительного, местного, исход-

¹ См.: М а м а т о в А. Эгалик категорияси ва унинг ифодаланиши (Андижон шеваси материаллари асосида). — В кн.: Сборник научных трудов аспирантов Среднеазиатского гос. унив., IV. Ташкент, 1958, с. 231.

ного и орудного падежей существительных, после форм именительного, родительного и местного падежей местоимений, а также после формы именительного падежа числительных, причем нередко имеет место тесное сращение его с падежными аффиксами и образование сложных форм.

П р и м е р ы .

1) (После формы именительного падежа): др.-турк. *канъї* 'какой'; алт. *ö'acki* 'весенний'; карач.-балк. *бїјајї* 'давешний', 'вышеупомянутый', *бэргї* 'находящийся по эту сторону', *арбї* 'находящийся по ту сторону'; кум. *соңбу* 'последний', *гүзгї* 'осенний'; ног. *кымкї* 'чай'; тув. *кускї* 'осенний', *чајбї* 'летний'; тур. *бэркї* 'находящийся по эту сторону', *hәр һангї* 'каждый', *бу гүнкї* 'сегодняшний'; туркм. *аҗшамкї* 'вечерний'; туркм. (диал.) *hajkї* 'какой',² *бідләркї* 'наш', *оларкї* 'их', *Tоттәркї* 'принадлежащий Тоты',³ *мәнкї* 'мой', *фәнкї* 'твой', *бідкї* 'наш', *фідкї* 'ваш',⁴ *уйг.*, *ичкї* 'внутренний'; чуваш. *ирхї* 'утренний'; шор. *чајбї* 'летний'; якут. *түңцүй* 'ночной', *бїјилї* 'этого года', *бүгүнчүй* 'сегодняшний'. Не исключено, что некоторые из приведенных примеров относятся к следующей группе, так как исходной для них могла быть форма родительного падежа, подвергшаяся изменениям и совпавшая в конечном итоге с формой именительного, ср. ног. (диал.) *мәнкї ~ мәнкї*, *сәнкї ~ сәнкї*; туркм. (диал.) *мәниңкї ~ мәнкї*, *фәниңкї ~ фәнкї*, *бідіңкї ~ бідкї*, *фідіңкї ~ фідкї*.⁵

2) (После формы родительного падежа или формы притяжательных местоимений на *-їм*): алт. *ајунїј* 'медведя, медвежий', *мәніји* (< *мәніңкї*), *бістїји* (< *бістіңкї*); з.-сиб.-тат. (с удвоением сложного аффикса) *мініңкїнїкї*,⁶ башк. (диал.) *мінікїнїкї*, *һінкїнїкї*, *анкїнїкї*;⁷ казах. *мәнікї*, *сәнкї*, *онкї*;⁸ кар. *мәнімкї*, *сәнінкї*, *анінкї*, *бізінкї*, *сізінкї*, *аларінкї*; карач.-балк. *әлнїкї* 'принадлежащий аулу', *мәнікї*, *сәнікї*, *анкї*; кум. *мәнікї*, *сәнікї*, *онукї*; кум. (диал.) *муңку* 'этого', *онукї* 'того';⁹ тув. *мәңї* (< *мәніңгї* < *мәніңкї*), *сәңї*, *онї*, *бістї*, *сіләрнї*, *оларнї*, тур. *бәнімкї*, *сәнінкї*, *онункї*, *бізімкї*, *сізінкї*, *онларінкї*; туркм. *мәніңкї*, *фәніңкї*, *ониңкї*, *бідіңкї*, *фідіңкї*, *оларіңкї*; узб. *мәнікї*, *бізікї*; узб. (диал.) *куштїкї* 'относящийся к птице', *тондїкї* 'относящийся к одежде', *сігіррїкї* 'относящийся к корове', *жишкї* 'относящийся к плову', *ақәммїкї* 'моего старшего брата', *біззїкї ~ бізікї* 'наш',¹⁰ *біздїкї ~ бізікї*, *сізікї*;¹¹ хак. *мінї*, *сінї*, *анї*, *пістї*, *сірәрнї*, *оларнї*; шор. *көлдүйү ~ көлдіјї* 'озерный'.

3) (После формы местного падежа): азерб. *јолдаќї* 'находящийся в пути', *эвдәкї* 'находящийся в доме'; алт. *тајбадајї* 'находящийся в тайге', *күшикїдајї* 'зимний', *күскїдәгї* 'осенний';¹² таг. *батидакї* 'находящийся на за-

² См.: Кульманов Г. Геокленский диалект туркменского языка (на территории СССР). АКД. Ашхабад, 1960, с. 14.

³ См.: Менглева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка. — ВДТЯ, IV, Баку, 1966, с. 123.

⁴ См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 11.

⁵ См.: Бердинев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразкулов С. Туркмен диалоги диалектлериниң очерки. Ашгабад, 1970, с. 248.

⁶ См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. АДД. Ташкент, 1965, с. 23.

⁷ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка. АКД. М., 1955, с. 11.

⁸ По мнению Э. В. Севортияна, подобные формы были образованы от формы винительного падежа (*бізі-кї*). См.: Севортиян Э. В. К истории падежной системы в тюркских языках. — Уч. зап. ВИИЯ, М., 1948, № 6, с. 92.

⁹ См.: Шахманова Р. Г. Казаниченский говор кумыкского языка. АКД. М., 1954, с. 9 (примеры из кайтакского говора).

¹⁰ См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии. АКД. Ташкент, 1967, с. 13.

¹¹ См.: Насыров Ш. Коқандский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 14.

¹² См.: Кучигашева Н. А. Имя прилагательное. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 5, 1962, с. 36.

паде', бэндэкі 'находящийся у меня', сэндэкі 'находящийся у тебя'; казах. авйлдаңи 'находящийся в ауле'; кар. бунтаң ~ бундаңи 'здесьний', андаңи 'тамошний'; карач.-балк. арбадаңи 'находящийся в арбе', андаңи 'тамошний'; кум. киштаңи 'зимний', гүзәңги 'осенний', атадаңи 'находящийся у отца'; кум. (диал.) біздәңи ~ біздәји ~ біздіңи 'находящийся у нас', 'наш';¹³ тофал. йндаңи 'тамошний', міндәкі 'здесьний', ајдаңи 'месячный';¹⁴ туркм. элиндәкі 'находящийся в его руке', філдәкі 'находящийся у вас'; узб. ујдаги 'находящийся в доме'; уйг. баудаки 'находящийся в саду', таңдаки 'находящийся в горах'; шир. чәрдәңги 'находящийся на земле', алдаңи 'находящийся в ауле'; якут. іјдаңи 'месячный', тіатайи 'находящийся в тайге', күйләңги 'находящийся в озере', оннобу 'тамошний', маннаңи 'здесьний'.

4) (После формы исходного падежа?): др.-турк. күндүнкі 'южный' (ЛОК 33₇).

5) (После прочих форм): др.-турк. бәріјәкі 'находящийся на юге', күріјаки 'находящийся на западе', јстүнкі алтінкі 'находящиеся вверху и внизу'.

Причина необычного положения аффикса *-ki* ~ *-kі*... в структуре слова заключается в своеобразии его природы. Данный аффикс восходит, по всей видимости, к относительной частице ki,¹⁵ выступавшей в праязыке в постпозиции любых именных форм. Показательно, что в ряде современных тюркских языков допускается лишь один вариант рассматриваемого аффикса, независимо от характера гласных в исходной форме. Возможно, с частицей *ki* генетически связан относительный союз kіm,¹⁶ развившийся не без влияния персидских конструкций с *кэ* и отчасти смешавшийся с последним.¹⁷ Кстати, Т. И. Грунин квалифицировал *ki* не как аффикс, а как союз, «относящий следуемое за ним слово-понятие во временную или пространственную плоскость, например, *акшамкі* (от *акшам* 'вечер') 'вечерний' = ' тот, который вечером'».¹⁸

Формы типа *мәніңкі* ~ *мәнікі* иногда обособливают от других относительных форм, и появление в них аффикса *-ki* объясняют преобразованием конечного *ң* в аффиксе -(н)иң ~ -(н)иқ: *мәнің* > *мәніңкі* > *мәніңкі* > *мәнікі*.¹⁹ По этому поводу заметим, что формы типа *мәніңкі* ~ *мәнікі* тесно связаны с другими относительными формами, фонетический состав которых предельно разнообразен, а поэтому и появление аффикса *-ki* ~ *-кі*... не может быть обусловлено наличием исключительных фонетических условий.

Совершенно не укладываются в общетюркскую схему развития предикативных форм притяжательных местоимений соответствующие им по значению якутские формы: *міәнә* 'мой', *әҗіәнә* 'твой', *бініәнә* 'наш'. О. Бётлингк разлагал -(i)әнә на -(i)ән и -ә и сопоставлял первый компонент с аффиксом собирательных числительных (*бәніән*, *сәттіән*), а второй — с аф-

¹³ См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967, с. 58.

¹⁴ См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 37.

¹⁵ Об этимологии аффикса *-ki* см.: Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. 022; Етеге А. С. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 110—111; Deny J. Structure de la langue turque. — Conférences de l'Institut de linguistique de l'Université de Paris (1949), 1950, IX, p. 49.

¹⁶ Ср.: Абдуллаев Ә. З. Азәрбајҹан дилиндә ишләшəн *ки* бағлајычысының мәңгәжи нағтында. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1963, XVII, с. 63—74; Кие баев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков». Уфа, 1967, с. 19.

¹⁷ См.: Рустамов А. Ўзбек тилидаги *-ки* (-ким) боғловчысигинг синтаксик вазифаси. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, СIV, филологические науки, 1957, 11, с. 185; Гаджева Н. З. Происхождение союза *ки* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию М. Ш. Ширалиева. Баку, 1971, с. 219—220.

¹⁸ Грунин Т. И. Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень, М., 1951, № 2, с. 4, 10.

¹⁹ См.: Абдуллаев Ф. Келишик аффиксларининг генезисига доир (иккичи мақола). *-Ниңкі, -иңкі, -ки* аффикслари. — ЎТАМ, 1962, № 2, б. 68—69.

фиксом принадлежности 3-го лица.²⁰ С семантической стороны объяснение О. Бётлингка кажется недостаточно убедительным: как собирательность, так и принадлежность 3-го лица не имеют ничего общего со значением абстрактной притяжательности.

Другие промежуточные морфологические образования — формы «обладания»²¹ на *-ліб ~ -лүб...*, *-лік ~ -лук...*, *-лі ~ -лу...*, формы привативности на *-сіз ~ -суз...*, формы уменьшительности-ласкательности.

Согласно существующей грамматической традиции, в последнее время неоднократно подвергавшейся критике, формы «обладания» и привативности относят к прилагательным.²² В самом деле, формы «обладания» не без оснований квалифицируются как прилагательные: семантически, а иногда и по составу производных морфологических образований, они довольно близки к качественным прилагательным. Достаточно указать на примеры образования от относительных прилагательных форм интенсива и форм, выражющих неполноту признака. Иначе обстоит дело с формами привативности. Если исключить частные случаи полной адъективации последних, то можно будет приблизительно с равными основаниями включить их в разряд прилагательных и в число падежных форм существительных, не забывая, однако, о том, что формы привативности всё же очень своеобразны по сравнению с падежными: они образуются не от всех имен и используются как основы для образования других слов, ср. узб. *кучсілік* ‘бессилие’. Примеры: др.-турк. *бодунув яңсіз кілтім* букв. ‘я сделал народ без врагов’ (~ ‘я сделал народ лишенным врагов’); азерб. *яңсіз* ‘нежирий’, *дадсіз* ‘невкусный’, *гұчсұз* ‘бессильный’; башк. *օյатһій* ‘бесстыжий’; казах. *күчсіз* ‘бессильный’; кар. *тұмсуз* ‘несоленый’ (~ ‘без соли’), *умунчсуз* ‘безнадежный’ (< ‘без надежды’); караб.-балк. *тішсіз* ‘беззубый’, *сансіз* ‘бесчисленный’, *бірсіз* ‘без волка’, *бузовсуз* ‘без теленка’, *учсуз* ‘бесконечный’; кирг. *әтсіз* ‘без мяса’, *јолсуз* ‘без дороги’; кум. *тішсіз* ‘беззубый’, *ажасіз* ‘безногий’; ног. *атсіз* ‘бездощадный’ (~ ‘без лошади’); тат. *урмансіз* ‘бездесный’ (~ ‘без леса’); тур. *сұтсіз* ‘без молока’, *бәңсіз* ‘без меня’, *сәңсіз* ‘без тебя’; туркм. *әүвәдүб* ‘бездводный’ (~ ‘без воды’); уйг. *сусіз* ‘бездводный’ (~ ‘без воды’); хак. *кіңсіс* ‘бесформенный’, ‘некрасивый’; чuvаш. *сөтсөр* ‘без молока’, *утсар* ‘без лошади’.²³

В специальной литературе находит отражение также точка зрения, согласно которой формы привативности в зависимости главным образом от их функционального содержания должны быть отнесены частично к прилагательным, частично к существительным. Сторонники этой точки зрения ставят вопрос о выделении так называемого лишительного падежа (*Abessiv'a*) в тех случаях, когда форма привативности занимает изолированное положение,²⁴ ср. тур. *јәмәјі штахсіз јәдім* ‘я ел пищу без аппетита’; туркм. *јамандій яңший болмад* ‘без плохого не бывает хорошего’, *бід фәндијід гітіжкілді* ‘без тебя мы не пойдем’, *онғуд һәм бәрі дүшиңкілді* ‘и без него все было понятно’. Такой падеж, как известно, давно выделен в грамматиках чuvашского языка.

²⁰ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851, S. 172.

²¹ Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, с. 134; Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, с. 68.

²² См., например: Закиев М. З. Формы обладания и отсутствия в тюркских языках. — В кн.: Лингвистический сборник. Ташкент, 1971, с. 29.

²³ Об этимологии аффикса *-сіз* см.: Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut. Vierter Brief: Das privative Suffix *-siz*. — In: Festgabe Josef Szinnyei zum 70. Geburtstag. Berlin und Leipzig, 1927, S. 8 ff.

²⁴ См.: Гүзюков С. 1) Ёклук гөркезижи *-сыз/сиз* гошуулмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 75—85; 2) Категория отрицания и отсутствия в туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 7.

Большую группу составляют формы уменьшительности-ласкательности,²⁵ причем значения уменьшительности и ласкательности нередко настолько переплетены, что не поддаются четкому разграничению.²⁶ В этой группе значителен и старый общетюркский пласт и пласт новообразований, прослеживаемый преимущественно в отдельных языках.

К первому мы относим формы на:

-čik ~ -chuk ~ -(a)jük ~ -jyk ~ -şik ~ -shuk... — азерб. anaʃiʃ 'мамочка', buʃruʃʃub 'хвостик', alçaʃiʃ 'низенький' (с выпадением конечного ʃ в исходной форме алчаʃ, наблюдаемым чаще всего в огузских языках); алт. kışkačik 'коротенький', 'низенький'; гаг. almaʃiʃ 'яблочко', öküşçük 'бычок', köpəʃiʃ 'собачка', iñjəʃiʃ 'тоненький', ikiʃiʃ 'двоечка'; казах. kaptʃik 'мешочек', ʃıʃiʃ 'домик', töbəʃik 'горка', kırşik 'пятнышко', obaʃik 'бугорок'; карач.-балк. taʃčik 'камешек', itčik 'собачка', kizčik 'девочка', jaʃčik 'мальчик', akiʃik 'беленький', karacik 'черненький' jaʃilčik 'зелененький'; кирг. kölmüʃik 'лужица', боточук 'верблюжоночек', ojuñchuk 'игрушка', kuʃruchuk 'хвостик'; крым.-тат. odunichik 'поленце', kışkačik 'коротенький'; тат. tawčik 'горка'; тув. xölmüʃik 'озерко', xämčik 'речушка'; тур. kuʃuʃuk 'ягненочек', jaʃruʃuk 'птенчик', güzəlʃik 'красивенький', kүçüʃuk 'малюсенький'; туркм. oʒlanʃik 'мальчик', köprüʃik 'мостик', däraʃik 'узенъкий' (с дополнительным a, присоединяемым непосредственно к исходной форме и встречающимся, по-видимому, только в огузских языках); уйг. kapčuk 'мешочек', kılčik 'волосок'; якут. kułuñchuk 'жеребеночек', choχoröñchuk 'топорик';

-čak ~ -chok ~ -ʃak ~ -jok... — алт. balachač 'ребеночек', töčök 'верблюжонок', böriūček 'волчонок', orochok 'ямка', čičkəček 'тоненький'; башк. töjöñsök 'узелок', kölməsak 'жеребеночек'; гаг. ʃızúʃak 'колечко', kuʃruʃak 'хвостик'; казах. külñiʃak 'жеребеночек', toktışak 'ягненочек'; кар. baʃčəx 'головка', xijarčəx 'огурчик', ajačəx 'ноожка'; кирг. iñiček 'младший братишка', köñöčök 'ведерко', tүjüñchök 'узелок'; к.-калц. kəlñiñek 'невестушка'; тув. kułuñchak 'жеребеночек'; тур. bүjüʃek 'великоватый', kүçüʃek 'малюсенький'; туркм. damdiʃak 'капелька', dүwüñchek 'узелочек', mïdñiʃak 'мягонький'; узб. ʃıñchok 'игрушка', kuziček 'ягиеночек'; уйг. taʃčak 'жеребеночек'; уйг. (диал.) näkiʃak 'ведерко'; хак. kıməʃek 'подочка', tülgeʃek 'лисишка', xanadıʃak 'крыышко'; чуваш. fëndrëʃek 'седелка'; дэр. ujačak 'гнездышко', taʒčak 'горка', cholčak 'дорожка', ańčak 'зверек', kiččak 'девочка', pízachak 'теленочек';

-ʃına ~ -vana — казах. kışkənəñ ʃına, кирг. kicinəkəñʃına, kicinəkəñʃına, к.-каш. kışkəññeñ, құм. gïcginä, ног. kışkənəñ 'малюсенький'; кар. baʃxına 'головка', kartxına 'старичок', balixkına 'рыбка'; к.-каш. tamak-kana 'горлышко'; тат. ak kına 'беленький', jıçıl gïnä 'легонъкий'; узб. bolagina 'ребеночек', kuzgina 'глазки', ñrginam (эр-гина-м) 'мой муженек', juñşekkina 'мягонький', kürimseñgina 'неврачиенъкий', jaʃiñgina 'хорошенький'; уйг. akkiña 'беленький', matalkiña 'вкусненький'; уйг. (диал.)

²⁵ О формах уменьшительности-ласкательности в тюркских языках см.: Севортия и Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке (опыт сравнительного исследования). М., 1966, с. 98—115; Копопов А. Н. 1) Isimlerin ve sıfatların küçültme şekilleri ve söz yapımı. XI. Türk Dil Kurultayıında Okunan Bilimsel Bildirilerden Ayrılıbasım. Ankara, 1968; 2) Уменьшительные формы имен и словообразование (на материале тюркских языков). — В кн.: Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию М. Ш. Ширилиева. Баку, 1971, с. 94—101; Маманова Г. Основные типы суффиксов субъективной оценки имен существительных в казахском языке. — В кн.: Тіл және әдебет мәселелері. Алматы, 1965, б. 19—25; Садакасов Г. О средствах выражения субъективной оценки в семиреченском говоре уйгурского языка. — В кн.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 185—200; Зайончиковский В. Уменьшительно-ласкательные формы в гауязском языке. — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 158—161; Мурадов А. Выражение ласкательности и уменьшительности в именах туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1975.

²⁶ См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. I. Аффиксация. Часть первая: словообразующие аффиксы имен. АДД. Ташкент, 1955, с. 24.

аткінә 'лошадка', *тішкінә* 'зубик', *кічіккінәң* 'маленький'; хак. (диал.) / *сіліккінә* 'красивенький', *чабізаххіна* 'низенъкий';

(ка) башк. *илкәј* 'сторонушка', *жәркәј* 'землица', *асыкәј* 'матушка', *дүдкәј* 'дружок'; карач.-балк. *атақај* 'папенька', *кісқај* 'девочка', *јашқај* 'мальчик', *бөрүқај* 'волчонок', *козуқај* 'ягненочек', *ајуқај* 'медвежонок'; кирг. *кічинәкәј* 'малюсенъкий'; к.-калп. *анакај* 'матушка'; тат. *башқај* 'головушка', *куյанқај* 'зайчик', *әнкәј* 'мамаша', *әткәј* 'папаша'; узб. *блакај* 'ребеночек';

(-а-) (аш) -ас — др.-турк. *атач* 'папа', *öгүч* 'мама'; алт. *ајаџаш* 'чашечка', *көндөші* 'ведерко', *біңгәш* 'книжечка', *каjңаš* 'березка', *акпаш* ~ *аппаш* ~ *анаџаш* 'очень беленький', *көкпәш* ~ *көппәш* ~ *көпбәш* 'очень голубенький'; алт. (диал.) *блач* 'мальчик', *апчіјаџач* 'старишка'; уйг. (диал.) *акаш* 'братец', *нәдәш* 'сестричка', *кізіш* 'доченька'; хак. *хазіңас* 'березка', *хулағас* 'ушко'; пор. *аппаџаш* 'очень беленький', *кузурұғаш* 'хвостик', *көрүгәш* 'бурундучок'; якут. *арајас* 'желтый, желтоватый';²⁷

(ак) алт. *којонок* 'зайчонок', *чікканак*²⁸ 'мышонок', *ð'абізак* 'низенъкий', *тајізак* 'мелковатый'; түв. *блак* 'мальчик', *төжәк* 'пенек', *којбұнақ* 'зайчик'; хак. *ајазах* 'деревцо', *хозанах* 'зайчик'; чуваш. *сёдәк* 'молочко', *чәбәк* 'цыпленочек', *кәбәк* 'рубашечка', *јабалақ* 'вецица', *варак* 'овражек'; (ка) (каш) — алт., кар. *кушқаč*, түв. *кушқаш* 'птичка'; түв. *блұаш* 'паренек'; якут. *соноҗос* 'молодой конь', 'лопадка', *үрүңкәс* 'белянка' (кличка белошерстной коровы).

Среди новообразований выделяется форма на(-ча)~(-ја).²⁹ Примеры: азерб. *бајча* 'садик', *мәјданча* 'площадка', *бірја* 'один, единственный', 'кодинешенек' (*анаңнін бірјасідір* 'он у матери единственный');³⁰ казах. *бігшіз* 'бычок', *бұтакша* 'веточка', *көрпәші* 'одеяльце'; кар. *анача* 'мама', 'матушка', *бармахча* 'пальчик'; кирг. *көрпөчө* 'одеяльце', *тәкәңәз* 'козлик', 'годовалый козленок'; к.-калп. *жолша* 'дорожка'; туркм. *кітапча* 'книжечка', *öкүдәч* 'бычок', *ákja* 'беленький', *вараја* 'черненъкий'; узб. *кізча* 'девочка', *јәјча* 'местечко', *хабарча* 'весточка', *тұдача* 'кучечка', *тұпламча* 'сборничек', *ұбулча* 'мальчик', *тәјча* 'жеребеночек', *куракча* 'лопаточка', *ұрдақча* 'уточка', *јігітча* 'парнишка';³¹ уйг. *бајчә* 'садик', *алмічә* 'яблочко'; чуваш. *пәгәјә* 'дужка'.

В 'специальной литературе много внимания уделяется изучению необычайно сложных и многообразных семантических превращений формы на-ча~ -ја..., имевших словоизменительную направленность, с одной стороны, и словообразовательную, с другой. Нельзя сказать с уверенностью, что в тюркском языке данная форма входила или не входила в падежную парадигму, однако совершенно ясно, что не падежное значение (уподобительное или ограничительное) лежало в основе всех других ее значений и что еще в ходе употребления послеложной конструкции, из которой

²⁷ В якутском языке аффикс *-ас* утратил свое первоначальное значение. См.: Калужинский С. Исследования по морфологии якутского языка (I). — РО, 1968, XXXI, 2, с. 108.

²⁸ См.: Кучигашева Н. А. Имя существительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1962, 5, с. 28; Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка. — Там же, с. 57.

²⁹ См.: Сопыев Г. *-Ча*, *-че* аффикси хакында кәбир маглумат. — Уч. зап. Туркменского гос. унив., 1959, XVI, с. 45—55; Когкмаз Z. Türk dilinde *-са* eki ve bu ek ile yapılan isim teşkilleri üzerine bir deneme. — DTCFD, 1960, XVII, 3—4, с. 275—358; Икромова Р. Ҳозирги ўзбек тилида *-ча* аффикси билан ясалган кітрайтіп-эркалап формаларининг семантика-грамматик хусусиятлари. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 115—120.

³⁰ См.: Tietze A. Ein türkisches Intensivsuffix. — UAJb, 1965, XXXVI, 3—4, S. 420.

³¹ См.: Маруф З. Ўзбек адабий тилида от ясовчи суффикслар. Ўзбек тилининг илмий грамматикаси учун материаллар. — Тр. Узбекского филиала АН СССР, II серия, филология, 1941, 2, с. 117—119; Ирамова Р. Модальные формы имен существительных в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1967.

она образовалась, наметилось несколько разных линий семантического развития.

Другие новообразования:

-їбаз ~ -јубаз — азерб. бізїбаз 'девочка', үүшүбаз 'птичка', бібіјібаз 'бабушка', мәнійібаз 'я';

-јағіз ~ -јағаз ~ -јаң ~ -чай — гаг. јолјаң 'дорожка', сујаң 'водичка', күшичаз 'птичка', топчаз 'шарик'; тур. адамјаңи 'человечек', кізјаңи 'девочка'; туркм. тајјаңад 'жеребеночек', атјаңад 'лошадка', өңјаңад 'ты', ојаңад ~ ојад 'он';

-(а)лак ~ -(а)ләк — узб. кізаләк 'девочка', чакаләк 'младенец', бўта-ләк 'верблюжонок';³² уйг. ботилак, тајлак 'верблюжата (разных возрастных групп)';

-сімак — казах. тавсімак 'горка', атсімак 'лошаденка', ўйсімак 'домишко', өзәнсімак 'речушка';

-кан — казах. ботакан 'верблюжоночек', бўззакан 'тленочек', кошакан 'ягненочек';

-тај — казах. абаңај 'дяденька', әжәтәј 'бабуся', жәңәтәј 'тетенька', анатәј 'тetenыка'; узб. кёнјатој 'младшенький'.

Встречаются сочетания двух и даже трех аффиксов уменьшительности-ласкательности: алт. кісчараши 'девочка', үлчаш 'мальчик'; кар. кізбіна-чәх 'девчоночка';³³ тув. а'тчібаш 'лошадка', өлчүбаш 'мальчик', хөлчүгәш 'озерко'; узб. тојчаккіна 'жеребеночек',³⁴ тојталәк 'жеребеночек', күзічеккіна 'ягненочек', күпрікчагіна 'мосточек';³⁵ хак. тұрајаңас 'домик', кімәләгәс 'подочка', өлаңас 'мальчик', тінәгәс 'белочка'; шор. өлчашаш 'трошинка', тішәгәш 'зубик', көлчәгәш 'озерко'; якут. уолчан 'мальчишечка', кісчан 'девчоночка', кірачан 'малюсенький'.

Нередко аффиксы уменьшительности-ласкательности, утратив собственное значение, употребляются в качестве словообразовательных аффиксов, ср. азерб. (диал.) біјанак 'луг', 'поле для покоса', сабанаң 'ободок сита';³⁶ гаг. өзәк 'жердь', тозак 'пыль от соломы', топук 'лодыжка', јанак 'щека'; казах. көкірәкші 'нагрудник', ішәк 'кишки', өзәк 'сердцевина'; кар. тақ 'внутренности'; кирг. кізілча 'свекла', 'корь', јашілча 'овощи'; тат. кісакчай 'частица', бармакча 'палец перчатки'; тур. қамішік 'паяльная трубка', дінчік 'ружейный приклад', әлмајік 'скула', 'оконечность бедренной кости'; узб. тіканак 'колючка'; чуваш. уյах 'луна', пілак 'сладость', кірек 'грязь', хөлөх 'конский волос', қымрак 'древесный уголь', пілек 'поясница', төлек 'сон'; якут. талах 'тальник', құндах 'колчан'.

Использование аффиксов уменьшительности-ласкательности в словообразовательной функции в последнее время получило особую семантическую направленность, ср., например, обозначение при помощи этих аффиксов молодняка животных: узб. (диал.) ўқіз 'бык' — ўқічә, ўқічә 'бычок вообще или бычок от двух до трех лет'; гаг. јанавар 'волк' — јанавар јік 'волчонок'; казах. іңгән 'верблюдица' — іңгәниш 'молодая верблюдица четырех-пяти лет', атан 'верблюд-мерин' — атаниша 'молодой верблюд-мерин'; кирг. мајміл 'обезьяна' — мајмілча 'детеныш обезьяны'; тат. (диал.) ајыр 'жеребец' — ајырчак 'жеребчик';³⁷ хак. туза 'бык' — тузағах 'бычок'; шор. ашак 'медведь' — ашашаш 'медвежонок'.

³² См.: И кромова Р. Отларнинг -лоқ(-алоқ) аффикси орқали ясалган модал формалари. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 112—114.

³³ См.: Zajaczkowski A. Sufiksy imienne i czasownikowe w języku zachodniokarataimskim. Kraków, 1932, s. 25.

³⁴ См.: Шамсиева М. Ўзбек тилида субъектив баҳо билдирувчи отлар. — В кн.: Адабиётшунослик ва тиљшунослик масалалари, 2. Ташкент, 1961, б. 248.

³⁵ См.: Гулямов А. Г. О некоторых особенностях аффиксов с уменьшительно-ласкательным значением в узбекском языке. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., новая серия, языкознание и литературоведение, 1964, 268, с. 16.

³⁶ См.: Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка. АКД. М., 1958, с. 25.

³⁷ См.: Шербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961, с. 157.

Промежуточные морфологические образования не исчерпываются приведенными выше формами. Существуют и другие, но у них, как правило, ограниченная сфера распространения, ср. азерб. *кәјангіл* 'кеяновцы' (*кәјангіл бурада на үәдәр юлдаш ітірмішділар* 'кеяновцы потеряли здесь столько товарищей'), *бағмілдә* 'у моей сестры', 'в семье моей сестры' (*мән бу яңи бағмілдә көчірдім* 'я провел это лето у моей сестры').

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РАЗРЯДЫ ИМЕНИ

СОБСТВЕННО ИМЕНА

Раздел 1

Существительное

Свою задачу в данном разделе мы ограничиваем описанием преимущественно общетюркских аффиксов, образующих существительные от существительных и других имен: *-чи ~ -чу*, *-лік (-ліб) ~ -лук (-луб)*, *-лак (-лаб)*, *-даш*, *-турук*.

Аффикс *-чи ~ -чу*³⁸ обозначает лицо по характеру занятий, действий или привычек, реже по принадлежности к общественному течению, социальной или какой-либо иной группе и по месту жительства.³⁹ Примеры: азерб. *овчы* 'охотник'; *алт.*, *тор*, *аңчи* 'охотник', *коңчи* 'чабан'; алт. *комисси* 'музыкант, играющий на комысе', *кожончи* 'певец'; башк. *көшсөй* 'тичник', *йышсөй* 'работник'; гаг. *чалгүй* 'музыкант', *домузчу* 'свинарь'; *казах*, *жілкіші* 'конюх', *бојавші* 'красильщик', *бакшаш* 'огородник'; кар. *алтінчі* 'золотых дел мастер'; кирг. *кізматчі* 'служащий'; *крым.-тат.* *одунгүй* 'древесек'; кум. *тәмірчі* 'кузнец', *балікчі* 'рыбак', *әтікчі* 'сапожник'; ног. *којиши* 'чабан', *бізаш* 'настух'; тат. *ітікчі* 'сапожник', *тігірмәнчі* 'мельник'; тув. *хојжы* 'чабан', *иичи* 'работник'; тур. *кушчу* 'птицелов', *јалангүй* 'лгун', *әскірі* 'старьевщик'; узб. *тәрімчі* 'сборщик (хлопка)'; уйг. *тәмүрчі* 'кузнец', *алдамчі* 'обманщик'; хак. *німахчі* 'сказитель', *үјбуңчі* 'соня'; чуваш. *агаз'а* 'пахарь', *пăгăрз'а* 'медник', *әс'лăвз'е* ' работник', *пулăз'а* 'рыбак'.

Второе значение аффикса *-чи ~ -чу* — указание на принадлежность к общественному течению, социальной или иной группе — относительно новое, первоначально появившееся в публицистической литературе. Примеры: башк. *ватанчі* 'патриот', *стахановсі* 'стахановец'; узб. *рәспубликачі* 'республиканец', *монархіячі* 'монархист', *турсынжічі* 'последователь Турсун-ай'; уйг. *лэнинчі* 'ленинец', *мічурінчі* 'мичуринец'.

Использование аффикса *-чи ~ -чу* для обозначения лиц по месту жительства наблюдается главным образом в карачаево-балкарском и тувинском языках,⁴⁰ например: *налчікчі* 'житель Нальчика', *хабазчі* 'житель аула Хабаз', *нартаничі* 'житель аула Нартан'; тув. *күзілчі* 'житель Кызыла'. Эта особенность, по-видимому, — позднего происхождения и обусловлена возможностью функционирования форм на *-чу ~ -чи* в качестве определений.⁴¹

³⁸ Относительно этимологии аффикса *-чи ~ -чу* см.: Копонов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 106; Абдуллаев Ф. *-Чи* аффиксияннаг тенесисига доир. — ЎТАМ, 1960, № 6, б. 63—70.

³⁹ См.: Салиев С. Имя действующего лица в современном узбекском литературном языке. АКД. М., 1956, с. 4 и сл.; Садвакасов Г. Словообразование имен существительных в современном уйгурском языке. АКД. Алма-Ата, 1956, с. 4 и сл.; Сейидов Ш. *-Чи, -чи ве -ча* исим ясаймы аффикслери барада. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 6, с. 83—89.

⁴⁰ См.: Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, с. 8, 17.

⁴¹ По мнению А. Г. Гулямова, существительные с аффиксом *-чи ~ -чу* вообще близки к прилагательным и причастиям вследствие того, что обозначают лиц по тем или иным признакам. См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 16.

ср. карач.-балк. *сөзчү адам* 'болтливый человек', алт. *брігада* 'передовая бригада';⁴² кирг. *жээпчи күші* 'счетовод';⁴³ тат. *йашч* (<*иший күші*) 'рабочий человек'.⁴⁴ Ср. также: алт. *ујкучі* 'солнцевый', алт. (диал.) *күлінчі* 'имеющий жеребенка', балачі 'имеющий детей';⁴⁵ шир. *тәрчі* 'потливый', арағачі 'любящий выпить'. Последние примеры появились, очевидно, в результате контаминации форм на *-чі* ~ *-чу* с формами на *-чіл* ~ *-чул*, ср. алт. *ујкучіл*, шир. *ујүчүл* 'солнцевый'.

С аффиксом *-чі* ~ *-чу* сопоставляют якутский аффикс *-сіт* ~ *-сут*..., в котором конечный *t* возводится к монгольскому показателю множественного числа *-т*⁴⁶ или к показателю принадлежности 3-го лица *-та*,⁴⁷ ср. *балікстіт* 'рыбак', *мачтіт* 'древесек', *сіржіт* 'проводник', *суолжұт* 'следопыт', *öljöхсүт* 'покойник', *тіміржіт* 'кузнец', *күсчұт* 'охотник за утками'.

Семантические границы аффикса *-чі* ~ *-чу* иногда становятся значительно шире указанных выше: первоначальные элементарные отношения уступают место более сложным, например, др.-турк. *борчі* не 'виноградарь' и не 'винонодел', как следовало бы ожидать, а 'торговец вином', *тұзабчі* не 'мастер, делающий силки', а 'птицелов', *јолчі* не 'путник', а 'проводник'. Ср. также: тур. *сұтчұй*, узб. *сұтчи*, уйг. *сүтчі* 'торговец молоком'; уйг. *көкчі* 'торговец овощами'.

Приблизительно такое же значение имеет аффикс *-чин*, генетические связи которого с аффиксом *-чі* остаются невыясненными. Примечательно, что существительные с аффиксом *-чин* в тюркских языках встречаются в виде исключения: др.-турк. *балікчин* 'птица, ловящая рыбу'. Ср. башк. (диал.) *күкәрәкейн* 'телогрейка', *бармаксейн* 'чехол для пальца'.

Аффикс *-лік* (-*ліб*) ~ *-лук* (-*луб*) ~ *-мік* ~ *-дік* ~ *-нік*... образует существительные от различных имен с преобладающим значением абстрактности обобщенности. Имена действия с указанным аффиксом выражают абстрагированно процессуальность или состояние. Примеры: азерб. *гөзәллік* 'красота'; алт. *д'ілдік* 'годовщина', *ајлік* 'месячник', *бајлік* 'богатство', *төрттүк* 'четверть'; башк. *бләтләбләк* 'облачность'; гаг. *достлук* 'дружба', *äчлік* 'голод', *ұчлұқ* 'тройка'; казах. *шіңдік* 'правдивость', *жіллайк* 'теплота', *жолдастік* 'товарищество', *үштік* 'тройка', *төрттік* 'четверка'; кар. *до-стлук* ~ *до-стлух* 'дружба', *тәніклік* 'свидетельство', *онлук* 'десятка'; карач.-балк. *аналік* 'материнство', *төрәнлік* 'глубина'; кирг. *энәлік* 'материнство', *ајлік* 'зарплата', *күздүк* 'озимь', *јамандік* ' зло', *узундук* 'длина', *бірдік* 'единство'; кум. *батірлік* 'геройство'; ног. *јаманлік* ' зло', *савлік* 'здоровье', *караңлік* 'темнота', *сәгізлік* - 'восьмерка'; тур. *аналік* 'материнство', *бабалік* 'отцовство', *јуртташлік* 'гражданство', *дојрулук* 'прямота', 'правдивость', *ікілік* 'двойственность'; узб. *еклік* 'безизна', *бірінчілік* 'первенство', *кәлішілік* 'приход', *јаарлік* 'пригодность', *пішганлік* 'зрелость';⁴⁸ уйг. *баллік* 'детство', *күчсізлік* 'бессилие', *білмәслік* 'незнание', *тәрбіјеләнгәнлік* 'воспитанность'; чуваш. *чуралых* 'рабство', *тазалых* 'чистота'; якут. *аһїлік* 'провизория'.

Существительные с рассматриваемым аффиксом обозначают также место совокупного расположения предметов и сами предметы, используемые в ка-

⁴² См.: Созаев Б. Т. Разряды имен прилагательных и способы их образования. — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1970, 2, с. 127.

⁴³ См.: Уметалиева Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке. АКД. М., 1953, с. 10. См. также: Манькина С. С. Аффиксы, образующие имена существительные и прилагательные в турецком языке. АКД. М., 1954, с. 6.

⁴⁴ См.: Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 144.

⁴⁵ См.: Кучигашева Н. А. Имя существительное в алтайском языке, с. 28; Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

⁴⁶ См.: B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 103.

⁴⁷ См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. — Зап. АН, VIII серия, 1908, VIII, № 7, с. 22.

⁴⁸ См.: Гулямов А. Г. Об аффиксе *-лик* в узбекском языке. — Науч. тр. Ташкентского гос. унив., новая серия, языкоznание, 1964, 260, с. 50—57.

чество такого: азерб: ўзўмлук 'виноградник', дашлік 'каменистое место', саманліб 'место для хранения соломы', кёмурлук 'место для хранения угля', дағліб 'гористая местность'; башк. баткаллік 'топь', ағаслік 'лесистая местность', утінлік 'древяной сарай'; гаг. саманнік 'стог соломы', одуннук 'древяной сарай'; кум. ағашлік 'лесистая местность', будаулік 'шпеничное поле', бәләклік 'заросли кустарника'; тат. көмлік 'песчаная местность', чайқаллік 'цветник', жіләккілік 'ягодник', сазлік 'болотистое место'; тур. кумлук 'песчаная местность', тузлук 'солонка'; узб. ўрмёнлік 'лесистая местность', тәпалік 'возвышенность'; чуваш. чуллак 'каменистое место'; якут. кістік 'зимовье'.

Изредка существительные на -лік (-ліб) ~ -лук (-луб) ... обозначают действующее лицо, орудие действия или просто предмет: азерб. гёзлүк 'очки', аїзліб 'удила'; башк. (диал.) күдлік 'очки'⁴⁹, башлік 'капюшон'; казах. аєздік 'удила'; тат. јавлік 'платок'; тур. гёзлүк 'очки', јаңмурлук 'плащ'; узб. башлік 'начальник', эталік 'воспитатель — должностное лицо в дореволюционное время';⁵⁰ уйг. күйнлүк 'зонт'.

Существительные на -лік (-ліб) ~ -лук (-луб) ... могут обозначать также место жительства и профессию, род занятий, служебное положение: тур. чобанлік 'занятие пастуха', көjlүмлік 'занятие сельским хозяйством', мұдұрлік 'должность директора', аскәрлік 'воинская повинность'; узб. тәшиқи(t)-лік 'ташкентец', кішләклік 'сельский житель'; уйг. кäшäрлік 'кашгарец'.

Сочетанием аффикса -лік (-ліб) ~ -лук (-луб) ... с аффиксом -чи ~ -чу ... передается преимущественно значение профессии, рода занятий, склонности к чему-либо, но и для этого сочетания в целом вполне обычно значение абстрактности-обобщенности. Последнее чаще всего обусловлено своеобразием семантики именных основ или своеобразием ее восприятия, а именно выдвижением на первый план не предметной, а качественной стороны.⁵¹ Не случайно среди форм на -чи-лік ... со значением абстрактности-обобщенности немало таких, которые образованы от прилагательных. Примеры: азерб. (диал.) малдарчіліх 'скотоводство', памбіхчіліх 'хлопководство';⁵² башк. батірсілік 'геройство', күпсілік 'большинство'; гаг. домузчулук 'свиноводство'; казах. бакшаілік 'огородничество', адамшілік 'человечность'; карач.-балк. сабаччілік 'хлебопашество'; кирг. чарбачілік 'хозяйство', малилік 'скотоводство', кішічілік 'человечность', тәңілік 'равенство'; ног. ба-лікшілік 'рыболовство'; тат. көртчілік 'пчеловодство', кішчілік 'птицеводство'; тур. арабаїлік 'профессия извозчика', дішчілік 'профессия зубного врача', сүтчүлүк 'торговля молоком'; узб. нахтачілік 'хлопководство', әдамгарчілік 'человечность', лоғарчілік 'распутица', міннатдәрчілік 'принательность'; уйг. бәлікчілік 'рыболовство', бағанчілік 'садоводство', әрзәнчілік 'дешевизна', кіінчілік 'трудность', кімматчілік 'дороговизна'.

Необходимо согласиться с В. Бангом, что такие слова, как күйнчілік, аїчілік, не могли быть образованы непосредственно путем присоединения аффикса -лік к формам күйнчи, аїчи. Однако производимые в связи с этим этимологические разыскания, ставящие под сомнение наличие в составе -чи-лік ... аффикса -чи ...,⁵³ едва ли оправданы. В приведенных словах аффикс -чи-лік ...

⁴⁹ См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор. — БД, с. 92.

⁵⁰ См.: Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 17.

⁵¹ См.: Севортян Э. В. К семантической природе существительного в тюркских языках. — В кн.: Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. Нальчик, 1963, с. 111—112.

⁵² См.: Рустамов Р. О. Газах ва Товуз шивәләринин морфология хүсусијәтләри һагтында. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1960, XIV, с. 8; Байрамов А. Мұасир азәrbайҹап дилиндә исим. — Тр. ИЛЯ, Баку, 1957, X, с. 52.

⁵³ Ванг W. Aus dem Leben der Turksprachen. Zu den Wörtern auf -čılıq. — Ostasiatische Zeitschrift, Berlin, 1920, 8, S. 23. Ср.: Бердалов А. Словообразующие сложные аффиксы в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1970, с. 5; Шарипова К. А. Словообразующие аффиксы -лик, -ли, -чилик в узбекском языке. АКД. Ташкент, 1972, с. 25—27.

использовался как единый морфологический элемент, базой для образования которого послужили формы на *-чіл* ..., обозначавшие лиц по характеру занятий, действий или привычек.

В сочетании с аффиксом *-чіл* ~ *-чул* ~ *-шіл* ~ *-шул* аффикс *-лік* (-*ліб*) ~ *-лук* (-*луб*) ... передает значение абстрактности-обобщенности с оттенком расположенностии, склонности: казах. *халікійлдік* 'народничество'; кирг. *өзүмчүлдүк* 'эгоизм'.⁵⁴

Первоначальным значением форм на *-лік* (-*ліб*) ~ *-лук* (-*луб*) ... было значение обладания. Именно из него развилось значение абстрактности-обобщенности.⁵⁵ И в настоящее время эти значения нередко накладываются друг на друга и поэтому чисто внешнее разграничение тех и других форм в ряде тюркских языков недостаточно последовательное.

Основным для аффикса *-лак* (-*лаб*) ~ *-так* ~ *-дақ* ... оказалось одно из периферийных значений аффикса *-лік* (-*ліб*) ~ *-лук* (-*луб*) ..., а именно значение места совокупного расположения предметов или живых существ: ст.-узб. *авлак* 'место охоты', *кушлак* 'место, изобилующее птицами', *яјлак* 'летнее пастбище', *отлак* 'пастбище', *тұзлак* 'соляные копи'; азерб. *бішлаб* 'зимовье', *отлаб* 'пастбище'; казах. *кістак* 'селение', *тастак* 'каменистое место'; кирг. *саздак* 'топь', *кумдак* 'песчаное место'.⁵⁶

В последнее время намечается тенденция рассматривать аффикс *-лак* как семантически обособившуюся фонетическую разновидность аффикса -лік. Для этого имеются некоторые основания, в частности, близость их значений и количественная ограниченность морфологических образований на *-лак*. Все же вероятнее, что в основе форм на *-лак* первоначально лежали глагольные формы на -ла (например, *кішила-* 'зимовать', *отла-* 'пастись'), к которым присоединялся аффикс именного словаобразования *-к*. В дальнейшем произошло переразложение, вследствие чего аффиксы *-ла* и *-к* стали функционировать как единый морфологический показатель с нераздельным грамматическим значением.

В ряде примеров из дивана Махмуда Кашгари аффикс *-лак* выражает значение собирательности: *атлак* 'лошади', *[татлак]* 'таты', *йтлак* 'собаки' (МК I 483), что является существенным отклонением от общепринятой нормы.

Аффикс *-даш* ~ *-таш* ~ *-тас* ... образует имя действующего лица, совместно участвующего в процессе или состоянии: ст.-узб. *бојдаш* 'одинакового роста', *кёкъалташ* 'молочный брат', *әмәлдәш* 'сверстник', *јолдаш* 'спутник', *кардыш* (~ *каріндаш*) 'брать, родственник'; азерб. *јолдаш* 'товарищ', *вәтәндаш* 'соотечественник'; алт. *аїлдаш* 'односельчанин', 'земляк'; башк. *шайшәләш* 'собутыльник', *ілдәш* 'земляк'; башк. *коңдаш* 'ровесник', *jaktaш* 'сородич',⁵⁷ *іділмәш* 'тезка', *յашләш* 'ровесник';⁵⁸ казах. *табактас* 'сотрапезник', *замандас* 'современник', *күндәс* 'соперница', *сірлас* 'близкий друг', *жәрләс* 'земляк';⁵⁹ кар. *каріндаш* 'брать'; карач.-балқ. *әмілдәш* 'приемный брат', *күндәшлә* 'жены одного мужа'; кирг. *јолдош* 'товарищ', *жәрдәш* 'земляк'; кум. *авулдаш* 'односельчанин', *диндаш* 'единоверец'; тур. *јуртташ* 'соотечественник', *көйдәш* 'односельчанин'; узб. *сінфәдәш* 'одноклассник', *замэндеш* 'современник'; уйг. *сөһбәтдаш* 'собеседник', *пікірдаш* 'единомышленник'; хак. *харіндаш* 'брать'; чуваш. *хурәндаш* 'родственник',

⁵⁴ См.: Орозакунов Ш. Словообразование имен существительных в киргизском языке (аффиксация). АКД. М., 1955, с. 9.

⁵⁵ См.: Орузбаева Б. О. Словообразование в киргизском языке. АДД. Фрунзе, 1964, с. 25.

⁵⁶ См.: Дыйканов К. Имя существительное в киргизском языке. Фрунзе, 1955, с. 49.

⁵⁷ См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор. — БД, с. 38.

⁵⁸ См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 92.

⁵⁹ См.: Калыбаева-Хасенова А. Қазіргі қазақ тіліндегі -с және -даң аффикстері туралы. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусство-ведения, 1955, 3—4, с. 60.

тандайш 'сверстник', *кіләндәш* 'жены родных братьев'; *шор*, *каріндаш* 'брать', *чолдаш* 'спутник'.⁶⁰

Иногда аффикс *-даш*... выступает с^д значением обладания или привносит значение качественной характеристики, ср. *башк.* (диал). *јәлінтаф* 'корова с большим выменем', *јаврінтаф* 'плечистый', *һәттәф* 'молочная (о корове)';⁶¹ *казах.* *жүйнәс* 'шерстистый', *мәндәс* 'однозначный', *түстәс* 'однотонный'.

Аффикс *-туруқ* ~ *-дуруқ*... утратил продуктивность давно, тем не менее и в древних и современных тюркских языках он встречается довольно часто:⁶² *др.-турк.* *кілдуруқ* 'волосинки на колосе пшеницы' (*кіл* 'волос', 'щетина'), *көмүлдүрүк* 'украшение сбруи на груди лошади' (*көмүл* ~ *көңүл* 'грудь'), *бојундуруқ* 'ярмо' (*бојун* 'шея'); *ст.-узб.* *омілдірік* 'нагрудник' (*оміл* ~ *омур* 'грудь'), *јіназдірік* 'принадлежность конской сбруи' (*јіназ* 'утварь', 'предметы обихода'), *сакалтуруқ* 'гребень для бороды' (*сакал* 'борода'); *башк.* (диал.) *наบาลдірік* 'подбородочный ремень' (*наบาล* 'борода'), *күбілдірік* 'очки' (*күб* 'глаз'),⁶³ *бавілдірік* 'подбрюшник' (*бав* 'заязка'), *тіжілдірік* 'нагрудник' (*тіш* 'грудь'),⁶⁴ *табалдірік* 'педаль', 'подножка у ткацкого станка' (*табан* 'ступня', 'подошва'), *тәмәлдөрөк* 'намордник' (*тәм?*);⁶⁵ *казах.*, *к.-казш.* *табалдірік* 'порог' (*табан* 'ступня', 'подошва'); *балқ.* *көзүлдүрүк* 'очки'; *кирг.* (диал.) *чимлідірік* 'повишика' (*чим* 'дерн'), *бәздуруқ* 'удила' (*бәз* 'рот'), *капкалдірік* 'клапан кармана' (*капкал* 'крышка, покрышка');⁶⁶ *тув.* *мојундуруқ* 'воротник' (*мојун* 'шея'), *салдірік* 'подбородочный ремень' (*сал* 'борода'); *туркм.* *ағәбдірік* 'удила' (*ағәб* 'рот'); *уйг.* *әзіздүрүк* 'удила' (*әзіз* 'рот'), *бојунтуруқ* 'ярмо' (*бојун* 'шея'); *якут.* *томторуқ* 'намордник' (*том?*); *хак.* *ултурух* 'стелька', *хастіріх* 'лыко'.

Наиболее древним для существительных с аффиксом *-туруқ* ~ *-дуруқ*... является значение орудия-средства-приспособления, оказавшееся весьма устойчивым, и только в нескольких словах аффикс *-туруқ* ~ *-дуруқ*... получил необычное семантическое развитие, ср. *казах.* *бөлтірік* 'волчонок'. Сравнивая материалы современных тюркских языков, Э. В. Севортиян отмечает, что аффикс *-туруқ* ~ *-дуруқ* «прежде всего служит для обозначения снаряжения (или его части), надеваемого на тягловый скот во время работы».⁶⁷ Действительно, в большинстве случаев мы имеем дело со словами, образующими весьма своеобразную семантическую группу.⁶⁸

Выступающие параллельно формам на *-туруқ* ~ *-дуруқ*... формы на *-туқ* ~ *-дуқ*..., ср. кирг. *чимлідірік* ~ *чимлідік*, *бәздуруқ* ~ *бәздуқ*, не являются их стяженными разновидностями и представляют собой, с этимо-

⁶⁰ О происхождении аффикса *-даш*... см.: *S a f e r o g l u* A. Türkçede «daş» lähikası. İstanbul, 1929, с. 5; Гуллямов А. Г. 1) Об аффиксе *-дош*. — Бюллетень АН Узбекской ССР, 1947, № 1, с. 17—19; 2) О суффиксе *даш* в узбекском языке. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 31—34; 3) Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I. Аффиксация. Часть первая: словообразующие аффиксы имен, с. 17; Конопнов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 107—108; Муратов С. Н. О тюркских аффиксах *-таш*//*-даш* и *-туруқ*//*-дуруқ* в свете данных других алтайских языков. — В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 332—336.

⁶¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир. АКД. М., 1964, с. 16.

⁶² См.: Шербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкоznании. — ВЯ, 1959, № 6, с. 62; Муратов С. Н. О тюркских аффиксах..., с. 336 и сл.

⁶³ См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 39.

⁶⁴ См.: Максютова Н. Х. Бурзянский говор, с. 92.

⁶⁵ См.: Миржанова С. Ф. Кубалянский говор. — БД, с. 162.

⁶⁶ См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы. Фрунзе, 1971, б. 183.

⁶⁷ Севортиян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 177.

⁶⁸ О происхождении аффикса *-туруқ* ~ *-дуруқ*... см.: *B a n g* W. Beiträge zur türkischen Wortforschung. — Túran, Budapest, 1918, 5, S. 289 II; *V g o c k e l - m a n n* C. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, 1—7. Leiden, 1951—1954, S. 100.

логической точки зрения, относительные прилагательные, ср. азерб. *ağzılıb*, *казах*, *ағзәдік* 'удила'.

В заключение несколько слов о дополнительном элементе *il*, встречающемся в ряде слов перед аффиксом *-турук* ~ *-дурук*... и не поддающемся этимологическому объяснению, ср. башк. (диал.) *күйләләрк* 'очки', *түшіләрк* 'нагрудник'. Кажется единственным возможным считать его следствием аналогии, характер действия которой был предопределён чрезвычайно большой употребительностью слова *көмүлдүрүк*.

Кроме рассмотренных выше, имеется значительное количество других аффиксов отыменного словообразования существительных, например: *-(a)mik* ~ *-(a)myk*...,⁶⁹ *-мач* ~ *-сак*, *-чүн*, *-ман* и т. д. Некоторые из них образуют также прилагательные, что является следствием первоначальной нераздельности словообразовательных средств разных имен и прежде всего существительных и прилагательных. Примеры: ст.-узб. *боузлазу* 'глотка'; азерб. (диал.) *бозартмај* 'хорек';⁷⁰ башк. (диал.) *наدامик* 'болотистая местность',⁷¹ *боламик* 'мучная каша', *күдәмик* 'глазунья', *күләмик* 'болотистая местность', *кідамик* 'корь';⁷² *казах*, *кізамак* 'корь', *карамик* 'плод дикого кустарника',⁷³ *кірман* 'гумно', *тәскәј* 'склон горы';⁷⁴ кар. *түрсін* ~ *түрсүн* 'образ';⁷⁵ *карач*, *біртман* 'осел'⁷⁶ (ср. ст.-кипч. *талашман* 'скандалист', Cod. Cum. 59г₁₀); *карач*-*балқ*. *түрсүн* 'внешний вид', 'образ', *сүсүн* 'что-либо жидкое', *аксін* 'что-либо молочное', *каксін* 'сущеное мясо';⁷⁷ *кирг*. *тілмәч* 'переводчик' (ср. ст.-кипч. *толмач* 'переводчик', Cod. Cum. 63г₁₇, и упоминаемое Ю. Неметом слово *сібіртмач* 'пастух'⁷⁸), *аламик* 'пестрый'; узб. *кізамик* 'корь', *чакамук* 'лошух', *кәрамик* 'название растения', *гулчүн* 'пятка у ичиgov', *куләкчін* 'шапка-ушанка', *білармэн* 'знаток', *бәрармэн* 'ходок', *чакімэн* 'кляузник', *налакмэн* 'праща', *сұлакмэн* 'дубина, палица'.⁷⁹ Эти аффиксы встречаются, как правило, в региональных подразделениях и в отдельных языках, выступают изолированно или в небольших группах слов.⁸⁰

Раздел 2

Прилагательное

В тюркском прайзыке прилагательные не имели особых морфологических показателей и само существование их как самостоятельного лексико-грамматического разряда имён вызывает большие сомнения.

⁶⁹ В данном случае можно говорить также об аффиксе *-mik* ~ *-myk* как средстве образования имён от глаголов.

⁷⁰ См.: Б ен будов С. М. Занкилан району шивеләринде исим дүзәлдән шәкилчиләр. — В ки.: Вопросы азербайджанского языкоznания. Баку, 1967, с. 183—184.

⁷¹ См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 40.

⁷² См.: Макютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 45.

⁷³ См.: Тулеуов А. Словообразовательные аффиксы имён в современном казахском литературном языке. АКД. Алма-Ата, 1949, с. 11.

⁷⁴ См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, с. 140.

⁷⁵ См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 109.

⁷⁶ См.: Хабибов М. Карабаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, с. 196.

⁷⁷ Там же, с. 35.

⁷⁸ Németh J. Zur Geschichte des Wortes *tolmács* 'Dolmetscher'. — AOH, 1958, VIII, 1, S. 8. См. также: Egci lasun A. B. -Maç/-meç eki üzerine. — TDED (1973), 1975, XXI, s. 83—88.

⁷⁹ См.: Фуломов А. Ф. Ўзбек тилида -мән аффикси. — ЎТАМ, 1961, № 3, 6, 20—22. См. также: Аталау В. Türkçemizde -men ~ -man. İstanbul, 1940, s. 21, 30, 38, 46; Маруф З. Ўзбек адабий тилида от ясовчи суффикслар, б. 412.

⁸⁰ См.: Севортиян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Выделение прилагательных, начавшееся, очевидно, еще в общетюркское время, происходило по двум линиям: путем семантико-функциональной трансформации существительных и путем сложения автономной морфологической системы, разграничитывающей прилагательные с другими именами на уровне не только исходных, но и производных форм.⁸¹

Примером семантико-функциональной трансформации существительных может служить образование прилагательных *көк* 'синий, голубой' (< **kök* 'небо'), *kara* 'черный' (< **kara* 'мрак').

Преобразование семантики и функциональной стороны — путь развития не только качественных, но и относительных прилагательных. Только основой для развития относительных прилагательных являлись не исходные, а производные формы, причем некоторые из них и в настоящее время могут быть отнесены к прилагательным лишь условно. Такие морфологические образования, как др.-турк. *күндүн* 'южный', *тағдін* 'сезерный', *оңдун* 'находящийся справа', *таштін* 'наружный', *ічтін* 'внутренний', *күндүнкі* 'южный', *бірзарудін* 'находящийся справа';⁸² алт. *кішкі* 'зимний'; туркм. *авзачлік* 'лесистый', *фіddакі* 'находящийся у вас', *адамдік* 'бездюденный', не присоединяют к себе, за редкими исключениями, никаких характерных для прилагательных аффиксов и не образуют особых аналитических форм. Основную роль в отнесении их к прилагательным играет функциональный признак — использование в качестве определений, так что правомерно рассматривать указанные образования и как формы имен вообще: привативные, относительные и т. д.

Одним из наиболее древних морфологических показателей относительных прилагательных является аффикс *-ліj*. Как известно, отнесение аффикса *-ліj* к числу морфем, образующих относительные прилагательные, и противопоставление его аффиксу *-ліk*, выделяющему абстрактные имена существительные, послужило причиной продолжительных споров, которые и теперь еще нельзя считать окончательно разрешенными. Эти споры первоначально имели отношение к ограниченному языковому материалу и лишь впоследствии приобрели характер принципиальных расхождений. Начало им положил П. М. Мелиоранский, который энергично отстаивал точку зрения, устанавливающую для текста памятника в честь Кюльтегина строгое разграничение абстрактных имен существительных (аффикс *-ліk*) и относительных прилагательных (аффикс *-ліj*). П. М. Мелиоранскому казалось невероятным, чтобы из одного и того же орхонского *-ліj* ~ *-ліg* развились впоследствии в «южнотурецком» *-ліk* ~ *-ліk* для существительных и *-ліj* ~ *-лі* для прилагательных.⁸³ Напротив, В. В. Радлов вполне допускал употребление одного и того же аффикса для существительных и прилагательных.⁸⁴ Он возводил *-ліj* к *-ліk*, поясняя, что вначале эти формы оканчивались на гласный: *-ліk+i* = *-ліj* > *-ліj*, и указывая на существование подобных соотносительных пар у имен, ср. «чагатайск.» *jaki*, кюарчинск. *ja5*.⁸⁵ Несколько своеобразна точка зрения Ф. Е. Корша, различающего *-ліk* и *-ліj*, не только по конечному согласному, но и по качеству гласного звука. В древнетюркском языке, например, Ф. Е. Корш отдает предпочтение аффиксу *-ліj* как показателю относительных прилагательных и возводит к нему старотурецкий аффикс

⁸¹ Ср.: Севортиян Э. В. Из истории прилагательных в тюркских языках. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 58.

⁸² См.: Агат R. Rachmeti. Türkçede cihet məfhumu ve bunun ile ilgili tabirler. — Türkiyat məcmuası, İstanbul, 1965, XIV (ayrı basım), s. 1—16.

⁸³ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина. — ЗВО РАО, 1899, XII, 2—3, с. 95—97.

⁸⁴ Разумеется, формы с так называемым аффиксом парности *-li* (ср. др.-турк. *inli* 'младшие и старшие братья') В. В. Радлов во внимание не принимает.

⁸⁵ Radloff W. W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, 1882, S. 181 ff.

-лу. Вместе с тем он не отрицал возможности существования относительных прилагательных с нелабиализованным гласным.⁸⁶

Каждое из приведенных мнений, если исключить гипотезу В. В. Радлова о конечном гласном, является в какой-то мере справедливым. Так, в языке орхонских надписей, действительно, трудно допустить наличие единого оформления.⁸⁷ С разделением абстрактных имен существительных и относительных прилагательных в этих памятниках согласуется разделение их в староогузских и старокыпчакских текстах, ср. *сөзли* 'словесный', *іллі* 'знаток', 'ученый', *баңдаді* 'багдадец' (Telegdi, 292), *дүрлү* 'разный' (AQJB 12), *шахарлу* 'городской' (AQJB 20), *датлу* 'сладкий' (АФТ 090), *сачлі* 'волосятый' (АФТ 094). И в тех и в других различие аффиксов *-лік* и *-лі(б)* четко выявляется в морфологическом плане, хотя нередки случаи смешения обеих форм. Все же примечательно, что автор *كتاب ترجمان فارسی و ترکی و مغولی* (АФТ 013), описывая диалект тюрок, близкий к языкам южной группы, говорит о двух формах. Приблизительно также обстояло дело в текстах манихейского письма и Брахмий-ширифта. В памятниках уйгурского письма глухие и звонкие заднеязычные и увулярные согласные графически не различались. В староузбекском языке наблюдается значительное смещение тех и других, завершающееся почти полной унификацией их на основе аффикса абстрактных существительных. Подобная особенность характерна для современного уйгурского языка, ср. *баллік* 'имеющий детей', *татлік* 'вкусный', *ташлік* 'каменистый'. Однако в современном узбекском языке проявляется тенденция к формальному разграничению абстрактных существительных и относительных прилагательных: с одной стороны *-лік*, с другой — *-лік*, *-лі*.⁸⁸

Вообще, в современных тюркских языках относительные прилагательные оканчиваются обычно либо на *-ліб*, либо на *-лі*, с различными вариантами: алт. *атту* 'конный, имеющий коня', *туралу* 'имеющий дом', *кірлу* 'гористый', *аңашту* 'имеющий дерево'; башк. *һәтлә* 'имеющий молоко', 'с молоком', *ітлі* 'мясистый'; тат. *ана* 'имеющий мать'; казах. *тонді* 'имеющий шубу', 'с шубой', *далалі* 'степной', *акілді* 'умный', *акшалі* 'денежный'; кар. *кірлі* 'грязный', *тәмірлі* 'железный', *кутлу* 'счастливый'; кирг. *күчтү* 'сильный', *малдү* 'имеющий скот'; тат. *комлі* 'песчаный', *көчлі* 'сильный'; тув. *даштіб* 'каменистый', *дағліб* 'гористый', *суғліб* 'влажный'; узб. *յўқимлі* 'приятный', *кўркінчлі* 'страшный'; хак. *малиб* 'имеющий скот', 'скотный', *толміг* 'породистый', *тонніб* 'имеющий шубу'; чуваш. *хăјуллă* 'смелый'; шор. *карліб* 'снежный', *тамніб* 'вкусный', *паліктіб* 'имеющий рыбу'. Вместе с тем во многих языках наряду с формами на *-ліб* и *-лі* употребляются и формы на *-лік*, причем аффикс *-лік*, например в казахском языке, выступает как средство образования относительных прилагательных от заимствованных слов, а в ряде языков придает относительным прилагательным особые semanticкие оттенки: предназначение, отношение и т. д., ср. азерб. *јаралі* 'раненый', 'имеющий рану', *тозлу* 'ныльный', *ајлів* 'месячный', *јазлів* 'весенний', *іллік* 'годовой', *біргұнлұқ* 'однодневный', *көjnäkкілік* (*inäk*) '(шелк) на рубашку',⁸⁹ *мәнлік* 'относящийся ко мне', *сәнлік* 'относящийся к тебе'; алт. *бајлік* 'богатый', *д'орлік* 'дикий', *бір күндүк* 'однодневный'; казах. *авілдік* 'аульный'; карач.-балк. *аңачлі* 'лесной', *күнлүк* '(одно)дневный', *күзлүк* 'озимый', *тоңлук* 'предназначенный для шубы'; кирг. *алајлік* 'алаец',

⁸⁶ К о р ш Ф. Е. По поводу второй статьи проф. П. М. Мелиоранского о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве». — Изв. Отделения русского языка и словесности АН, 1906, XI, 1 (отд. отт.), с. 32—35.

⁸⁷ См.: Айдаров Г. Имя прилагательное в языке орхонской письменности VIII века. — Изв. АН Казахской ССР, серия общественных наук, 1965, 1, с. 65.

⁸⁸ См.: Мадрахимов А. Прилагательные новообразования в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1955, с. 5—6.

⁸⁹ См.: Наджафова М. Аффиксы, образующие в азербайджанском языке существительные, прилагательные и глаголы. АКД. Баку, 1949, с. 7.

төлүк 'горец', *ајлдік* 'аульный', *шәрдік* 'городской';⁹⁰ *крым.-тат.* *бәш сәт-лиқ* (*iш*) '(работа), рассчитанная на пять часов';⁹¹ *кум тузлу* 'соленый', *гүчлү* 'сильный', *үч манатлиқ* 'трехрублевый', *он гішілік* (*үj*) '(дом), рассчитанный на десять человек'; *ног атлы* 'верховой', *көjlәккүлк* (*кумаш*) '(ситец) на рубашку'; *тур орманлиқ* 'лесной', *дағлік* 'горный', *сабунлук* 'предназначенный для мыла', *жазлік* (*кумаш*) '(материя) на летнюю одежду', *бәш дақикалық* 'пятиминутный';⁹² *туркм. акіллі* 'умный', *гүйчілі* 'сильный', *абач-лік* (*jзр*) 'несистая (местность)', *баблік* (*jзр*) '(место), изобилующее садами', *дәңлук* (маты) '(материал) на халат', *ұувлук* (*jзр*) '(место) с водой'; *узб. кајмәклік сут* 'молоко со сливками',⁹³ *іккі жіллік танаффұс* 'двулетний перерыв', *кізіл гуллік күjlак* 'платье с красными цветами';⁹⁴ *чуващ. утлай* 'имеющий лошадь', *пүрдлөх* 'предназначенный для избы', *көреклөх* 'предназначенный для шубы'.

Таким образом, в ряде тюркских языков становится все более отчетливым и более регулярным семантическое разграничение прилагательных на *-лі* и *-лік ~ -лів* (в узбекском языке — на *-лі* и *-лік*). Первые выражают преимущественно обладание, вторые — предназначение, отношение к определенному отрезку времени или месту, ср. азерб. *дашлі* 'каменный', *ајліб* 'месячный', 'присходящий в течение месяца', 'расчитанный на месяц'; узб. *күjlаклі әдам* 'человек в рубашке', 'человек, имеющий рубашку', *блалі ҳәтін* 'женщина, имеющая детей', *күjlаклік чит* 'ситец на рубашку', *блалік чөзлар* 'детские годы', 'пора детства'.⁹⁵

Морфологическое выделение относительных прилагательных на *-лі(з) ~ -лі(k)* могло происходить в ходе общего процесса семантико-функциональной трансформации или, точнее, семантико-функционального раздвоения существительных. Продолжительное время существительные широко использовались в функции определений без специальных формальных показателей, так что споры о том, насколько правомерно выделять прилагательные как самостоятельный разряд имени, в значительной мере обусловлены сохранением следов их морфологической нераздельности с существительными, ср. тув. *сöк* 'холод' и 'холодный', *чиліб* 'тепло' и 'теплый', *изіг* 'жара' и 'жаркий';⁹⁶ хак. *сöх* 'холод' и 'холодный', *амир* 'покой' и 'спокойный'.⁹⁷ Вместе с тем нельзя исключать возможность совершенно иного процесса (и он более вероятен) — процесса частичной или полной субстантивации относительных прилагательных, который мог способствовать стиранию морфологических границ между ними и существительными и возникновению такой ситуации, когда один и тот же вариант аффикса оказывается характерным для разных разрядов имени и, наоборот, когда в одном и том же разряде имени наблюдаются разные варианты.

Для семантического развития относительных прилагательных на *-лі(з) ~ -лі(k)* характерно усиление качественных моментов, которое факультативно приводит к исчезновению различий между ними и качественными прилагательными в чисто морфологическом плане. Наблюдаются также случаи небольших семантических сдвигов и, в частности,

⁹⁰ См.: О р у з б а е в а Б. О. Словообразование в киргизском языке, с. 24.

⁹¹ См.: С е в о р т я н Э. В. Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II. М., 1966, с. 241.

⁹² См.: Г р у в и н Т. И. Имя прилагательное в тюркских языках (на материалах турецкого языка). — ВЯ, 1955, № 4, с. 57.

⁹³ См.: Ш а р и п о в а К. А. Словообразующие аффиксы *-лик*, *-ли*, *-чилик* в узбекском языке, с. 21.

⁹⁴ См.: З ул ф и е в Я. *-Лик* аффиксининг сифат ясовчи вазифасыда қүлла-нилиши. — ЎТА, 1972, № 5, б. 69—71.

⁹⁵ См.: С оди қ о в а М. Ҳозирги ўзбек тилида сифат. Тошкент, 1974, б. 15.

⁹⁶ См.: И с х а к о в Ф. Г., П а л ь м б а х А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961, с. 179—180.

⁹⁷ См.: Б а б у ш к и н Г. Ф. Вопросы прилагательных в хакасском языке. АКД. Абакан, 1953, с. 13.

использование относительных прилагательных для обозначения лиц по национальной принадлежности, месту жительства и т. д. Примеры: караб.-балк. *китайлі* 'китаец', *оруслу* 'русский', *малкарлі* 'балкарец', *караајлі* 'карачаевец'; тур. *истанбуллу* 'стамбулец'; туркм. *марілі* 'житель Мары', *чарджоулы* 'житель Чарджоу'; узб. *тошкап(т)лік* 'житель Ташкента', *самаркандлік* 'самарканец'.

В туркменском и уйгурском языках наряду с относительными прилагательными на *-лік* ~ *-лік* имеются также относительные прилагательные на *-лах* ~ *-ләх*, которые развились из существительных со значением места, изобилующего теми или иными предметами, живыми существами и т. п.: туркм. *әтләк* 'мясистый', *фүңкләк* 'костистый'; уйг. (диал.) *музлак* 'холодный'.⁹⁸ Ср. якут. *аттах* 'имеющий лошадь', *іккіләх* 'двуухлетний', *муннәх* 'онечаленный', *ұттәх* 'имеющий молоко', *оғолбәх* 'имеющий ребенка'.⁹⁹

Хотя нет достаточной уверенности в существовании связи между аффиксом относительных прилагательных и аффиксом, оформляющим парные слова (ср. др.-турк. *iñlî әчлі* 'младшие и старшие братья' (КТб₆), *Mäkkälî Taifalâi ara* 'между Меккой и Тайфой', *bîzîlî anlalarlî ara* 'между нами и ими' (Теф. 31); азерб. *cizlî bîzli* 'вы и мы'; алт. *әнәлүй балалу* 'мать с ребенком'; крым.-тат. *бабалî огуллî* 'отец и сын'; тур. *әркәклî кадїnlî калабалîk* 'толпа, состоящая из мужчин и женщин', *бүjүклү күчүлүй* 'большой и маленький'), такая связь возможна.

Мы не рассматриваем подробно аффикс относительных прилагательных (*-тін*) ~ *-дін* ~ *-тун* ~ *-дун*: соответствующие формы были приведены выше. Заметим лишь, что данный аффикс омонимичен аффиксу исходного падежа и, по всей видимости, связан с ним генетически.

Явно тяготеют к прилагательным формы на *(чан)* ~ *чан* ~ *-ча* ~ *шаң* ~ *-шан...*,¹⁰⁰ не имеющие четко очерченных семантических границ. Некоторые из них по своему значению сближаются с формами на *-лі(в)* ~ *-лі(k)*, другие выражают склонность, расположеннostь к приобретению определенного качественного признака или передают обладание признаком с подчеркиванием его исключительности. Последнее значение аффикса *-чаң* ~ *-чан...* отмечается преимущественно в составе форм, образованных от названий одежды. Примеры: алт. *собуушчаң* 'драчливый', *әрікчәң* 'тоекливый', 'грустный', *қарынчәң* 'скандальный'; башк. *бујсан* 'рослый', *бјоксан* 'в одних носках', *күлдәксан* 'в одной рубашке', *ніјдсан* 'словоохотливый', *өјалсан* 'стыдливый', *ашіїйсан* 'тюрапливый'; казах. *ашушаң* 'вспыльчивый', *сөзишәң* 'словоохотливый', *бојшаң* 'рослый', *тәршишәң* 'потливый', *кіришәң* 'маркий', *көjlәкшәң* 'в одной рубашке';¹⁰¹ казах. (диал.) *үјалшаң* 'застенчивый', *ајаншаң* 'жалостливый';¹⁰² кирг. *атчан* 'находящийся верхом на коне'; к.-казп. *ішшәң* 'трудолюбивый'; крым.-тат. *јашавчан* 'живучий'; тат. *халікчан* 'народный', *таләпчан* 'требовательный', *төрмішчан* 'жизненный', *тілчан* 'языкастый', 'говорливый'; туркм. *ишшәң* 'трудолюбивый', *көjnәкчә* 'в одной рубашке'; узб. *ўјчан* 'задумчивый', *сўзчан* 'красноречивый', *бајратчаң* 'энергичный', *маңсічаң* 'в одних ичигах', *куյлакчаң* 'в одной

⁹⁸ См.: Садвакасов Г. Язык уйгуротов Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. АДД. Алма-Ата, 1972, с. 20.

⁹⁹ См.: Убрайтова Е. И. Аффикс обладания *-лаах* в якутском языке. — В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе, 1946, с. 60—65; Григорьев Н. С. Прилагательное в якутском языке. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1946, с. 108.

¹⁰⁰ Об этимологии аффикса *-чан...* см.: Севортиян Э. В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке, с. 99, 188; Күлдошев М. -Чан (-чан) аффиксиишт башын бир хусусиятлари дақыда. — В кн.: Материалы предстоящей XI научно-теоретической конференции профессорско-преподавательского состава Карагандинского ГПИ, посвященной 50-летию образования СССР, П. Карши, 1972, с. 59—60.

¹⁰¹ См.: Түлеуов А. Словообразовательные аффиксы имен в современном казахском литературном языке, с. 5.

¹⁰² См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР. АКД. Алма-Ата, 1965, с. 13.

рубашке', *јактакчан* 'в одном халате', *сінөвчан* 'проницательный', *унутувчан* 'забывчивый', *ујалчан* ~ *ујатчан* 'стыдливый', *шұхчан* 'шаловливый', *бүјчан* 'рослый', *ішчан* 'трудолюбивый'; узб. (диал.) *этчан* 'находящийся верхом на лошади', *әшәжчан* 'находящийся верхом на осле'¹⁰³, *іштәнчан* 'в одном белье', *ујәтчан* 'застенчивый';¹⁰⁴ уйг. *ішчан*, *ішләмчан* 'трудолюбивый', *сөзчан* 'говорливый', *кёйүмчан* ' сострадательный'; чуваш. *чуваш* *шәрччан* 'обидчивый'. *шер?*

Другие аффиксы, образующие относительные прилагательные — *-кіл* ~ *-кул*..., *-кір* ~ *-кур*..., *-сіб* ~ *-суб*... *-сак*..., *-лас*, *-мәр* ~ *-мөр*, *-ман*, *-сал*, *-дам* и т. п. Примеры:

др.-турк. *үчкүл*¹⁰⁵ 'трехугольный', *дөрткүл* 'четырехугольный'; казах. *үшкіл*, *төрткіл*; карач.-балк. *үчгүл*, *төртгүл*,¹⁰⁶ чуваш. *тәваткәл* 'четырехугольный';

түв. *әйләйр* 'красноречивый', *сүткүр* 'молочный';

алт. *калімзік* 'берущий большой калым'; тув. *дашиб* 'похожий на камень', *дуссуз* 'солоноватый', *кіжізіг* 'человечный';

алт. *аракізак* 'любящий выпить', *үжкүзак* 'любящий поспать', 'сонливый', *сүзак* 'ожаждущий'; тув. *ојунзак* 'игривый' (ср. якут. *әтімсөх* 'любящий мясо' (*әтім-сөх* > *әт-імсөх*),¹⁰⁷ *чаімсах* 'любящий чай', *баліймасах* 'любящий есть рыбу', *їймсөх* 'домосед';¹⁰⁸ кирг. (диал.) *алімсак* 'то, что причитается с кого-л.', *бәрімсәк* 'долг',¹⁰⁹ башк. (диал.) *јарамнак* 'угодливый'¹¹⁰);

башк. *ітләф* 'мясистый', *јөнтәф* 'волосатый'; узб. *туқлас* 'волосатый'; узб. (диал.) *әтләс* 'мясистый', *біртлас* 'усатый'; ср. тат. *ітләч* 'мясистый', *јөнлач* 'волосатый';

кирг. *ишмәр* 'деловой', 'деловитый', *сөзмәр*, *тілмәр* 'красноречивый'; карач.-балк. *акілман* 'умный', 'толковый', *бізман* 'мелочный'; тур. *којаман* 'огромный', *караман* 'темный', 'смуглый', *көләмән* 'династия мамлюков в Египте' (букв. рабский), *шішман* 'толстый';

др.-турк. *тілдам* 'красноречивый', *күндәм* 'солнечный', *тәңрідәм* 'божественный', *әрдәм* 'добрый', 'добрость'.

Отличительной чертой прилагательных в грамматическом плане является образование форм, выражающих разные степени насыщенности признака. Эти степени тюркологи нередко называют сравнительными, имея в виду их близость к определенным формам индоевропейских языков, и выделяют в количестве от двух до семи.¹¹¹ Мы не считаем возможным говорить о степенях сравнения в тюркских языках, так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе, с точки зрения говорящего, устанавливающего его тождественность норме («красный»), недостаточность («красноватый») или превышение нормы («очень красный», «совершенно красный»). Только сочетания типа *әң кізіл* 'самый красный', именуемые превосходной

¹⁰³ См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 16.

¹⁰⁴ См.: Шабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры. АДД. Ташкент, 1963, с. 64.

¹⁰⁵ См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort. — Túrán, Budapest, 1918, 9—10, S. 532 ff.

¹⁰⁶ См.: Енгеге А. С. Türkçede kelime teşkili, I. Ankara, 1933, s. 37.

¹⁰⁷ См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 22.

¹⁰⁸ См.: Антонов Н. К. Именное словообразование в якутском языке. АКД. Л., 1952, с. 6.

¹⁰⁹ См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектология, б. 186.

¹¹⁰ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казахшевского говора, с. 94.

¹¹¹ См.: Мұсабаев F. F. Қазақ тіліндегі сын есімнің шырайлары. — Алматы, 1951, б. 34; Сундетова М. К вопросу о степенях сравнения прилагательных в русском и казахском языках. — Уч. зап. Казахского гос. унив., язык и литература, 1958, XXXIII, 2, с. 91 и сл.; Эйвазов А. Г. Степени имен прилагательных в современном турецком литературном языке (с привлечением материалов из других тюркских языков). АКД. Баку, 1964, с. 3—9.

степенью, немыслимы без сопоставления качеств разных предметов, однако сопоставление здесь не является непосредственной основой для оценки абсолютного качественного превосходства. Оно лишь предполагается.

Формы, выражающие недостаточность, неполноту признака, образуются при помощи аффиксов *-(i)pak*, *-(i)mtil* ~ *-(y)mtil*, *-shil* и др.

Аффикс *-(i)pak* ~ *-(y)pak* ~ *-(i)pak* ~ *-(y)pak* — самый распространенный в тюркских языках классификационный морфологический показатель прилагательных, причем передаваемая им неполнота признака может восприниматься в зависимости от контекста и как избыточность его, ср. ст.-узб. *kicigärk* *kasaba* 'небольшая крепость' (букв. поменьше), улуграк *kasaba* 'более крупная крепость' (букв. побольше); азерб. *jashirək* 'более хороший', 'лучше', *gödərək* 'более короткий'; башк. *asirək* 'кисловатый'; тат. *daaraq* 'узковатый'; казах. *köärək* 'более синий', *kizilərak* 'более красный'; кар. *aeruulurah* 'больнее', *halcizrak* 'послабее'; карач.-балк. *kalinirak* 'потолще', *uzunurak* 'подлиннее', *kizilərak* 'покраснее'; кирг. *katyrak* 'твердоватый', *abirak* 'более белый', *kögürök* 'синеватый', *acurak* 'горьковатый'; к.-калп. *alaarak* 'пестроватый', *carirak* 'пожелтее'; крым.-тат. *ajjijarak* 'горьковатый'; кум. *alašarak* 'низковатый', *astarak* 'потише', *gichirök* 'поменьше'; ног. *kögürök* 'голубоватый'; тат. *avirrak* 'потяжелее', 'более тяжелый', *äcirək* 'кисловатый'; тур. *injərək* 'потоньше', *küçürök* 'поменьше'; туркм. *ovnurak* 'более мелкий', *äjirak* 'более горький'; узб. *kərərək* 'почернее', *aklirək* 'поумнее'; уйг. *akirak* 'более белый'; чуваш. *äjäraħ* 'теплее', *iłəmlərəx* 'красивее', *pujan daraħ* 'богаче', *sabaldaraħ* 'поменьше', *c'ēnərəx* 'поновее'.

Из двух вариантов данного аффикса — с начальным гласным и без него — более древним Я. Экман считает последний, отмечая, что начальный гласный в нем появился довольно поздно под влиянием находящегося в начале слова *p*, ср. *asira* < *asra*.¹¹² Если же принять во внимание возможность интерпретации форм на *-(i)pak* ~ *-(y)pak*... как производных имен, образованных от глагольных основ типа *kıskar-* 'укорачиваться', *kögär-* ~ *kökar-* 'становиться голубым', *abar-* ~ *akar-* 'белеть', то необходимо будет отдать предпочтение первому варианту. Первый вариант предпочтительнее также и с точки зрения сторонников новейшей этимологии аффикса *-(i)pak* ~ *-(y)pak*..., устанавливающих связь его с самостоятельным словом: в тюркских языках Сибири и Алтая встречаются аналитические формы, которые включают в себя в качестве служебного компонента слово-частицу *apak* ~ *apak* ~ *apik*) с реконструируемым исходным значением «чуть-чуть».¹¹³ Примеры: тув. *kizıl ārap* 'красноватый', улуз. *ārap* 'великоватый', *kök ārap* 'голубоватый', *carib ārap* 'желтоватый'; хак. *kicig arah* 'маловатый', *čon arah* 'толстоватый', *xizıl arah*, *xaramdix arah*; ¹¹⁴ шор. *ak ārap* 'беловатый', *kök ārap* 'голубоватый', *čabal ārap* 'плоховатый' (ср. алт. *avarič*, *kögörök*, *carbarik*, *kizarik*).

Изредка аффикс *-(i)pak* ~ *-(y)pak*... присоединяется к существительным, к словам *bar* и *jok*, к причастиям, деепричастиям и наречиям, что является убедительным свидетельством его образования из самостоятельного слова-частицы, ср. др.-турк. *'alimrak* 'более ученый', *bilgänräk* 'более знающий'; башк. (диал.) *kirbəarak* 'несколько в сторону', *citmääräk*

¹¹² Е ск та пп J. Türkçede *-raq*, *-rek* ekine dair. — TDAY. Belleten, 1953, s. 52. Здесь же подробно говорится об этимологии аффикса *-pak* (s. 51—52). См. также: Rässänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — StO, 1957, XXI, S. 75; Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 162—163.

¹¹³ См.: И с хак о в Ф. Г., П аль м б а х А. А. Грамматика тувинского языка, с. 186.

¹¹⁴ См.: Б а б у ш к и н Г. Ф. Вопросы прилагательных в хакасском языке, с. 21; Д ы р е н к о в а Н. П. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948, с. 42.

'несколько в стороне', *кіскә карајірak* 'примерно к вечеру';¹¹⁵ *кар, ажарах каріндаш* 'старший брат', *ігітрах каріндаш* 'младший брат';¹¹⁶ *тат, арка-барақ* 'немного назад', *сұлжарақ* 'немного влево', *алжарақ* 'немного вперед', *үңжарақ* 'правее'; *тур.* *оларақ* 'являясь, будучи'; *узб.* *у шэиррек* эдам 'он довольно поэтичный человек', *күчанің башрекіда* 'в самом начале улицы', *көчірек* 'убегая', *бэррек* 'есть все же', *јүкрек* 'нет все же', *чәтреккә* 'немного в сторону', *чапреккә* 'левее', *ұңреккә* 'правее', *әлдінреккә* 'немного вперед';¹¹⁷ *чуваш.* *вәрманарах* 'далше в лес'.¹¹⁸

Морфологические образования с аффиксом *-(i)raқ ~ -(y)raқ*. . . как указывалось выше, не являются формами сравнительной степени и никогда не являлись ими. Сравнение в тюркских языках выражается посредством сочетания прилагательных с существительными в форме исходного падежа. При этом прилагательные могут быть оформлены аффиксом *-(i)raқ ~ -(y)raқ*. . . , но это оформление необязательное, ср. *кирг.* *алмурут алмадан таттүрәк* 'груша слаше яблока', *бал қантан таттү* 'мед слаше сахара'.¹¹⁹ Все же в ряде современных тюркских языков намечается тенденция к преимущественному использованию при сравнении форм на *-(i)raқ ~ -(y)raқ*. . .¹²⁰

Неполноту признака выражают также аффиксы *-йл ~ -ул, -йлт ~ -улт, -йлтім ~ -ултум ~ -йлдім ~ -улдум, -йлтіj ~ -ултуj ~ -йлдіj ~ -улдуj, -йлтір ~ -ултур ~ -йлдіr ~ -улдур, -йлтірім ~ -ултурум ~ -йлдірім ~ -улдурум ~ -йлдіріn*, которые вследствие переразложения основ на *k, b* и в результате действия аналогии параллельно употребляются в форме *-бүл ~ -бул, -бүлт ~ -булт* и т. д.:¹²¹ алт. *кіскілтім* 'красноватый', *сарбілтім* 'желтоватый'; алт. (диал.) *каралтім* 'черноватый', *кізілтім*;¹²² башк. *нарбілт* 'желтоватый', *јашкілт* 'зеленоватый', *һөрбілт* 'сероватый', *сöскöлт ~ сöскöлтöм* 'сладковатый', 'пресноватый', *äскілт* 'кисловатый', *äскілтім* 'горьковатый'; башк. (диал.) *каткіл* 'твердоватый', *нарбілтім*, *сöскöл*, *äскіл*; казах. *бозжіл ~ бозжілт ~ бозжілтім* 'бледноватый', *сүрбілт* 'сероватый', *көгілдір* 'синеватый', *кізжілт ~ кізжілтім ~ кізжілтім*, *сарбілтім ~ сарілтім, каралтім; қағач-балқ моргулдум* 'коричневатый', *јашілдім* 'зеленоватый', *кізжіл ~ кізжілдім ~ кізілдім, саржіл ~ сарбілдім; кирг.* *аїлтім ~ аїлтір* 'беловатый', *көгүлтім ~ көгүлтір*, *кізжілт ~ кізжілтім, саржілт, сурбұлт, бозжілт; қ.-калп.* *сарбілт*; *крым.-тат.* *кізілтім, сарілтім, көгүлтім, аїлтім; кум,* *кізжілт, саржілт, јашілт, аїжілт; кум.* (диал.) *хізілдіріn, харалдіріn, јашілдіріn, аїлдіріn;*¹²³ ног. *кізжілт, сар-*

¹¹⁵ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казахского говора, с. 105—106.

¹¹⁶ См.: Мусаев К. М. Грамматика караимского языка, с. 181.

¹¹⁷ См.: Фуломов А. Ф. Узбек тилида сифатнинг чоғиштирима даражалари. — УТАМ, 1959, № 2, б. 50, 54.

¹¹⁸ См.: Андреев Н. А. Имя прилагательное. — В кн.: Материалы по грамматике современного чувашского языка, I. Морфология. Чебоксары, 1957, с. 98.

¹¹⁹ См.: Уметалиева Б. Степени сравнения прилагательных в киргизском языке. — Уч. зап. филологического факультета Киргизского гос. унив., Фрунзе, 1957, 3, с. 45. См. также: Маруф З. М. Узбек тилида сифатларнинг қиёсий даражалари. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, I, с. 131—143; Гулямов Я. Г. Из наблюдений над морфологией ташкентского говора. — В кн.: Материалы по узбекской диалектологии, I. Ташкент, 1957, с. 205; Фуломов А. Ф. Узбек тилида сифатнинг чоғиштирима даражалари, б. 47—55.

¹²⁰ См.: Евразов А. Г. Түрк дилиндә сиfэтин мұғајисә дәрәчеләриниң нәзәри чөнөтдөн анылаышы. — Изв. АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 105.

¹²¹ Ср.: Исааков Ф. Г. Имя прилагательное. — ИСГТЯ, II, с. 148; Хабичев М. Карабаево-балкарское именное словообразование, с. 176 (по мнению М. Хабичева, *յашіл < ѿашғіл, кізіл < кізғіл*).

¹²² См.: Басаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

¹²³ См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии (терский диалект), с. 121.

бүл ~ *сарбүлдім* ~ *сарбүлдіј*, *көгүлдім* ~ *көгүлдім* ~ *көгүлдіј*, *аңләдім* ~ *аңләдіј*; тат. *ачкілт* ~ *ачкілтім* ‘кисловатый’, *ачкілтій* ‘горьковатый’, *кізбүлт*, *сарбүлт*, *яшкілт*, *сөрбүлт*; түв. *сарбүл* ~ *сарбүлдір*, *көгүлдүр*; туркм. *бүлбүлт*, *Фарбүлт*; узб. (диал.) *гөгәл*; ¹²⁴ шор, *көгүлдүрүм*, *аңләдірім*.

Более или менее близкое внешнее сходство с аффиксами данной группы обнаруживают аффиксы *-илім* ~ *-улұм*, *-илір* ~ *-улұр*, *-илдін*, *-илбај*, ср. башк. (диал.) *күгілім*; ¹²⁵ кирг. *көгүлжүм*, *караптім*, *аңлајім*; кум. *караптін*; ног. *көгілжім* ~ *көгүлжір*, *аңләйір*; тат. *күгілжім*; хак. *көгілбәј*.

Сопоставление приведенных выше аффиксов, ¹²⁶ ср.

<i>ил</i>	<i>-ил</i>	<i>-ил</i>	<i>-ил</i>	<i>-ил</i>
<i>-илт</i>	<i>-илтір-ім</i>	<i>-ил-іім</i>	<i>-ил-іір</i>	<i>-ил-бај</i>
<i>-илт-іj</i>	<i>-илтір-ін</i>			
<i>-илт-ім</i>				
<i>-илт-ін</i>				

показывает, что объединяющим их в одну группу является компонент *-ил* (~ -ул), ¹²⁷ использование которого положило начало процессу выделения прилагательных в самостоятельный разряд имени, ср. др.-турк. *яшил* ‘зеленый’, *кізіл* ‘красный’; алт. *көгүл* ‘синий’, ‘голубой’; ¹²⁸ ног. *сарзіл* ‘желтый’. Очевидно, в древности, как отмечает Б. М. Тагиев, аффикс *-ил* (~ -ул) использовался только в целях образования прилагательных от существительных, позднее же к этой его функции присоединилась дополнительная — выражение неполноты признака или так называемой уменьшительной степени.¹²⁹ Последняя функция в ряде говоров современных тюркских языков стала доминирующей.¹³⁰ Более сложные формы с аффиксом *-ил* (~ -ул) отразили процесс развития исходных образований в направлении дальнейшей дифференциации за счет присоединения аффиксов уменьшительности и уподобления, ср. ног. *сарзіл*, к.-калп. *сарзілт*, казах. *сарбүлтім*; алт. *көгүл*, түв. *көгүлдүр*, шор. *көгүлдүрүм*.

Повышенный интерес у тюркологов и алтайстов вызывают аффиксы *-имтір*, *-имт(i)рак* ~ *-имт(i)раз*, *-имтіл* ~ *-умтул*. Примеры: азерб. *бозумтул* ‘сероватый’, *гәйумтул* ‘голубозатый’, *сарімтіл* ‘желтоватый’, *барамтіл* ‘черноватый’, *аңымтіл* ‘белозатый’, *сарімтраз* ‘желтоватый’, *аңымтраз* ‘беловатый’, *бірмізімтіл*, *бірмізімтраз* ‘красноватый’; азерб. (диал.) *аңымтір*, *барамтіл*, *көхүнтір*, ¹³¹ *аңымтіллак*, *сарімтіллак*, ¹³² *бозунтурух* ~ *бозунтурах*; ¹³³ казах. (диал.) *сарзімтіл*, *көгілтіл*; ¹³⁴ тур. *јәшилмітірак*, *сарімтірак*, *бәзізімтірак*, *аңымтірак*, *кірмізімтірак*, *морумтурак*, *әкшімт(ә)рек*; туркм. *аңымтіл*, *барамтіл*, *гәйумтіл*; узб. *кәрамтіл*, *әкімтіл*, *кәрамтір*, *әкімтір*, *сарзімтір*.

С аффиксами *-имт(i)р*, *-имт(i)рак* ~ *-имт(i)раз*, *-имтіл* ~ *-умтул* мы сопоставляем несколько других аффиксов, включающих компонент *-им* ~ *-ум*: алт. *карамту* ‘черноватый’, *боромтік* ‘темноватый’; салар. *ахэмтух* ‘беловатый’.

¹²⁴ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1961, с. 13.

¹²⁵ См.: Макютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 16.

¹²⁶ Из сопоставления исключены чисто фонетические разновидности.

¹²⁷ Ср.: Тагиев Б. М. Азэрбајҹан дилиндә сифэтин азалтма дәрәчәси. —

В кн.: Вопросы азербайджанского языкоznания. Баку, 1967, с. 130 и сл.

¹²⁸ См.: Диренкова Н. П. Грамматика ойратского языка, с. 76.

¹²⁹ Тагиев Б. М. Азэрбајҹан дилиндә сифэтин азалтма дәрәчәси, с. 135.

¹³⁰ См.: Азэрбајҹан дилинин Муран группу шивәләри. Баку, 1955, с. 98.

¹³¹ См.: Джадарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка. АКД. Баку, 1969, с. 17.

¹³² См.: Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

¹³³ См.: Исламов М. И. Нуцинский диалект. АКД. Баку, 1961, с. 17.

¹³⁴ См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 13.

ватый', *хітімтұх* 'твердоватый';¹²⁵ *туркм.* *чалімтік* 'сероватый', *фарімтік* 'желтоватый', *аїмтік* 'горьковатый', *туршумтік* 'кисловатый', *фүйімтік* 'сладковатый'; *хак.* *хізамдіх* 'красноватый', *кігемдік* 'синеватый', *харамдіх* 'черноватый'; *шор.* *карамдік*, *сардамдік*. Компонент *-ім* ~ *-ум* эпизодически встречается и сам по себе, а также в сочетании с другими, малоупотребительными аффиксами, например: азерб. *афімсов* 'беловатый'; азерб. (диал.) *афімсој*, *гөйімсој*, *бозумсој*;¹³⁶ алт. *карамзімак*; гаг. *сарімсі*, *ішімсі*; тат. *жілімса* 'тепловатый'; тур. *յашілімсі*, *бәзәзімсі*, *кірмізімсі*, *аїмсі*;¹³⁷ узб. *ачимсік*, *курумсек*; узб. (диал.) *карам*.¹³⁸

Остается открытым вопрос об отношении форм на *-імтіл* к формам на *-ілтім*, ср. казах. *сарғімтіл* и *сарғілтім*. Если пренебречь возможностью монгольского влияния, нетрудно допустить в данном случае сложную метатезу. В связи с этим возникает вопрос о том, какую из двух форм следует считать первичной. Однако едва ли было бы целесообразно пытаться найти правильный ответ на него до окончательной проверки иных способов интерпретации форм на *-імтіл*.

Среди разновидностей рассматриваемых форм, встречающихся в диалектах азербайджанского языка, обращают на себя внимание те, в которых аффиксы *-імтіл*, *-імтір*, *-імтірах* выступают в виде *-інтіл*, *-інтір*, *-інтірах*. С другой стороны, примечательны формы типа *акінді*, *акіндік* 'беловатый' в диване Махмуда Кашгари, находящиеся в одном ряду с древнетюркскими причастиями на *-інти* ~ *-інди*: *акінді сув* 'текущая вода', *ітінді нәң* 'оттолкнутая вещь' (МК I 140). Ср. алт. *казінті* 'колодец'; башк. *ашанті* 'съедобное', *ташланті* 'отбросы', *најланті* 'отборное'. Учет тех и других позволяет сделать предположение, что основой для форм на *-імтіл*, *-імтір*, *-імтірах* послужили древнетюркские причастия на -інти и что аффикс *-імтірах*, к которому восходят почти все остальные разновидности, образовался в результате присоединения к причастной форме аффикса -рак,¹³⁹ ср. узб. (диал.) *акчілрак* (*ак-чіл-рак*) 'беловатый', *гөгләрәк* (*гөг-әл-räk*) 'голубоватый', *узунсарак* (*узун-са-рак*) 'длинноватый';¹⁴⁰ уйг. *акүчірак* (*ак-үч-iрак*) 'беловатый', *көкүчірак* (*көк-үч-iрак*) 'голубоватый'. Понятно, что при таком объяснении аффиксы *-імтіл*, *-імтір*, *-імтірах* должны занять самостоятельное место среди морфологических показателей, характеризующих прилагательные.

Аффиксы, входящие в следующую группу, также, по-видимому, сложные: *-сіман* ~ *-суман* ~ *-зібан*, *-сімак* ~ *-сумак* ~ *-зімак*, *-сімар* ~ *-зумар*, *-сімал* ~ *-сумал* ~ *-шумал*... Примеры: алт. *кізілзімак*, *сарізімак* ~ *сарсімак*, *көксүмәк* ~ *көксімәк*, *каразімак*, *аксімак*; кум. *кізілушумал*, *сарішумал*, *карушумал*, *гөкшумал*, *яшілушумал*, *акшумал*; карач.-балқ. *кізілсіман*, *сарісіман*, *карасіман*, *аксіман*, *көксіман*, *морсіман*, *яшілсіман*, *бозсіман*, *уллусіман*; кирг. *кізілсімак*, *акжумал*; ног. *біјіксімал*; тув. *кізілзімэр*, *сарізімэр*, *көксімэр*, *улугзумэр*; узб. *қрасімн*; узб. (диал.) *жіллісімак* (< *жіннісімак*) 'придурковатый';¹⁴¹ шор. *кізілзібан*, *сарізібан*. Они включают в себя аффикс *-сі* ~ *-су* ~ *-зі* ~ *-зу*, который выражает неполноту

¹²⁵ См.: Тенишев Э. Р. Стой саларского языка. АДД. М., 1969, с. 46.

¹²⁶ См.: Чөфөров Н. Тавус шивәләринин бәзі морфологи хүсусийләрі *һагғында*. — Уч. зап. Кировабадского ГПИ, 1956, № 4, с. 134.

¹²⁷ В турецком языке с аффиксом *-імсі* встречаются и существительные, однако все или почти все подобные формы — новообразования, ср. *јүйөмсі* 'карликовый', *кулумбәжісі* 'шалашеобразный', *адамімсі* 'человекообразный'. См.: Етеге А. С. *Türkçede kelime teşkili*, I, с. 41.

¹²⁸ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараского говора узбекского языка, с. 13.

¹²⁹ Ср.: Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 146; Когкемаз Z. *Türkçede ek uyğılmasi olaylarının meydana gelişü* üzerine. — TDAY. Belleten, 1960, с. 177.

¹⁴⁰ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараского говора узбекского языка, с. 13.

¹⁴¹ Там же.

признака сам по себе, а также в сочетании с другими аффиксами: др.-турк. *akṣirak*; алт. *akṣu*, *kökṣü*; алт. (диал.) *akṣi*; ¹⁴² тат. *alṣu*, *zäñgärṣü*; тур. *kızılſı*, *jəshılſı* ~ *jəshılımſı*. Первоначальное значение аффикса *-ci* ~ *-su...* скорее уподобительное, чем уменьшительное, ср. кар. *ormansı* 'лесной'; тур. *çoğuksu* 'впавший в детство', *majmunsu* 'обезъянообразный', *dalbamıſı* 'волнообразный'; узб. *julduzsımın* 'звездообразный', *kulganıſımın* 'он как будто смеется', *adamıſımın* 'человекообразный', *tuhumıſımın* 'яйцевидный'; ¹⁴³ узб. (диал.) *öčikſı* 'не совсем ясный'; ¹⁴⁴ уиг. *börısimal* 'похожий на волка', *adämıſimal* 'человекообразный'.

Едва ли путь образования форм неполноты признака прилагательных в тюркских языках был единственным. Скорее даже тот путь, о котором говорилось выше, а именно путь наращения совпадающих или близких по значению аффиксов, являлся второстепенным и поздним. Использование для выражения неполноты признака слов-частиц типа *ārak* ~ *aarak*, наличие в некоторых тюркских языках уподобительных послелогов, омонимичных рассматриваемым аффиксам (ср. башк. диал. *nımak*, кирг. *cımak*, *cımal*), существование особых форм с соответствующими аффиксами (ср. узб. *u jəshlara jələvərgancıſımın dədi* 'она «умолительно» сказала молодым людям'), дают повод думать, что в образовании форм неполноты признака широко проявлялась обычная языковая тенденция — обособление самостоятельных слов и превращение их в служебные слова, затем дальнейшая грамматикализация, сопровождаемая разнообразными и лишенными какой-либо системы внешними изменениями. Все сказанное преследует цель предохранить от опасности догматического восприятия тех предварительных решений, которые были предложены в данном разделе. Может быть, и в самом деле аффиксы типа *-(b)ılтım*, *-cıman*, *-shılтım* и другие представляют собой сращения нескольких морфологических элементов, но в равной или даже большей мере возможно и то, что они восходят к самостоятельным словам и что употребляемые параллельно им аффиксы *-(b)ıl* ~ *-(b)ıl*, *-ci*, *-shıl* ~ *-shıl* и т. д. отражают разные этапы и способы их преобразования.

Довольно широкое распространение в тюркских языках получили также аффиксы *(-ıl)* ~ *-çul*, *-çılmt*, *-çılłtım*...: казах. *carıʃıl*, *karashıl*, *akşıl* ~ *akşılłt* ~ *akşılłtım*, *kökiʃıl* ~ *kökiʃılłt* ~ *kökiʃılłtım*; кирг. *akçıl*, *kökcıl*; кум. *akşılłt*, *gökiʃılłt*; дөг. *akşıl* ~ *akşılłt*, *kökiʃıl*; тур. *akçıl*, *gökcıl*, *kırçıl*; узб. *kўkçıl*; узб. (диал.) *akçıl*, *gökcıl*. Аффикс *-çıl* ~ *-çul* присоединяется и к существительным, реже к местоимениям, и, по-видимому, присоединение его к существительным имеет длительную историю, хотя некоторые формы на *-çıl* ~ *-çul* являются новообразованиями. Примеры: азерб. *arđiʃıl* 'последовательный', *juxuʃıl* 'сонливый', *bababjıl* 'передовой'; ¹⁴⁵ алт. *ujkuchıl* 'сонливый', *katkuchıl* 'хохотун', *kожончıl* 'любитель петь', *ışçıl* 'ловкий', *ożçıł* 'передовой'; башк. *kunaçsıl* 'гостеприимный', *üpkaçsıl* 'вспыльчивый', *talapsıl* 'требовательный', *vakcıl* 'мелочный', *könçsıl* 'ревнивый'; казах. *təršíł* 'потливый', *tokşıl* 'сытый', *kүñishıl* 'завистливый', *özmişıl* 'самолюбивый', *mənişıl* 'гордый'; кирг. *koñokçıl* 'гостеприимный', *ujkuchıl* 'сонливый'; тат. *üpkaçıl* 'обидчивый'; тур. *taۋ-شانjıl* 'ястреб, приученный к ловле зайцев', *balıkchıl* 'цапля', *jılanjıl* 'йбис', *anajıl* 'маменькин (сынок)'; ¹⁴⁶ туркм. *baýbıçıl* 'печальный', 'грустный', *üpjejçıl* 'беспокойный'; узб. *içıl* 'последовательный'; узб. (диал.)

¹⁴² См.: Баскаков Н. А. Морфологические особенности словообразования именных частей речи в кумандинском диалекте алтайского языка, с. 59.

¹⁴³ О составе аффикса *-cıman* см. в кн.: Копонов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 152.

¹⁴⁴ См.: Джумадазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

¹⁴⁵ См.: Чәфәров С. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадачылыгы. Бакы, 1960, с. 82.

¹⁴⁶ См.: Етгө А. С. Türkçede kelime teşkili, I, с. 35.

дартчил 'болезненный',¹⁴⁷ көнчил 'любящий дыни';¹⁴⁸ уйг. әпчил 'ловкий'; шор, үйбучул 'сонливый'.

Реже употребляются аффиксы -сіл ~ -сілдім ~ -сулдум: башк. акһіл; караб.-балк. аксіл ~ аксілдім, көксіл ~ көксілдім, морсулдум,¹⁴⁹ тат. аксіл, күксіл; узб. эксіл.

Следующую группу образуют аффиксы (-и) ~ -уч, -ыш ~ -уш: казах, сарғыш; кирг. ағыш, көгіш;¹⁵⁰ кирг. (диал.) сарғұч, кізбіч, бозғұч;¹⁵¹ туркм. (диал.) гөгвіш,¹⁵² узб. эқіш, күкіш, сарғіш; узб. (диал.) кізбіч,¹⁵³ сарғіч; уйг. кізбуч, сағуч, акуч, көкүч.

В заключение следует упомянуть аффикс (-сов) ~ -сов ~ -суев ~ -сој..., встречающийся главным образом в азербайджанском и кумыкском языках: азерб. узунсов 'длинноватый', дәлісов 'глуповатый'; азерб. (диал.) узунсој ~ узунсөб, бісасој 'коротковатый', дәлісөб ~ дәлісөб;¹⁵⁴ башк. алһів, караһів; кум. назіксув 'тонковатый', уллусув 'великоватый', біјіксув 'высоковатый', базіксув 'толстоватый'; узб. (диал.) аксав 'беловатый'.¹⁵⁵ Ср. туркм. дамаксов 'прожорливый', чагъсов 'супесчаный'.

Другие аффиксы с аналогичным значением — -арт ~ -ірт, -арттір, -арттак..., -шін, -та, -лав..., -(а)мік ~ -(а)муқ, -муш ~ -мус, -(а)маң, -мәк, -тәк, шіні ~ туңу.... Примеры: др.-турк. көкшін 'голубоватый'; азерб. сарішін 'желтоватый', барашиń 'черноватый'; азерб. (диал.) бізартдах 'красноватый', бозартдах 'сероватый',¹⁵⁶ башк. (диал.) күкшін 'синеватый';¹⁵⁷ казах. ақта, ақарт ~ ақарттір 'беловатый', көктә, көгәрт 'синеватый', караңбыллав 'темноватый', кімбаттав 'дороговатый', жамандав 'плоховатый', карамік 'черноватый';¹⁵⁸ кирг. бозомуқ 'сероватый';¹⁵⁹ кар. кізілмуш ~ кізілмус 'красноватый', акмуш ~ акмус 'беловатый'; тур. сарішін, акшін, карашиń, гөкшін; туркм. әкфовулт 'беловатый';¹⁶⁰ узб. (диал.) кокамал, кокмак 'зеленоватый', хамтәк 'не совсем спелый', шортәк 'солонноватый';¹⁶¹ якут, кіраттіңі 'мелковатый', суюннуңу 'толстоватый', ітітіңі 'горячеватый', барбахтар 'плоховатый', мәлтөххүйр 'слабоватый'.

Неполноту признака выражают также аффиксы уменьшительности ча ~ —ја ~ —ша, —чабіз ~ —јаңіз..., —чік ~ —жік..., —ак..., —тај..., —гіна и аффикс уподобления —дај ~ —дој. Примеры: азерб. (диал.) бозај ~ бозах 'серо-

¹⁴⁷ См.: Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, с. 27.

¹⁴⁸ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 14.

¹⁴⁹ См.: Соzaев Б. Т. Разряды имен прилагательных и способы их образования, с. 118; Къарабай-маликъар тилен грамматикасы. Нальчик, 1966, с. 97.

¹⁵⁰ См.: Уметалиев Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке, с. 8.

¹⁵¹ См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектология, б. 186.

¹⁵² См.: Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1960, с. 15.

¹⁵³ См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 14.

¹⁵⁴ См.: Джангидзе В. Т. 1) Особенности дманинского говора азербайджанского языка. АКД. Баку, 1955, с. 14; 2) Дманинский говор казахского диалекта азербайджанского языка. Баку, 1965, с. 72; Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

¹⁵⁵ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

¹⁵⁶ См.: Исламов М. И. Нуҳинский диалект, с. 17; Джрафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка. АКД. Баку, 1962, с. 16.

¹⁵⁷ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 31.

¹⁵⁸ См.: Чакенов Дж. Категория имени прилагательного в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1953, с. 4, 11.

¹⁵⁹ См.: Уметалиев Б. Д. Имя прилагательное в современном киргизском языке, с. 8.

¹⁶⁰ См.: Шамырадов К., Ибраимов А. Түркмен дилинде сыйпатлар. Ашгабад, 1956, с. 24.

¹⁶¹ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

ватый’,¹⁶² բարայիշ ‘черноватый’, саріյағіз ‘желтоватый’,¹⁶³ айғағаз ‘беловатый’;¹⁶⁴ гаг. кісаға ‘коротковатый’, түзлұға ‘солоноватый’; казах. ақша ‘беловатый’, караша, карашік ‘черноватый’, көкшіз ‘голубоватый’, үйніша ‘длинноватый’; кар. ақча ‘беловатый’; кирг. кізілдај ‘красноватый’, жашілдај ‘зеленоватый’, чоңдој ‘великоватый’, кічиніәдәј ‘маловатый’, кіскача ‘коротковатый’; тур. татліја ‘сладковатый’, күчүкжө ‘маловатый’, әкшијә ‘кисловатый’, қалыңја ‘толстоватый’; туркм. (диал.) әкчік ‘беловатый’;¹⁶⁵ узб. кічінтој ‘маловатый’, эзінтој ‘худощавый’, сәмізгіна ‘полноватый’, қорагіна ‘черноватый’; узб. (диал.) қарак ‘черноватый’.¹⁶⁶

Важное место в морфологии прилагательных занимают формы интенсива, образующиеся путем полной или частичной редупликации.

Полная редупликация — точное воспроизведение прилагательного, не содержащее каких-либо необычных моментов, ср. туркм. бәjік-бәjік ‘очень высокий’; уйг. мәjдә-мәjдә ‘очень мелкий’; чуваш. шурă-шурă ‘белый-пребелый’.

Частичная редупликация в тюркских языках имеет свои особенности: повторяется первый слог прилагательного с добавлением n(б), м или значительно реже с, р: азерб. үйн-үйрмәз ‘совершенно красный’, әйм-әйә ‘совершенно голубой’, тәр-тәміз ‘совершенно чистый’, бүс-бүтүн ‘совершенно целый’; азерб. (диал.) бүф-үүру ‘совершенно сухой’, саф-сарі ‘совершенно желтый’,¹⁶⁷ һаф-һара ‘совершенно черный’;¹⁶⁸ алт. бол-боро ‘совершенно серый’, чоп-чокур ‘очень пестрый’; гаг. қас-қаті ‘совершенно твердый’, біл-біләз ‘совершенно белый’; казах. сап-сарі ‘совершенно желтый’; кирг. оп-бр ‘очень тяжелый’; кум. ап-ак ‘очень белый’; ног. жап-жайл ‘совершенно зеленый’; тат. әп-әчи ‘совершенно кислый’, қап-чә ‘совершенно новый’; тув. сап-саріб ‘совершенно желтый’, чап-чә ‘совершенно ясный’, дос-долу (~ доп-долу) ‘совершенно полный’, дос-доңру (~ доп-доңру) ‘совершенно прямой’, тос-топарлак ‘совершенно круглый’, чір-чіплак ‘совершенно голый’; туркм. ап-әji ‘очень горький’, тоң-тоңалак ‘совершенно круглый’, фүйн-фүйжи ‘очень сладкий’; узб. бўм-бўш ‘совершенно пустой’, kin-кізіл ‘очень красный’, эп-ж (~ эпнж) ‘очень белый’; уйг. уп-узун ‘очень длинный’, күп-күчлүк ‘очень сильный’; хак. хүп-хізіл ‘очень красный’, сап-саріб ‘очень желтый’; чуваш. хун-хура ‘совершенно черный’, син-сімәс ‘совершенно зеленый’;¹⁶⁹ шир. ап-ак ‘совершенно белый’; якут. ап-аһи ‘очень горький’, уп-үүн ‘очень длинный’, төп-төгүрүк ‘совершенно круглый’.

Необычный случай частичной редупликации — добавление к первому компоненту гласного или слога ба ~ бо ~ па ~ по: гаг. дүйү-дүз ‘совершенно ровный’; казах. түппа-тұра ‘совершенно прямой’; карач.-балк. топпа-толу ‘совершенно полный’, kanna-караң ‘совершенно темный’, чіппә-чіј ‘совершенно сырой’, болпа-бош ‘совершенно пустой’; кум. түпнә-түз ‘совершенно ровный’, janna-jaш ‘совершенно молодой’, kanna-барт ‘очень старый’; тур. јана-јанніз (~ jan-јанніз) ‘совершенно одинокий’, сана-сајлам (~ сап-сајлам) ‘совершенно здоровый’; туркм. (диал.) тапба-таза

¹⁶² См.: Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка, с. 27.

¹⁶³ См.: Чәфәров Һ. Тавус шивәләринин бә'зи морфологи ҳусусийәтләри һағында, с. 134.

¹⁶⁴ См.: Исламов М. И. Нухинский диалект, с. 17; Тагиев Б. М. Степени имен прилагательных в азербайджанском языке (на основе материалов XIV—XX вв.). АКД. Баку, 1965, с. 26.

¹⁶⁵ См.: Нартыев Н. Сарыкский диалект туркменского языка, с. 15.

¹⁶⁶ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

¹⁶⁷ См.: Джафарли А. Казахский диалект азербайджанского языка, с. 16.

¹⁶⁸ См.: Жанигидзе В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка, с. 72.

¹⁶⁹ См.: Андреев Н. А. Имя прилагательное, с. 100.

‘совершенно чистый’, *dūpbə-dūz* ‘совершенно ровный’;¹⁷⁰ узб. *čippa-chın* ‘совершенно правильный’, *minna-tik* ‘совершенно отвесный’, *kuppen-kuryuk* ‘совершенно сухой’; узб. (диал.) *cappa-capik* ‘совершенно желтый’, *kinna-kizıl* ‘совершенно красный’.¹⁷¹

Существуют разные мнения по вопросу о происхождении дополнительного слога. В частности, Н. К. Дмитриев указывает в связи с этим, что казахский и ногайский языки «знают сложный тип сочетания имен одного корня со стоящим посередине элементом *-ba/-be* или *-ma/-me* (*колмакол* ‘рука об руку’ и т. д.)».¹⁷² Однако формы типа *kolmakol* почти наверняка не имеют ничего общего с формами типа *boppo-boş*. Их прототипами принято считать таджикско-персидские сочетания с предлогом *ba*, ср. башк. (диал.) *hūdmā-hūd* ‘дословный’, *jōdmā-jōd* ‘лицом к лицу’, *bērmä-bēr* ‘точь в точь’;¹⁷³ узб. *kishləkma-kishlək* ‘по кишлакам’, *kuldma-kuld* ‘из рук в руки’, *bəshma-bəzi* ‘голова к голове’; тадж. *rüz ba rüz* ‘день за днем’, *jak ba jak* ‘один за другим’.

Усложнение первого компонента частично редуплицированных форм отмечено и в якутском языке, ср. ун-уңун и убус-үүнүн ‘длинный-предлинный’, *ïn-iräc* и *ïbïs-iräc* ‘совершенно чистый’.

Другой необычный случай частичной редупликации — воспроизведение первого слога без присоединения к нему каких-либо согласных, ср. узб. (диал.) *kıç-kıçkına* ‘очень маленький’.¹⁷⁴

Аффиксальные формы интенсива наблюдаются редко, ср. тув. *akkir* ‘очень белый’, *kızılbiř* (~ *kızıñčiř*) ‘очень красный’.

В число форм интенсива¹⁷⁵ включают также сочетания прилагательных со словами эн, чок ~ chox, чум, түм ~ tüm, лан ~ laф, асру, аша, öтз, түнд, бæk, чим и другими, передающими значения «самый», «очень», «чрезмерно». Примеры: ст.-узб. асру душвар ‘очень тяжелый’; азерб. түнд үрмиз ‘совершенно красный’; азерб. (диал.) *düm bara* ‘совершенно черный’,¹⁷⁶ *laф jaxši* ‘очень хороший’;¹⁷⁷ алт. эн д'акши ‘самый лучший’, *korkuştu d'akshi* ‘очень (букв. страшно) хороший’; башк. (диал.) *söm bara* ‘совершенно черный’, *üta akiłdi* ‘чесчур умный’;¹⁷⁸ казах. *shim* (~ *shim-kaj*) *kiezil* ‘очень красный’, *tým žakci*, *ötz žakci* ‘очень хороший’; кирг. *jamam kurç* ‘очень острый’; кум. бæk сувук ‘очень холодный’, *kön bæk arıv* ‘чрезмерно красивый’; ног. бæk iži ‘очень хороший’; тат. *döm özön* ‘очень длинный’, чом kara ‘очень черный’; тув. *dika ulub* ‘очень большой’, эн-нэй улуб ‘самый большой’, эн убәnniň ‘самый умный’; тур. эн бүjүk ‘самый большой’; туркм. iň uli ‘самый большой’, чим бүdil ‘совершенно красный’, чүв ak ‘совершенно белый’, шар bara ‘совершенно черный’; узб. (диал.) *düm uzun* ‘очень длинный’, *zil kara* ‘очень черный’,¹⁷⁹ *ash ajuğurruk* ‘очень быстрый’;¹⁸⁰ хак. *iň* (~ *iň nəj*) *chaxci* ‘самый хороший’, *týč chaxci* ‘очень хороший’; чуваш. *chi lajakh* ‘самый хороший’, *söm tədəm* ‘совершенно темный’, *söm-sükkär* ‘совершенно слепой’; шор. эн (öñnəj) *chakši* ‘самый луч-

¹⁷⁰ См.: Мухиев Х. Нохурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1959, с. 10.

¹⁷¹ См.: Шарипов О. Панский говор узбекского языка, с. 14.

¹⁷² Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 72.

¹⁷³ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 104; Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

¹⁷⁴ См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1953, с. 15.

¹⁷⁵ См.: Хаметова А. Превосходная и преувеличительная степени имен прилагательных в тюркских языках. АКД. Ташкент, 1969.

¹⁷⁶ См.: Джанигидзе В. Т. Особенности дманисского говора азербайджанского языка, с. 15.

¹⁷⁷ См.: Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка, с. 26.

¹⁷⁸ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

¹⁷⁹ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараспского говора узбекского языка, с. 13.

¹⁸⁰ См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 15.

ший', *түң көк* 'очень синий', *сүм ак* 'совершенно белый'; *якут.* *бәрт ўчүр-гәж* 'очень хороший'.

Подобных сочетаний бесчисленное множество, и они не имеют прямого отношения к морфологии, так как являются относительно свободными: к одному и тому же прилагательному могут присоединяться разные слова, выражющие большую или крайнюю меру насыщенности признака. Вместе с тем некоторые из таких слов выступают только с определенной группой прилагательных или даже с каким-либо одним прилагательным.

Раздел 3

Местоимение

Местоимения, замещающие в определенном контексте существительные, прилагательные и числительные, отличаются от других имен негативным признаком — отсутствием выделяющих их собственных словообразовательных форм. Так называемые промежуточные формы и формы словоизменения у местоимений, в общем, такие же, как и у имен существительных, ср. азерб. *мәнҗىјәз* 'я же', *сәнҗىјәз* 'ты же',¹⁸¹ карач.-балк. *мәңчік*, *сәңчік*, *олчук* — уменьшительные формы;¹⁸² туркм. *ۋەنچاباد* 'ты-то', *օچاباد* ~ *օچا* 'он-то', *بۇچاباد* 'этот-то', *شۇچاباد* ~ *شوچاباد* 'вот этот-то' (уменьшительно-уничижительные формы),¹⁸³ *ۋەندىد* 'без тебя', *ондۇد* 'без него'. Имеются лишь некоторые частные особенности в пределах падежной парадигмы (ср. дательный падеж),¹⁸⁴ но они не настолько велики, чтобы можно было говорить об особом местоименном типе склонения.¹⁸⁵ Все же одна из таких особенностей придает местоименной парадигме некоторую автономность, и происхождение ее находится в центре внимания тюркологов на протяжении нескольких десятилетий. Мы имеем в виду существенные различия между исходными и склоняемыми основами местоимений, преимущественно указательных и отчасти личных, ср. азерб. *бу* (*бүн-*), алт. *бу* (*мүн-*), башк. *бىل* (*бىن-*), кар. *бу* ~ *бул* (*бүн-*), кум. *бу* (*мүн-*) 'этот'; башк. *ул* (*ун-*), кирг. *ал* (*ан-*), узб. *у* (*ун-*), хак. *шор*, ол (*ан-*) 'он', ' тот'; кум. (диал.) *шу* (*ша-*, *шан-*);¹⁸⁶ чuvаш. *ÿб * 'я' (*ман-*; *мана* 'мне', *манран* 'от меня'), *ÿз * 'ты' (*сан-*; *сана* 'тебе', *санран* 'от тебя'), *в л* 'он' (*ун-*, *ан-*), *ÿб р* 'мы' (*пир-*), *ÿз р* 'вы' (*сир-*); якут. *бу* 'этот' (*ман-*; *манаха* 'этому', *ман * 'этого', *мантан* 'от этого'), *ол* ' тот' (*он-*; *онуоха* 'тому', *ону* 'того', *онтон* 'от того'), *субу* 'вот этот' (*саман-*; *саманіаха* 'вот этому', *саман * 'вот этого', *самантан * 'от вот этого').

Указанные различия заключаются в появлении так называемого дополнительного в склоняемых основах личных и указательных местоимений чувашского языка и лично-указательного местоимения 3-го лица, а также указательных местоимений всех других тюркских языков. Реже эти различия затрагивают гласные, причем в абсолютном большинстве тюркских языков они наблюдаются у лично-указательного местоимения 3-го лица, в чувашском языке — у личных и указательных местоимений, в якутском — у указательных.

¹⁸¹ См.: Грамматика азербайджанского языка. (Фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971, с. 78.

¹⁸² См.: Хабибов М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, с. 54.

¹⁸³ См.: Боржаков А. Түркмен дилинде гөркеме чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 4, с. 67; Грамматика туркменского языка, I, с. 183, 187.

¹⁸⁴ См. выше, с. 35 и сл.

¹⁸⁵ Иная точка зрения у А. Габен. См.: Gabain A. Prim re und sekund re Kasus im Altt rkischen. — In: Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shir  Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970, p. 131 ff.

¹⁸⁶ См.: Керимов И. А. Очерки кумыкской диалектологии, с. 143 (материалы хасавюртовского и кайтагского диалектов).

О причине различий между исходными и склоняемыми основами местоимений говорилось много, и относящиеся к этому вопросу высказывания нередко настолько противоречивы, что их трудно изложить в систематизированной форме. Отказываясь в данном случае от традиционной схемы, предусматривающей необходимость освещения истории вопроса,¹⁸⁷ мы сразу же приступим к поискам возможных решений и попытаемся выбрать из них такое, которое бы последовательно объясняло своеобразие явления и вместе с тем было бы внутренне согласованным.

Остановимся прежде всего на личных местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа. Можно допустить, что местоимения *ъбे́ 'я'* и *ъзé 'ты'* в чувашском языке отражают более древнее состояние, чем соответствующие местоимения в других тюркских языках, не имеющие начального гласного, но оканчивающиеся на *и*. Сделав подобное допущение, мы оказываемся перед необходимостью объяснить появление начального гласного и конечного *и* в чувашском языке в формах косвенных падежей рассматриваемых местоимений, ср. чуваш. *мана* 'мне', *сана* 'тебе'. *Н* не связан с аффиксом дательного падежа, не является элементом промежуточной формы, следовательно, он относится к основе: *ман-*, *сан-*. Но это именно та основа, которая с небольшими, чисто фонетическими, вариациями прослеживается во всех тюркских языках как в именительном, так и во всех остальных падежах. Считать основы типа *ман-*, *сан-* вторичными и образовавшимися сравнительно поздно мы не вправе, так как конечный *и* обнаруживается в основе очень древнего и почти полностью утраченного в тюркских языках личного местоимения 3-го лица. Таким образом, неизбежны поиски иного объяснения. Не являются ли чувашские местоимения *ъбे́ 'я'* и *ъзé 'ты'* новыми формами, развившимися в результате отпадения конечного и и добавления в начале ё?¹⁸⁸ Это объяснение вполне согласуется с имеющимися в нашем распоряжении фактами: оно учитывает, прежде всего, внешний облик других падежных форм и, затем, возможность употребления указанных чувашских местоимений без конечного гласного (*ъп*, *ъс*), являющуюся убедительным доказательством существования тенденции к их преобразованию.

Различия в огласовке (ср. чуваш. *ъбे́ 'я'*, *мана* 'мне'; якут. *бу* 'этот', *манайаха* 'этому'; тур. диал. *бэн*, *пэн* 'я', *маңа*, *баңа*, *біјә*, *бәһән* 'мне', *сіјә*, *сәһә* 'тебе') воспринимаются как отражение некогда типичного для тюркских языков аблаута и вместе с тем как следствие существования наряду с «неопределенным» падежом именительного падежа, отличавшегося от последнего внутренней флексией.¹⁸⁹ Предположение об аблautе пока единственное, что может служить более или менее серьезным объяснением рассматриваемой особенности. Тюркские языки — агглютинативные. Это не значит, что агглютинативность всегда была единственным способом выражения грамматических значений и структурной организации слова. В тех пластиах лексики, формирование которых происходило на уровне древнего состояния праязыка (resp. в протоязыке), можно ожидать открытия совершенно необычных приемов, степень использования которых уменьшалась по мере активизации приема наложения или наслаживания морфологических элементов.

¹⁸⁷ Обширная сводка мнений о причине различий между исходными и склоняемыми основами местоимений приводится в статье: Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка. — СТ, 1972, № 3, с. 23 и сл.

¹⁸⁸ В одной из своих ранних работ Н. Н. Поппе рассматривает ё как действительную частьцу. См.: Рорре N. Türkisch-tschiwassische vergleichende Studien. — *Islamica*, Leipzig, 1925, I, 4, S. 426. Оригинальные мысли о происхождении *ъбे́* и *ъзé* высказаны в работе: Киецбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 18.

¹⁸⁹ См.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen. — ZDMG, 1951, 100 (NF, 1950, 15), S. 585 ff.

Происхождение конечного *и* в форме винительного и косвенных падежей указательных местоимений (*бүн-* ~ *мүн-*, *ан-* ~ *он-* ~ *ун-*, *шүн-*, *түгін-*) связано с действием аналогии. Личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу, что исторически обусловлено изменением указательного местоимения *ол* в лично-указательное. Подобно тому как параллельно *ол* развилась форма *бул* в пределах указательных местоимений, рядом с личными местоимениями *мән* 'я' и *сән* 'ты' появилась форма лично-указательного местоимения *ан* 'он', процесс выделения которой еще не закончился. В именительном падеже единственного числа местоимение *ан* не известно ни одному из тюркских языков, в форме именительного падежа множественного числа оно встречается довольно редко. Выравнивание личных и указательных местоимений — закономерное явление в ходе формирования единой лексико-грамматической системы.

Распределение местоимений по группам возможно только на основе семантических и функциональных признаков.

Личные местоимения

Личные местоимения являются общими для всех тюркских языков, ср. азерб. *мән*, *сән*, *о*, *біз*, *сіз*, *онлар*; азерб. (диал.) *ман* ~ *бән* 'я', *сан* 'ты';¹⁹⁰ алт. *мән* 'я', *сән* 'ты', *ол* 'он', *біс* (~ *бістәр*)¹⁹¹ 'мы', *сләр* (~ *сләрдәр*) 'вы', *олор* 'они'; алт. (диал.) *снәр* ~ *снір* 'вы', *анар* ~ *анір* ~ *онор* 'они';¹⁹² башк. *мін*, *һін*, *ул*, *бід*, *һід*, *улар*; казах. *мән*, *сән*, *ол*, *біз* (~ *біздәр*), *сіз* (~ *сіздәр*), *олар*; карач.-балк. *мән*, *сән*, *о(л)*, *біз*, *сіз*, *ала(r)*; кирг. *мән*, *сән*, *ал*, *біз* (~ *біздәр*), *сіз* (~ *сіләр* ~ *сіздәр*), *алар*; кум. *мән*, *сән*, *о*, *біз*, *сіз*, *олар* (~ *алар*); түв. *мән*, *сән*, *ол*, *біс* (~ *бістәр* ~ *бістәрләр*), *сіләр* (~ *сіләрләр*), *олар* (~ *оларлар*); тур. *бән*, *сән*, *о*, *біз*, *сіз*, *онлар*; узб. *мән*, *сән*, *у* (~ диал. *ул* ~ *вол* ~ *hy*), *біз* (~ диал. *бізләр* ~ *бізлә* ~ *бізәр* ~ *бізә*), *сіз* (диал. *сіләр* ~ *сізлә* ~ *сізәр* ~ *сілә*), *улар* (~ диал. *хулар* ~ *улә*); уйг. *мән*, *сән*, *у*, *біз* (*бізләр*), *сіләр*, *улар*; хак. *мін* (~ диал. *мән*), *сін* (~ диал. *сән*), *ол*, *піс* (~ диал. *пöш*), *сірәр* (~ диал. *сіләр*), *олар*;¹⁹³ чуваш. *әбә* (~ диал. *әп* ~ *јәп*), *әзә* (~ диал. *әс* ~ *јәс*), *вәл* (~ диал. *вү* ~ *у* ~ *ул* ~ *во* ~ *о* ~ *ол*), *әбір* (~ диал. *ібір*), *әзір* (~ диал. *ізір*), *вәйәм* (~ диал. *үзәм* ~ *өзәм* ~ *әзәм*);¹⁹⁴ шор. *мән*, *сән*, *ол*, *піс*, *сіләр* (~ *сләр*), *лар* (~ *лар* ~ *олар* ~ *алар*). Исключение составляет якутский язык, в котором местоимения 3-го лица единственного и множественного числа не совпадают с соответствующими общетюркскими, ср. *мін*, *ән*, *кіні*,¹⁹⁵ *біхізі* (*біхі*), *әхізі* (*іхізі*, *іхі*), *кініләр*. Кроме того, в якутских местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа содержится отсутствующий в других тюркских языках компонент *ізі*, который О. Бётлингк отождествлял с *іккі* 'два',¹⁹⁶ а С. В. Ястребский и В. В. Радлов — с сочетанием

¹⁹⁰ См.: Бекбудов С. М. Зангеланский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1966, с. 16; Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 16—19.

¹⁹¹ См.: Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, с. 91.

¹⁹² См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М., 1972, с. 51.

¹⁹³ См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 43; Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка. АКД. Абакан, 1949, с. 10.

¹⁹⁴ См.: Сергеев Л. П. Урмарский говор чувашского языка. АКД. М., 1965, с. 18; Канюкова А. С. Чувашская диалектология, с. 96.

¹⁹⁵ М. Рясиенпозводит *кіні* к *көндү* 'сам', что вызывает возражения и с фонетической стороны и со стороны семантики. См.: Rätsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 18. Другая этимология *кіні* (*кі* 'кто' + *-ні* «сложный показатель определенности») приводится в работе: Киехбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 19.

¹⁹⁶ Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168. См. также: Rätsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 10.

аффикса родительного падежа *-iç* и аффикса относительных прилагательных *-ki*: *bizïçki* (*bizniki*) > *bizikî* (*bihizi*), *cizïçki* (*cizniki*) > *cizikî* (*zhizi*).¹⁹⁷

Присоединение к личным местоимениям 1-го и 2-го лица аффикса *-lar* в одних случаях (2-е лицо ед., 1-е и 2-е лицо мн. числа) связано с обозначением конкретного множества, совокупности, в других — служит целям выражения почтительности, уважения, самовозвеличивания (2-е лицо ед., 1-е и 2-е лицо мн. числа) или пренебрежения, иронии (2-е лицо ед. числа).

Внешнее сходство личных местоимений единственного и множественного числа способствовало возникновению различных гипотез о характере связей между ними и об их происхождении. Самая ранняя из них по времени и весьма глубокая по своему содержанию была высказана О. Бётлингком. Последний констатировал наличие этимологической связи между местоимениями единственного и множественного числа и объяснял одни из них как результат сложения других: *bi(n)+c(žn)=bis*, *cž(n)+c(žn)=cžs* (~ якут. *žh*).¹⁹⁸ В. Котвич, учитывая наличие узкого гласного в личных местоимениях множественного числа 1-го и 2-го лица (*biz*, *ciz*) и, очевидно, принимая во внимание разную смысловую нагрузку узкого и широкого гласных в маньчжурском языке (ср. *bi* 'я', *bž* 'мы'), считал формы с *i* (*mîn*, *cîn*) более древними, чем формы с *ž* (*mžn*, *cžn*), а ко-нечный *z* в местоимениях *biz*, *ciz* вслед за Б. Мункаци, Г. Рамстедтом, В. Бангом и Л. Лигети рассматривал как рудимент формы двойственного или множественного числа. В итоге система тюркских личных местоимений представлялась ему состоящей из трех групп, автономность которых выражена лишь в морфологическом плане:

ед. ч.	мн. ч.	дв. ч. (?)
1-е л. <i>mä(n)</i> , <i>bi(n)</i> , <i>mi(n)</i>	* <i>ba(n)</i> , * <i>ma(n)</i>	<i>biz</i>
2-е л. <i>cä(n)</i> , <i>ci(n)</i>	* <i>ca(n)</i>	<i>ciz</i>
3-е л. * <i>ä(n)</i> , * <i>i(n)</i>	<i>an</i>	* <i>iz</i> ¹⁹⁹

Особую позицию занимает А. Габец, реконструирующая систему личных местоимений из двух групп (**bi*, **ci*, **i*; **biz*, **ciz*, **olar*) и высказывающая предположение о переогласовке первичных местоименных корней в процессе присоединения к ним действического элемента n или l.²⁰⁰

Мы уже высказывали свои сомнения по поводу возможности этимологического сближения личных местоимений единственного и множественного числа.²⁰¹ Повторяем, для такого сближения нет достаточных оснований, оно неприемлемо с точки зрения морфологической специфики тюркских языков и своеобразия соотношения выражаемых ими значений ('мы', например, не есть множество 'я', а 'вы' не есть множество 'ты').²⁰² Приведенная С. В. Ястребским форма *silär* образована не от *ci*, а от *ciz*, т. е. от формы множественного числа. Реконструкция трехчленной системы — чисто умозрительное построение, находящееся в резком противоречии с известными нам фактами.

Этимологические исследования в области личных местоимений не исчерпываются попытками установить генетическую связь местоимений единственного и множественного числа. Много внимания уделено дока-

¹⁹⁷ Ястребский С. В. Падежные суффиксы в якутском языке. Иркутск, 1898, с. 24; Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen, S. 33.

¹⁹⁸ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 168.

¹⁹⁹ K o t w i c z W. Les pronoms dans les langues altaïques. Kraków, 1936, p. 33.

²⁰⁰ См.: Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Altürkischen, S. 132.

²⁰¹ См. выше, с. 86.

²⁰² См.: Боржаков А. Түркмен дилянде ат чалышмасы. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 3, с. 65.

зательству общего происхождения личных и указательных местоимений. Мысль о совпадении основы местоимения 1-го лица единственного числа с основой указательного местоимения впервые была высказана В. Бангом²⁰³ и поддержана В. Котвичем.²⁰⁴ В дальнейшем ее развил Н. А. Баскаков, дополнивший рассуждения В. Банга предположением о возникновении личных местоимений из сочетания указательных местоимений со словом *нэн*.²⁰⁵ Точки зрения В. Банга придерживался и А. П. Поделуевский,²⁰⁶ который вместе с тем проявил большую оригинальность в трактовке морфологической структуры личных и указательных местоимений, выделив префиксы *б*, *и*, *м*, *с* и²⁰⁷ отметив совпадение их основ (*м-ин*, *с-ин* с одной стороны, *б-ун*, *и-ун* — основы косвенных падежей, с другой).

Имеются также высказывания о природе и морфологическом составе группы личных местоимений единственного числа и каждого личного местоимения в отдельности. Так, в местоимениях 1-го и 2-го лица единственного числа конечный *и* был интерпретирован тюркологами как неясный по происхождению «факультативный» элемент,²⁰⁸ как указательное местоимение,²⁰⁹ как показатель посессивности,²¹⁰ как начальный согласный аффиксов родительного и винительного падежей, отошедший вследствие переразложения к основе (*мэн* < *мэнің* < *мәнің*),²¹¹ как субститутивизирующий элемент, восходящий «к основе *ненъе*, общей для аффикса родительного падежа и местоимения *не* ‘что’»,²¹² или же как дейктический элемент.²¹³ Существует мнение, что *с* в *сён* ‘ты’ восходит к *т* и что, следовательно, праформа местоимения 2-го лица ед. числа — **тән*+*н* или **ти*+*н*.²¹⁴ По мнению А. П. Поделуевского, ссылающегося на то, что в большом количестве тюркских языков предикативный аффикс 2-го лица ед. числа встречается в форме *-сің* ~ *-сің*, праформа местоимения 2-го лица ед. числа была **сің* (**с-иң*) и именно от нее образовалось местоимение 2-го лица мн. числа: *сің+из* > *сіңіз* > *сіз*.²¹⁵ А. Боржаков и Х. И. Суюнчев предлагают считать архетипом местоимения 3-го лица ед. числа *о* (~ *у* ~ *а*), а формы *ол*, *ул*, *ал* рассматривать как позднейшие

²⁰³ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen. Vorarbeiten zu einer vergleichenden Grammatik des Türkischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. Berlin, 1917, S. 11 (отд. отт.).

²⁰⁴ Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 51.

²⁰⁵ Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1952, I, с. 136, 142.

²⁰⁶ Поделуевский А. П. Происхождение личных и указательных местоимений. (Материалы к истории туркменского языка). Ашхабад, 1947, с. 7 и сл.

²⁰⁷ А. Габен осторожно высказывает относительно возможности выделения в местоимениях *бән* и *сән* дейктических протез *б* и *с* (*б-ән*, *с-ән*). См.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen, S. 590.

²⁰⁸ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, с. 77.

²⁰⁹ См.: Munkácsi B. Rez.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 1. Mitteilung: Über das türkische Interrogativpronomen. — KSz, 1918/1919, XVIII, S. 126.

²¹⁰ См.: Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 172; Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке. АКД. Самарканд, 1965, с. 12.

²¹¹ См.: Суюнчев Х. И. 1) Карабаево-балкарские и монгольские лексические параллели. АКД. Баку, 1969, с. 15 и сл.; 2) Личные местоимения в карабаево-балкарском и монгольских языках. — Тр. Карабаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, V, с. 102 и сл.

²¹² См.: Баскаков Н. А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках, с. 140.

²¹³ См.: Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 132.

²¹⁴ См.: Суюнчев Х. И. Карабаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 13. См. также: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 6.

²¹⁵ Поделуевский А. П. Происхождение личных и указательных местоимений, с. 16, 23.

варианты,²¹⁶ появившиеся вследствие переразложения морфем в составе местоимения 3-го лица мн. числа *олар* (*олар* > *ол*-*ар*) или вследствие асимиляции *и* начальным согласным аффикса *-лар* (*анлар* > *аллар*).²¹⁷ Для А. Габен архетип данного местоимения (с учетом переогласовки) — **o*; *л* в *ол* — дейктический элемент.²¹⁸

Что касается местоимения 3-го лица ед. числа в якутском языке (*кіні*), то оно возводится В. В. Радловым к существительному *кіhi* 'человек' (*кіhіnіkі* > *кіні*). Вместе с тем допускается возможность его развития из *кіmніkі*.²¹⁹

Местоимение 3-го лица ед. числа *ол* первоначально было указательным местоимением и как личное местоимение стало употребляться довольно поздно. В праязыке использовалось другое местоимение 3-го лица, следы которого обнаруживаются в ряде падежных форм (начальный *и* в аффиксах родительного и винительного падежей и так называемый вставочный *и* в аффиксах локативных падежей притяжательного склонения), в архаических формах аффикса принадлежности 3-го лица, в ряде наречий и прилагательных: др.-турк. *їнча* ~ *інчä* 'так, таким образом', *їнчиң* ~ *інчүң* 'так', 'но, однако', *їнару* 'туда'; тув. *їнда* 'там', *їнэр* 'туда', *їндїб* 'такой'.²²⁰

Критически оценивая достижения современной тюркологии, следует подчеркнуть отсутствие каких-либо фактов, указывающих на морфологическую членимость личных местоимений в рамках пратюркского состояния: *біз* и *сіз* не являются и, по-видимому, никогда не являлись грамматическими формами множественного числа, образованными от *мён* и *сён*. Реконструируемые нами праформы (**pän*, **cäñ*, **ïn* (**an*), **pïc*, **cïc*, **анлар*) представляют поздний этап различных преобразований, происходивших главным образом в направлении упрощения и частичной унификации. Все приведенные выше попытки проникнуть дальше этого этапа не опираются на строгую методику и, как правило, не дают ничего, кроме чисто спекулятивной информации.

Указательные местоимения

Указательные местоимения располагаются в двух плоскостях: пространственной ('этот' — который ближе, ' тот' — который дальше) и хронологической ('этот' — о котором только что говорили или собираются говорить, ' тот' — о котором говорили раньше), и подразделяются на обобщенно-указательные и конкретно-указательные, или усилительно-указательные.

Обобщенно-указательные местоимения, обнаруживаемые почти во всех тюркских языках и унаследованные от эпохи праязыкового состояния: *бу* 'этот' и *ол* ' тот' (**nū*, **ol*), ср. др.-турк. *бу*, *ол*; азерб., гаг., карач.-балк., кум., туркм. *бу*, *о(л)*; алт., кар. *бу*, *ол*; башк. *біл*, *ул*; казах., к.-калп., ног. *бү(л)*, *ол*; кирг. *бу(л)*, *ал*; тат. *бу*, *ул*; тув. *бо*, *ол*; узб., уйг. *бу*, *у*; узб. (диал.) *бо(л)*, *во(л)*;²²¹ хак. *ну*, *ол*; чуваш. *вайл*; шор. *но*, *ол*; якут. *бу*, *ол*.

В некоторых языках *бу* встречается в форме *бул*, которая, по мнению ряда тюркологов, появилась в результате сочетания и слияния с место-

²¹⁶ Суюнчев Х. И. Личные местоимения в карачаево-балкарском и монгольских языках, с. 105—106; Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке. АКД. Ашхабад, 1964, с. 10. Ср.: Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen, S. 588.

²¹⁷ См.: Суюнчев Х. И. Карабаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 27, 28, 31.

²¹⁸ Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 132.

²¹⁹ Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türk-sprachen, S. 34.

²²⁰ Б. Котвиц был склонен считать **i* лично-указательным местоимением. См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 19.

²²¹ См.: Ахмедов А. Джуплский говор узбекского языка. АКД. Ашхабад, 1962, с. 18.

имением *бу* местоимения *ол*.²²² Однако такое сочетание кажется маловероятным, так как *бу* и *ол* выражают прямо противоположные значения. Скорее *л* в *бул* является следствием изменения по аналогии, тем более, что *бу* и *ол* часто оказываются рядом и образуют устойчивую семантическую оппозицию.

В чувашском языке обобщенно-указательное местоимение ближнего плана — *ку*, не выводимое из общетюркских архетипов.²²³ Для прямого фонетического сопоставления *ку* с *бу*, о чём в конце прошлого века писал Н. И. Ашмарин,²²⁴ по-видимому, нет оснований: случаи подобных чувашско-туркских соответствий в области согласных неизвестны. Трудно также допустить связь *ку* с монгольской утвердительной частицей *ки*.²²⁵

Конкретно-указательные местоимения в отличие от обобщенно-указательных — более позднего происхождения. В большинстве своем они образовались из сочетания обобщенно-указательных местоимений с различными указательными словами.²²⁶ Особенно широкое распространение получили конкретно-указательные местоимения, включающие в себя указательное слово *оши* (~ *уш* ~ *иш* ~ *ш* ~ *с* ...).²²⁷ Примеры: ст.-узб. *ошибу(л)* 'вот этот', *ошу(л) ~ оша(л)* 'вот тот'; башк. *öшö* 'вот этот', *шул* 'вот-тот'; казах. *осى* 'вот этот', *сол* 'вот тот'; кирг. *ушу(л)* 'вот этот', *ошо(л)* 'вот тот'; кар. *ушпу ~ ушибу ~ успу* 'вот этот', *ошол ~ осол* 'вот тот'; к.-кали. *осү ~ үсү ~ үсі* 'вот этот', *сол* 'вот тот'; ног. (диал.) *шү* '(вот) этот', *шо(л)* '(вот) тот', *шошү ~ шүшү ~ шöшү* 'вот этот';²²⁸ тат. *шүши* (~ диал. *уш*) 'вот этот', *шул* 'вот тот'; з.-сиб.-тат. *öшö* 'вот этот', *шу ~ ша(л)* 'вот тот';²²⁹ тур. *ишбу* 'вот этот', 'данный', *шу* 'вот тот'; туркм. *үшбу*,²³⁰ *шү* 'вот этот', *шо(л)* 'вот тот'; узб. *шу* 'вот этот', *ошё ~ ўшё* 'вот тот',²³¹ *ошё ~ ошу* 'вот тот';²³² уйг. (диал.) *ушбу* 'вот этот', *оша ~ ошу ~ шу ~ шул* 'вот тот';²³³ якут. *субу* 'вот этот', *сити* 'вот тот', *сол* 'вон тот'.²³⁴

Приведенные конкретно-указательные местоимения в плане содержания имеют свои особенности, пожалуй, в каждом тюркском языке, и восстановить картину первоначального семантического распределения их довольно трудно. В башкирском языке, как отмечает Н. К. Дмитриев, «ошо отличается от был прежде всего тем, что указывает на такой предмет, который уже знаком говорящему из личного опыта. Таким образом ошо

²²² См.: Дмитриев Н. К. 1) Об указательных местоимениях в башкирском языке. — Тр. МИВ, 1947, № 4, с. 73; 2) Грамматика башкирского языка, с. 100.

²²³ См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке. — ВНОТ, 1927, 7, с. 62.

²²⁴ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898, с. 51. См. также: Ашинин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1958, XVII, № 5, с. 425.

²²⁵ См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке, с. 62; Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 36.

²²⁶ См.: Ашинин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 417—434.

²²⁷ Там же, с. 429. См. также: Mansuroğlu M. Türkçede zamir çekimi. — TDED, 1949, III, 3—4, s. 510—511.

²²⁸ См.: Калмыкова С. А. Особенности карангайского диалекта ногайского языка. — Тр. Карабаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, с. 177.

²²⁹ См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.

²³⁰ См.: Боржаков А. Туркмен дилинде гөркезме чалышмасы, с. 64.

²³¹ См.: Комилова Х. Ўзбек тилида соя ва олмош. (Хозирги замон ўзбек тили курсидан материаллар). Тошкент, 1953, б. 12; Иброрхимов С. Айрим олмошларнинг эволюцияси масаласига доир. — ЎТАМ, 1960, № 5, б. 60.

²³² См.: Жураев Б. Шахрисибский говор узбекского языка, с. 18.

²³³ См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.

²³⁴ См.: Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов, с. 22.

²³⁵ См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 35.

(этот самый) выражает более конкретное понятие, чем *был*, который указывает только на внешнюю близость предмета говорящему».²³⁶ Турецкое *шу* объясняется В. А. Горлевским как указывающее на предмет, о котором будет идти речь, *бу* — как указывающее на предмет, о котором уже говорилось.²³⁷ Несколько иная точка зрения у Ф. Д. Ашнина: «Свообразие местоимения *ши* заключается в том, что оно выражает необычайно сильный дейксис, который проявляется вне какого бы то ни было противопоставления и характеризуется тем, что сопроводительный жест носит неизменно подчеркнутый характер».²³⁸ В туркменском языке «*шу*, по сравнению с *бу*, указывает на более близкий предмет и имеет определенное усиливающее значение»,²³⁹ т. е. оно относится к *бу* приблизительно так же, как *шо(л)* к *о(л)*.²⁴⁰ В узбекском языке, по мнению И. Суярова, *шу*, в отличие от *бу*, «подчеркивает указание в более сильной степени, как бы выделяя его...». Во-вторых, указываемый предмет должен быть известен ранее, чтобы было возможно употребить местоимение *шу*. На русский язык его можно перевести как «именно этот».²⁴¹ Свообразие местоимения *шу* в гагаузском языке, пишет Л. А. Покровская, «состоит в том, что оно, так же как и *ши* в турецком языке, обладает сильным, подчеркнутым указательным (действительным) значением».²⁴² Подводя итог сказанному выше, следует согласиться с Ф. Д. Ашниным, что основное различие между обобщенно-указательными и только что рассмотренными конкретно-указательными местоимениями в абсолютном большинстве тюркских языков заключается в степени действичности и анафоричности: первые выражают обычное указание, последние — указание, усиленное и подчеркнутое жестом, речевой ситуацией. Это различие глубоко чувствуется в образованиях типа узбекского *шу бугун* ‘сегодня’ (*бугун* ‘сегодня’ < *бу кун*).

В употреблении конкретно-указательных, или усиленительно-указательных, местоимений нередко наличествуют элементы экспрессивности, что несколько сближает их с образными словами и способствует расширению возможностей спорадических изменений, препятствующих установлению строгой последовательности и преемственности форм. Все же можно отметить, что, как правило, *шу* восходит к *ошибу*, а *шул* и *оша ~ ошу* — к *ошибул*,²⁴³ хотя прототипом турецкого *шу* Ф. Д. Ашнин не без оснований считает не *ошибу*, а *ошибул ~ ошибол* (*ошибол* > *шол* > *шу*).²⁴⁴

Классификационным компонентом следующей группы конкретно-указательных местоимений является указательное слово *тә* (*тә ~ ти ~ дә ~ да ~ ди*),²⁴⁵ возможно, развившееся из того же архетипа, что и *ту* (*ти ~ тө ~*)

²³⁶ Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 71—72.

²³⁷ Горлевский В. А. Руководство для изучения османского языка. М., 1916, с. 72. См. также: Конопов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 172. Аналогичное значение *шу* («преуведомительное») отмечается А. Боржаковым в туркменском языке. См.: Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке, с. 11.

²³⁸ Ашинин Ф. Д. Принципы дифференциации турецких указательных местоимений. — ВЯ, 1958, № 2, с. 105.

²³⁹ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 186. Ср.: Боржаков А. Туркмен дилинде гөркәме чалышмасы, с. 62.

²⁴⁰ См.: Ашинин Ф. Д. Принципы дифференциации туркменских указательных местоимений. — Тр. ИЯЛ АН Туркменской ССР, 1957, II, с. 68—81.

²⁴¹ Суяров И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 13.

²⁴² См.: Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964, с. 132.

²⁴³ Как полагает Х. И. Суюнчев, *л* в *шул* появился в результате переразложения формы множественного числа (*шулар* > *шул-ар*) или вследствие ассимиляции и начальным согласным аффикса *-лар* (*шүнлар* > *шуллар*). См.: Суюнчев Х. И. Карабаево-балкарские и монгольские лексические параллели, с. 31. Н. К. Дмитриев разлагал *шул* на *шу* и *ул*. См.: Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 73.

²⁴⁴ Ашинин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 428—429.

²⁴⁵ Там же, с. 430.

дү ~ дәй): алт. *ту ол* 'вон тот'; гаг. *тә бу* 'вот этот', *тә о* 'вон тот', *тә шу* 'вот этот'; тат. (диал.) *туши* 'вот этот'; тур. *дә шу* 'вон тот'; уйг. *тушы* 'вот этот'. Ср. кирг. *тә* 'вон тот'; ж.-уйг. *ту гунда* 'вон там';²⁴⁶ казах. (диал.) *тонав* 'вон тот'; салар. *тү ~ түбү* 'тот самый'.²⁴⁷ Нередко относимое сюда же казахское *түнәв*,²⁴⁸ по всей видимости, имеет иное происхождение, ср. кум. *түнәгүн*, кум. (диал.) *түнән*, тур. *дүн*, уйг. *түнүгүн*, узб. *тунэв куні*, ст.-кипч. *түнә-күн* 'вчера' (Cod. Cum. 31r₁).

Для третьей группы характерно наличие указательных слов мана, ана и иңә. Примеры: балк. *инол* 'вот тот'²⁴⁹ (ср. туркм. *инә*, узб. диал. *инә* 'вот');²⁵⁰ башк. (диал.) *мәна бىл*, *мәна шул*, *анә шул* 'вот этот', *мәнав ~ мәнав*, *шәнав*, *анав* 'вот тот';²⁵¹ з.-сиб.-тат. *анәвил* 'вон тот' ('сравнительно близкий'), *анавил* 'вон тот' ('сравнительно дальний');²⁵² казах. *мәнав*, *осинаяв* (< *оси-ана-бу*) 'вот этот', *анав*, *санав* < *сол-ана-бу*) 'вот тот'; кирг. *мобу(л)* ~ *мабу(л)* ~ *мәнабу(л)* 'вот этот'; (хак. *мәнәй* 'вот этот', *анәй* 'вот тот');²⁵³ узб. *манэв ~ манави* 'вот этот', *анэв ~ анави* 'вот тот'; узб. (диал.) *мэнз*, *мәві*, *мәши* 'вот этот', *аши* 'вон тот',²⁵⁴ *мәнав ~ мэнэву* 'вот этот', *анави ~ анаву* 'вот тот',²⁵⁵ *мәнәбі ~ мәнәві*, *мәнәши* 'вот этот', *әнәшу*, *әнэв ~ әнәві* 'вон тот',²⁵⁶ *мәнави* 'вот этот', *санави* 'вон тот',²⁵⁷ *мәмбі*, *мәјши* 'вот этот',²⁵⁸ *мәмбі ~ мәмбу*, *мәши ~ мәшу* 'вот этот', *әмбі ~ әмбу* 'вон этот';²⁵⁹ уйг. *мана у ~ маву ~ мону ~ мана бу*, *мана шу ~ мошу* 'вот этот', *әjnä бу*, *ашу ~ әjnä шу* 'вот этот', *әву* 'вот тот'.²⁶⁰

Далее, по широте употребления выделяется конкретно-указательное местоимение *тәгi*, ср. алт., қойб. *тiгi*, башк. *тiгi*, башк. (диал.) *тәгi*,²⁶¹ кирг. *тiгi(l)* (*тәтiгi(l)*, *тәттәтiгi(l)*),²⁶² тат. *тiгi*, шор. *тiгi* 'вот тот', 'тот самый'. Ср. также параллели в некоторых памятниках.²⁶³ Есть основания отнести сюда же и тувинское указательное местоимение *дö ~ до ~ дү ~ ду(<? *тәгi)* 'вон тот', сопоставляемое Ф. Г. Исхаковым и А. А. Пальмбахом с монгольским письменным *tegün*.²⁶⁴

Н. К. Дмитриев ставит местоимение *тiгi* в башкирском языке в один ряд с *ошö*, отмечая, что оно «указывает на предмет, о котором мы что-то знаем из предыдущего опыта (временибе соотношение) или на территории

²⁴⁶ См.: Малов С. Е. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, с. 123.

²⁴⁷ См.: Тенишев Э. Р. Страй саларского языка, с. 50.

²⁴⁸ См.: Сарыбаев Ш. О местоимениях *ту*, *тунеу*. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1959, 1 (11), с. 73—75. См. также: Ибатов А. Местоимения в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1962, с. 14.

²⁴⁹ См.: Аппаев А. М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, с. 67.

²⁵⁰ См.: Ашинин Ф. Д. Указательные частицы в тюркских языках, с. 419, 421; Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шәвасидаги күрсатиш олмошларининг баъзи хусусиятилари. — ЎТАМ, 1961, № 3, б. 57—58.

²⁵¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17. Ср.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 10.

²⁵² См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.

²⁵³ См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 46.

²⁵⁴ См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.

²⁵⁵ См.: Шерматов А. Қуйи Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1972,

б. 96.

²⁵⁶ См.: Насыров Ш. Кокандский говор узбекского языка, с. 17.

²⁵⁷ См.: Ахмедов А. Джушанский говор узбекского языка, с. 18.

²⁵⁸ См.: Жураев Б. Шахрисябский говор узбекского языка, с. 18.

²⁵⁹ См.: Узоков Х. Водил шевасида олмошлар. — ЎТАМ, 1962, № 5, б. 35.

²⁶⁰ См.: Назирки заман уйғур тили, II. Морфология вэ синтаксис. Алмута, 1966,

б. 138.

²⁶¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

²⁶² См.: Кудайбергенов С. Қыргыз тилиндеги ат атоочтор. Фрунзе, 1960, б. 50.

²⁶³ См.: Файзулаева Ш. А. Исследование языка памятника XIV в. «Китабу булгат ал-муштак...». АКД. Ташкент, 1969, с. 13.

²⁶⁴ Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка, с. 231, 234.

которого мы в известное время находились (пространственное соотношение).²⁶⁵ Несколько иное значение у *тігі* прослеживает в диалектах татарского языка Р. Ф. Шакирова: *тігі* указывает на незнакомый, но близкий предмет.²⁶⁶ Ср. хак. *тігі* 'вот этот'.

Другие конкретно-указательные местоимения, имеющие ограниченную сферу распространения: з.-сиб.-тат. *мэнäкä* 'вот этот';²⁶⁷ карач.-балк. *мај-нол* (< *мајна ол*) 'вон тот';²⁶⁸ казах. *анәкі* 'вот тот'; кирг. (диал.) *бу-нобу ~ мунобу ~ міңнөгү ~ мәннөгү*, *бәрәгі, міна бәрәгү, бобәрәгі ~ мобәрәгі* 'вот этот', *онобу ~ оннөгү* 'вот тот', *тігінобу ~ тінобу ~ тонообу ~ тігінөгү ~ тінөгү, тәтінобу ~ тәтінәгі ~ тәтінөгү, тәтәрәгі ~ тәтәрәгү, тәбәрәгі* 'вот тот';²⁶⁹ кум. (диал.) *мунаңалаңа* 'вот этот', *онаңалаңа* 'вон тот';²⁷⁰ туркм. *иши* 'вот этот'; туркм. (диал.) *шүдәкі ~ шідәкі* 'вот этот',²⁷¹ *шүтүкі ~ шүтгү ~ шүттү* 'вот этот' (в речи старшего поколения),²⁷² *ho ~ hō, hō ~ hō, hōл, hōла* 'вон тот';²⁷³ узб. (диал.) *нанавӣ, hӯв анавӣ,*²⁷⁴ *ани-кай* 'вон тот', *хајло* 'вон тот' (еще «более удаленный»);²⁷⁵ чуваш. *с'ага* 'вот этот', *с'ава* 'вон тот';²⁷⁶ якут. *imi* 'вон этот',²⁷⁸ *білі* 'тот, о котором шла речь'.

В качестве дополнительного средства усиления действичности и анафоричности указательных местоимений в древнетюркском и старотурецком языках использовалась частица *ок ~ ök*: др.-турк. *оша-ök* 'тот же самый'; ст.-тур. *ол-ок* 'тот же', *шол-ок* 'вот тот же' (Ferafi-nâme 152).

От указательных местоимений образуется большое количество прилагательных и наречий, учет которых в ряде случаев имеет определенное значение для установления праформ. Примеры: гаг. *блә ~ бәлә* 'этакий', 'этак', *блә ~ ёлә* 'такой', 'так', *шблә ~ шёлә* 'вот такой', 'вот так'; кум. *булај* 'этакий', 'этак', *олај ~ алај* 'такой', 'так', *шулај ~ шолај* 'вот такой', 'вот так'; ног. *мүндај* 'этакий', *ондај* 'такой', *сондај* 'вот такой', *бұлај* 'этак', *олај* 'так', *солај* 'вот так', *міндај* 'вот этакий', *анавдај* 'вон такой', *сосіндај* 'вот этакий'; тат. *андіј* 'такой', *шүн-діј*, *шүшиңдіј* 'вот такой', *тігіндіј* 'вот такой'; тув. *міндіб* 'этакий', *йніб*,

²⁶⁵ Дмитриев Н. К. Об указательных местоимениях в башкирском языке, с. 72.

²⁶⁶ Шакирова Р. Ф. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области. — В кн.: Академику В. А. Гордеевскому к его семидесяти-пятилетию. М., 1953, с. 301.

²⁶⁷ См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 23.

²⁶⁸ См.: Хабибов М. А. Местоимение в карачаево-балкарском языке, с. 79.

²⁶⁹ См.: Абдулдаев Э. Кыргыз тилинин Чаткал говору. Фрунзе, 1956, б. 96; Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 50; Бейшекеев Н. Казакстандагы кыргыздардын тилдик өзөчөлүктөрү. Фрунзе, 1964, б. 40; Юусалиев Б. М. Кыргыз диалектологиясы, б. 194.

²⁷⁰ См.: Керимов И. А. Хасавюртовский диалект кумыкского языка. — Уч. зап. Дагестанского женского ГПИ, 1957, 1, с. 225.

²⁷¹ См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1949, с. 6.

²⁷² См.: Байрамдуров Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1965, с. 15.

²⁷³ См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 124.

²⁷⁴ См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, с. 18.

²⁷⁵ См.: Жуманазаров Ю. Ҳазорасп шевасидаги күрсатыш олмопларининг баъзи хусусиятлари, б. 57.

²⁷⁶ См.: Джурاءв Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18; Шерматов А. 1) Каршинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1960, с. 28; 2) Куйи Қашқадарё узбек шевалари, б. 96.

²⁷⁷ Оригинальная, но неубедительная реконструкция праформы *с'ава* (*чагү, resp. *jægү) была предложена Н. Н. Поппе. См.: Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке, с. 62.

²⁷⁸ Будучи убежденным в том, что указательные местоимения в тюркских языках часто представляют собой сочетания двух местоимений, В. Котович готов был видеть в якутском *imi* монгольские указательные местоимения *i* и *ti*. См.: Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 53.

‘такой’, *їнча*, *мїнча* ‘столько’; *туркм.* *б҃зjlә* ‘этакий’, ‘этак’; *якут.* *бачча*, *itїччә*, *оччо* ‘столько’, *маннїк* ‘этакий’, *оннук* ‘такой’, *itїннїк* ‘такой’.

Из всех конкретно-указательных местоимений, рассмотренных выше, по-видимому, лишь те, которые представляют собой сочетания обобщенно-указательных местоимений *бу* и *ол* со словами *ош* и *тә* (~? *ту*), формировались в условиях существования единого языка или, по крайней мере, в процессе его дробления. Другие конкретно-указательные местоимения отразили специфику исторического развития отдельных языковых групп или отдельных языков. Все же в самом способе их образования проявляются общетюркские тенденции.

Вопросительные местоимения

Общетюркские вопросительные местоимения, лежащие в основе многих вопросительных местоимений древних и современных тюркских языков и послужившие исходным материалом для образования в них огромного количества наречий, следующие: *кім* ‘кто’, *нәд* ‘что’, *каj ~ каj* ‘какой’. Примеры: др.-турк. и восточно-турк. *кім* ‘кто’, *нәд* ‘что’, *нәгүj* ‘как’, ‘какой’, *нәрәk*, *нәгүjә*, *нәчүn* ‘для чего’, ‘зачем’, *нәліk ~ нәләk ~ нәлүk*, *нәчүk* ‘как’, ‘почему’, *нәнүn* ‘для чего’, *нәтәk ~ нәтүk* ‘какой’, *каj ~ каjy ~ кану* ‘какой’, *каjсi ~ каjусi ~ канiсi* ‘который’, *канjى* ‘какой’, *кач* ‘сколько’, *качан* (< ? *каj* чавиn) ‘когда’; азерб. *кім*, *нә*, *канcى*; алт. *кәм*, *нә*, *нәмә*, *кандij*; башк. (диал.) *кім* ‘кто’, *нәj*, *нәрфә*, *нәjәрфә*, *нәфтә*, *нәjәфтә*, *німкәj*, *нәрдәкәj*, *нәмәкәj*, *німәфтәкәj*, *нәjәрфәкәj*, *нәjңнамәкәj*, *нәмәфтәкәj*, *нәjәндәтәкәj*, *нәjәндәтәкәj* ‘что’,²⁷⁹ *нінтәj* ‘какой’;²⁸⁰ казах. *кім*, *нә*, *нәмәнә*, *каj*; *кар.* *кім*, *нә*, *каjсi*, *ніндij*; *карач.-балк.* *кім*, *нә*, *каjсi*; *кирг.* *кім*, *нә*, *кандаj*; *тат.* *кім*, *ни*, *нәрсә*, *каjсi*, *ніндi*; *тофал.* *кум* ‘кто’, *каjсi* ‘который’, *канdib* ‘какой’;²⁸¹ *түв.* *кім*, *канdib*, *каjf ~ каjzى*; *туркм.* *кім*, *нә*, *нәмә*, *хаjдi*; *туркм.* (диал.) *хаjкi* ‘какой’;²⁸² *узб.* (диал.) *кімэв*, *німэв*,²⁸³ *німә*, *ка*,²⁸⁴ *каjдәb*, *кандәb*, *каннәb*, *кандаj*, *каjдaka*, *кандaka*, *канакa*; *уйг.* *кім ~ чіm*, *нәмә*, *каjci*, *канакә*; *хак.* *кәм* (~ диал. *кәмол*), *німә* (~ диал. *әмол*), *хаjдаj*, *хаjзi*;²⁸⁵ *чуваш.* *кам* ‘кто’, *хажә* ‘который’; *шор.* *кәм*, *каj ~ каj*, *каjсi ~ каjзi*; *якут.* *кім* ‘кто’, **хан*, **хай*, *ханнїк*, *хаjдаx* ‘какой’.

Киргизское *эмнә ~ өмінә* ‘что’ является дальнейшим развитием *нәмәнә* (< ? *нәмәз нә*),²⁸⁶ спр.: *кирг.* (диал.) *нәмә*, *нәмнә*, *нәмінә*.²⁸⁷

Тувинское *чүj ~ чүj* (спр. *кумандинск.* *чүjгә*,²⁸⁸ тофаларское *чу*,²⁸⁹ *чувашское мэн*, *шорское но* и *якутское түох* ‘что’ трудно возвести к общетюркским прайбрормам, и их появление скорее всего результат особых исторических условий развития соответствующих языков. Не случайно часть из них этиологизировалась путем обращения к нетюркским материалам. Мы

²⁷⁹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

²⁸⁰ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

²⁸¹ См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 81.

²⁸² См.: Кульманов Г. Геокленский диалект туркменского языка (на территории СССР), с. 14.

²⁸³ См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка. АКД. Ташкент, 1962, с. 15.

²⁸⁴ См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 15.

²⁸⁵ См.: Дыренкова Н. П. Грамматика хакасского языка, с. 46; Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка, с. 10–11.

²⁸⁶ У С. Кудайбергенова: *өмінә* < *өмінә* < *өмi(j)нә* < *өмбјнә*, т. е. *өмбј*+*нә*. См.: Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 68. У Б. М. Юнусалиева: *өмінә* < *нә* *му* *нә*. См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектологияси, б. 194.

²⁸⁷ См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 12; Кудайбергенов С. Кыргыз тилиндеги ат атоочтор, б. 67.

²⁸⁸ См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев, с. 55.

²⁸⁹ См.: Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка, с. 81.

имеем в виду сопоставление тувинского *чү ~ чү* и широкого *нö* соответственно с *ju²⁹⁰* и *jaçun²⁹¹* в монгольском письменном языке, а чувашского *мён* с «арабо-персидским вопросительным местоимением *män*». ²⁹² И хотя эти сопоставления нельзя признать удачными, дальнейшие поиски необходимо вести за пределами тюркских языков.

Несколько слов об этимологизации вопросительных местоимений *kîm* и *nä ~ nämä*.

Местоимение (*kîm*) В. Шотт связывал с монгольским письменным *kütmün* 'человек', ²⁹³ а В. Котвич и Г. И. Рамstedt разлагали его на *ki ~ kë* (древнюю вопросительную основу) и *m* (вопросительную частицу), ²⁹⁴ у Дж. Г. Киехбаева: показатель определенности). ²⁹⁵

Другое вопросительное местоимение — (*nä*) — Г. И. Рамstedt возводил к **jö*, указывая, что *j* изменился в *n* в составе формы родительного падежа под влиянием аффиксального *n* (*jénïñ > nénïñ*). ²⁹⁶ Н. А. Басаков, занимаясь поисками прототипа местоимения *nä*, высказал предположение о развитии его из существительного *nämö < nöñö < tömö* (?) 'вещь'. ²⁹⁷ Больше оснований, однако, думать, что местоимение *nämä ~ nämä* образовалось путем присоединения к местоимению *nä* частицы (наречия?) *jimä* 'же', 'также' (*nö-jimä* 'что же'). Именно такой путь мог привести к колебанию гласного в составе производной формы (*nämä ~ nämä*). Ф. Г. Исахаков выделяет в *nämä ~ nämä* два компонента: *ni ~ nö* и *mä* и последний из них сближает с чувашским *mён* 'что'. ²⁹⁸

Некоторые трудности возникают при решении вопроса об исходной форме третьего вопросительного местоимения — с конечным *j* (**ka{j}*) или без него (**ka*). Последний вариант менее вероятен, так как практически невозможно объяснить происхождение конечного *j*. А. Габен, тем не менее, отдает предпочтение этому варианту, рассматривая, например, *kanj* как форму винительного падежа от **ka*. ²⁹⁹ В пользу варианта без *j* свидетельствуют материалы якутского языка и диалектов узбекского языка, ср. якут. *xa* (?), узб. (диал.) *ka* 'какой'. Что же касается слова *kaçan* 'когда', то в нем *j*, по всей видимости, выпал, см. кум., тат. *kaçan* (< ?*ka{j} çahin*). ³⁰⁰

Выделительные местоимения

Выделительные местоимения в тюркских языках: *öz, këndü ~ këndi, kësi, boj ~ boz* и др. Примеры: ст.-кыпч. *kënsi* 'сам' (Cod. Cum. 81г₁₉); азерб., гаг., казах., кирг., к.-каш., кум., ног., уйг. *öz*, кар. *öz* (~ *ëz ~ iz*), тат. *üz*, туркм. *öd*, узб. *üz*; азерб. (диал.) *gändi*, ³⁰¹ башк. (диал.) *känti*, ³⁰²

²⁹⁰ См.: Ramstedt G. J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte (III). Der *j*-Laut und damit zusammenhängende Fragen. — KSz, 1915/1916, XVI, S. 67; Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 36; Исахаков Ф. Г., Пальмач А. А. Грамматика тувинского языка, с. 224.

²⁹¹ Там же, S. 67. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 41–42.

²⁹² См.: Исахаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 236.

²⁹³ Schott W. Versuch über die tatarischen Sprachen. Berlin, 1836, S. 71.

²⁹⁴ Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaïques, p. 35, 70; Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 76, 78. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 40.

²⁹⁵ Киехбаев Дж. Г. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», с. 18–19.

²⁹⁶ Ramstedt G. J. 1) Über mongolische Pronomina. — JSFOu, 1906, 23₃, S. 16; 2) Введение в алтайское языкознание. Морфология, с. 76.

²⁹⁷ Басаков Н. А. Каракалпакский язык, II. Фонетика и морфология, I. М., 1952, с. 296; Суяров И. Сүроқ олмошларининг этимологияси ҳақида. — Уч. зап. Кокандского ГПИ, серия филологическая, 1964, IV, с. 203–204.

²⁹⁸ Исахаков Ф. Г. Местоимения. — ИСГТЯ, II, с. 236.

²⁹⁹ Gabain A. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 133.

³⁰⁰ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 104; Суяров И. Сүроқ олмошларининг этимологияси ҳақида, б. 215.

³⁰¹ См.: Исламов М. И. Нухинский диалект, с. 17.

³⁰² См.: Юсупов Х. Г. Асынский говор башкирского языка, с. 11.

тур. *кәнді*; карач.-балк. *кәсі*; алт. *бој*, тув. *бот*, хак. *позі*, шир. *позу* ~ *поју*; чуваш. *хай*; якут. *бәјә*. Некоторые из них употребляются в виде парных сочетаний, например: др.-турк. *кәнтиң өзүм* 'я сам' (Suv 9_ц); ст.-кыпч. *өз кәнсі* 'он сам' (Cod. Cum. 71_г); ст.-тур. *гәндүй нафас* 'сам' (CD 162, 163); гаг. *кәнді өз колхозундан* 'из своего колхоза'; туркм. *фәниң хут бүйүк* 'ты сам'.³⁰³

Не будучи оформленными аффиксами принадлежности, выделительные местоимения выполняют определительные функции: др.-турк. *өз јолі билән* 'своей дорогой', *өз ўісағ* 'в свой дом'; кум. *өз таш* 'свой камень'; узб. *ди этім* 'мой собственный конь'; тур. *кәнді кітабі* 'его собственная книга'; якут. *бәјә кіһітә* 'свой человек', *бәјә барбіта* 'свой уход'. Это правило не распространяется на другие местоимения, которые не выступают в определительной форме.

С аффиксами принадлежности все выделительные местоимения употребляются самостоятельно или как приложения:

1) др.-турк. (*мән*) *өзүм*, азерб. (*мән*) *өзүм* ~ (*мәнім*) *өзүм*, карач.-балк. (*мән*) *кәсім*, тув. (*мән*) *бодум*, тур. (*бән*) *кәндім*, алт. (*мән*) *бојім*, хак. (*мин*) *позім*, чуваш. (*әбә*) *хам*, якут. (*мин*) *бәјэм* 'я сам';

2) др.-турк. (*сән*) *өзүң*, азерб. (*сән*) *өзүн* ~ (*сәнім*) *өзүн*, карач.-балк. (*сән*) *кәсің*, тув. (*сән*) *бодуң*, тур. (*сән*) *кәндің*, алт. (*сән*) *бојиң*, хак. (*сін*) *позің*, чуваш. (*әзә*) *ху*, якут. (*эн*) *бәјәң* 'ты сам';

3) др.-турк. (*ол*) *өзү ~ өзи*, азерб. (*о*) *өзү ~ (онун)* *өзү*, карач.-балк. (*ол*) *кәсі*, тув. (*ол*) *боду*, тур. (*ол*) *кәнді*, алт. (*ол*) *боји*, хак. (*ол*) *позі*, чуваш. (*вайл*) *хай*, якут. (*кини*) *бәјәтә* 'он сам'.

В тюркских языках отсутствуют возвратные местоимения³⁰⁴ и соответствующую функциональную нагрузку несет форма вицительного падежа выделительных местоимений, ср. кум. *мән өзүмү саклајман* 'я берегусь' (~'я берегу самого себя').

Праформы выделительных местоимений, многие из которых являются не общетюркскими, а региональными, мы восстанавливаем в следующем виде: **бс*, **кәнти* ~ **кәнсі* (см. Telegdi, 293; Cod. Cum. 81_г), **под*. При этом *бз* восходит к существительному со значением «сущность, существо» (ср. др.-турк. *кутулді өзүм* 'я освободился', букв. 'мое «существо» освободилось'), этимология *кәнти* ~ *кәнді* неясна,³⁰⁵ а первоначальное значение местоимения *бој ~ бос ~ бот* — «тело». Якут. *бәјә* < монг.-п. *beje*.

Притяжательные местоимения

Фактически притяжательных местоимений как самостоятельной лексико-грамматической группы в тюркских языках нет. Относимые обычно к таким местоимения на самом деле являются формами родительного или притяжательного падежа,³⁰⁶ частично подвергшимися в ряде языков незначительным преобразованиям (главным образом 1-е лицо ед. и мн. числа). Примеры: азерб. *мәнім* 'мой', *сәнің* 'твой', *онун* 'его' *бізім* 'наш', *сізің* 'ваш', *онларың* 'их'; азерб. (диал.) *сәнік*, *онук*, *сізік*, *оларык*,³⁰⁷ *сәнүв*, *онув*,

³⁰³ См.: Боржаков А. Туркмен дилинде гайдым чалышмалары. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1962, № 2, с. 70.

³⁰⁴ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 82; Менгер К. Н. The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies, p. 125; Габаев А. Primäre und sekundäre Kasus im Alttürkischen, S. 134.

³⁰⁵ Обзор этимологий *кәнти* ~ *кәнді* см. в работе: Боржаков А. Туркмен дилинде гайдым чалышмалары, с. 65—66.

³⁰⁶ Ср.: Басиаков Н. А. Личные и лично-притяжательные местоимения в каракалпакском языке. — В кн.: Тюркологический сборник, I. М.—Л., 1951, с. 63.

³⁰⁷ Садыхов Б. П. Кедабекские говоры азербайджанского языка. АКД. Баку, 1984, с. 18.

сізіүв, олларув,³⁰⁸ *сәніј ~ сәнүј, онуј*,³⁰⁹ *мәйін, сәјін, ојун*,³¹⁰ *мәм ~ мән, сәң ~ сән; 311 алт. мәніјі, сәніјі, оніјі, бістіјі, сләрдіјі, олордіјі; башк. ми-нің, хінің, унің, білдің, қілдің, үлардің; кар. мәнім, сәнін, анін, бізнін (~ бізін ~ бізім), сізнін (~ сізін), аларнін; кирг. мәнін, сәнін, анін, біздін, сіздін, алардін; кум. мәні, сәні, ону, бізін, сізін, ола(р)ні; ног. мәнім, сәнің, онің, бізім, сізің, олардің; туркм. мәнің, фәнің, онуң, бідің, фібің, оларің; чуваш. манын, санын, унын, пірән, сірән, вәзәнән; шор. мәң, сәң, аң, 312 пістің, сіләрдің, әлардің. В якутском языке форма родительного падежа отсутствует и в притяжательных конструкциях принадлежность выражается односторонне — аффиксами принадлежности: *миң аттім* 'мой конь', *біхігі аттібіт* 'наш конь'.*

Неопределенные местоимения

Самый древний способ образования неопределенных местоимений — сочетание местоимений других групп, существительных и прилагательных с числительным *бір* 'один', ср. алт. *бір кікі* 'кто-то', *бір нәмә* 'что-то', *бір қажі* (~ *қажі бір*) 'некоторый'; гаг. *бішіj* 'нечто'; казах. *бірнәрсә, бірдәмә* (< *бірнәмә*), *бірдәңә* (< *бірнәңә*) 'что-то'; *карач.-балқ. бір кіши* 'некто', *бір зат, бір јұқ* 'нечто'; кирг. *бір нәмә, бір дәмә* (< *бір нәмә*), *бір нәрсә* 'нечто'; *кум. бір зат* 'нечто'; ног. *бір кім* 'некто', *бір зат* 'нечто'; тув. *бір кікі* 'кто-то'; туркм. (диал.) *бір нәрдә* 'нечто', *бір хајфі* 'какой-то';³¹³ узб. *бір нарса, бір німа* 'что-то'; узб. (диал.) *біннімә* (< *бірнімә*);³¹⁴ *міннараса* (< *бірнараса*), *міннама* 'что-то, нечто';³¹⁵ *хак. пір кізі* 'кто-то', *пір німә, пірә німә* 'что-то'. Числительное *бір* может быть и вторым компонентом: *башк. ніндай бір, қажі бір* 'некоторый'; казах. *кәjбір, кәjбірәз* 'кто-то', *каjсі бір* 'какой-то'; кирг. *каj бір, каjсі бір, қандаjдір бір* 'какой-то'; тув. *кім-бір* 'кто-то', *чү-бір* 'что-то', *каj-бір* 'какой-то'; узб. *каjсі бір* 'какой-то'; *хак. хаjпірәз* 'кто-то'.

В качестве неопределенных местоимений нередко употребляются числительное (*бір* 'один') и вопросительное местоимение *кім* 'кто', оформленные аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа: азерб. *бірі ~ біріci, кімі ~ кіmіci*, гаг., кум. *бірі ~ біrіci, кіmі*, казах. (диал.) *кімі ~ кіmіci*;³¹⁶ уйг. *бірі ~ біrіci* 'кто-то, некто'. Такие же функции числительное *бір* выполняет, принимая формы собирательных или разделительных числительных: казах. (диал.) *бірәв, туркм. (диал.) бірәв*,³¹⁷ узб. *бірәв, уйг. біrәv* 'кто-то, некто'; узб. *бірәр* 'некто', 'нечто', *бірәрта* 'нечто', уйг. *біrәр* 'некто'. Ср. также: туркм. (диал.) *бірәк* 'некто';³¹⁸ узб. *бірәнта* 'нечто'.

Общераспространенным морфологическим показателем неопределенных местоимений является аффикс *(-ді(p) ~ -ду(p))...* Примеры: *башк. кімдір* 'кто-то'; *намәмір* 'что-то', *ніндайдір* 'какой-то'; башк. (диал.) *німәкай-дір* 'что-то';³¹⁹ *кимдір бірд* 'кто-то', *әмнәдір* 'что-то', *қандаjдір бір*

³⁰⁸ См.: Исламов М. И. Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка, с. 21.

³⁰⁹ Там же, с. 21.

³¹⁰ Там же, с. 22.

³¹¹ Там же, с. 22.

³¹² Ср. в говорах туркменского языка: Аманасарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

³¹³ См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 7.

³¹⁴ См.: Жураев Б. Шахрисябский говор узбекского языка, с. 18.

³¹⁵ См.: Афзалов Ш. А. 1) Паркентский говор узбекского языка, с. 15; 2) Ўзбек тилининг Паркент шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 150.

³¹⁶ См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14.

³¹⁷ См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 7.

³¹⁸ Там же, с. 7.

³¹⁹ См.: Макютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18.

'какой-то'; ног. *кім* ді бірәв 'кто-то', *кајдај* ді 'какой-то';³²⁰ салар. *к'эм-*тэр 'кто-то', *наңтүр* 'что-то', *кајстүр* 'какой-то';³²¹ тат. *кімдір* 'кто-то', *нідір*, *нәрсәдір* 'что-то', *ніндідір* 'какой-то'; туркм. *кімдір* 'кто-то', *намәдір* 'что-то', *хайдідір* 'какой-то'; узб. *кімдір* 'кто-то', *німадір* 'что-то', *кандайдір* 'какой-то'; узб. (диал.) *кімді* 'кто-то', *нәді* 'что-то'³²² (ср. *кімду*, *німаду*³²³); уйг. *кімду* (*бірі ~ бірісі*) 'кто-то'.

Другой морфологический показатель неопределенных местоимений — *-са ~ -са ~ -сә ~ -сәj*, развившийся из формы условного наклонения вспомогательного глагола *й(p)- ~ i(p)*: азерб. *кімса ~ кім іса* 'кто-то', *нәсә ~ нә іса* 'что-то', *хансі іса* 'какой-то'; таг. *кімса ~ кімсәj*, *нәсә*; кар. *кім-әс*, *нә-әс*, *нінді-әс*; кум., тур. *кімсәj*; узб. *кімса* (~ *бір кімса*). К формам на *-са...* примыкают перифрастические образования, которые, не являясь собственно неопределенными местоимениями, находятся на пути к превращению в них, ср. башк. *кім* да *булна ла* 'кто бы то ни был', *ни* да *булна ла* 'что бы то ни было'; карач.-балк. *кім* әсә дә, *кім* болса да, *кім* да *болсун* 'кто бы то ни был', *нә* әсә дә 'что бы то ни было', *каллај* да *болсун* 'какой бы то ни был'; крым.-тат. *кім* олса олсін 'кто бы то ни был'; тув. *кім-дә* болза 'кто бы то ни был', *чү-дә* болза 'что бы то ни было'; хак. *кәм* дә *полза* 'кто бы то ни был', *німә* дә *полза* 'что бы то ни было'. Сходная модель стала господствующей разновидностью неопределенных местоимений в тюркских языках Сибири и Алтая, ср. алт. *кәм-дә* 'кто-то', *нә-дә* 'что-то', *кандіj-да* 'какой-то'; тув. *бір-лә* 'какой-то'; хак. *кәм-дә* 'кто-то', *німә-дә* 'что-то'; чулым. (диал.) *нөмә-лә* 'что-то', *хайді-лә* 'какой-то', 'как-то';³²⁴ шор. *кәм-да* 'кто-то'; якут. *кім да*, *кім әмә* 'кто-нибудь', *туох дағанә*, *туох ёрә* 'что-то, что-нибудь', *ханніk ёрә* 'какой-то', *ханніk да* 'какой бы то ни был'.

Неопределенные местоимения образуются также при помощи слова-форманта *алла ~ ала ~ алда ~ анна ~ аллі ~ алка* (<? араб. ﻷل 'может быть, по всей вероятности').³²⁵ Например: башк. *алләкім* 'кто-то', *алләнәмә* 'что-то'; башк. (диал.) *алләмәкәj*, *алләмәйтәкәj*, *алләнәмәйтәкәj* 'что-то', *алләвалај* 'какой-то';³²⁶ казах. *алдәбіr*, *алдәкіm*, *алдәнә*, *алдәнәмәнә*, *ал-дәкәj*, *алдәканај*; кирг. *алда кіm*, *алда әмә*, *алда кандай*; тат. *аллә кіm*, *аллә ні*, *аллә нәрсә*, *аллә кајсі*; узб. *аллакіm*, *алланіма*, *алланарса*, *аллакајсі*, *аллаканака*, *аллаканај*; узб. (диал.) *аллә кіm*, *әннәсә* (<*аллә нәрсә*);³²⁷ уйг. *алмікаj*.

В шорском языке и в диалектах алтайского языка наряду с упомянутыми выше используется способ повторения основ: шор. *кәм-кәм* 'кто-то', *нә-нә* 'что-то'; алт. (диал.) *чүг-чүг* 'что-то'.³²⁸

Другие неопределенные местоимения: карач.-балк. *гәч біr зат* 'что-нибудь'; туркм. *кімдә-кіm*, *әнә кімләр* 'кто-то', 'кто-нибудь'; узб. *кіm һам* 'кто-то';³²⁹ узб. (диал.) *кімніmä* 'что-то', *кімкаjсi* 'какой-то'.³³⁰

Большое распространение в тюркских языках Кавказа и Средней Азии получило неопределенное местоимение фалан 'некий', 'такой-то' (< ар.):

³²⁰ См.: Д ж а и б и д а е в а К. К. Ногай тилинде оъзлик аффикслер.— Тр. Карабаево-Черкесского НИИЭИЯЛ, серия филологическая, 1968, V, с. 210.

³²¹ См.: Т е н и ш е в Э. Р. Страй саларского языка, с. 51.

³²² См.: Д ж у м а и а з а р о в Ю. Морфологические особенности хазараского говора узбекского языка, с. 16.

³²³ См.: Ш е р м а т о в А. Каршинский говор узбекского языка, с. 28.

³²⁴ См.: Д о м о ж а к о в Н. Г. Нижнеилюсы. (Материалы по языку). — Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ, 1960, VIII, с. 195.

³²⁵ См.: С у я р о в И. Местоимение в современном узбекском литературном языке, с. 31.

³²⁶ См.: М а к с ю т о в а Н. Х. Говор айских башкир, с. 18. См. также: Ю с у о в Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

³²⁷ См.: Ш а р и п о в О. Папский говор узбекского языка, с. 15.

³²⁸ Б а с с а к о в Н. А. Диалект кумандинцев, с. 56.

³²⁹ С қ а р о в а М., И с о қ о в И. Олмошларда ноаниқлик маъносиши ҳақида. — Научн. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 77.

³³⁰ Ж у р а е в Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 18.

азерб. *філан*, *філанкәс*; гаг. *філан*; казах. *пәлән*; кум. *палаңча* ~ *пәләнчә*; ног. *фалан* ~ *палаң*; тат. *фәлән*; тур. *фалан* ~ *філән*, *фаланҗа* ~ *філәнҗә*; туркм. *пілан* ~ *палаң*, *пілані* ~ *палаңі*; узб. *фалэн*, *фалэнчі*; уйг. *палаң*, *палаңчä*.

О т р и ц а т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я

Собственно тюркских отрицательных местоимений по существу нет. В их роли, как правило, выступают неопределенные местоимения, употребляемые в сочетании с отрицательными формами глаголов. Примеры: алт. *кәм-дә* 'никто', *нә-дә* 'ничто'; башк. *бір кім да* 'никто', *бір наңда* 'ничто'; башк. (диал.) *бір наұтта*, *бір наңаутта* 'ничто';³³¹ карач.-балк. *кім-да* 'никто', *нә-да*, *бір зат-да*, *јук* 'ничто'; кар. *кіші-дә* ~ *кісі-дә* 'никто', *нәмәт* (< *нәмә-дә*) 'ничто'; тат. *біркім*, *кім-да* 'никто', *ні-дә*, *бірні*, *бірнәрсә* 'ничто', *бірнінді* 'никакой'; тув. *кім-да* 'никто', *чү-дә* 'ничто', *каңдің-да* 'никакой'; тур. *кімсә*, *бір кімсә* 'никто'; шор. *кәм-да* 'никто', *нә-да* 'ничто'; якут. *кім даңані*, *кім-да* 'никто', *ханнік-да* 'никакой'.

В тюркских языках, подвергшихся влиянию персидского языка, широко употребительны отрицательные местоимения, представляющие собой сочтания существительных со словом *həč* ~ *hıç* ~ *öç* ~ *ösh*...: азерб. *həč kım*, *həç kımsä*, *həç käc* 'никто', *həç na* 'ничто', *həç hanse* 'никакой'; алт. *ösh nəmə* 'ничто'; башк. *hıç kım* 'никто', *hıç nañda*, *hıç ni* 'ничто'; гаг. *hıç bi-* *shəj* 'ничто'; казах. *öshkım*, *öshbiр*, *öshbirəv* 'никто', *öshteməm* (< *öshnəmə*), *öshteməh* (< *öshnəh*), *öshnärsə* 'ничто', *öshkajsi*, *öshkanada* 'никакой'; кирг. *öç kım*, *öç bır* 'никто', *öç nərcə* 'ничто', *öç kajsi*, *öç kanda* 'никакой'; ног. *ösh kım* 'никто'; тат. *hıçkım* 'никто', *hıçni*, *hıçnärsə* 'ничто', *hıçnindı* 'никакой'; тур. *hıç kımsə* 'никто', *hıçbır* 'никакой'; туркм. *hıç kım*, *hıç kəd*, *hıç bır* 'никто', *hıç dat* 'ничто'; узб. *həç kım*, *həç bır*, *həç kımsä* 'никто', *həç nıma* 'ничто'; узб. (диал.) *hıçkımärsä* 'никто', *hıçnämärsä* 'ничто',³³² *hıshitama* (< *hıchnama*);³³³ уйг. *həç kım*, *həç bır* 'никто', *həç kajsi* 'никакой'.

О п р е д е л и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я

Древнейший пласт, который в основной своей части является общетюркским, составляют определительные местоимения барї (барча, барта, барлїк, барчин), бүтүн, бүткүл, түгэл(л), түтүш, каму 'все', 'всё', 'весь', төгмә 'каждый'. Примеры: др.-турк. барї, барча, каму, бүтүн, түгэл, төгмә; азерб. вар, варї, hamu ~ hami ~ hamu, бүтүн; алт. (диал.) барчан ~ баршиң ~ парчин;³³⁴ башк. бötä; башк. (диал.) барса, тötöш;³³⁵ гаг. бүтүн; казах. бар, ба॑р, барша, барлїк, бүтїн; кар бар, бүтүн, түгэл ~ төгмә; карач.-балк. барї, бітәв; кирг. ба॑р, бардик, бүткүл, бүтүн; кум. барї, бүтүн; тат. барї, барча, барлїк, бötä; тур. бүтүн; туркм. ba॑ri, бүтүн; туркм. (диал.) түтүш, түкөл ~ түкә, бйтىن;³³⁶ узб. бари, барча, бүтүн; уйг. ба॑ri, барчä, пүтүн, пүткүл; хак. пүдүн; шор. парча, парчиң, тоза; якут. барї, барта.

Более позднего происхождения остальные определительные местоимения, и прежде всего те, которые были заимствованы из арабского и персидского языков, в частности определительные местоимения, включающие в себя персидское (hār) 'каждый, всякий', ср. азерб. ba॑zı 'некоторые', här käc, här kım, här kımsä, här shəj 'каждый' (с разграничением лица и предмета в зависимости от семантики второго компонента); алт. кажї bır, кажиларї

³³¹ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 18. См. также: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

³³² См.: Гафурова Н. С. Ниязбашинский говор узбекского языка, с. 15.

³³³ См.: Афзалов Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 16.

³³⁴ См.: Баскаков Н. А. Диалект кумандинцев, с. 53.

³³⁵ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 11.

³³⁶ См.: Менглиева Г. Некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности сакарского диалекта туркменского языка, с. 124.

‘некоторые’, *бастіра* ~ *бастра* ‘все’; гаг. *hənci*, *јўмлә* ~ *јўмнә* ‘все’; казах. *ärbär*, *ärkim*, *ärnä*, *ärnämä*, *ärnärsä*, *ärkajsi* ‘каждый’; кар. *һар* ‘каждый’; карач.-балк. *хар кім*, *хар бір*, *хар нә*, *хар кајсі* ‘каждый’; кирг. *ар кім*, *ар бір*, *ар кајсі*, *ар қандај*, *ар нәрсә* ‘каждый’; тат. *hämä* ‘все’, *häp*, *härbär*, *härkim* ‘каждый’; тув. *бүгү*, *бүгүдэ* ‘все’, *бүрү* ‘каждый, всякий’; тур. *hən*, *hənci* ‘все’, *hər kīmə*, *hər hanğı* ‘каждый’; туркм. *həmmə*, *ählı*, *јўмлә* ‘все’, *кәбір* ‘некоторые’, *hər kīm*, *hər bīr*, *hər dat*, *hər nəmə* ‘каждый’; узб. *hamma* ‘все’, *ba'zi* ‘некоторые’, *har bīr*, *har kīm*, *har kajsi* ‘каждый’; шир. *ar* ‘каждый, всякий’.

О т н о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я

Относительные местоимения возникали путем обособления и функционального преобразования вопросительных местоимений, ср. ст.-узб. *кім*, азерб. *ki*, гаг. *anı* (< ? *haçı*) ‘который’. Этот процесс можно квалифицировать как чисто внутреннюю закономерность тюркских языков, однако не следует обходить молчанием то обстоятельство, что использование вопросительного местоимения *кім* как относительного местоимения и затем как подчинительного союза происходило и происходит в пределах ограниченного ареала, примечательного тем, что в него не входят языки Сибири и Алтая. Разумеется, для окончательного решения вопроса о происхождении относительных местоимений в тюркских языках и, в частности, о возможности персидского влияния необходимо сопоставление всех диахронических данных и фактов распространения конструкций с *кім* (*ki*) в современных языках, с учетом их стилистических разновидностей. Все же, каким бы ни было окончательное решение, ясно, что для сравнительной грамматики тюркских языков этот вопрос принципиального значения не имеет, так как возникновение относительных местоимений и относительных союзов носило явно выраженный региональный характер и не вытекало из общетюркских тенденций развития грамматического строя.

К в о п р о с у о п р о н о м и н а л и з а ц и и³³⁷

Процесс преобразования существительных и числительных в местоимения тесно связан с развитием литературных языков и, следовательно, датируется поздним временем. Обычно в основе прономинализации существительных лежат факторы стилистического порядка, например стремление к нарочито подчеркнутому самоуничтожению или к акцентированному смешению собственного «я» на задний план. Именно поэтому в числе существительных, подвергшихся прономинализации, значительное место занимают такие слова, как ст.-узб. *fakir* ‘бедный’ (бу *fakir həchnimä džämdim* ‘я ничего не сказал’),³³⁸ *kamīna* ‘ничтожный’ и тур. *böndə* ‘раб’.

Р а з д е л 4

Числительное

К о л и ч е с т в е н н ы е ч и с л и т е л ь н ы е

Пратюркские формы количественных числительных, обозначающих единицы, десятки, сотню и тысячу, мы восстанавливаем в следующем виде:³³⁹

³³⁷ См.: Конопов А. Н. 1) О прономинализации в турецком языке. — В кн.: Вопросы грамматики и истории восточных языков. М.—Л., 1958, с. 169—186; 2) Грамматика современного узбекского литературного языка, с. 185; Боржаков А. Местоимения в современном туркменском языке, с. 18; Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка, с. 128—129.

³³⁸ См.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 132.

³³⁹ Библиографию и краткий обзор этимологий см. в работах: Ramstedt G. J. 1) Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen. — JSFOu, 1907, 24₁, S. 1—24; 2) Die

<i>*n̥ip</i>	— 1	<i>*ōn</i>	— 10
<i>*iki ~ *ëki</i>	— 2	<i>*ðiγ'irmä ~ *ðäγ'irmä // *ikōn</i>	— 20
<i>*ŷch (*ŷch?)</i>	— 3	<i>*ot̥ic (*ol̥t̥ic?) // *ŷchōn</i>	— 30
<i>*t̥br̥t̥</i>	— 4	<i>*k̥irk // t̥br̥t̥ōn</i>	— 40
<i>*n̥ash</i>	— 5	<i>*älliγ' // n̥ashōn</i>	— 50
<i>*al̥ti</i>	— 6	<i>*al̥tm̥iš // al̥t̥ōn</i>	— 60
<i>*ðäti</i>	— 7	<i>*ðätm̥iš // ðätm̥ōn</i>	— 70
<i>*cäkic</i>	— 8	<i>*cäkisōn</i>	— 80
<i>*tokic</i>	— 9	<i>*tokusōn</i>	— 90
<i>*ŷyc — 100</i>		<i>*n̥iñ — 1000</i>	

Обозначение чисел более высокого порядка, например: др.-турк. *ban* — 10 000, *kol̥ti* — 10 000 000; ст.-узб. *t̥ümäñ*³⁴⁰ — 10 000, *læk* — 100 000, *korur* — 10 000 000; *alt.*, *tuv*, *t̥ümäñ* — 10 000 (в алтайском, как и в некоторых других тюркских языках, значение *t̥ümäñ* — «множество», «бесчленное количество»), *saja* — 1 000 000; *хак.* *t̥übən* — 10 000; якут. *möljüjöñ*, *milijär* — заимствования из русского, китайского, монгольского письменного, санскрита и других языков. Киргизское *san*, обозначающее главным образом в фольклоре «десять тысяч»,³⁴¹ появилось в результате переосмыслиния общетюркского *san* ‘число’.

Другие количественные числительные, фактически занимающие промежуточное положение между числительными и существительными: *bucuk* ‘половина’ (гаг., тур.), *jap̥im* ‘половина’ (азерб., гаг., кум., тур., туркм. *jap̥im*; казах., ног. *żar̥im*; кирг. *jar̥im*, башк., тат. *jap̥im*, узб. *jap̥im*, уйг. *j̥er̥im*, хак., *şor*, *çar̥im*), *jarp̥i* ‘половина’ (азерб., гаг., тур., туркм.), *jarp̥iñ* ‘половина’ (к.-кали. *żarp̥iñ*, туркм. *jarp̥iñ*), *japt̥i* ‘половина’ (казах., ног. *żapt̥i*, башк., тат. *japt̥i*, кум., туркм. *japt̥i*), *añap*, *bînañas* ‘половина’ (якут.), *çar̥dik* ‘половина’ (*şor*); *çäräk* ‘четверть’ (азерб. *çäräk*, башк. *cir̥äk*, казах. *şir̥äk*, к.-кали., ног. *şäräk*, кум. *çir̥äk*, тат. *çir̥äk*, туркм. *çär̥'ek*, узб. *çorak*, уйг. *çäräk*), *rûb* ‘четверть’ (азерб.), *több* ‘четверть’ (*şor*).

Примечательно наличие во многих тюркских языках вариантов количественных обозначений для 2, 7, 8 и 9 без удвоения и с удвоением согласного в интервокальном положении. В азербайджанском, узбекском и уйгурском языках удвоение стало достоянием литературной нормы, в большинстве же других языков оно имеет место только в диалектах. В чувашском языке удвоение согласных, распространяющееся на все числительные первого десятка и некоторые обозначения более высоких разрядов, связано с семантико-сintаксическими моментами: краткие формы (*n̥ep*, *iç ~ ik*, *viç' ~ eic'*, *t̥avadä ~ t̥avat*, *pilæk*, *ulđä ~ ulđat*, *c'iñe ~ c'iñç*, *cagär*, *täbär*) употребляются при конкретном счете, т. е. счете с указанием

Zahlwörter *jigirmi* und *jüz*. — In: Z. V. Togan'a Armağan. İstanbul, 1955, s. 227—230; Самойлович А. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования. — В кн.: Языковедные проблемы по числительным, I. Л., 1927, с. 135—156; Малов С. Е. К изучению турецких числительных. — В кн.: XLV-летию научной деятельности академика Н. Я. Марра. Л., 1935, с. 271—277; Грейлиз F. Zur Etymologie des türkischen Zahlworts *iki* zwei. — WZKM, 1929, XXXVI, 3—4, S. 239—241; Коэлье S. W. Etymology of the Turkish Numerals. — JRAS, 1884, XVI, 2, p. 141—163; Kotwicz W. Contributions aux études altaïques, II. Les noms de nombres. — RO (1929—1930), 1931, VII, p. 152—221; Желэй Л., Боранова Н. Татар телендә сан исемнәре həm alarның этимологиясе. — В кн.: Татар теле həm ədəbiyyatı, 1. Казан, 1959, б. 3—23; Пенжев М. Хәзирки заман түркмен дилинде санлар. Чөрҗев, 1962, с. 78—98.

³⁴⁰ Ср. у Б. Я. Владимирова: «С. Леви и А. Мейе склонны видеть в нем кучарско-карашарское заимствование: кучарское *tumane*, *tmâne*, карашарское *tmât*; Б. Лауфер считает это слово индоевропейского происхождения, но попавшим к турко-монголам через посредство персидского. См.: Владимицов Б. Я. Mongolica I. — ЗКВ, 1925, I, с. 312.

³⁴¹ См.: Чечебаева Н. Имя числительное в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1971, с. 9.

предметов, живых существ и т. д., полные формы, т. е. формы с удвоением (*përrö, ikkë, vic's'ë, tâvatmä, pîllëk, ulitmä, c'icçë, sakkar, tâxhär*), — при отвлеченном счете. Удвоенное произношение восходит ко времени существования тюркского прайзыка: следы его встречаются почти во всех тюркских языках. Однако пока трудно сказать, какой была первоначальная функция удвоения.³⁴²

Большой интерес вызывает вопрос о происхождении чувашских форм с дополнительным конечным гласным. Любопытное решение его предложено Т. М. Матвеевым, усматривающим в дополнительных конечных гласных остатки общетюркского аффикса собираательных числительных *-ažy*³⁴³ (*nēr-ägj > nērāv > nērā > nērō*), ср. алт. *birū*; кирг. *birb*; тув. *birb*.

Числительные от 20 до 50 в большинстве тюркских языков не обнаруживают ничего общего с соответствующими числительными первого десятка, от 2 до 5. Числительные от 60 до 90 включительно образуются от слов, обозначающих соответствующие единицы. В шорском языке по такому же принципу образуются и числительные от 20 до 50, ср. шор. *iğon, użon, törton, pəżon*; в түвинском — от 30 до 90, ср. *üjəñ, dörtəñ, bəjəñ, aldan, çədəñ, səzəñ, tozan*; в алтайском и якутском — от 40 до 90, ср. алт. *törön, bəjəñ, altan, d'ətəñ, səzəñ, tobzəñ, yakt. tijört uon, bıç uon, alta uon, cəttə uon, ağıs uon, tovus uon*; в языке желтых уйголов³⁴⁴ и в тофаларском (карагасском) языке — от 20 до 90: тофал. *iħon, üjən, törton, bəjən, alton, çəton, səħəson, moħoson*.³⁴⁵

Своеобразие системы обозначения десятков побудило Б. Мункачи высказать предположение о трех ступенях в развитии тюркских числительных: 1) до 50 (до 5), 2) до 70 (до 7), 3) до 90 (до 9) и о возможности шумерского влияния на формирование десятиричной системы.³⁴⁶ Углубляя мысль Б. Мункачи о ступенчатом развитии счета, В. А. Гордлевский пришел к выводу, что у древних тюрок была пятиричная система исчисления, затем десятиричная, далее система исчисления по двадцаткам, тридцаткам и, наконец, по сорока и пятидесяти.³⁴⁷

Положения, изложенные в статье В. А. Гордлевского, обращают на себя внимание в силу того, что недесятиричные системы счета зафиксированы у разных тюркских народов, ср. счет по пятеркам в детских играх киргизов, называющих каждую пятерку *үч* и прибавляющих к ней единицы до десяти: *birdin үчүү бKİ чүкө* — 7, букв. ‘одна пятерка два’, *birdin үчүү үч чүкө* — 8, букв. ‘одна пятерка три’;³⁴⁸ счет по девяти у женщин в хазараском говоре узбекского языка: *ikki dokkiz chörök* ‘18 лепешек’, *үч dokkiz nätiyr* ‘27 лепешек’;³⁴⁹ счет по двадцати в детских играх в мяч, когда «после каждого двадцатого счета» говорят *ädök* ‘конец’, как бы

³⁴² Гулямов А. Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка, I, с. 11—12.

³⁴³ Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных. — В кн.: Вопросы чувашского языка, литературы и искусства. Чебоксары, 1960, с. 10.

³⁴⁴ См.: Малов С. Е. Язык желтых уйголов, с. 178.

³⁴⁵ См.: Castré M. A. Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre, S. 17; Дыренкова Н. П. Тофаларский язык. — В кн.: Тюркологические исследования. М.—Л., 1963, с. 15.

³⁴⁶ Munkácsi B. Zur Bildung der Zehner-Zahlwörter im Türkischen. — KCsA, 1924, I, 4, S. 314.

³⁴⁷ Гордлевский В. А. Числительное 50 в турецком языке. (К вопросу о счете в тюркских языках). — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1945, IV, № 3—4, с. 135—147. См. также: Halevy J. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens. — KSz, 1901, II, р. 5—18, 91—108.

³⁴⁸ См.: Юдахин К. К. Киргизское *äč* — ‘пять’. — Тр. МИВ, 1940, 2, с. 191—193.

³⁴⁹ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазараского говора узбекского языка, с. 15. Ср. в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *ikki dokkuz* — 18. См.: Амансыров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка. АКД. Ашхабад, 1954, с. 11.

подытоживая счет.³⁵⁰ Двадцатиричная система счета эпизодически встречается также у тюркских народов Кавказа, в частности у балкарцев и кумыков,³⁵¹ ср. балк. *јїјрма bla он* — 30, *әкі јїјрма* — 40, *әкі јїјрма bla он* — 50, *үч јїјрма* — 60.³⁵² Сам В. А. Гордлевский приводит примеры счета по пяти у стариков башкиров: *дўрт биш* — 20, букв. 'четыре пятерки', и по тридцати у турок: *үч отузунда пірі фәртүт* 'выживший из ума старик, которому 90 (букв. три тридцатки) лет'³⁵³ Ср. далее: башк. (диал.) *іккі әстік* 'две тройки', *өс биштік* 'три пятерки';³⁵⁴ ст.-азерб. *үч отуз он яши олсун* (Насими) 'пусть ему будет сто лет', *он отуз он яшиңда долсун* (Деде Коркуд) 'пусть ему исполнится сто лет', *іккі жәдди* — 14, *іккі үйрх* — 80;³⁵⁵ туркм. *үч әллі* — 150, *іккі әллі яша* 'живи 100 лет'.³⁵⁶ Все приведенные выше недесятиричные системы счета имеют ограниченную сферу использования и несут на себе печать образного или мистифицированного³⁵⁷ словоупотребления, тогда как десятиричный счет является всеобщим. Именно поэтому мы вправе считать его очень древним и, по крайней мере, на уровне праязыкового состояния единственно возможным.

В составных числительных единицам низшего порядка предшествуют единицы более высокого порядка, ср. крым.-тат. *дўрт бучук* 'четыре с половиной'; узб. *бір мің іккі жүз јїјрма* *үч* — 1223, букв. 'одна тысяча две сотни двадцать три'. У желтых уйголов при счете от 11 до 30 наблюдается обратный порядок: единицы предшествуют десяткам и по счету входят в состав последнего обозначенного десятка: *үч јїјрма* — 13, букв. 'три двадцать', *н'әр јїјрма* — 11, букв. 'один двадцать'.³⁵⁸ То же самое имеет место в языке памятников рунической и древнеуйгурской письменности, в котором эта система является господствующей.

Следы особого типа образования составных числительных сохранились в пределах возрастных обозначений в якутском языке: *сәттә уоммуттан іккитин ىллім* 'мне 62 года', букв. 'от семидесяти наших я два взял'; *аңыс уоммуттан сәттәттін туттум* 'мне 77 лет', букв. 'от восьмидесяти наших я принял семь'.³⁵⁹

Между числительными низшего и более высокого порядка отсутствуют соединительные средства. Только в чувашском и некоторых других тюркских языках в определенных группах числительных употребляется соединительный союз, например: чуваш. *с'ёр тә іккә* — 102, букв. 'сто и два', *пін тә віс'с'ё* — 1003, букв. 'тысяча и три'; старо-хорезмск.-турк. *жүз тақи он* — 110, букв. 'сто и десять', *мің тақи алты жүз* — 1600, букв. 'тысяча и шестьсот';³⁶⁰ карач.-балк. *јїјрма bla бір* — 21, *јїјрма bla әкі* — 22, *јүз bla әкі јїјрма bla төрт* — 144;³⁶¹ башк. *мің тә hizib jöd hixħän* —

³⁵⁰ См.: Тулаков С. Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. АКД. Ташкент, 1965, с. 15.

³⁵¹ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика кумынского языка, с. 73.

³⁵² См.: Къарапай-малкъар тилини грамматикасы. Нальчик, 1966, с. 114 и сл.

³⁵³ Гордлевский В. А. Числительное «50» в турецком языке, с. 144. Ср. в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *іккі отуз-да өнҗаваз* — 70. См.: Аманаров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

³⁵⁴ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32; Макютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

³⁵⁵ Элизадэ А. Азэрбајҹан дилинин јазылы абидәләринде сајларын ифадә олунмасына даир. (Мигдар сајлары). — В кн.: Вопросы азербайджанского языкоznания. Баку, 1967, с. 118.

³⁵⁶ Грамматика туркменского языка, I, с. 157.

³⁵⁷ Так, с числительными 3, 7, 9 и 40 связаны обрядовые, культовые и другие представления. См.: Кенесбай С. «Жеті», «күш», «тогыз», «қырық» иен байланысты ұғымдар. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологическая, 1946, 4 (29), с. 3—14; Y und K. Türk dilinde 40. — Türk Dil, Ankara, 1953, 23, II, с. 749—752; Бекбергенов А. Қарақалпақ тилиндеги санлықтардың сакраменталь мәндері. — В кн.: Қарақалпақ тили бойынша изертлеўлер. Некис, 1971, б. 186—191.

³⁵⁸ См.: Малов С. Е. К изучению турецких числительных, с. 274.

³⁵⁹ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 145.

³⁶⁰ См.: Екшапп J. Das Chwarezmtürkische. — Fundamenta, I, S. 123.

³⁶¹ Къарапай-малкъар тилини грамматикасы, с. 113, 117.

1880;³⁶² кирг. (диал.) *bır* јүз-ү он — 110; ³⁶³ туркм. (диал.) *ik'i otuz-da öňjaňaz* — 70.³⁶⁴ В разговорном якутском языке аналогичную функцию выполняет слово *ордук* ‘излишок’ в форме принадлежности 3-го лица, ср. *otut orduba bır* — 31, букв. ‘тридцать, сверх того один’, *aňis uon orduba ikki* — 82, букв. ‘восемь десятков, сверх того два’.³⁶⁵ Оно встречается также в текстах рунической³⁶⁶ и уйгурской письменностей: *otuz artukti tört* — 34, букв. ‘тридцать, сверх того четыре’ (БК₃₈), *böş jüz artukti ik'i otuzunç* — 522-ой, букв. ‘пять сотен, сверх того два третьего десятка’ (Ман I 12).

Несколько необычный случай — употребление при счете, приближающемся к десяткам и сотням, слова кäm ‘мало’ (resp. «недостаточность»). Ср. в наманганскоом, джушском и других говорах узбекского языка: *üç käm jigimä* — 17, букв. ‘без трех двадцать’, *üç käm kipib* — 37, букв. ‘без трех сорок’;³⁶⁷ *jökkämötis* — 28, *vükkämalmış* — 57, *chäjräkkäm von-jöti* — 1675, *chäjräkkäm töp* — 3975;³⁶⁸ *ökkäm kix* — 38, *üç käm jëtmijis* — 67;³⁶⁹ *ikki jüz käm ikki miň* — 1800;³⁷⁰ *bır kam üttuz* — 29, *ikcam kirk* — 38, *bır kam kirk* — 39, *bır kam tükhan* — 89, *bır kam juz* — 99;³⁷¹ в одном из говоров киргизского языка: *bır käm kirk* — 39, *ek'i käm tokson* — 88, *üç käm tokson* — 87;³⁷² в говорах уйгурского языка: *ikki käm otuz* — 28, *ikki käm kirk* — 38;³⁷³ а также в говорах ёмудского диалекта туркменского языка: *bır käm kirk* — 39.³⁷⁴ Изредка наряду со словом кäm в таком же значении употребляется слово ёксүк: *öllig öksük miň jıl* ‘950 лет’.³⁷⁵ Состав говоров и языков, в которых прослеживается данный прием обозначения чисел, приближающихся к десяткам, сотням и тысячам, указывает на его иранское происхождение.

В функциональном отношении примечательно числительное *bır* ‘один’, которое, будучи употребленным в несобственном значении, становится своеобразным неопределенным артиклем,³⁷⁶ причем подобная тенденция

³⁶² См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

³⁶³ См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектология, б. 189.

³⁶⁴ См.: Амансыров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

³⁶⁵ См.: Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 145.

³⁶⁶ См.: Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF. SPb., 1897, S. 68; Речебов Ф. О. Гэдим түрк дилиндэ сајлар. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1967, № 1, с. 28.

³⁶⁷ См.: Тулаков С. Морфологические особенности наманганскоого говора узбекского языка, с. 15.

³⁶⁸ См.: Ахмедов А. Джушский говор узбекского языка, с. 17.

³⁶⁹ См.: Шарипов Х. Узбекские говоры Южной Киргизии, с. 17.

³⁷⁰ См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14.

³⁷¹ См.: Мирзаев М. М. Ўзбек тилининг Бухоро групса шевалари. Тошкент, 1969, б. 58.

³⁷² См.: Бакинова Г. Киргизский говор Октябрьского района. АКД. Фрунзе, 1953, с. 12. См. также: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектология, б. 189.

³⁷³ См.: Ritsak O. Das Neuwigurische. — Fundamenta, I, S. 547.

³⁷⁴ См.: Амансыров Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

³⁷⁵ См.: Ekmekci J. Das Chwarezimtürkische. — Fundamenta, I, S. 123.

³⁷⁶ Относительно *bır* см.: Майзель С. С. Категория дефинитивности в турецком языке. — В кн.: Академику В. А. Гордеевскому к его семидесятилетию. М., 1953, с. 168—186; Шарипов М. К. Асосий луғат фондининг сўз ясовчилик роли ҳақидаги масалага доир (Ўзбек тили материаллари асосида). — Уч. зап. Наманганскоого ГПИ, 1955, I, с. 63—84; Ибатов А. М. «Bır» деген сез туралы. — В кн.: Сборник научных студенческих работ. Алма-Ата, 1956, с. 63—70; Хасенов Ф. Қазіргі қазақ тіліндегі сән есімдер. Алматы, 1957, б. 37 и сл.; Низомиддинов С. Бир сўзи ва унинг маънолари ҳақида. — В кн.: Тильтунослик масалалар, 1. Тошкент, 1960, б. 32—37; Халилов Р. І. Азэрбајҹан дилиндэ *bır* сезү ве онун теремелери бағында. — Изв. АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, 1961, № 6, с. 67—80; Чижекова Е. Н. Имя числительное. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1962, 5, с. 40—41; Жабоев М. Т. О слове *bır* (один) в карачаево-балкарском языке. — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, 1970, 2, с. 91—101; Бекбергенов А. «Bır» салығының мени-

в употреблении *bır* имеет длительную историю. Примеры: др.-турк. *бу јэрдә бир улуб орман бар ёрди... орман ічиндә бәдүк бир кіат бар ёрди... күнләрдә бир күн авзә чікті...* *бир бузы алді* ‘в этой местности был (некий) большой лес... В лесу находилось (некое) огромное чудовище... Однажды Огуз вышел на охоту... Поймал (некоего) марала’ (ЛОК 4); карач.-балк. *бир сарі тана бла бир боз којну көрдүм* ‘я видел одну (какую-то) рыжую телку и одну (какую-то) смурью овцу’; к.-калп. *бір кісі-дән бір мал алған* ‘он купил у одного (какого-то) человека один (какой-то) товар’; кирг. *эки жайын өләң-өләң караңып бір ажал кәләттәт* ‘пугливо озираясь по сторонам, подходит одна женщина’; якут. *бір овонн'ордөх әмәх-сін олорбуттара үйү* ‘жили старик со старухой’. Эта функция числительного *bır*, предопределившая его широкое использование в качестве одного из компонентов неопределенных числительных и местоимений, особенно заметна при употреблении его с сочетаниями, включающими в себя числительные: *bır ikki күн*, *bır ýч күн*.³⁷⁷ Примеры: алт. *бір он — он экі* ‘(примерно) десять — двенадцать’;³⁷⁸ к.-калп. *бір бәс којді алсам* ‘взять бы мне баранов пять’;³⁷⁹ узб. *бір үн кун бўламан* ‘дней десять пробуду’.

Как отмечает Н. К. Дмитриев, *bır* выполняет также «особую синтаксическую функцию переносить акцент на определение (*яшиы бир гиши*), что по-русски осуществляется интонацией (*хор-роший человек*)».³⁸⁰ Ср. кирг. *ал бір сүлүк кіз* ‘очень красивая девушка’, *ал бір коз күш* ‘очень красивая птица’;³⁸¹ тат. *карт бір адам* ‘старый человек’; тур. *гүзәл бір кіз* ‘красивая девушка’.

Наконец, известны случаи употребления *bır* в качестве противопоставительного союза: азерб. *бір она бір Räxshändäjä baxib* ‘смотря то на него, то на Рахшанду’; к.-калп. *бір кәләді бір кәтәді* ‘то приходит, то уходит’; тур. *коридорда бір ашағи бір jukarı долашарак бәкләміж башладылар* ‘в коридоре, прохаживаясь то вниз, то вверх, стали ожидать’; узб. *бёла бір бізга карајді бір столига карајді* ‘ребенок смотрит то на нас, то на свой стол’; узб. (диал.) *чира бір эйди (?) ўчді* *бір јэнді* ‘лампочка то гасла, то загоралась’.³⁸²

В якутском языке числительное *ikki* ‘два’ выступает в качестве соединительного союза: *йт ikki kуоска* ‘собака и кошка’, *саһил ikki туруја* ‘лисица и журавль’,³⁸³ что не характерно для тюркских языков, но типично для монгольских.

Количественные числительные составляют наиболее устойчивую часть языка, и заимствование их — явление довольно редкое.³⁸⁴ Поэтому наличие в разных языках числительных, восходящих к одним и тем же корням, является одним из важных доказательств их генетического родства. Именно это обстоятельство постоянно вызывало повышенный интерес к тюркским числительным у тех исследователей, которые занимались во-

лери ҳем қолланылы́. — В кн.: Қарақалпақ тили бойынша изерлеўлер. Нөкис, 1971, б. 192—207; А ск арова М., И со қ ов И., Сайдниёзов А. Х. «Бир» сүзининг қўлланиши ҳақида. — Науч. тр. Ташкентского ГПИ, 1972, 87, с. 42—45; Л е т я г и в а Н. И. Слово бир в тувинском языке. — В кн.: Сибирский тюркологический сб. Новосибирск, 1976, с. 60—68.

³⁷⁷ См.: В а п г В. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 516.

³⁷⁸ См.: Ч ун жек ова Е. Н. Имя числительное, с. 47.

³⁷⁹ См.: Б ек бер ген ов А. Имена числительные в каракалпакском языке, с. 10.

³⁸⁰ Д м и т р и е в Н. К. Грамматика кумыкского языка, с. 72.

³⁸¹ См.: У м е т а ли е в а Б. Степени сравнения прилагательных в киргизском языке, с. 48.

³⁸² См.: А ф з а л о в Ш. А. Паркентский говор узбекского языка, с. 15.

³⁸³ См.: Х а р и то н о в Л. Н. Современный якутский язык, с. 146.

³⁸⁴ Более вероятны заимствования обобщенных обозначений (10, 100, 1000 и выше), ср., например, финн. *sata* — 100 (< перс. *cād*), *tuhannen* — 1000 (< герм. *tausend*, или *thusand*), венгер. *tiz* — 10 (< ? рус. *десять*), *ezer* — 1000 (< перс. *hāzār*). См.: Н а л е в у Й. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens, р. 7—10. Ср. также: якут. *tihîncha* — 1000 (< рус. *тысяча*).

просами выяснения границ общности алтайских языков и определением характера их связей.

Исследование тюркских числительных сравнительно с числительными монгольских, тунгусо-маньчжурских, финских и самодийских языков впервые было проведено В. Шоттом, ставившим перед собой цель выделить корни числительных, общие для всех урало-алтайских языков.³⁸⁵ После В. Шотта исследованием тюркских числительных в связи с необходимостью обоснования различных вариантов алтайской гипотезы занимались Ф. Гоммель, Ж. Халеви, Г. Рамстедт. Ф. Гоммель сравнивал их с шумерскими и решительно выступал в поддержку предположения о генетическом родстве шумерского и тюркских языков.³⁸⁶ Ж. Халеви сближал тюркские числительные с финно-угорскими,³⁸⁷ а Г. Рамстедт приложил немало усилий для того, чтобы найти общее между ними и числительными монгольских языков.³⁸⁸ Наконец, Ж. Дюмезиль предпринял попытку сравнить некоторые тюркские числительные с числительными кечуа.³⁸⁹

Особая группа количественных числительных — непределенные количественные числительные:³⁹⁰ др.-турк. *ўкүш*, *төлім*, *көп* 'много', *аз* 'мало', *кач ~ хач*, *бірқач*, *біранча*, *бірнәчә*, *анчакија* 'несколько'; ст.-узб. *ўкүш*, *кён*, *калин* 'много', *аз* 'мало', *кач* 'несколько', *бірнімай* 'некоторое количество'; турк. *чок* 'много', *бірчок* 'довольно много', *біраз* 'немного', *бірқач* 'несколько'; узб. *куп* 'много', *эз*, *бірз* 'мало', 'немного', *бірмунча* 'немного', *бірнәча*, *бірканича* 'несколько'.

П о р я д к о в ы е ч и с л и т е л ь н ы е

Порядковые числительные в тюркских языках образуются при помощи нескольких аффиксов. В курмышском говоре чувашского языка они не имеют специальной формы и их функции выполняют количественные числительные.³⁹¹ В языке саларов формально выделенные порядковые числительные употребляются лишь как названия месяцев: *пірінji* 'январь', *тұйтінji* 'апрель', *jітінji* 'июль'.³⁹² Ср. якут. *алтїнн'i* (< *алтїнч*)³⁹³ 'октябрь', *сәтінн'i* 'ноябрь', *ахсїнн'i* 'декабрь', *тохсунн'u* 'январь', *олунн'u* 'февраль'.

Отсутствие специальных морфологических показателей — отражение первоначальной нераздельности, синкремизма количественных и порядковых значений, с одной стороны, и довольно поздних процессов разрушения грамматической формы, с другой, тогда как их многообразие является следствием относительно позднего развития порядковых числительных.

³⁸⁵ Schott W. Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenclasse, wie auch im Türkischen, Tungusischen und Mongolischen. Berlin, 1853.

³⁸⁶ Hommel F. 1) Die sumerisch-akkadische Sprache und ihre Verwandschaftsverhältnisse. Leipzig, 1884; 2) Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients, I. München, 1904, S. 21, 22, 23. Высказывания Ф. Гоммеля о тюркско-шумерских связях подверглись резкой критике Ф. Г. Вейсбаха. См.: Weissbach F. N. Die sumerische Frage. Leipzig, 1898, S. 179.

³⁸⁷ Halevy J. L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens, p. 6—7, 107—108.

³⁸⁸ Ramstedt G. J. Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen, S. 1—24.

³⁸⁹ Dumézil G. Remarques sur les six premiers noms de nombres du Turc. — Studia linguistica, Lund—Copenhagen, 1954, VIII, 1, p. 1—15.

³⁹⁰ См.: Хәлилов Р. Ж. Азәрбајҹан дилиндә гејри-муәјјән сајлар. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1969, № 5—6, с. 39—45.

³⁹¹ См.: Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 182.

³⁹² См.: Тенишев Э. Р. Стой саларского языка, с. 48.

³⁹³ См.: Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76; Харитонов Л. Н. Современный якутский язык, с. 148—149. Менее убедительно предположение В. В. Радлова о том, что якутские названия месяцев образовались из сочетания порядковых числительных на *-i* и со словом *ај* 'месяц' (*алїнн'i* < *алтїнч ај*). См.: Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, S. 40.

или, по крайней мере, свидетельством того, что в языке существовало, несколько диалектных групп, обнаруживавших не только фонетические, но и морфологические различия.

I. 1. Наиболее распространенным аффиксом порядковых числительных является -(ї)нчى ~ -(у)нчу ~ -(ї)нши ~ -(у)ншу ~ -(ї)нji ~ -(у)нju ~ -(ї)нсї ~ -(ð)нсö. Примеры: азерб. бірінji, ікінji, ўчынju, дөрдүнju, башинji; алт. ёкінчi, ўчінчi, төртінчi, бәжінчi; башк. бірінсi, ікінсi, дөйнсö; казах. біріншi, ёкіншi, ўшіншi; кар. (диал.) ёкінци, іцинци, дәртінци, бәшінци; узб. бірінчи, ікінчи, учінчи, тўртінчи.

Аффикс -(ї)нчى ~ -(у)нчу... присоединяется ко всем количественным числительным, а также к словам, обозначающим порядок следования в пространстве и времени: азерб. *аввәлінji* (азерб. диал. *аввәлімji*³⁹⁴) ‘первый, начальный’, *ахірінji* ‘последний’; гаг. *ілкінji* ‘первый’, *сону(n)ju*, *біткінji* ‘последний’; казах. *нәшіншi* ‘который’, *ортаншi* ‘средний’; карач.-балк. *мәнчанчi*, *анчанчi* ‘вот такой (по порядку)’, *нәнчанчi*, *кајсінчi* ‘который (по порядку)’; ног. *кајсіншi* ‘который’; тур. *башінji* ‘начальный’, *ортанj* ‘средний’, *качінji* ‘который’, *сонунju* ‘последний’, *фаланінji* ‘такой-то (по счету)’; туркм. *ілкінji* ‘первый’, *нäчінji* ‘который’; уйг. *нäчінчи*, *канчінчи* ‘который’; шор. (диал.) *пажаний* ‘первый’; хак. *нинjэнji* ‘который’.

Ряд аффиксов, образующих порядковые числительные, принято рассматривать как фонетические или морфологические разновидности аффикса -(ї)нчى — -(ї)мчى ~ -(у)мчу ~ -(ї)мji ~ -(у)мju, -мінji, -ji, -(ї)нч ~ -(у)нч, -ланчى ~ -(у)ланji ~ -ланши, -ламчى ~ -ламji. Примеры: азерб. (диал.) *бірімji*, *ікімji*, *ұчымju*, *алтімji*, *онумju*,³⁹⁵ *дөрдүмju*, *башімji*, *онумju*, *бірхімji*,³⁹⁶ *бір(i)мінji*, *ікімінji*, *ұч(у)мінju*, *сәккізмінji*;³⁹⁷ ст.-узб. *ікімчi*, *сәкізмінчi*,³⁹⁸ *ұчінчi*, *төртінчi*;³⁹⁹ узб. (диал.) *білламчi*, *ушламчi*,⁴⁰⁰ *башшамчi*;⁴⁰¹ ст.-туркм. *төртүләнji*;⁴⁰² туркм. (диал.) *бінумji*,⁴⁰³ *бірімji*,⁴⁰⁴ *бін(ун)ji*, *сәғсән(iн)ji*,⁴⁰⁵ *ұчләнji*, *башшамчi*, *алтіланji*, *отузланji*,⁴⁰⁶ *ұчіләнji*;⁴⁰⁷ к.-калп. *бірләнши*, *алтіланши*;⁴⁰⁸ ног. (диал.) *ёкіләнji*;⁴⁰⁹ др.-турк. *бірінчi*, *ұчінчi*, *төртінчi*,⁴¹⁰ *іклінчi*, *төртүләнчi*.⁴¹¹

³⁹⁴ См.: Рустэмов Р. О. Газах вә Товуз шивәләринин морфологиясыннан языкалық түснүүлөрдөрүү. С. 21.

³⁹⁵ Там же, с. 21; Джангидаев В. Т. Дманисский говор казахского диалекта азербайджанского языка, с. 72; Джографаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17.

³⁹⁶ См.: Бекбудов С. М. Зангаланский говор азербайджанского языка, с. 16.

³⁹⁷ См.: Мамедов И. М. Карагандинские говоры азербайджанского языка, с. 27; Джографаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17; Меджидова А. Б. Ленкоранский говор азербайджанского языка. АКД. Баку, 1970, с. 19.

³⁹⁸ См.: Воскемтапп С. Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens, S. 164.

³⁹⁹ См.: Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 139.

⁴⁰⁰ См.: Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка, с. 28.

⁴⁰¹ См.: Жураев Б. Шахрисябский говор узбекского языка, с. 17.

⁴⁰² См.: Мамедкулиев Д. Языковые особенности дистана «Шасенем и Гарип». АКД. Ашхабад, 1965, с. 10.

⁴⁰³ См.: Байрамдурдыев Б. Ахалский говор текинского диалекта туркменского языка, с. 15.

⁴⁰⁴ См.: Мухинев Х. Нохурский диалект туркменского языка, с. 11.

⁴⁰⁵ См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамырадов К., Араскулов С. Туркмен диалиниң диалектлериниң очерки, с. 269.

⁴⁰⁶ См.: Атаджанов М. Салырский диалект туркменского языка, с. 11.

⁴⁰⁷ См.: Мухинев Х. Нохурский диалект туркменского языка, с. 11; Аманасарыев Дж. Северные говоры ёмудского диалекта туркменского языка, с. 11.

⁴⁰⁸ См.: Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. Части речи и словообразование. АДД. М.—Л., 1950, с. 23.

⁴⁰⁹ Калмыкова С. А. Акногайский диалект ногайского языка. АКД. М., 1965, с. 13.

⁴¹⁰ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с. 102, 581, 622.

⁴¹¹ Там же, с. 206, 581.

I. 2. Аффикс *-(i)münjī* появился в результате присоединения *-(i)ñchī ~ -(i)ñjī* к иранской форме порядковых числительных,⁴¹² так как он встречается в говорах азербайджанского языка и у ёкленов, живущих в Иране,⁴¹³ и вместе с тем в талышском языке.⁴¹⁴ Подобные комбинации аффиксов вполне допустимы, ср. в чутском говоре таджикского языка: *баттаррök* ‘хуже’ (бад ‘плохой’, *-tar*, *-rök* — таджикский и узбекский аффиксы сравнительной степени прилагательных).

I. 3. Аффикс *-jī* — сокращенный вариант аффикса *-(i)ñchī ~ -(i)ñjī...*

I. 4. Большой интерес представляет определение характера взаимосвязи с аффиксом *-(i)ñchī* разновидности без конечного гласного *-(i)ñch*, которая является единственной возможной в языке рунических надписей, уйгурских и манихейских текстов, а также выступает в виде исключения в старотурецком и староузбекском языках, и которая сохранилась в якутском языке, если согласиться с предположением О. Бётлинга об идентичности якутских форм *ikkic*, *yhyc*, *tördüc* древнетюркским *ikinč*, *yüñč*, *töryñč*.⁴¹⁵

Почти все тюркологи, занимавшиеся данной проблемой, указывали на разную диахроническую соотнесенность полных и кратких форм. Так, О. Бётлинг⁴¹⁶ и С. В. Ястребский⁴¹⁷ считали полные формы более древними. Аналогичной точки зрения придерживался и придерживается, по-видимому, А. Н. Кононов.⁴¹⁸ П. М. Мелиоранский был склонен к прямо противоположному заключению, но не сделал определенного вывода из-за отсутствия убедительных доказательств.⁴¹⁹ В. Банг же недвусмысленно заявил о большей древности кратких форм⁴²⁰ и был поддержан И. Бенцингом,⁴²¹ Д. Синором,⁴²² К. Менгесом.⁴²³ Кстати, Д. Синор предпринял попытку найти более раннюю форму аффикса *-(i)ñchī* и пришел к выводу, что таковой была *-(i)ñtī*, ср. др.-турк. *ikinti ~ ikindi*.

Уже с самого начала было ясно, что окончательное решение вопроса о характере взаимосвязи полных и кратких форм невозможно без удовлетворительного объяснения происхождения порядковых числительных. Поэтому в течение нескольких десятилетий основные усилия были направлены в сторону этимологических разысканий. К. Брокельман был первым, кто указал на связь аффикса порядковых числительных с аффиксом глагольных имен *-(i)ñch*.⁴²⁴ Почти одновременно с ним такой же вывод сделал

⁴¹² См.: Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V). Die Ordinalzahlen und ein iranisches Suffix zu ihrer Bildung. — ZDMG, 1954, 104 (29), S. 389.

⁴¹³ См.: Пенжинев М. Хөзирки заман түркмен дилинде санлар, с. 153.

⁴¹⁴ См.: Миллер Б. В. Талышский язык. М., 1953, с. 129.

⁴¹⁵ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76, 104, 106; B a n g W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 524—525; И саков Ф. Г. Числительное. — ИСГТЯ, II, с. 194; P o p p e N. Das Jakutische. — Fundamenta, I, S. 681; S i n o r D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix. — UAJb, 1959, XXXI, р. 418.

⁴¹⁶ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 76.

⁴¹⁷ Ястребский С. В. Грамматика якутского языка. М., 1938, с. 73.

⁴¹⁸ Кононов А. Н. Туркские этимологии. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 179, серия востоковедческих наук: История и филология стран Востока, 1954, 4, с. 272.

⁴¹⁹ Мелиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LIII, LIV.

⁴²⁰ B a n g W. 1) Beiträge zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, S. 524—525; 2) Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V. — UJb, 1930, X, 1—2, S. 18—19.

⁴²¹ Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V). Die Ordinalzahlen und ein iranisches Suffix zu ihrer Bildung, S. 386.

⁴²² S i n o r D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix, p. 418, 421.

⁴²³ M e n g e s K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 117.

⁴²⁴ B r o c k e l m a n n C. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, II. Zu den Zahlwörtern. — ZDMG, 1916, 70, S. 213.

В. Банг,⁴²⁵ предложивший оригинальную интерпретацию конечного гласного в полных формах: аффикс принадлежности 3-го лица. Дж. Клосон, в отличие от В. Банга, воспринял конечный гласный как фонетическую особенность, объяснив его появление требованиями благозвучия, точнее, необходимостью устраниТЬ необычное для тюркских языков в конце слова стечеНИЕ согласных.⁴²⁶ Ю. Немет в одной из ранних работ⁴²⁷ и вслед за ним Г. Рамстедт⁴²⁸ выразили убеждение, что порядковые числительные этимологически — имена деятеля на -чи ~ -ји. По мнению А. Н. Кононова, порядковые числительные образовались из собирательных (типа *бірін* ~ *бірлән*), оформленных аффиксом принадлежности 3-го лица -ди||-ји (~ -чи).⁴²⁹

Переходя к критическому разбору изложенных выше точек зрения, отметим прежде всего, что если в морфологическом аспекте интерпретация порядковых числительных как имен деятеля на -чи ~ -ји не вызывает серьезных возражений, то со стороны семантики она наталкивается на известные трудности: едва ли значение порядка следования или расположения во времени и пространстве могло развиться из агентивного значения. Существование аффикса принадлежности 3-го лица в виде -ди||-ји (~ -чи), постулируемое А. Н. Кононовым, не подтверждается фактическими данными ни современных, ни древних тюркских языков. Только в якутском языке после конечного гласного основы аффикс принадлежности 3-го лица начинается дентальным согласным, однако он, по всей видимости, вторичен, так как для якутского языка в определенных позиционных условиях характерно отражение общетюркского *с в т. Нельзя также согласиться с тем, что в основе порядковых числительных лежат числительные собирательные: форма принадлежности 3-го лица от собирательных числительных на протяжении всего периода, засвидетельствованного письменными источниками, имеет собирательно-паритативное значение, например: др.-турк. *үчагүсү* 'трое из них'; кирг. *төртөүү* 'четверо из них'; ст.-узб. *иккäläsi* 'двою из них'. В порядке возражения Дж. Клосону можно привести примеры, подтверждающие допустимость стечения н и ч в конечной позиции. Так, в староузбекском языке, в котором порядковые числительные оканчиваются, как правило, на -(и)нчи, у глагольных имен гласный отсутствует: *ўркүнч* 'страх', *ўкүнч* 'раскаяние', *уманч* 'надежда', *їнанч* ~ *їшанч* 'вера', *сағинч* 'дума', *сокүнч* 'брать', *коркунч* 'страх', *сэвінч* 'радость', *кісканч* 'зависть'. Ср. туркм. *köplänch* 'большей частью', *ikilänch* 'вторично, во второй раз'. Наиболее обоснованной в морфологическом и семантическом отношениях является, на наш взгляд, точка зрения В. Банга. Важный аргумент в пользу нее — широкое употребление глагольных имен при образовании различных групп числительных, а также характер семантического и функционального содержания аффикса принадлежности 3-го лица.

Поскольку глагольные имена на -(и)нчи ~ -(у)нчи использовались в значении порядковых числительных и без аффикса принадлежности 3-го лица, естественно, возникает вопрос, каким образом их семантика была «приспособлена» для передачи этого значения.

Очевидно, первоначально глагольные основы, образованные при помощи аффикса -а ~ -у ~ -и от количественных числительных (*ики*-, *үчүн*- и т. д.), выражали не множительное («удваиваться», «утраиваться»), а раз-

⁴²⁵ Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V, S. 18. Cp.: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 83; Sinor D. A Ural-Altaic Ordinal Suffix, p. 421.

⁴²⁶ Clauson G. The Turkish Numerals. — JRAS, 1959, April, p. 27.

⁴²⁷ Németh J. Die türkisch-mongolische Hypothese. — ZDMG, 1912, 66, S. 571.

⁴²⁸ Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание, с. 209.

⁴²⁹ Кононов А. Н. Тюркские этимологии, с. 272. См. также: Мухамедова З. Б. Особенности числительных в детской считалке, произносимой при игре в хекга:л. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1970, № 5, с. 57.

делительное действие («делиться на два» или «раздваиваться», «делиться на три» и т. д.), глагольные же имена обозначали результат разделятельного действия или, иными словами, часть целого, но не по размерам («половина», «треть», «четверть»), а по отношению к другим частям («вторая часть», «третья часть», «четвертая часть»). В дальнейшем происходило постепенное отвлечение от субстанциональных моментов и специализация глагольных имен в направлении выражения чистых отношений. Намеченный путь семантического развития порядковых числительных тем более вероятен, что именно он должен был привести к необычайно частому использованию различных неколичественных слов в значении порядкового числительного «первый», ср. др.-турк. *баштінкі*, *ашыу*, *ашнукі*, *баштің*, *ілкі*; алт. *баштамі*, *баштапкі*; казах. *алғашкі*, *әдәпкі*, *ілкі*, *бастапкі*; к.-кали. *дасләпкі*; туркм. (диал.) *дәслапкі*, *башлапкі*, *башкі*, *ілкі*;⁴³⁰ уйг. *баштінкі*; хак. *пастаң*; чуваш. *малдануј*, *пус' ламаш*. С этой точки зрения особенно примечателен якутский язык, в котором *біріс* 'первый' встречается только в составных числительных, например *үон біріс* 'одиннадцатый', в значении же порядкового числительного «первый» употребляются слова *бастің*, *бастапкі*, *маңнајбі*.

Глагольные имена на -(i)нч ~ -(y)нч — субстантивно-адъективные образования, и поэтому функционирование их в качестве определений без формально выраженной «изофетной» связи не требует объяснений, ср. др.-турк. *утунч іш* 'постыдное дело' (МК I 131; III 448), *ілінч јол* 'кривая, извилистая дорога', *їнанч бәг* 'надежный бек' (МК I 133; III 450).

Присоединение к порядковым числительным аффикса принадлежности 3-го лица явилось закономерным следствием их семантического своеобразия: выражение порядка следования, положения какого-либо объекта, как правило, предполагает указание на связь с группой аналогичных объектов, из которых его выделяют. Это своеобразие было раскрыто еще О. Бётлингком, писавшим, что «порядковые числительные, при [употреблении] которых всегда мыслится отношение части к целому, равно как отношение к предшествующему члену, имеют обычно указывающую на это отношение форму принадлежности».⁴³¹ «Второй», «третий», «четвертый» существуют не сами по себе, а в составе более или менее протяженных рядов, содержащих определенное число предшествующих и неопределенное число последующих членов. Уместно заметить в связи с этим, что в индоевропейских языках, которые не знают форм принадлежности, основы порядковых числительных представляют собой формы превосходной степени.⁴³² Таким образом и здесь отразилась отмеченная выше специфика понятия «порядковости».

Включение аффикса принадлежности 3-го лица в состав порядковых числительных имело место и в других языках, например в тунгусо-маньчжурских: эвенк. *đäg'i* ~ *đäg'i тін* 'десятый',⁴³³ эвен. *đöri* ~ *đöri тін* 'второй'.⁴³⁴

Характерно, что аффикс принадлежности 3-го лица присоединяется к порядковым числительным в современных тюркских языках, в которых он по существу является вторым аффиксом подобного рода: кирг. *жіңісі* (*жің-i-ci*) 'второй (из них)'; узб. *учінчісі* (*учінч-i-ci*) 'третий

⁴³⁰ См.: Машаков Х. А. Човдурский диалект туркменского языка, с. 8.

⁴³¹ B ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 266.

⁴³² См.: Шлейхер А. Темы имен числительных (количественных и порядковых) в литво-славянском и немецком языках. — Приложение к X-му тому Зап. АН, 1866, № 2, с. 56 и сл.

⁴³³ См.: Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.—Л., 1964, с. 123.

⁴³⁴ См.: Новикова К. А. Эвенкийский язык. — В кн.: Языки народов СССР, V. Л., 1968, с. 96. См. также: Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Орочский язык. — Там же, с. 200.

(из них)⁴³⁵. Согласно меткому замечанию В. Банга, «эти новообразования лишь повторяют то, что язык уже однажды создавал ранее».⁴³⁶

Окончательный ответ на вопрос о характере взаимосвязи полных и кратких форм порядковых числительных следующий: полные формы (*iKİñči*) относятся к кратким (*iKİñč*) приблизительно так же, как формы принадлежности (*iKİñčisi*) относятся к полным (*iKİñči*). Только полные формы не нормально функционирующие, а омертвевшие формы принадлежности. Именно это делает возможным присоединение к ним аффикса принадлежности 3-го лица.

I, 5. Аффикс *-ланчӣ*, при помощи которого образуются порядковые числительные в диалектах каракалпакского, туркменского и узбекского языков, отличается от *-(i)ñči* наличием в его составе иного глаголообразующего аффикса — *-ла*: др.-турк. *iKİlä-*, *uchtä-*, *törtlä-*. Как известно, М. Рясиен допускал возможность образования порядковых числительных от собирательных.⁴³⁷ Однако аффикс собирательных числительных — *-la* ~ *-ala*, с начальным гласным, тогда как в аффиксе порядковых числительных гласный обычно отсутствует. Все же существование форм типа *uchtüläñji*, *törtläñči*, *törtlüläñči*,⁴³⁸ сколь бы ограниченным оно ни было, обязывает отнести к предположению М. Рясиене с достаточной серьезностью. Разумеется, и в этом случае, если он действительно имел место, образование порядковых числительных происходило путем присоединения глаголообразующего аффикса, аффикса глагольного имени и аффикса принадлежности 3-го лица.

I, 6. Аффикс *-(i)mči* ~ *-(i)mjī* рассматривался В. Бангом как фонетическая разновидность аффикса *-(i)ñči* ~ *-(i)ñjī*.⁴³⁹ М. Рясиен, ссылаясь на формы типа *iKİñčisi* (*iKİ-mči-ci*) в староузбекском языке и на чувашские формы порядковых числительных, считал аффикс *-(i)mči* ~ *-(i)mjī* более древним, чем *-(i)ñči* ~ *-(i)ñjī*.⁴⁴⁰ По-видимому, ближе к истине был В. Банг. Пример, приведенный М. Рясиеном из староузбекского языка, не убедителен: в диалектах узбекского языка отмечены формы *bıllamči*, *uıllamči*, в которых переход *n* > *m* очевиден и бесспорен, ср. узб. *bırılamči* ‘первичный’, *ikkiłamči* ‘вторичный’. Вообще альтернация *n* ~ *m* перед *ч*, *ш* не относится к числу редких явлений. Сложнее обстоит дело с чувашскими формами, в образовании и развитии которых вплоть до настоящего времени остаются неясности.

В чувашском языке аффикс порядковых числительных — *-мёш(ё)*, причем полная форма, с редуцированным гласным в конце, выступает при самостоятельном употреблении числительных, краткая — при сочетании их с существительными. Примеры: *ikkémésh(ё)*, *vıc'c'émésh(ё)*, *tävät-tämésh(ё)*. Наряду с формой на *-мёш(ё)* в чувашском языке имеется более древняя форма, прослеживаемая в выражениях *vız'ém kün* ‘третьего дня’, *tävadám kün* ‘четвертого дня’, ср. в письменных источниках: *věčemъ* ‘третий’, *toutomъ* ‘четвертый’, *altomъ* ‘шестой’, *chitemъ* ‘седьмой’, *shektemъ* ‘восьмой’, *twirimъ* ‘девятый’.⁴⁴¹ Вопрос об отношении к этой форме формы на *-мёш* был убедительно решен Н. И. Ашмариным, указавшим, что «окончание порядковых числительных *-мёш* есть не что иное, как

⁴³⁵ Исключительный случай — присоединение аффикса принадлежности 3-го лица непосредственно к количественному числительному: алт. *ð'irməzıñči* (*ð'irməz-i-ñči*). См.: Чуйжекова Е. Н. Имя числительное, с. 42.

⁴³⁶ Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 525.

⁴³⁷ Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 84.

⁴³⁸ В приведенных примерах гласный перед *л* мог появиться по аналогии с числительными *iKİläñji*, *altläñji*, *jəðılläñji*.

⁴³⁹ Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 526.

⁴⁴⁰ Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 83.

⁴⁴¹ См.: Pritsak O. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Proto-bulgaren. Wiesbaden, 1955, S. 34, 71; Benzing J. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabolgarische, S. 688—689.

старинное *-ам*, *-ем* + суфф. притяж. 3-го л.».⁴⁴² Учитывая общую тенденцию развития порядковых числительных в тюркских языках из глагольных имен, можно прийти к выводу, что порядковые числительные на *-(ă)m* исторически были глагольными именами, ср. др.-турк. *bîčim* ‘скибка’, ‘срез’, *atim* ‘меткий’, *oktam* ‘хватываемый полетом стрелы’. Вместе с тем не исключено, что формы типа *viz'äm*, *tävadäm* развились из форм на *-(ă)n*. Характерно, что «в самом северном говоре окающегося диалекта», по словам Т. М. Матвеева, они произносятся как *viz'ĕn*, *toadän*.⁴⁴³ О первичности *n* в аффиксе порядковых числительных свидетельствуют материалы древнечувашского языка, ср. *alтїnîsh* (*alтїnii?*), *iкїnîsh* (*iкїnii?*), *jäpîmînîsh* (*jäpîmînii?*).⁴⁴⁴ Если дальнейшие исследования подтвердят этот далеко идущий вывод, то и аффикс *-mëš*, древнечувашская форма которого будет реконструирована в виде **-(i)nîsh* (**-n-ii?*), окажется в числе разновидностей общетюркского аффикса порядковых числительных *-(i)nch*.⁴⁴⁵ Что касается высказывания И. Бенцинга относительно заимствования чувашского аффикса *-(ă)m* из иранских языков,⁴⁴⁶ то оно справедливо оценено К. Менгесом и другими тюркологами как трудно доказуемая гипотеза,⁴⁴⁷ хотя, вообще говоря, возможность проникновения иранских форм в отдельные тюркские языки реальна, ср. туркм. *Bâshim* — имя собственное («туркмены называют пятого сына *Bâshim*»);⁴⁴⁸ перс. *rapjut*. Ср. также: *uchumjn jil* ‘позапрошлый год’.⁴⁴⁹

II. В древнетюркском языке параллельно *iкїnch* употреблялась форма *iкїniti* ~ *iкїndi*, ср. халаджск. *äkkîndîcî*, *uçîndîcî*;⁴⁵⁰ ср. также: азерб. (диал.) *iкїtdî vaxtîdu* ‘вечером’.⁴⁵¹ Происхождение этой формы вызывает споры. К. Грёнбек выделял в ней аффикс *-ti* ~ *-di*, общий с аффиксом *-ti* в наречиях *ödgüti*, *tûkäti*.⁴⁵² Для Дж. Клосона *iкїniti* ~ *iкїndi* — реликтовое образование, представляющее древнейший тип порядковых числительных в тюркских языках (**-nti* > *-nch* > *-nch*).⁴⁵³ А. Дж. Эмре, касаясь вопроса о происхождении рассматриваемой формы, обратил особое внимание на то, что в диване Махмуда Кашгари аффикс *-nti* ~ *-ndi* образует причастия: *aкїndî* ‘текущий’, *özkîndî* ‘посеянный’, *iтîndî* ‘оттолкнутый’, ‘отброшенный’, *cikîndî* ‘ожатый’, ‘сок’.⁴⁵⁴ Причастия этого типа сохраняются в виде омертвевших форм в современных тюркских языках: алт. *kazîntî* ‘колодец’, *salîntî* ‘отпущенник’, *suraltî* ‘прощение’; узб. *kujîndî* ‘гарь’, *supurîndî* ‘мусор’, *juvîndî* ‘помой’, *chikîndî* ‘отбросы, отходы’. Если *iкїniti* ~ *iкїndi* этимологически причастие, что весьма вероятно,⁴⁵⁵ то причиной, обусловившей его автономное развитие, могло

⁴⁴² Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 181. См. также: Räsänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 84; Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 12; Андреев Н. А. Чувашские порядковые числительные в сравнении с порядковыми числительными булгарских памятников надписей. — Уч. зап. [Чувашского] НИИЯЛИЭ, 1956, XIV, с. 237. Н. А. Андреев вместе с тем указывает на следы существования в прошлом формы порядковых числительных на *-esh*, ср. *nêrêsh* ‘первый’, *c'icçêsh* ‘седьмой’.

⁴⁴³ Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 11.

⁴⁴⁴ Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V), S. 387—388.

⁴⁴⁵ См.: Матвеев Т. М. Некоторые особенности чувашских числительных, с. 12.

⁴⁴⁶ Benzing J. Tschuwaschische Forschungen (V), S. 389—390.

⁴⁴⁷ Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 118.

⁴⁴⁸ См.: Пенжинев М. Хәзирки заман түркмен дилицде санлар, с. 161.

⁴⁴⁹ См.: Doegter G. Das Chaladsch — eine archaische Turksprache in Zentralpersien. — ZDMG, 1968, 118, 1, S. 100.

⁴⁵⁰ См.: Дёргер Г. О состоянии исследования халаджской группы языков. — ВЯ, 1972, № 1, с. 93.

⁴⁵¹ См.: Меджидова А. Б. Ленкоранский говор азербайджанского языка, с. 19.

⁴⁵² Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I, S. 30.

⁴⁵³ Clauson G. The Turkish Numerals, p. 27.

⁴⁵⁴ Emre A. C. Türkçede isim temelleri. İstanbul, 1943, s. 148—149.

⁴⁵⁵ См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 521—522.

быть особое положение числительного «второй», подобно числительному «первый». Имеются в виду упоминавшиеся выше многочисленные случаи употребления неколичественных слов в качестве числительного «первый» и то обстоятельство, что во многих языках мира порядковые числительные «первый» и «второй» не связаны с соответствующими количественными числительными.⁴⁵⁶ Ср. в джужском говоре узбекского языка: *äväl*, *valdīn*, *ilgäri*, *burīn* ‘первый’, *sozīn*, *kijīn* ‘второй’.⁴⁵⁷

III. Следующий аффикс, образующий порядковые числительные, — *-ki* ~ *-ky*, — известен только тувинскому и тофаларскому (карагасскому) языкам, причем в последнем он выступает в виде *-(i)shkī* ~ *-(y)shky*: тув. *bırğī*, *iğigī*, *ışkūj*, *bışkī*, *alđığī*, *tosky*; тоф. *iňishkī*, *ışjışkūj*, *törptishkī*. Появление дополнительного элемента в тофаларском языке связано, по мнению В. Банга⁴⁵⁸ и К. Менгеса,⁴⁵⁹ с переразложением морфем (*falsche Silbentrennung*) в числительном *pashkī* (*pa-shkī*) ‘первый’.

Данный аффикс сыграл определенную роль в образовании порядковых числительных и в других тюркских языках: уйг. *baştınkī*, якут. *бурунбуу* ‘первый’. Несколько случаев его употребления зафиксировано в памятниках древнетюркского языка: *baştīçkī*, *aşnukī* ‘первый’. Сочетание *-ki* с аффиксом местного падежа было заимствовано и стало показателем порядковых числительных в бурятском языке: *xojordoxi* ‘второй’, *gurbadaxi* ‘третий’.

Аффикс *-ki* ~ *-ky* восходит к общетюркской относительной частице (послелогу?), сыгравшей важную роль в образовании формы абстрактной принадлежности, относительных прилагательных и т. д. Содержание последней (‘имеющий отношение к . . .’) таково, что использование ее в качестве морфологического показателя порядковых числительных должно относиться к довольно позднему времени, когда количественные и порядковые значения уже были четко разграничены.

IV. В заключение упомянем аффикс-формант порядковых числительных *dubār*, прослеживаемый в тувинском языке и являющийся заимствованием из монгольских языков. Примеры: *bır* *dubār*, *ış* *dubār*, *alđi* *dubār*, *tos* *dubār*.

Собирательные числительные

В тюркских языках прослеживаются в основном три аффикса собирательных числительных: 1) *-av* ~ *-a* ~ *-ov* ~ *-ō* ~ *-y* ~ *-yo* ~ *-ia*; 2) *-avla* ~ *-ala* ~ *-alā*; 3) *-avlan* ~ *-alan* ~ *-alān* ~ *olañ*, причем два последние включают в себя первый и отличаются от него наличием дополнительных морфологических элементов.

I. 1. *-Av* ~ *-ov* ~ *-ō* (< *-a_y) — общетюркский аффикс собирательных числительных, встречающийся во всех тюркских языках, кроме огузских и некоторых других, а также в диалектах огузских языков, подвергшихся влиянию «окружающей кыпчакской среды».⁴⁶⁰ Примеры: др.-турк. *bırágū*, *iğägū*, *ışčagū*; ст.-узб. *iňäv*, *ışčäv*; алт. *bırū*, *ışkū*, *ışčū*; башк. *bıräv*, *ışkäv*, *ışčäv*, *dürtäv*, *bışäv*; казах. *bırəv*, *ışkəv*, *ışčəv*; карач.-балк. *ışkəv*, *al-*тав.; кирг. *bırō*, *ışkō*, *ışčub*; кирг. (диал.) *bırōv*, *ışkōv*, *ışčob*,⁴⁶¹ крым.-тат. *ışkəv*, *ışčəv*; ног. *ışčəv*, *al-tav*; тат. *iňäv*, *al-tav*, *ışčəv*, *unav*; туркм. (диал.)

⁴⁵⁶ См.: Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. М.—Л., 1958, с. 115; Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология, с. 123; Керт Г. М. Саамский язык. — В кн.: Языки народов СССР, III. М., 1966, с. 161.

⁴⁵⁷ См.: Ахмедов А. Джужский говор узбекского языка, с. 18.

⁴⁵⁸ Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, V, S. 19.

⁴⁵⁹ Menges K. H. The Turkic Languages and Peoples, p. 117.

⁴⁶⁰ См.: Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), с. 17.

⁴⁶¹ См.: Юнусалиев Б. М. Кыргыз диалектология, б. 188.

*икёв, ўчёв, байшёв, алтав;*⁴⁶² узб. *иккэв, учэв, элтэв; якут.* *иккіә, ўсіјә, төрдүй, алтіа.*

Аффикс *-ав...* присоединяется к числительным до семи — десяти (в караймском языке — ко всем числительным).⁴⁶³ Причина ограничений — отсутствие практической надобности в образовании собирательных числительных от больших чисел.⁴⁶⁴ Было высказано также предположение о том, что в появлении ограничений определенную роль сыграли трудности, связанные с произношением форм типа *саккізэв*.⁴⁶⁵ То, что пределом оказалась «семь», по мнению С. К. Кенесбаева, объясняется важным обрядовым и сакраментальным значением данного числа,⁴⁶⁶ по мнению В. И. Чernenко, не согласившегося с С. К. Кенесбаевым, — влиянием старой системы счета.⁴⁶⁷

В түвинском и уйгурском языках аффикс *-ав ~ -а...* присоединяется лишь к числительному *бір* и, естественно, не выражает собирательности, ср. тув. *бірэ* 'один', 'раз'; уйг. *бірәв* 'один', 'некто'. Ср. также: тат. *бірәв* 'некто'.

Древнейшая разновидность аффикса *-ав...* (*-абу*) представляет собой сочетание двух простых морфологических элементов: аффикса *-а*, образующего глагольные основы от имен, и аффикса *-бу*, образующего имена действий,⁴⁶⁸ ср. *адінабу* 'другой', *камабу* 'все'.

I, 2. Аффикс *-авла ~ -алә ~ -ала* (<*аву + -ла*) встречается в староузбекском, узбекском, алтайском, түвинском, шорском языках: ст.-узб. *ікәвлә*, *ұчәвлә*, *төртавла*, *бәшәвлә*, *алтавла*; алт. *әкілә*, *ұчүлә*, *төртүлә*; тув. *дөртәлә*, *бәжәлә*; узб. *иккала*, *учала*, *түртала*, *бәшала*; шор. *үжәлә*, *төртәлә*, *пәжәлә*.

Природа элемента *-ла* не ясна. По мнению В. Банга, *-ла* восходит к *-лају*:⁴⁶⁹ **ұчәләйләјү* > **ұчагләй* > *ұчәвлә* > *ұчалә*, что весьма вероятно, так как находит подтверждение в способе образования других собирательных числительных, ср. башк. (диал.) *бәсәвләп*, *дүртәвләп*, *алтавлап*, *алтавлашип*,⁴⁷⁰ *бәсәвдәшип*, *алтавдашип*;⁴⁷¹ тат. *ікәвләп*, *ікәвләшип*, *бішәвләп*, *унавлап*; з.-сиб.-тат. *пішәвләшип*, *унавлашип*;⁴⁷² туркм. *ікіләшип*;⁴⁷³ узб. (диал.) *иккәвләп*,⁴⁷⁴ *әкәвләшип*,⁴⁷⁵ *учәвләшип*.⁴⁷⁶ По мнению же Е. Н. Чунжековой, *-ла* является «усеченной формой послелога *была* // *били*, *пыла* // *пиле*», о чем свидетельствуют, как она полагает, факты теленгитского диалекта алтайского языка, ср. *әкілбәзі* 'оба, двое', *ұчүлбәзі* 'трое', *төртүлбәзі* 'четверо', *бәжүлбәзі* 'пятеро'⁴⁷⁷ (*әкі* *біләзі*, *ұчү* *біләзі*, *төртү* *біләзі*).⁴⁷⁸

⁴⁶² См.: Бердиев Р., Куренов С., Шамырадов К., Аразукульев С. Түркмен диалипци диалектлериниң очерки, с. 269 (човдурский диалект).

⁴⁶³ См.: Мусаев К. М. Стой караямского языка, с. 15.

⁴⁶⁴ См.: Раҳматулаев Ш. Жамловчи сон ясалишидаги чекланишнинг сабаби ҳақида бир мулоҳаза. — ЎТАМ, 1962, № 2, 6.69—71.

⁴⁶⁵ Там же с. 70.

⁴⁶⁶ Кенесбаев С. «Жеті», «ұш», «тогыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар, б. 14.

⁴⁶⁷ Чернышев В. О «стержневых» именах числительных в русском и казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологическая, 1946, 4 (29), с. 46.

⁴⁶⁸ См.: Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 519; Гюнбек К. Der türkische Sprachbau, I, S. 29.

⁴⁶⁹ Там же, S. 524.

⁴⁷⁰ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай. — БДС, с. 32.

⁴⁷¹ См.: Макистова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

⁴⁷² См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

⁴⁷³ См.: Пенжинев М. Хәзирки заман түркмен диалинде санлар, с. 136.

⁴⁷⁴ См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14—15.

⁴⁷⁵ См.: Джурاءв Б. Шахрисябзский говор узбекского языка, с. 17.

⁴⁷⁶ См.: Шабдурахманов Ш. Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры, с. 64.

⁴⁷⁷ Чунжекова Е. Н. Имя числительное, с. 43.

⁴⁷⁸ См.: Кучигашева Н. А. Теленгитский диалект алтайского языка. — Уч. зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1961, 4, с. 63.

I, 3. Третий аффикс — *-авлан ~ -алāн ~ -алан ~ -олаң ~ -ілан ~ -лан* (*< *-абу-лā-н*) — характерен для тех же языков, что и предыдущий и первоначально, очевидно, несколько отличался от него по значению. Примеры: ст.-узб. *ікәвлән*, *үчәвлән*; карач.-балк. *үчәвлән*, *оналан*; тув. *iјәлән*, *үжәлән*, *ðөртәлән*, *бәжәлән*, *алдалән*, *оналән*; туркм. (только в парных сочетаниях) *ікілән-үчлән* 'двое-трое', *үчлән-ðөртлән* 'трое-четверо'; уйг. *іккىلән*, *үчилән*, *төртмилән*, *онлан*; хак. *пизәләң*, *алтолан*, *читәләң*.

Авторы грамматики тувинского языка реконструируют праформу этой группы собирательных числительных в виде **үчәгүлләгән*, **онабулаңан* и рассматривают ее как причастие, образованное от глагольных основ на *-ла* (*үчәгү-ла-*, *онабу-ла-*).⁴⁷⁹ В грамматике уйгурского языка, составленной коллективом авторов, сделана попытка истолковать приведенные формы как упрощенные сочетания аффикса *-иң* (?) со служебным словом или наречием *бірлән* (*бәшиң + -ілән < бірлән (> білән > ілән > лән)*).⁴⁸⁰ Дж. Клосон связывает образование собирательных числительных третьей группы с влиянием монгольских языков.⁴⁸¹ В. Котвич, напротив, считал, что аффикс собирательных числительных данного типа был заимствован монголами из тюркских языков.⁴⁸² Учитывая, что собирательные числительные в тюркских языках, как правило, имена действия, правомерно сопоставить формы типа ст.-узб. *ікәвлән* с древними деепричастиями на *-н*. Последний — аффикс орудного падежа (?),⁴⁸³ который в языке старописьменных памятников присоединялся и непосредственно к аффиксу *-абу*:⁴⁸⁴ *әкігүн*, *ікәгүн*, *үчәгүн*; ср. якут. *іккіён*, *үнүйён*, *төрдүйён*, *алтыйн*.

II. Очень редко встречаются другие формы собирательных числительных: азерб. *үчүлүкдүй* 'втроем', *алтүлібда* 'вшестером'; тув. *iјәлдірзі* (*iјәл-дір-i-zi* — глагольное имя + аффикс принадлежности 3-го лица),⁴⁸⁵ *бәжәл-дірзі*, *алдалдірзі*; чуваш. *іккән*, *тäваттäн*, *саккäран*.

В языках огузской группы, в татарском, чувашском языках и диалектах других тюркских языков семантику собирательных числительных выражают количественные числительные, оформленные аффиксами принадлежности: азерб. *үчүмүз* 'мы втроем', *ікіләрі* 'они вдвоем'; гаг. *ікісі* 'они оба'; казах. (диал.) *үшісі* 'они трое';⁴⁸⁶ тат. *ікібіз* 'мы двое', *бішігіз* 'вы пятеро'; туркм. *ікімід* 'мы двое', *үчиңід* 'вы трое'; чуваш. *іккәжә* 'двое', *іксәмәр* 'мы вдвоем', *віс'с'ёжә* 'трое', *віс'с'ёр* 'вы трое'. С другой стороны, собирательные числительные могут дублировать количественные.⁴⁸⁷

Итак, почти все группы собирательных числительных в тюркских языках восходят к именам действия, представляющим различные ступени морфологического усложнения одной и той же структурной модели, ср.

үч-ә-гү
үч-ә-гү-лә-јү (*үч-ә-гү-лә-n*)
үч-ә-гү-лә-јү-n

⁴⁷⁹ См.: И с х а к о в Ф. Г., П а л ъ м б а х А. А. Грамматика тувинского языка, с. 211.

⁴⁸⁰ Һазирқы заман уйгур тили. Алмута, 1966, б. 127.

⁴⁸¹ C lauson G. The Turkish Numerals, p. 31.

⁴⁸² K o t w i c z W. Contributions aux études altaïques, II. Les noms de nombres, p. 207.

⁴⁸³ См.: G o m b o c z Z. Besprechung der türkischen Grammatik von J. Németh. — Túrán, Budapest, 1918, 4, S. 258.

⁴⁸⁴ См.: B a n g W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 519.

⁴⁸⁵ Ср.: И с х а к о в Ф. Г., П а л ъ м б а х А. А. Грамматика тувинского языка, с. 211—212.

⁴⁸⁶ См.: Н у р м а г а м б е т о в А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14; Б е к бер г е н о в А. Имена числительные в каракалпакском языке. АКД. Ашхабад, 1971, с. 8.

⁴⁸⁷ См.: М а к с ю т о в а Н. Х. Говор айских балкир, с. 17; Б е к бер г е н о в А. Имена числительные в каракалпакском языке, с. 8; Современный татарский литературный язык. М., 1969, с. 184.

Разделительные числительные

Общетюркский аффикс разделительных числительных — *-ap* (после гласных — *-par*, *-lar* или *-shar*), присоединяемый к определенным и неопределенным количественным числительным. Примеры: др.-турк. *bîrär*, *iKİ-rär*, *üçär*, *alTîrär*; ст.-узб. *bîrär*, *iKİrär* ~ *iKİshär*, *üçär*, *törtär*, *bâshär*, *alTîshar*, *jëttîshär*, *jîgîrmîshär*, *alTîmshar*, *jëttîmshär*, *jûzär*; башк. *iKİshär*, *bîshär*, *unař*; карач.-балк. *nânchařar*; ног. *bîrëp*, *ækisëp*, *alTîsar*, *onar*; тат. *bîrär*, *iKİshär*, *öčär*, *bîshär*, *židîshär*, *cîgîzär*, *unař*, *ilmîshär*, *alTîmshar*, *nîchâshär*; тур. *bîrëp*, *iKİshär*, *üçär*, *dördëp*, *bâshär*, *alTîshar*, *jûzëp*, *tëkëp* ‘по одному’ (төк ‘нечетный’), *azap* ‘помалу’, *choňap* ‘помногу’, *kacap* ‘по скольку’, *çiftep* ‘попарно’, *jarpimshar* ‘по половине’ (ср. казах. *jartîshar*; кар. *jarpimšar*); хак. *iKİlëp*, *üzëp*, *törtëp*, *pizëp*, *onap*; чуваш. *përp* ‘по одному’, *wic'şär* ‘по три’, *c'ıñshär* ‘по семи’; чуваш. (диал.) *përzëp* ‘по одному’, *iKİshar* ‘по два’, *wic'şar* ‘по три’, *moatshar* ‘по четыре’.⁴⁸⁸ В казахском и уйгурском языках аффикс *-är* встречается только в слове *bîrär* (казах. *bîrëp* ‘один-два’).

В диалектах башкирского языка, в карачаево-балкарском и татарском языках вследствие переразложения морфологических элементов появилась особая разновидность аффикса *-ap* — *-(ш)иар* ~ *-ушар*: башк. (диал.) *бىشىشىپر*, *үنىشىپر*,⁴⁸⁹ *бىرپىشىپر*, *hىگىدەپ* ~ *hىگىدىشىپر*, *туңىدەپ* ~ *туңىدىشىپر*,⁴⁹⁰ *үتىدىشىپر*, *كىرىشىپر*;⁴⁹¹ карач.-балк. *birz̄r*, *ökis̄r*, *ışış̄r*, *törts̄iš̄r*, *bəşiš̄r*; тат. *iKİш̄р*, *bİŞ̄р*, *cıksäňш̄р*, *tyksanıш̄р*.

В хакасском языке и в диалектах башкирского языка аффикс *-ар* (~ *-par* ~ *-lar* ~ *-shar*) может соединяться с другими аффиксами разделятельных числительных и с аффиксом *-лан*: башк. (диал.) *дүртшәрән*, *бىشىشىشәр*, *алтىшардан*, *унчىشىشар*; ⁴⁹² тат. *бىшәрләп*, *унарлан*; хак. *төртшәрәң* 'по четыре', *пиззәрләп* 'по пяти', *читләрләп* 'по семи', *отиззардан* 'по тридцати'. ⁴⁹³

В формах на *-ap* В. Банг видел одну из разновидностей направительного падежа, синонимичную формам на *-baru*.¹⁹⁴ Для нас предпочтительнее заключение об этимологической связи их с причастием настояще-будущего времени на *-(a)p ~ -(u)p ~ -(i)p*.

По вопросу о происхождении вариантов *-par* и *-шар* существует одно мнение, согласно которому формы *ikisär*, *altsär* образовались по аналогии с *bäshär*, а форма *ikirär* — по аналогии с *birär*.⁴⁹⁵ Что касается формы *ikilär*, то М. Рясиен считает ее более древней, чем форму *ikirör*, придерживаясь той точки зрения, что *л* в указанной форме, как и *-ла* в собирательных числительных, выражает совместность. По мнению М. Рясиенена, *ikirär* — результат ассимилятивного процесса. Он высказывает также предположение о возможности наличия именно этого *л* в аффиксе разделительных числительных якутского языка *-ли*.⁴⁹⁶

Паряду с рассмотренной выше в тюркских языках широко распространена форма разделительных числительных, образующаяся при помощи

⁴⁸⁸ См.: Сергеев Л. П. Основные особенности моргаушского говора. — МЧД, I, с. 169.

⁴⁸⁹ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32.

⁴⁹⁰ См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

⁴⁹¹ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 100.

⁴⁹² См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

⁴⁹³ См.: Карпов В. Г. Хакасский язык. — В кн.: Языки народов СССР, II, М., 1966, с. 435.

⁴⁹⁴ Bang W. Beiträge zur türkischen Wortforschung, II, S. 526—527.

⁴⁹⁵ CM.: Brockelmann C. Zur Grammatik des Osmanisch-Türkischen, II, S. 214.

⁴⁹⁶ Rässänen M. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, S. 87—88.

аффикса исходного падежа от количественных, собирательных и штучных числительных: алт. *тöрттöй*, *онноң*; башк. (диал.) *биштäн*, *јëтнäн*;⁴⁹⁷ з.-сиб.-тат. *јëттätän*;⁴⁹⁸ казах. *бىردىن*, *ئىكىدىن*, *بىرەۋدۇن*, *ئەۋەدۇن*, *جۇزدۇن*; кирг. *ئكىدىن*, *ондоң*; к.-кали. *ئەۋ-ئەۋدۇن*; туркм. *дöртдۇن*, *бাশдۇن*, *алти-дан*, *ئەڭ-ئەندۇن*, *ئىچ-ئىچدۇن*; узб. биттадан, *иккитадан*, *түрттадан*; узб. (диал.) *элтэвдэн*;⁴⁹⁹ шир. *پىشىتىنى*.

Следующая форма, являющаяся по происхождению формой орудного падежа, встречается чрезвычайно редко и преимущественно в аналитических образованиях (др.-турк. *birin* *birin*; ст.-узб. *birin* *ikin*; туркм. *birin* *birin*), которые могут выражать значение разделительности и сами по себе, без специальных морфологических показателей, ср. карач.-балк. *ئىكى* (~ *ئكىشىر* *ئكىشىر*) 'по два'; крым.-тат. *бىش* *бىش* 'по пяти', *جۇز* *جۇز* 'по сто'.

В туркменском языке одна из форм разделительных числительных образуется путем сочетания количественных числительных с числительным *bir*: *икibir* 'по два', *үчbir* 'по три'.

Якутская форма разделительных числительных — на *-лл*, не имеющая параллелей в других тюркских языках: *икилл* 'по два', *алтамл* 'по шести', *уончалл* 'по десяти'.

Приблизительные числительные

Самая древняя и наиболее употребительная форма приблизительных числительных — на *-ча*. Она образуется чаще всего от количественных числительных в единственном и множественном числе, изредка — от штучных, причем приблизительные числительные, включающие в себя аффикс множественного числа, имеют также разделительное значение. Примеры: азерб. онларја, отузларја, јүзларја; кирг. бәшиш; крым.-тат. бىنلэрjى; тур. онларја; узб. бёштacha, ўнтаcha, ўттизтacha, міңtacha, ўнларча, јузларча, міңларча; уйг. бাশчا, ончا, оттузчa, онларчa; хак. онјa, отисча, чىصى, پىسچا, خېرىخcha, алтонјa; якут. уонча ~ уончакa, отучча, سىرбىچىچى ~ سىربىچىكى, سىصى ~ سىصىكى.

Аффикс *-ча* восходит к послелогу **čak* (**čaklīb*) (ср. ст.-тур. *бىش* *مېڭىچا* *چاكلىب* 'около 5000',⁵⁰⁰ узб. (диал.) *он чекли* 'приблизительно десять')⁵⁰¹ и в некоторых тюркских языках является скорее послелогом, чем аффиксом, ср. тув. *он ша* 'около десяти'.

Второй аффикс приблизительных числительных, используемый обычно в пределах крупных чисел и присоединяемый не только к количественным, но и к другим числительным, в частности к собирательным и разделительным, — *-лаџан* ~ *-даџан* ~ *-таџан* ~ *-лиџан* ~ *-дїџан* ~ *-тїџан*. Примеры: башк. (диал.) биштäгän, ундаџан, јöддäгän⁵⁰² (лит. *јöдлäгän*), јöддäрдäгän,⁵⁰³ миңärдäгän, алтïлаџан,⁵⁰⁴ јитмïштäгän,⁵⁰⁵ казах. ондаџан,

⁴⁹⁷ См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 157; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 9.

⁴⁹⁸ См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

⁴⁹⁹ См.: Шарипов О. Папский говор узбекского языка, с. 14—15.

⁵⁰⁰ См.: Гузев В. Г. О ярлыке Мехмеда II. — В кн.: Тюркологический сб., 1971. М., 1972, с. 232.

⁵⁰¹ См.: Мирсоатов Т. З. Ўзбек тилининг Кирж шеваси. — В кн.: Ўзбек диалектологиясидан материаллар, I. Тошкент, 1957, б. 240.

⁵⁰² См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 32; Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 17.

⁵⁰³ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 98, 100.

⁵⁰⁴ См.: Юсупов Х. Г. 1) Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 158; 2) Асинский говор башкирского языка, с. 10.

⁵⁰⁵ См.: Ишбулатов Н. Х. Кизильский говор, с. 43.

жѣ јїрмалаңан, жѣзәләгән; ⁵⁰⁶ ног. ўшәвләгән, алтавлаңан, онавлаңан ~ оналаңан; тат. унлаңан, јәзләйән, јәзәрләгән, мәңгүрләгән; уйг. онлиңан, јүзләгән, миңлиңан. Ср. узб. (диал.) аллайдің.⁵⁰⁷

Третий аффикс, иногда совмещающий значение приблизительности с разделительным значением и также присоединяемый, помимо количественных, к собирательным и разделительным числительным, — *-лап* ~ *-дан* ~ *-нан*, ср. башк. унлан, јәбләп; башк. (диал.) утїблан, кїрк түртләп; ⁵⁰⁸ з.-сиб.-тат. јөттіләп, кїріклап; ⁵⁰⁹ казах. әкіләп, әкәвләп, үшәвләп, жұздәп, міңдап; кирг. јүздөп; кум. бәшләп, онлан; тат. өчләп, бішләп, алтىлап, унлан, јәзләп, ікішәрләп, унарлап; тув. бір-бірләп, үш-үштәп, он-оннап; туркм. бынап, јүбләп; узб. ўнлап, јузлап; ⁵¹⁰ уйг. баш-башләп, он-онлан; хак. отізарлап, мучарлап.

Формы на *-лап* ~ *-дан* ~ *-нан* — деепричастные, с совершенно прозрачной этимологией.

Значение приблизительности в пределах числительных выражает также аффикс *-дај*. Примеры: башк. (диал.) алтмайтај, ікі міңдай; ⁵¹¹ казах. жұздәј; кирг. отуздај.

К группе приблизительных числительных отчасти примыкают азербайджанские формы на *-лар-ла*: онларла, отузларла, јүзләрлә, мінләрлә.⁵¹² Ср. узб. (диал.) онтайлә.⁵¹³

Образование многих форм приблизительных числительных происходило в условиях обособленного развития тюркских языков, и этим объясняется наличие значительных расхождений. В полном смысле общетюркским и очень древним следует считать аналитический прием выражения приблизительности, ср. карач.-балк. бір-әкі адам, төрт-бәш ат; хак. піс-алті.

Дробные числительные

Дробные числительные⁵¹⁴ — сочетания двух количественных, реже собирательных или штучных, числительных, из которых одно принимает форму местного или исходного падежей, а другое — форму именительного падежа с аффиксом принадлежности 3-го лица или без него. Примеры:

1) др.-турк. *ікәййәдә біріci* — $\frac{1}{2}$, *јәтәййәдә біріci* — $\frac{1}{7}$; ⁵¹⁵ азерб. *дöрддә бір* — $\frac{1}{4}$, *јүздә он ікі* — $\frac{12}{100}$; гаг. *бәштә ікі* — $\frac{2}{5}$; крым.-тат. *бәштә ўч* — $\frac{3}{5}$; тур. *үчтә бір* — $\frac{1}{3}$, *дöрттә ўч* — $\frac{3}{4}$; 2) азерб. (диал.) оннан ікі — $\frac{2}{10}$, ⁵¹⁶ үшдәм

⁵⁰⁶ См.: Хасенов О. Қазіргі қазақ тіліндегі сан есімдер. Алматы, 1957, б. 34.

⁵⁰⁷ См.: Джуманазаров Ю. Морфологические особенности хазарасинского говора узбекского языка, с. 15.

⁵⁰⁸ См.: Юсупов Х. Г. Асинский говор башкирского языка, с. 10.

⁵⁰⁹ См.: Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар, с. 22.

⁵¹⁰ О своеобразии значения аффикса *-лап* по сравнению со значением сложных аффиксов *-ларча* и *-тacha*, см.: Рахматуллаев Ш. Ҳозирги замон ўзбек тилидагы сон туркими ҳақида баъзи мулоҳазалар. — Тр. Среднеазиатского гос. унив., новая серия, СIV, филологические науки, вопросы узбекского языка, 1957, 11, с. 52—54.

⁵¹¹ См.: Иббулатов Н. Х. 1) Кизильский говор, с. 43; 2) Морфологические особенности казматшевского говора, с. 98.

⁵¹² См.: Халилов Р. І. Азәрбајҹан дилиндә гејри-мүәјјән сајлар, с. 40—41.

⁵¹³ См.: Джурاءв Б. Шахриябзский говор узбекского языка, с. 17.

⁵¹⁴ О дробных числительных см.: Халилов Р. І. Азәрбајҹан дилиндә көсрәјм. — Уч. зап. Азербайджанского гос. унив., серия языка и литературы, 1970, № 3, с. 70—75.

⁵¹⁵ См.: Мирзакаримова У. Морфологические особенности «Кисаси Рабгузи». АКД. Ташкент, 1969, с. 12.

⁵¹⁶ См.: Джазарзаде М. М. Говоры Имишлинского района азербайджанского языка, с. 17.

бір — $\frac{1}{3}$; ⁵¹⁷ башк. *біштән* *ðс* — $\frac{3}{5}$; к.-каш. *төрттән* *бір* — $\frac{1}{4}$; кирг. *төрттөн* *әкі* — $\frac{2}{4}$; кум. *әкідән* *бірі* — $\frac{1}{2}$; ног. *алтідан* *әкі* — $\frac{2}{6}$; тат. *ðчтән* *ікі* — $\frac{2}{3}$, *үннан* *ðүрт* — $\frac{4}{10}$; туркм. *ондан* *бір* — $\frac{1}{10}$, *јәдідән* *бір* — $\frac{1}{7}$; узб. *тўрттандан* *уч* — $\frac{3}{4}$, *ўннан* *тўйккіз* — $\frac{9}{10}$, *յузтадан* *бітта* — $\frac{1}{100}$; уйг. *үчтін* *иккісі* — $\frac{2}{3}$, *баштін* *иккісі* — $\frac{2}{5}$.

Конструкция с местным падежом рассматривалась Н. К. Дмитриевым как более древняя по сравнению с конструкцией, включающей исходный падеж.⁵¹⁸ С. Джафаров придерживается прямо противоположной точки зрения.⁵¹⁹ Совершенно очевидно, что проблема временного соотношения данных конструкций тесно связана с проблемой соотношения форм местного и исходного падежей.⁵²⁰

В тюркских языках Сибири и Алтая и отчасти в других тюркских языках дробные числительные имеют форму «изафетных» сочетаний: алт. *баштің* *үч* *үлүзі* — $\frac{3}{5}$; казах. *үштің* *бірі* — $\frac{1}{3}$, *төрттің* *үші* — $\frac{3}{4}$; к.-каш. *төрттің* *бірі* — $\frac{1}{4}$; кум. (диал.) *сәгізі* *алтісі* — $\frac{6}{8}$; ⁵²¹ тув. *үштүң* *іjізі* — $\frac{2}{3}$, *дөрттүң* *үжү* — $\frac{3}{4}$; уйг. *башнің* *иккісі* (\sim *башнің* *иккі* *кісмі*) — $\frac{2}{5}$; хак. *төрттің* *үжі* (\sim *төрт* *пәлүккің* *үш* *пәлүгі*) — $\frac{3}{4}$.

В ряде тюркских языков в качестве дробных числительных используются сочетания количественных числительных в именительном падеже с особыми формами второго компонента (форма уменьшительности в тувинском языке, форма абстрактности-обобщенности в других языках): алт. *әкі* *үштүк* — $\frac{2}{3}$, *әкі* *алтілік* — $\frac{2}{6}$; казах. *бір* *үштік* — $\frac{1}{3}$; тув. *бір* *ончук* — $\frac{1}{10}$, *баш* *ончук* — $\frac{5}{10}$, *үш* *чүсчүк* — $\frac{3}{100}$; хак. *пір* *ікіліг* — $\frac{1}{2}$, *үс* *төртміг* — $\frac{3}{4}$.

Перечисленные выше способы образования дробных числительных могут применяться параллельно в одном и том же языке, ср. казах. *үштән* *бір* — *үштің* *бірі* — *бір* *үштік* — $\frac{1}{3}$.

Обособленное положение в плане образования дробных числительных занимают чuvашский и якутский языки. Примеры: чuvаш. *иккे віс'с'ёмеш* ‘две третьих’, *віс'с'ё піллекмеш* ‘три пятых’ (ср. дробные числительные в русском языке); якут. *кös түйрт үїмміт бірә* — $\frac{1}{4}$, *кös бійс үїмміт үсә* — $\frac{3}{5}$.⁵²² Ср. также: алт. *төртүнчі үлүй* — $\frac{1}{4}$.

⁵¹⁷ См.: Б е х б у д о в С. М. Зангаланский говор азербайджанского языка, с. 16.

⁵¹⁸ Д м и т р и е в Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 93.

⁵¹⁹ Ч о ф е р о в С. Азәрбајҹан дилиндә сез јарадычылыгы. Бакы, 1960, с. 170.

⁵²⁰ См. выше, с. 47.

⁵²¹ См.: Ш а х м а н о в а - Г а р д а н о в а Р. О морфологических особенностях казанчицкого говора кумыкского языка. — Уч. зап. Дагестанского филиала АН ССР, ИИЯЛ, серия филологическая, 1964, XIII, с. 95.

⁵²² См.: В ö h t l i n g k O. Über die Sprache der Jakuten, S. 267.

Штучные числительные

Данная группа числительных встречается лишь в узбекском языке: *bîmta* 'один', *b  sh  ta* 'пять', *t  kk  zta* 'девять', *  nta* 'десять'. Правда, узбекский аффикс *-da ~ -ta* может быть сопоставлен с аналогичным аффиксом якутского языка, образующим наречия: *b  rd  * 'однажды', *ikk  t  * 'дважды', *t  j  rt  * 'четырежды', *uonchata* 'приблизительно десять раз'. Однако такое сопоставление нуждается в глубокой и убедительной аргументации.

Нумеративы

Нумеративы — слова, сопровождающие количественные и, реже, другие числительные при конкретном счете.⁵²³ Морфологически они не связаны с числительными как особым подразрядом имен и примыкают к существительным.

Нумеративы (иначе: счетные слова) имеют длительную историю в тюркских языках. Некоторые из них, такие как *bash* 'голова' (др.-турк., ст.-узб., азерб., башк., кум., тат., туркм., уйг. *bash*, узб. *b  sh*), *kat* 'ряд, слой' > 'раз' (ст.-узб. *kat*, *kata*, тат., тур. *kat*, якут. *xat*), *tilim* 'полоска, скибка' (азерб., туркм. *d  lim*, башк., казах. *til  m*, узб. *til  m*), *t  p* 'куст', 'дерево' (узб. *tup*, уйг. *t  p*, туркм. *d  j  p*), — очень древние, другие, например: *na�ar* ~ *n  f  r* 'персона' (азерб. *n  f  r*, узб. *na�ar*), *dana* ~ *d  n  * 'штука' (азерб. *d  n  *, казах. *dana*, тат. *dan  *, туркм. *d  n  *, узб. *d  na*), *parча* 'кусок' (азерб., тур., узб. *parча*), *nusxa* ~ *n  sx  * 'экземпляр' (азерб. *n  sx  *, тат. *n  sx  *, узб. *nusxa*), появились сравнительно поздно, о чем свидетельствует их арабское или персидское происхождение; небольшая группа нумеративов — позднейшие заимствования из разных языков.

К нумеративам условно относят также слова — наименования мер длины, веса, объема, ср. др.-турк. *kar  sh* 'пядь', *kuлач* 'сажень', *tutam* 'горсть, пригоршня', 'охапка'; узб. *chakir  m* 'верста'; уйг. *juлаch* 'сажень', *kuчак* 'охапка'.

Особая разновидность нумеративов — слова, обозначающие совокупность однородных предметов или живых существ: крым.-тат. *s  r  j* 'стадо', узб. *t    da* 'группа', 'турьба', 'стая', 'куча, ворох', *guru  h* 'группа (людей)'.

Примеры употребления счетных слов: азерб. *al  ti* *bash* *mal* 'шесть голов скота', *b  sh* *d  n  * *alma* 'пять штук яблок'; казах. (диал.) *  ki* *san* *ka-**c  k* 'две ложки',⁵²⁴ *  ki* *til  m* *nan* 'два ломтя хлеба', *  ki* *dana* *d  pt  r* 'две тетради'; крым.-тат. *ik  * *s  r  j* *ci  r  r* 'два стада коров'; туркм. *d  r  t* *d  j  p* *  z  m* 'четыре виноградных саженца'; узб. *b  r* *tup* *  rik* 'одно дерево урюка'; уйг. *on* *tal* *alma* 'десять яблонь'; якут. *  s* *xat* *  r  tt  x* 'с тройной крышей'.⁵²⁵

Имена действия

Имена действия, занимающие в тюркских языках, согласно традиционной точке зрения, промежуточное положение между собственно именами и глаголами, в действительности все же ближе к собственно именам, чем

⁵²³ О нумеративах см.: Низомиддинова С. Соннинг нумератив сўзлар билан қўлланиши. — ЎТАМ, 1959, № 2, б. 72—74; Хэлилов Р., Элизадэ А. Азэрбајҹан дилиндә нумератив сөзләр. — В кв.: Материалы научно-теоретической конференции молодых ученых АН Азербайджанской ССР, серия общественных наук, I. Баку, 1957, с. 122—123; Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби тел морфологиясе. Казан, 1964, б. 101; Ҳамдамов П. Нумеративларнинг қўлланишига кўра турлари. — ЎТА, 1971, № 2, б. 52—54.

⁵²⁴ См.: Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 14.

⁵²⁵ См.: B  htlingk O. Über die Sprache der Jakuten, S. 267.

к глаголам. Эта близость выражается прежде всего в том, что они могут присоединять к себе словоизменительные и словообразовательные аффиксы, характерные для имен, правда, с определенными ограничениями, относящимися к каждому имени действия в отдельности и варьирующими от языка к языку. Например, форма на *-mak* в азербайджанском и турецком языках, как правило, не принимает падежных аффиксов (за исключением аффикса исходного падежа), аффиксов принадлежности и множественного числа, в таких же языках, как гагаузский, казахский, каракалпакский, киргизский, узбекский, уйгурский, присоединение к форме на *-mak* указанных аффиксов — обычное или вполне допустимое явление. Есть и частные, но примечательные особенности. Так, в азербайджанском, турецком и староузбекском языках в состав формы на *-mak* включается глагольный отрицательный инфикс *-ma*, в современном узбекском языке образование подобной формы исключено.

По характеру выполняемых функций имена действия делятся на две группы: субстантивные имена действия и причастия. Последние чаще выступают в атрибутивной функции, а также в качестве предиката и, пожалуй, в большей степени, чем последние, подвержены вербализации. Все же граница между ними условна: в старописьменных текстах нередко одни и те же имена действия оказываются в роли любых членов предложения.

Раздел 1

Субстантивные имена действия

Субстантивные имена действия сами по себе далеко не едины в функциональном отношении. Самый существенный, хотя и не достаточно определенный момент их разграничения — степень развития признаков инфинитива.

Понятие инфинитива тесно связано с грамматикой индоевропейских языков, в которой он характеризуется либо как изолированное образование, не входящее ни в глагол, ни в имя, либо как «номинативная» форма глагола, несклоняемая и неспрягаемая.

В тюркских языках, за редкими исключениями, нет специальной несклоняемой и неспрягаемой формы, совпадающей с индоевропейским инфинитивом. Тем не менее, при тщательном анализе различных случаев употребления каждого субстантивного имени действия в отдельности можно выявить степень его близости к тому, что в грамматике индоевропейских языков получило наименование инфинитива.

Субстантивных имен действия несколько десятков. Древнейшие из них — формы, образованные при помощи аффиксов *-бу* ~ *-бү*, *-(и)нч* ~ *-(у)нч*, *-мак*, *-ма*, *-(и)ш* ~ *-(у)ш*, *-(и)к* ~ *-(у)к* ~ *-(и)б* ~ *-(у)б*, *-и* ~ *-у* ~ *-а*.

1. Имя действия на *-бу* встречается в манихейских, уйгурских и ранних арабографических текстах, где выполняет разные функции, в частности является формой настояще-будущего времени. Примеры: др.-турк. *мәліккә нәгүдәг ётінгү кәрәк* 'как надо вести себя правителью' (QBН 6₁₇), *чәрігнің тапукларіда...* *јүрүгүдә түрүр* 'движется перед войском...' (ЛОК 17₇), *баші барді хајрнің соңи барысі* 'начало добра ушло, уйдет и конец' (ХХ В₃₉₁);⁵²⁶ ст.-узб. *ічкү ѡғёй бил майшүл әрміш* 'он был занят питьем и едой', *я расул кәлгү чаңи болді* 'о посланник, время твоего прихода наступило', *бармағумдур астанайдін* 'я не уйду от твоего порога', *кім бил сұнбат тұтқуудур* 'с кем будешь беседовать?', *уұмакка кіргүсі*

⁵²⁶ О форме на *-бу* в древнетюркском и староузбекском языках см.: Мухтаров Ж. *-Бу, -гү* формалари ҳақида. — Науч. тр. Самаркандинского ГПИ, новая серия, 1969, 1, с. 165; Благова Г. Ф. К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии. — ВЯ, 1972, № 5, с. 105.

турур 'он войдет в рай', *мундін яхшірак күн көрмәгіңіздур* 'лучше этого дня не увидите'.⁵²⁷

В современных тюркских языках, исключая уйгурский, форма на *-бу* встречается преимущественно как реликтовое образование — в виде найменований процессов и состояний, орудий, признаков и т. д.: азерб. *бөлгү* 'деление', *дујбу* 'чувство', *біткі* 'растение', *вәргі* 'налог', *вурғу* 'ударение', *сарғі* 'бинт, повязка'; алт. *чапкі* 'кацкан', *кандык* 'крючок'; гаг. *бічкі* 'пила', *үжку* 'сон', *јазгі* 'письменность', 'надпись'; казах. *бұрғы* 'сверло', *ашткі* 'дрожжи', *әзгі* 'гнет', *тәңкі* 'пинок'; кирг. *чалбы* 'коса', *көккү* 'обвал', *күлкү* 'смех', *шілтірбі* 'венник', 'метла'; тур. *бурзу* 'буравчик', *сүзгү* 'сичекко', *білгі* 'знание', *сәғгі* 'любовь'; узб. *чолбу* 'музыкальный инструмент', *жалгуси* *жил* 'будущий год'; хак. *сусху* 'ковш', *аҷитхӣ* 'закваска'. Ср. др.-турк. *бојнабу* 'рослый', *адінабу* 'другой', 'различный', *камабу* 'все'. В. Банг, привлекающий материалы разных языков, выделяет аффикс *-бу* в словах: *кірабу* 'иней', *кашабу* 'скребница', *оклабу* 'скалка', *біләгү* 'точильный камень', *бокабу* 'кандалы'.⁵²⁸ Следы формы на *-бу* обнаруживаются также в одной из разновидностей сокирательных числительных.⁵²⁹ Н. И. Ашмарин связывает с именем действия на *-бу* чувашскую причастную форму на *i*.⁵³⁰

В ряде тюркских языков имя на *-бу* выступает в сочетании со словами *бар*, *jok* и глаголом *кәл-*, выражая при этом желание, нежелание, намерение или отсутствие намерения совершить действие: башк. *барзінгі кілә* 'ему хочется поехать'; казах. *жазыбым кәләді* 'мне хочется писать'; кирг. *барбім jok* 'у меня нет желания идти', *көргүсү бар* 'он желает видеть', *окубум кәлді* 'мне захотелось учиться', *ајткىسى кәләт* 'ему хочется сказать';⁵³¹ к.-калп. *барбің кәләді* 'тебе хочется идти', *барбісі мүмкін әмэс* 'ему нельзя идти';⁵³² узб. *күргім кәлајапті* 'мне хочется видеть'; уйг. *албум бар* 'я хочу взять', *заді тохтубуси jok* 'он совсем не хочет остановиться', *албум кәлді* 'мне захотелось взять', *тәмүрчі болбусі кәліду* 'ему хочется стать кузнецом'.⁵³³

В древних и современных тюркских языках немало производных морфологических образований, включающих в себя имя действия на *-бу*: с аффиксом-послелогом уподобления *-дәк*, с аффиксами *-лік ~ -лук*, *-чи*, *-сіз* и др., ср. др.-турк. *тапінбучи* 'повинующийся' (МК II 168), ол. *ат сүсөарбулук* *әрді* 'он намеревался напоить лошадь' (МК II 256); ст.-узб. *албудәк ~ албулук* 'намеревается взять', *кіјегүдәк ~ кіјегүлүк* 'намеревается одеться'; алт. *барбалак* (< ? *барбу* + *бләк*) ' тот, который должен был уйти', 'еще не ушедший', *иштәгәдіj* (< *иштәгү* + *діj*) ' тот, который может работать', *кәлбәгәдіj* ' тот, кто мог бы не приходить' (*кәлбәгәдіj* *кіжі* *кәлді* 'человек, который мог бы не приходить, пришел');⁵³⁴ тув. *барбалак* ' тот, кто еще не пошел', ' тот, кто вот-вот пойдет'; узб. *յутіп юборзудәк* *әди* 'словно проглотили', *бәргулік жэр* 'место, куда следует пойти'; уйг. *барзудәкмән* 'я, вероятно, поеду', *окуҗучи* 'читатель', *саткучи* 'продавец', *һәјран қалжудәк* 'такое, что может вызвать удивление', *тәрілбулук* 'засеваемый', *чідалбусіз* 'невыносимый'; хак. *ај-*

⁵²⁷ См.: Шербак А. М. Грамматика староузбекского языка, с. 141, 142, 150.

⁵²⁸ Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 3. Mitteilung: Das Formans *-yu* bei Verben auf *-a* usw. Berlin, 1919, S. 37—47.

⁵²⁹ См. выше, с. 152.

⁵³⁰ Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка, с. 311.

⁵³¹ См.: Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке. АКД. Фрунзе, 1968, с. 5—6.

⁵³² См.: Кутлымуратов Б. К. Имена действия в современном каракалпакском языке. АКД. Нукус, 1963, с. 8, 12.

⁵³³ См.: Мелиев К. М. Имя действия на *-бу* в современном уйгурском языке. — Тр. Среднеазиатского гос. Univ., иранская и тюркская филология, 1957, с. 85—86.

⁵³⁴ См.: Тадыкиев В. Н. Причастия в современном алтайском языке. АКД. М., 1968, с. 18—20.

ланжалах 'еще не вернувшийся', *атхадіб* 'пожалуй, застрелит';⁵³⁵ *шор*, *кәлгәләк* 'еще не пришедший', *парбалак* 'еще не ушедший', *кәлгәдіг* 'пожалуй, придет'. Ср. также: узб. *дәгувчи* 'говорящий', *эліт бәрбүвчи* 'ведущий'.

В уйгурском языке, в котором процесс субстантивации имени действия на *-бу* также принял значительные размеры (*тәрілбу* 'посев', *тујбу* 'чутье', *күлгү* 'смех'), оно, тем не менее, используется и как форма настоящего будущего времени: *біз істігән юлларда у аккүси* 'она будет течь по пути, желаемому нами', *һокүмәт іши жаши болғусідур* 'дела правительства пойдут хорошо'.⁵³⁶

2. Первоначальное значение формы *на -(i)нч ~ -(y)нч*⁵³⁷ — герундиальное (В. Томсен) или собственно глагольное — прослеживается лишь у вспомогательного глагола *әр* 'быть' в рунических надписях: *әрміш әрінч*, *болмуши әрінч*, *тутмуши әрінч*, *кілмадук әрінч*, *көтүрді әрінч*, *олуртті әрінч*.⁵³⁸

Уже в языке рунических надписей или, по крайней мере, в языке более поздних текстов *әрінч* претерпевает существенную трансформацию, в известном смысле общую с причастиями *әрміш* и *әркән*, ср. ол *кәлді әрінч* 'он, вероятно, пришел' (МК I 132), ол *барді әрінч* 'он, вероятно, пошел' (МК III 449), *кәнтиж білінгәj әрінч* 'он сам, должно быть, поймет' (КР 10₁).

Одновременно с субстантивацией имени действия на *-(i)нч ~ -(y)нч*, начавшейся очень рано, происходило исчезновение самого словообразовательного типа, и поэтому число соответствующих форм, сохранившихся в современных тюркских языках, невелико, ср. др.-турк. *кілінч* 'действие', 'поступок', *коркінч* 'страх'; ст.-узб. *ўркінч* 'страх', *ўкінч* 'раскаяние', *їнанч*, *їшанч* 'вера', *сөкүнч* 'брать', *кісканч* 'зависть'; азерб. *сәвінж* 'радость', *гүлінж* 'смешной', *борхунж* 'страшный', *іjrәнж* 'отвратительный, противный'; башк. *յтініс* 'просьба', *їшаніс* 'доверие', *куркініс* 'страх', 'опасность'; казах. *әтініш* 'просьба'; кум. *сүйүнч* 'радость'; тур. *дајанч* 'опора', *казанч* 'заработок', *өвүнч* 'хвастовство'; туркм. *әjmәнч* 'ужасный', *ѓүфжанч* 'склероз'; узб. *сікінч* 'сжатие, давление', *шешілінч* 'спешка', *тікілінч* 'теснота', 'давка'.

3. Следующее имя действия — на *-mak* — впервые засвидетельствовано в памятниках рунической письменности, хотя примеры, указанные В. В. Радловым,⁵³⁹ спорны.

Из современных языков сравнительно большой употребительностью формы на *-mak* выделяются азербайджанский,⁵⁴⁰ турецкий и в меньшей степени кумыкский языки, дающие любопытную картину превращения последней в своего рода инфинитив, ср. азерб. *базмаз лазімдір* 'надо копать', *гүлмәк істәді* 'он хотел смеяться'; тур. *гәвурҗајі iji білмәк гәрәк* 'язык «неверных» надо знать хорошо'. Ср. также: башк. (диал.) *үкімак кітә* 'он хочет учиться',⁵⁴¹ *аніңа тұламақ кәрәк* 'ему надо платить', бар-*мак кәрәк* 'надо идти'.⁵⁴²

⁵³⁵ См.: Иникижекова - Грекул А. И. Причастия в хакасском языке. — В кн.: В. А. Гордеевскому и его семидесятилетию. М., 1953, с. 115—116.

⁵³⁶ См.: Мелиев К. М. 1) Имя действия на *-бу* в современном уйгурском языке, с. 85; 2) Имена действия в современном уйгурском языке. АКД. М., 1953, с. 12—13; 3) Ҳозирги туркъ тилларда ҳаракат номлари (узбек, уйгур, қозоқ ва қорачалпоқ тиллари материаллари асосида). Тошкент, 1969, б. 104.

⁵³⁷ См.: Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль Тегина, с. 101.

⁵³⁸ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 93, 115, 116.

⁵³⁹ Там же, с. 97.

⁵⁴⁰ См.: Дашибаев Т. Дж. Глагольные имена на *-дыг*, *-ачаг*, *-маг* и *-ма* в современном азербайджанском литературном языке. АКД. Баку, 1962, с. 12—16; Sevortjan E. V. Deverbale Nomina auf *-maq* und *-mäk* im Azerbaidschanischen und anderen Türk-Sprachen. — UAJb, 1965, XXXVI, 3—4, S. 406 ff.

⁵⁴¹ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 40.

⁵⁴² См.: Юспов Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой инзерского говора башкирского языка, с. 155, 161.

В туркменском языке форма на *-mak* — продуктивное образование, присоединяющее к себе падежные аффиксы и аффиксы принадлежности.⁵⁴³ Для казахского языка характерно преимущественное использование имени действия на *-mak* в качестве модально-временной формы.⁵⁴⁴

Любопытные данные, иллюстрирующие соотношение рассматриваемой формы с другими именами действия в узбекском и уйгурском языках приводит Ф. Исхаков, по подсчетам которого в романе Айбека «Кутлуг қон» она встречается 29 раз, тогда как форма на *-ish* — 1337 раз.⁵⁴⁵ При этом функционирование ее без падежных аффиксов и без аффиксов принадлежности чрезвычайно редкое явление.

В наибольшей степени признаки перехода в разряд существительных проявляются у имени действия на *-mak* в башкирском, киргизском, кара-калпакском, ногайском, татарском, шорском и некоторых других языках.

Избирательная субстантивация и адъективизация имени действия на *-mak* началась давно, и поэтому «определение» первоначальных процессуальных значений, с последующим преобразованием некоторых из них в качественные, повсеместно достигло больших размеров, хотя и не является одинаково глубоким во всех языках. Примеры: азерб. *jämäk* 'еда', *bazmäz* 'корка', *chahmaż* 'курок'; алт. *baspak* 'терка', *żerнов*, *ılmæk* 'крючок', 'вешалка', *ojmok* 'наперсток', *kaknak* 'крышка'; башк. *hukmak* 'тропинка', *artmak* 'вьюк'; башк. (диал.) *täkmäk* 'кувалда'; гаг. *ılmæk* 'штье', *jasha-mak* 'жизнь'; казах. *shaknak* 'кремень', *örmæk* 'пряжа'; ног. *batnak* 'богото', *coknak* 'трошкина'; тур. *əkmök* 'хлеб', *kachamak* 'убежище'; туркм. *bajmak* 'сметана', *cırtmak* 'петля', *buymak* 'каша'; узб. *karmak* 'удочка', *üjmæk* 'наперсток', *chakmæk* 'кусочек сахару', *tar mak* 'отрасль'; якут. *xan-pax* 'крышка', *haspax* 'яма', 'рытвина'.

Имя действия на *-mak* в местном падеже, начиная со времени появления старописьменных памятников, стало использоваться как форма настоящего и прошедшего длительного,⁵⁴⁶ например: др.-турк. *jämäktä turur* 'пожирает' (ЛОК 5₆); ст.-узб. *čikmaka tədilär* 'выходили'; кирг. *cüjlöshi-mötöt* 'говорит'; к.-каз. *žasamakta* 'делает'; тур. *mälümät vərməktədir* 'дает сведения'; узб. *ta'sır kürsatməkda* 'влияет'; уйг. *höküm* *sürmäktä* 'царит, господствует'.

Будучи оформленной аффиксом *-chi*, или без него, в сочетании со вспомогательным глаголом бол- или самостоятельно, форма на *-mak* выражает намерение совершить действие или обозначает действие, которое должно иметь место: ст.-узб. *bizgä koşulmak bolði* 'он решил присоединиться к нам'; казах. *kölmäki adam* 'человек, который собирался прийти'; кирг. *barmak-chiman* 'я намерен пойти'; тат. *ukımakchi män* 'я намереваюсь читать'; узб. *bir narSANI emäkchi bülöt* 'решив взять одну вещь'.

4. Имя действия на *-ma* подверглось значительной субстантивации и адъективации и в большинстве тюркских языков не обнаруживает признаков вербальности. Примеры: азерб. *cüzma* 'процеженное кислое молоко', *bölmä* 'отдел', *bazman* 'шахта', *dondurma* 'мороженое', *bovurma* 'жаркое', *sökülmä* 'распорка', *dajanma* 'опора', *oñama* 'игра', 'пляска', *dolama* 'зиг-

⁵⁴³ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 331—334. См. также: Боржаков А. Имя действия на *-mak/-mek* в туркменском языке. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1972, № 5, с. 53—59.

⁵⁴⁴ См.: Неталиева Х. Имена действия в современном казахском языке (формы на *-u*, *-mak*), с. 18; Сыздыкова Р. Об аффиксе *-maç* в прозе Абая. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологических наук, 1959, 1, с. 76—84.

⁵⁴⁵ Исхаков Ф. Имена действия и состояния в современном узбекском языке (формы на *-(u)ish*, *-mok*, *-(y)e*). АКД. Самарканд, 1960, с. 7. См. также: Исхаков Ф. Ҳозирги замон ўзбек тилида ҳаракат ва ҳолат номлари. — Науч. тр. Андижанского ГПИ, 1957, IV.

⁵⁴⁶ О форме на *-makta* см.: Ҳожиев А. Ўзбек тилида *-moğda* аффикси. — ЎТАМ, 1958, № 4, б. 73—76; Мелиев К. Ҳозирги турк тилларда ҳаракат номлари, б. 67—68; Шукурев Ш. К истории формы настоящего времени на *-makta*. — В кн.: Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965, с. 97—99.

заг'; алт. *ð'anði ermä* 'склон горы', *kapti ermä* 'крючок', *ulama* 'оглобля'; башк. *ńalma* 'лашпа', *käyäşmä* 'совещание', *kullanma* 'руководство', 'пособие', *tarptma* 'ящик', *jarma* 'крупа', *birikmä* 'объединение'; таг. *örmä* 'вязаный', *dokuma* 'ткань', *burma* 'крученый'; казах. *käspä* 'лашпа', *tüjimä* 'пуговица', *shibarma* 'сочинение', *ilmä* 'крючок', 'петля'; кирг. *tüjmö* 'пуговица'; туркм. *čökä* 'ящик стола', *düdmä* 'сочинение', *aßma* 'висячий', узб. *tizma* 'цепь' (тәб *tizmasi* 'горная цепь'), *katlama* 'тонкая слоеная лепешка', *kürgazma* 'выставка', *yıldırmä* 'выдумка', *tuymä* 'врожденный', тэртма 'подируга', *küçma* 'передвижной'; узб. (диал.) *köjnämä* 'водоворот', бжтärmä 'навес', *kicimä* 'чесотка'; хак. *charba* 'крупа'; шир. *abista* 'невод'; созүрбэ 'сеть'.

Процессуальное значение форма на *-ма* сохраняет в азербайджанском и турецком языках,⁵⁴⁷ ср. тур. *nö jałmasiñi istiñorsunuñz* 'что вы хотите, чтобы он делал?', она *täşäkkür ötmäjîi borch biliñrim* 'считаю своим долгом поблагодарить его'.

В языках огузской группы, в кумыкском языке и в говорах башкирского и татарского языков имя действия на *-ма* в форме дательного падежа (в чувашском — в исходной форме) становится своеобразным инфинитивом.

По вопросу об отношении имени действия на *-ма* к имени действия на *-mak* существуют две точки зрения: 1) аффикс *-ма* — один из компонентов аффикса *-mak*, вторым компонентом которого является аффикс *-k*;⁵⁴⁸ 2) форма на *-ма* образовалась вследствие отпадения конечного *k* в форме на *-mak*.⁵⁴⁹ Вторая точка зрения кажется менее убедительной, так как практически невозможно объяснить параллельное употребление аффиксов *-mak* и *-ма* в одних и тех же языках, если считать, что различие между ними является чисто фонетическим. Тем не менее, трудно согласиться и с первой точкой зрения: нет доказательств того, что *k* в аффиксе *-mak* никогда являлся самостоятельным морфологическим элементом.⁵⁵⁰

Вторичные формы, производные от имени действия на *-ма*, немногочисленны и образованы при помощи аффиксов *-chi*, *-li*, ср. азерб. *içmälî su* 'вода, которую следует пить'; узб. *küşmachi* 'свадница'; чуваш. *kalamalla cämax* 'слово, которое надо сказать'.

5. Самые ранние источники, в которых встречается имя действия на *(i)ish* ~ *(y)ish*, — орхено-енисейские рунические надписи, ср. *уруши* 'сражение', *süñiñi* 'сражение'.⁵⁵¹ Данная форма зафиксирована также в текстах караханидского и более позднего времени. Большое количество случаев употребления имени действия на *(i)ish* ~ *(y)ish* — в староузбекском языке. В последнем много также аналогичных образований, заимствованных из персидского языка, в которых природа аффиксального элемента неясна: *nawazish* 'ласка', *varzish* 'действие', *namañish* 'показ', *arañish* 'украшение', *guzarish* 'проведение', 'толкование', *acaiñish* 'спокойствие', *azmañish* 'проверка', 'испытание', *nalish* 'стоны', 'жалобные звуки'. В текстах с преобладающими особенностями языков кыпчакского и огузского

⁵⁴⁷ См.: Соколов С. А. Анализ значений и употребления отлагольных имен на *-dik* и на *-ta* в сравнительном плане. — Тр. ВИИЯ, 1954, 6, с. 67—79; Дащяп Т. Дж. Глагольные имена на *-dyg*, *-açag*, *-mag* и *-ma* в современном азербайджанском литературном языке, с. 17.

⁵⁴⁸ См.: Bald W. Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen, 2. Über das Verbum *al-* 'nehmen' als Hilfszeitwort. — SPAW, 1916, XXXVII, S. 913.

⁵⁴⁹ См.: Соколов С. А. О некоторых отлагольных именах в турецком языке. Канд. дисс. (Рукопись). М., 1952, с. 112; Каимова Б. Аффиксы, образующие отлагольные имена в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1963, с. 8.

⁵⁵⁰ Ср.: Серебренников Б. А. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*) в окончании дательно-направительного падежа в тюркских языках. — Краткие сообщения Инст. народов Азии [АН СССР], монголоведение и тюркология. М., 1964, 83, с. 69—71.

⁵⁵¹ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 57.

типа рассматриваемая форма выступает в виде исключения, ср. *kutulush* 'спасение' (Cod. Cum. 72 г₁₂), *körüş* 'взгляд' (AQJB 18).

Среди современных тюркских языков широтой употребления формы на -(i)sh ~ -(y)sh выделяются узбекский и уйгурский языки, затем киргизский и туркменский. В любом из них возможно присоединение к форме на -(i)sh ~ -(y)sh падежных аффиксов, аффиксов принадлежности и некоторых словообразовательных морфем.

В таких языках, как казахский, каракалпакский и ногайский, форма на -(i)sh ~ -(y)sh оказалась вытесненной формой на-у(-ү). И для других кыпчакских языков, а также для огузских, кроме туркменского, для языков Сибири и Алтая имя действия на -(i)sh ~ -(y)sh — малопродуктивное или вовсе непродуктивное образование.

Почти во всех тюркских языках встречается значительное число имён действия на -(i)sh ~ -(y)sh, подвергшихся субстантивации. Примеры: азерб. *baçış* 'бегство', *uduʃ* 'выигрыш', *bıldıriʃ* 'сообщение', *gırış* 'введение', *görüş* 'встреча, свидание', *jarıʃ* 'состязание', 'соревнование', *baçış* 'взгляд', *duruʃ* 'поза', 'остановка'; алт. *adış* 'стрельба', *tartış* 'тяжба', *sobuş* 'борьба, сражение', *d'zlıʃ* 'рысь', *sürüş* 'преследование'; башк. *taлаш* 'ссора', *töröʃ* 'положение'; башк. (диал.) *jatış* 'жизнь', *barış* 'ходьба', *kıtış* 'уход'; таг. *dikış* 'шов', *oturuʃ* 'собрание', *soruʃ* 'вопрос'; казах. *žarılıc* 'соревнование', *żçýgħrīc* 'бег', *kozħalīc* 'движение', *ajtīc* 'спор', *bölīc* 'дележ'; кум. *uruʃ* 'ругань'; тат. *kürñiʃ* 'вид', 'явление'; түр. *tıñiʃ* 'дыхание', *körüş* 'взгляд'; тур. *kurtuluʃ* 'освобождение', *gülüş* 'смех', *aliiʃ* 'покупка', *öpüʃ* 'поцелуй', *ödnüʃ* 'возвращение', *kuруluʃ* 'устройство'; узб. *tanış* 'знакомый', *tm̚xtaʃ* 'остановка', *karaʃ* 'взгляд'; уйг. *ʃiðilış* 'собрание', *kırış* 'вход', шор. *saʃış* 'печаль', *əniʃ* 'спуск', *pöliʃ* 'доля'.

Вторичные формы от имени действия на -(i)sh ~ -(y)sh образуются при помощи аффиксов *-li*, *-lik*, *-däk* ~ *-däj*, *-sak*.

6. Субстантивное имя действия на -(i)k ~ -(y)k ~ -(i)b ~ -(y)b уже в древнетюркском языке частично утратило продуктивность и широко употреблялось главным образом в составе вторичных форм. Примеры: *bařišak* 'намеревающийся идти', *kəlīglī* 'приходящий', *körögma* 'видящий, созерцающий', *bıtigma* 'пишущий', *jazəvči* 'пишущий', 'писарь'. Ср. узб. *xejlīk* 'висячий', 'висячий', *żəziklik* 'расстеленный', *tanikli* 'известный'.

Имя действия на -(i)k ~ -(y)k ~ -(i)b ~ -(y)b в большей мере, чем другие аналогичные формы, сочетало признаки субстантивного имени действия с признаками причастия, и поэтому к нему восходит много и существительных и прилагательных, ср. др.-турк. *jaryk* ~ *jaryb* 'луч', *buzuk* ~ *buzub* 'обломок', *bıtik* ~ *bıtig* 'письменный документ', 'книга', *otruk* ~ *otrub* 'остров', *ornak* ~ *ornab* 'tron', *ötük* ~ *ötüg* 'просьба', *kapak* ~ *karab* 'зрачок', *kılık* ~ *kılıb* 'характер', 'нрав', *cəvik* ~ *cəvəg* 'любовь', *tanuk* ~ *tanub* 'свидетель', *bılık* ~ *bılıg* 'знание', *jırapak* 'далекий', *bödük* 'большой', *jaþuk* 'близкий', *jumrak* 'мягкий'; ст.-узб. *chanuk* 'порубка', 'пазуха', *koræk* 'трус', *cüçük* ~ *cüçüg* 'сладкий', *ösrük* ~ *ösrög* 'пьяный', *savub* 'холодный', *açıb* 'горький', *katiþ* 'твердый'; азерб. *borxab* 'трусливый', *ürkæk* 'пугливый', *oturab* 'оседлый'; алт. *təjik* 'дыра, щель', *kezik* 'обрубок', *d'ırtık* 'рваный'; башк. *örkak* 'пугливый'; таг. *kapak* 'крышка', *öbişk* 'постель', *kaþik* 'подка', *ojuq* 'впадина', 'углубление', *jırtık* 'рваный', *ujanik* 'бодрствующий', *çürük* 'гнилой'; казах. *ıskırık* 'свисток', *kaþarak* 'точило', *küræk* 'лопата', *mıræk* 'подпорка', *ojik* 'прорубь', *žarık* 'щель', 'трещина', *żejrtık* 'рваный'; түр. *a'dıb* 'стрельба', *dajsiß* 'разлив', *çılıb* 'тепло', *bıjk* 'грамота', 'надпись'; тур. *dılæk* 'желание', *tarak* 'гребенка', *jamat* 'постель', *batak* 'болото'; узб. *pıçek* 'нож', *kıçek* 'беглец', *kıçık* 'объятие', *kələk* 'отстающий', *kyujuk* 'густой'; якут. *bərik* 'взятка', *bıñax* 'нож', *xonuk* 'ночевка'.

Хотя данный тип имени действия тщательно исследовался на протяжении длительного периода времени, до сих пор не каждый тюрколог риск-

нет утверждать, что *біліг* 'знание' как наименование процесса и *білік* ~ *біліг* 'знание' как название результата действия восходят к одной праформе. Можно допустить, что в первом случае аффиксальная морфема включала в себя исконный сонант, тогда как во втором — глухой шумный согласный, который, будучи в конечной позиции многосложного слова, подвергался ослаблению и факультативно становился полуволнким, звонким и даже сонантом. С другой стороны, как будто бы есть основания относить аффиксы *-й* и *-к* приблизительно так же, как аффиксы *-лій* и *-лік* у абстрактных существительных.

В тесной связи с вопросом о соотношении разновидностей рассматриваемого имени действия находится проблема его формальных преобразований. Происходило ли во всех случаях совпадение двух разновидностей, или же одна из них, с исконным сонантом, подверглась особым фонетическим изменениям? На наш взгляд, вероятнее последнее, а именно то, что имя действия на *-(i)b ~ -(y)b*⁵⁵² явилось прототипом распространенного в кыпчакских языках имени действия на *-у ~ -ү ~ -(i)v ~ -(y)v...*⁵⁵³ Примеры: башк. *алів* 'взятие'; казах. *окүв* 'учеба', *төргөв* 'следствие', *жаялав* 'летовка', *шакірүв* 'вызов'; кирг. *барұ* 'хождение', 'ходьба', *көрү* 'видение', *санб* 'счет', *кәлү* 'приход'; кум. *гәлів* 'приход', *јашав* 'жизнь'; ног. *барұв* 'хождение', *кәлүв* 'приход'. Ср. азерб. *олү* 'мертвый', *дірі* 'живой'; алт. *кічіру* 'зов', *көчү* 'переправа', *садү* 'продажа', *д'янү* 'победа'; таг. *janī* 'строение', *jazī* 'письмо', 'письменность', *батӣ* 'запад'; тур. *јатӣ* 'ночлег', *кошу* 'бег', *корку* 'страх', *сору* 'вопрос', *дођу* 'восток', *гөстәрі* 'показ, демонстрация', *сөјләв* 'речь';⁵⁵⁴ узб. *сајләв* 'выборы', *учрашув* 'встреча', *ўкув* 'учеба', *тәртішув* 'препирательство', 'спор'; якут. *кәлі* 'приход', *күлү* 'смех', *барї* 'уход', *туру* 'вставание'.

К имени действия на *-у ~ -ү ~ -(i)v ~ -(y)v...* присоединяются падежные аффиксы и аффиксы принадлежности. С аффиксом местного падежа в казахском, каракалпакском и киргизском языках оно функционирует как форма настоящего и прошедшего (со связкой) длительного, ср. формы на *-мак-да*, *-бу-да*.

Из вторичных форм, образованных от имени действия на *-(i)b ~ -(y)b*, наибольшее распространение получило имя действующего лица. Примеры: др.-турк. *јазібчи* 'писарь', 'пишущий', *тарібчи* 'сеятель', 'сеющий'; ст.-азерб. *гөріjі* 'видящий', *дәjіjі* 'говорящий'; азерб. *атіjі* 'стрелок', *аліjі* 'покупатель'; алт. *садүчі ~ садүчі* 'продавец', *бәрәчі* 'дающий'; башк. *јадівсі* 'писатель', *јодбасі* 'пловец'; казах. *сөјләшші* 'говорящий', *сілірүшші* 'подметающий'; карач.-балк. *јазівчу* 'писатель'; кирг. *білүчү* 'знаток', *окүчү* 'ученик'; ног. *барұші* 'ходок'; тат. *ташүчі* 'возчик'; тув. *алікчі* 'получатель', *біжікчі* 'закройщик'; туркм. *гөрүjі* 'видящий', *сатіjі* 'продавец', 'продающий'; узб. *катнәвчі* 'движущийся', *кәлүвчі* 'приходящий', *ишләвчі* 'работающий'; хак. *чөрәjі* 'ходящий', 'ходок', *ојнаjі* 'играющий', 'игрок'; чуваш. *улдаевз'а* 'обманщик', *с'үрәевз'ә* 'странник'; шир. *шидәчі* 'выносильный', *узачі* 'соня'. Другие вторичные формы — с аффиксами *-лій*, *-лі*, *-сіз*. Из них следует выделить форму на *-лі*, подвергшуюся в казахском языке

⁵⁵² О вторичности самой формы на *-(i)b ~ -(y)b (< -бу)* см., например: Басков Н. А. Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков. — САЯ, 1973, XVII, 2—4, с. 87—89.

⁵⁵³ См.: Неталиева Х. 1) Қазіргі қазақ тіліндегі *-у* тұлрапы қымыл есімдері жайында. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1961, 1 (17), с. 80—90; 2) Имена действия в современном казахском языке (формы на *-у*, *-маң*), с. 10—17; Тойчубекова Б. Имена действия в киргизском языке, с. 6, 7, 14.

⁵⁵⁴ Относительно возможности фонетического преобразования имени действия на *-(i)b ~ -(y)b* в огузских языках см.: Se vogтуап Е. V. Fiilden isim уарта *-i... eki ve bununla ilgili fonetik sorunlar*. XI. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildirilerden ayrıbasım. Ankara, 1968, s. 106—107.

вербализации, ср. казах. (диал.) ол кәшіш шібүлі 'он вчера выехал', ол *калаға барулл* 'он поехал в город'.⁵⁵⁵

7. Субстантивное имя действия на *-a ~ -y ~ -i*, с которым совпадала позднейшая фонетическая разновидность имени действия на *-(i)b ~ -(y)b*, — реликтовая форма, явившаяся прототипом деепричастия настоящего времени, ср. др.-турк. *бара ~ бару ~ барї*.⁵⁵⁶ О существовании подобной формы в прошлом можно говорить на основании учета таких примеров, как др.-турк. *мәңзәдү*, *окшади* 'подобный', *калісіз* (*кали-сіз*) 'без остатка', *адрі* 'вилы';⁵⁵⁷ азерб., гаг. *долу* 'полный'; алт. *ајрї* 'разветвленный'; алт. (диал.) *көршиj*, *конши* 'сосед'; карач.-балк. *асірї* 'слишком'; кирг. *кариш* 'против', 'напротив'; тур. *комшу* 'сосед'.

Раздел 2

Причастия

Причастия используются в атрибутивной функции, в функции различных дополнений и предиката, со связкой или без связки, и подразделяются на несколько групп в зависимости от того, какое время они выражают, хотя, строго говоря, временное значение причастий не всегда удается определить безотносительно к смыслу предложения в целом.

Группу причастий прошедшего времени составляют формы на *-бан*, *-міш*, *-діk ~ -дуk*, каждая из которых известна в нескольких вариантах.

1. Причастие прошедшего времени на *-бан* синонимично причастию на *-міш* и отличается от него главным образом сферой распространения.⁵⁵⁸ Если форма на *-міш* преобладает в огузских языках, то ареал преимущественного использования формы на *-бан* совпадает с границами расселения носителей почти всех остальных тюркских языков.

В древнетюркском языке *караханидской* поры причастия на *-бан* и *-міш* выступали параллельно и, возможно, различались какими-то для нас неуловимыми семантическими оттенками. Но уже в *старотурецком* языке отдается предпочтение форме на *-міш*, а в *староузбекском* намечается тенденция к сокращению ее использования за счет интенсификации употребления формы на *-бан* в самых разнообразных функциях. Форма на *-міш* становится в *староузбекском* языке семантически обособленной и выражает почти исключительно действие, достоверность которого не очевидна для говорящего: *дәди кім Шах-заман Балх сарї кәлміш* 'он сказал, что Шах-заман пришел в Балх', *тіжі көрәрмән кі назрати Хоja Убайдулла кәлмішләр...* 'вижу сон: пришел почтеннейший Ходжа Убайдулла...'.

Как и другие причастные формы, форма на *-бан* присоединяет к себе аффиксы множественного числа, принадлежности и падежа.

⁵⁵⁵ См.: Болатов Ж. Синтаксические функции причастия в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1955, с. 4; Нурмагамбетов А. Казахский говор на территории Туркменской ССР, с. 16; Борибаев А. Языковые особенности урдинских казахов. АКД. Алма-Ата, 1966, с. 18.

⁵⁵⁶ См.: Шербак А. М. «Деепричастие» на *-a ~ -ä(-i)* в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию академика И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, с. 230.

⁵⁵⁷ См.: Bang W. Vom Köktürkischen zum Osmanischen, 3, S. 29—31; Rastedt G. J. Das deverbale Nomen auf *-i* in den altaischen Sprachen. — StO, 1945, XI₆, S. 3—4.

⁵⁵⁸ Ср.: Кононов А. Н. Турецкая глагольная форма на «мыш». — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 20, серия филологических наук, 1939, 1, с. 35; Мухтаров Дж. История развития причастных форм в узбекском языке. АДД. Ташкент, 1971, с. 48.

Стяжение формы на *-бан*, вследствие выпадения *б(г)*, происходило в огузских языках (см. у Мехди-хана: «*б ~ г* выпадает у тюрок Рума и Ирана»),⁵⁵⁹ для карлукско-уйгурских, кыпчакских и других языков формы типа *алан*, *кэлэн* не характерны. Ср. однако: *чуваш. килэн* ‘приходящий’, *с'унан* ‘горячий’, *јурадан* ‘любящий’, *пёлмэн* ‘не знающий’, *вірдман* ‘не лежащий’.⁵⁶⁰ В огузских языках, как отмечает Н. К. Дмитриев,⁵⁶¹ нестяженная форма обособилась и перешла в разряд существительных и прилагательных, стяженная же разновидность сохраняется как причастие настоящего и прошедшего времени, ср. азерб. *бурулбан* ‘водоворот’, *јапишбан* ‘клей’, *чалышбан* ‘старателный’, *далашбан* ‘задиристый’, *јазан* ‘пипущий’, *учан* ‘летящий’, *чихан* ‘выходящий’, *гіран* ‘входящий’; гаг. *улашкан* ‘заразный’, *чалишкан* ‘прилежный’, *гэлэн* ‘приходящий’; тур. *вүрушкан* ‘воинственный’, *јапишкан* ‘липкий’, ‘цепкий’, ‘назойливый’, *чалишкан* ‘трудолюбивый’, *чалишан* ‘работающий’, *јапишан* ‘пристающий’; туркм. *отуран* ‘сидевший’, *алан* ‘взявший’.

Для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков, по-видимому, не характерна также и разновидность причастия на *-бан*, образовавшаяся путем включения в него «учащательного» аффикса *-а*. Все же сфера употребления этой формы настолько велика, что едва ли можно сомневаться в ее принадлежности к общетюркскому достоянию. Примеры: др.-турк. *барабан* ‘идущий’ (МК I 33); ст.-узб. *тутабан* ‘держащий (постоянно)’, *чапаён* ‘бегущий’, *куллагён* ‘смеющийся’;⁵⁶² азерб. *бачаён* ‘бегущий’, ‘бегун’; казах. (диал.) *сұраған* ‘попрошайка’, *білдігэн* ‘знаток’;⁵⁶³ кум. *мән сатаған ат* ‘лошадь, которую я продаю’; тыв. *хојуған* ‘пугливый’, *чэдігэн* ‘доходчивый’; тур. *качаён* ‘убегающий’; туркм. *дураған* ‘стоящий’, *учабан* ‘летающий’, *тутабан* ‘держащий’; узб. (диал.) *чопаён* ‘бегущий’, *кепаён* ‘кусающийся’, *білағэн* ‘знающий’;⁵⁶⁴ хак. *паріған* ‘идущий, уходящий’, *кілігэн* ‘приходящий’; чуваш. *с'івәраган* ‘спящий’, *пёлдігэн* ‘знающий’. По поводу «дополнительного» *-а* существует несколько гипотез, из которых наиболее убедительная высказана П. М. Мелиоранским, указавшим на возможность образования в тюркских языках так называемых «интенсивных» глагольных основ.⁵⁶⁵

В языках, для которых форма на *-бан* не является необычной, путем сочетания этой формы от глаголов *tur-*, *otur-*, *jam-*, *jor-* с деепричастиями на *-а*, *-(и)p* образуются причастия настоящего времени. Примеры: ст.-узб. *бләйтүрған* ‘знаящий, сведущий’; алт. *баратан* ‘идущий’, *көрötöн* ‘смотрящий’, *чај ічтән кіже* ‘человек, пьющий чай’, *чај ічтән аjak* ‘чашка, из которой пьют чай’; казах. *кэлёттән* ‘приходящий’, ‘тот, который должен прийти’, *корікпајтән* ‘не боящийся’, *окіп жатқан* ‘читающий’;⁵⁶⁶ кирг. *ајта турған* ‘сöz’ (обычно) произносимое слово’; к.-калп. *кэлёттүйн* ‘при-

⁵⁵⁹ The Mabâni' l-Lughat being a Grammar of the Turki Language in Persian, by Mirzâ Mehdi Khân. — Bibliotheca Indica publ. by the Asiatic Society of Bengal, ed. Denison Ross. New Series, Calcutta, 1910, Nr. 1225, p. 9.

⁵⁶⁰ См.: А н д р е е в И. А. Причастие в чувашском языке, с. 151.

⁵⁶¹ Д м и т р и е в Н. К. Вставка и выпадение гласных и согласных в тюркских языках. — ИСГТЯ, I, с. 287. См. также: А л и е в В. Г. Причастия в современном азербайджанском и узбекском языках. АКД. Ташкент, 1965, с. 9—13.

⁵⁶² См.: The Mabâni' l-Lughat..., р. 9.

⁵⁶³ См.: Б о р и б а е в А. Языковые особенности урдинских казахов, с. 21.

⁵⁶⁴ См.: Ж у м а н и ё з о в Р. Узбек тилида сифатдош. — Тр. ИЯЛ, Ташкент, 1949, 1, с. 106.

⁵⁶⁵ М е лиоранский П. М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900, с. LXI—LXIV. Ср.: Д м и т р и е в Н. К. Аффикс *غان* в ново-османском языке. — ДАН-В, 1926, с. 69; С а т Ш. Ч. Роль причастий в развитии тувинского языка. — Уч. зап. Кызыльского ГПИ, 1960, 1, с. 58.

⁵⁶⁶ См.: Е р г а л и е в Т. Причастие в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1951, с. 13—14; М у с а е в К. О глагольно-именных формах на *-ган*, *-атын*, *-(а)p*, *-у*, *-ыс*, *-ы* и конструкциях, образованных на их основе, в современном казахском языке. — Изв. АН Казахской ССР, серия филологии и искусствоведения, 1957, 1 (6), с. 75.

ходящий';⁵⁶⁷ тат. (диал.) *алатій* ~ *алатабан* ~ *алатан* ~ *алатін* ~ *алатхін* 'берущий';⁵⁶⁸ туркм. (диал.) *аладуран* ~ *алдуран* 'берущий', *барјатан* ~ *бајатан* (~ лит. *барjan*) 'идущий';⁵⁶⁹ *хак* ојнапчатахан 'играющий', *тутчатахан* 'держащий'; *шор.* чүгүрчткан 'бегущий', *иштәпчатахан* 'работающий', *паріп одурбан*, *пара турбан*, *пара чөргэн* 'идущий'.

В узбекском и уйгурском языках наметилось специфическое временное распределение форм, являющихся вторичными по отношению к форме на -*бан*, ср. узб. *жозган* 'писавший', *жазаёткан* 'пишущий', *жэадиган* 'тот, который должен (будет) писать'; уйг. *јазбан* 'писавший', *јазіаткан* 'пишущий в настоящее время', *јазідібан* 'пишущий вообще'.⁵⁷⁰

Черной, объединяющей многие тюркские языки, является образование от причастия на -*бан* уподобительной формы, формы на -*лік* и деепричастия на -*лі*, ср. алт. *бішкандіj* 'словно испеченный'; карач.-балк. *ұлағанлаj* 'подобно тому, как он охотился', *білгәнлі* 'с тех пор, как узнал';⁵⁷¹ кум. *албанлі* 'с тех пор, как взял'; к.-кали. *қолгәндәj* 'тот, который мог бы прийти'; узб. *жэмаjdігандәk* 'тот, который не напишет'. Ср. также: уйгурские формы на -*банліk*, -*ватканліk*, -*дібанліk*.

Редкие случаи присоединения к форме на -*бан* ~ -*ан* аффикса, образующего имя действующего лица, отмечены в старописьменных памятниках и диалектах азербайджанского языка: ст.-азерб. *казанjї* 'копающий колодцы'; азерб. (диал.) *башарәнjї* 'выращивающий'.⁵⁷²

С глаголом бол- причастие на -*бан* (-*бандаj*) и упоминавшиеся выше вторичные причастные формы выражают намерение совершить действие: башк. (диал.) *барвандаj* *була* 'он намеревается идти'; узб. *шаһарга кэта-діган бўлган киши* 'человек, решивший ехать в город'; уйг. *јазідібан бо-луп* 'приняв решение написать'.

Не ясен вопрос об отношении к форме на -*бан* формы на -*йн* ~ -*бун*, ср. азерб. *бачйн* 'беглец'; алт. *көчкін кіжі* 'кочующий человек', *кәткін күш* 'перелетная птица'; гаг. *кізгін* 'раскаленный'; узб. *յўшкін* 'кипящий', 'бурлящий'; шор. *тәскін* 'беглец'. Отсутствие полной ясности объясняется тем, что соотношение указанных форм иногда носит характер диалектных различий, ср. алт. *алъан* 'взявшись', *бардан* 'ушедший'; алт. (диал.) *алъин*, *барбин*.⁵⁷³

2. Причастие на -мїш в древнетюркском,⁵⁷⁴ старотурецком, староузбекском и команском языках выступает преимущественно как определение и сказуемое.

В староузбекском и команском языках встречается также немало случаев использования формы на -*мїш* в качестве собственно глагольной формы (*verbum finitum*), однако такое направление развития данного причастия в наибольшей мере было характерно для огузских языков.⁵⁷⁵

⁵⁶⁷ См.: Насыров Д. С. Причастие и его синтаксические функции в кара-калпакском языке. АКД. М., 1954, с. 14.

⁵⁶⁸ См.: Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам, с. 23—25.

⁵⁶⁹ См.: Куренов С. Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья), с. 19—20.

⁵⁷⁰ См.: Xожиков А. Ўзбек тилида сифатдош. — ЎТАМ, 1962, № 2, б. 51; Мелиев К. Формы на -*диган* и -*раj* в современном уйгурском языке. — В кн.: Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965, с. 141—149.

⁵⁷¹ См.: Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка. — Уч. зап. Кабардино-Балкарского гос. унив., серия историко-филологическая, 1958, 4, с. 315, 324.

⁵⁷² См.: Садыгов А. Ш. Об одном неизученном памятнике азербайджанского языка XVI века, с. 130—131.

⁵⁷³ См.: Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958, с. 50.

⁵⁷⁴ См.: Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. NF, S. 96, 112, 113.

⁵⁷⁵ См.: Дмитриев Н. К. К вопросу о значении османской глагольной формы на «мыш», — ЗКВ, II, Л., 1927, с. 91—96; Конопов А. Н. Турская глагольная форма на «мыш», с. 34—49.

В якутском и в большинстве современных огузских языков причастие на -міш употребляется в атрибутивной функции и, главным образом, в качестве предиката с перфективным значением и значением прошедшего неочевидного или прошедшего повествовательного. Ср. также: сочетание формы на -міш с причастием на -ан от глагола ол- 'быть, становиться' в турецком языке, которое А. Н. Кононов называет перифразической формой причастия на -міш:⁵⁷⁶ баші јарілміш олан чојук 'ребенок с рассеченной головой'.

В современном туркменском языке причастие на -міш само по себе встречается редко.⁵⁷⁷

В языках карлукско-уйгурской и кыпчакской групп причастие на -міш сохранилось почти исключительно в виде обособившихся форм, полностью перешедших в разряд собственно имен, ср. башк. төрмөш 'жизнь', јадміш 'судьба', јіміш 'фрукт'; башк. (диал.) үрәнміш 'привыкший', кіркміш 'скупой';⁵⁷⁸ казах. кілміс 'проступок', болміс 'бытие, существование'; кирг. јәміш 'плод, фрукт', калміш 'остаток'; узб. турмуш 'жизнь', јәміш 'еда, снедь', ұтміш 'прошлое' (но: ұн баші јулдұз күңгіші бұлміш Советтік Імтиғекі жасасын 'да здравствует ставший солнцем 15-ти звезд Советский Союз!'); чуваш. с'ірмаш 'судьба', с'імес' 'еда', пәдәрмәш 'губитель', јабатмайш 'утешитель'. В небольших размерах процесс субстантивации и адъективации причастия на -міш происходит и в языках огузской группы. Примеры: таг. үрәнміш 'ученый', ғәчинміш 'покойный'.

Вторичные образования от причастия на -міш — довольно редкое явление, ср. узб. ўкімішлі 'образованный', 'начитанный'; тув. кәлбішän 'приходя', чунмушан 'моясь'.⁵⁷⁹

3. Причастие на (-дік ~ -дуқ) часто встречающееся в письменных памятниках,⁵⁸⁰ является отличительной особенностью языков огузской группы,⁵⁸¹ причем в тагаузском, турецком и туркменском языках оно употребляется преимущественно с отрицанием или только с ним.

В других тюркских языках причастие на -дік ~ -дуқ отсутствует, тем не менее следы его существования в прошлом сохраняются. Примеры: башк. ташландік 'покинутый, брошенный', табілдік 'найденный'; тув. чартік 'половина', кәстік 'ножик'; узб. кэлдік 'остаток'. Тенденция к субстантивации причастия на -дік ~ -дуқ проявилась в небольших размерах и в самих огузских языках, ср. тур. танідік 'знакомый', дәдік 'обеспечение'.

Не исключена постулируемая тюркологами связь с причастием на -дік ~ -дуқ формы прошедшего категорического на -дії,⁵⁸² хотя больше оснований видеть в последней фонетическую разновидность при-

⁵⁷⁶ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 253.

⁵⁷⁷ Ср.: Каджарова Э. Прошедшее на -міш в туркменских литературных памятниках XVIII—XIX вв. — Изв. АН Туркменской ССР, серия общественных наук, 1961, № 1.

⁵⁷⁸ См.: Максютова Н. Х. Говор айских башкир, с. 16.

⁵⁷⁹ См.: Сат Ш. Ч. Роль причастий в развитии тувинского языка, с. 63.

⁵⁸⁰ См.: Кондратьев В. Г. Материалы к характеристики деепричастий и формы на -дуқ в языке памятников тюркской runической письменности. — Уч. зап. Ленинградского гос. унив., № 305, серия востоковедческих наук, 1961, 12, с. 133—136.

⁵⁸¹ См.: Шукров Ш. -Дуқ формаси тарихидан. — ЎТА, 1965, № 2; Михайлова М. С. Причастия на -дік в турецком языке. — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 151—157.

⁵⁸² См.: Баскаков Н. А. Некоторые аффиксы словообразования функциональных форм глагола, общие для алтайских языков, с. 96. Ср.: Кузнецов П. И. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. — В кн.: Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, с. 47 и сл.

частия на -дій ~ -дуў. В чем заключались семантические различия причастий на -дік ~ -дуկ и -діб ~ -дуў и каков характер наблюдаемой между ними материальной близости, пока не ясно. Вполне вероятно лишь то, что они соотносятся как прилагательные на -лік ~ -лук и -ліб ~ -луў, как имена действия на -ік ~ -үк и -іў ~ -үў.

Причастия настоящего или настояще-будущего времени — на -ір ~ -ур ~ -ар, -ајак, -асі, -таш ~ -дачі, -бір ~ -бур, а также вторичные формы, образованные от имен действия на -бу, -іў ~ -үў, -иі ~ -үш.

4. Причастие на -ір ~ -ур ~ -ар одинаково широко употребляется и в древних и в современных тюркских языках, выполняя паряду с атрибутивными предикативные функции.

В большинстве тюркских языков размеры атрибутивного использования причастия на -ір ~ -ур ~ -ар уже давно сокращаются,⁵⁸³ тогда как употребление его в качестве предиката становится все более распространенным. В связи с этим происходит образование особых личных форм, отличающихся от форм принадлежности и от лично-предикативных форм имени, например, азерб. *јазарам* 'буду писать', *гәләрәм* 'приду', *гәдәрәм* 'пойду'.

Форма дательного падежа от причастия на -ір ~ -ур ~ -ар, заметно обособившаяся от других падежных форм, по своим функциональным особенностям оказывается очень близкой к инфинитиву и почти единодушно воспринимается как таковая исследователями алтайского, башкирского, татарского и других языков.⁵⁸⁴

В карачаево-балкарском языке есть разновидность причастия настояще-будущего времени, образуемая нарощением компонента -ік: *јазар адам* 'пишущий человек', 'человек, который может писать', *јазарік адам* 'человек, который должен писать'. Ср. туркм. (диал.) *бачмазак* 'тот, который не побежит'.⁵⁸⁵ Из других производных образований следует выделить формы на -лік ~ -лук и формы с уподобительными аффиксами: балк. (диал.) *ашарлік* 'тот, который должен есть', *окурлук* 'тот, который должен читать';⁵⁸⁶ карач.-балк. *кәллік* (<*кәлірлік*) 'тот, который должен прийти', *бәрлік* 'тот, который должен дать', *кәтмәзлік* 'тот, который не должен уходить'; башк. (диал.) *барір дај* 'тот, который может пойти';⁵⁸⁷ карач.-балк. *кәлірләј* 'тот, который может приехать', *аліrlаj* 'тот, который может взять'.

Подобно другим причастиям, форма на -ір ~ -ур ~ -ар может употребляться с вспомогательным глаголом быть и входить в состав перифразистических форм, вторым компонентом которых является глагол быть, 'становиться'.

Размеры субстантивации причастий на -ір ~ -ур ~ -ар незначительны, ср. азерб. *ачар* 'ключ', *гәлір* 'доход', *јатір* 'недвижимое имущество'; к.-кали. *орінбасар* 'заместитель', *бәс атар* 'пятизарядная винтовка', *күн батар* 'запад'; тур. *јазар* 'писатель'; узб. *кунчікар* 'восток', *кунбетар* 'запад'.

⁵⁸³ См.: Мухторов Ж. Ўзбек тилида сифатдош формаларининг тараққиёт тарихи. — Науч. тр. Самарканского ГПИ, новая серия, 1969, № 1, с. 134; Современный казахский язык, с. 323.

⁵⁸⁴ См.: Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка, с. 171; Гадельшин Л. С. Инфинитивная форма глагола в современном татарском литературном языке. АКД. Казань, 1957, с. 4—6; Тадыкин В. Н. К вопросу о глагольной форме на -арга в алтайском языке. — Зап. Горно-Алтайского НИИЯЛ, 1962, 5, с. 54.

⁵⁸⁵ См.: Шамырадов К., Ибраимов А. Туркмен дилинде сыйнатлар. Ашгабат, 1956, с. 29—30.

⁵⁸⁶ См.: Алиев У. Б. Причастие карачаево-балкарского языка, с. 306.

⁵⁸⁷ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 133.

Отрицательная форма, соотносимая с причастием на -iр ~ -ур ~ -ар, имеет два варианта, один из которых, типа кэлмәз, характерен для карлукско-уйгурских и кыпчакских языков и в то же время «не противопоказан» огузским, а другой, типа кэлмәр, прослеживается главным образом в диалектах огузских языков, например: др.-турк. білмәз ‘неведающий’, көрмәз ‘невидящий’; ст.-тур. сүйләмәрвән ‘не скажу’ (Feraḥ-nâme 153); алт. ајдар ајтпас кіжі ‘едва говорящий человек’; гаг. унудулмаз ‘незабываемый’; тат. (диал.) алмарым ‘не возьму’;⁵⁸⁸ шор абар акпас сүб ‘медленно текущая вода’.

5. Причастие будущего времени с оттенком долженствования на -ајак типично для группы огузских языков и для кумыкского языка.⁵⁸⁹ Вместе с тем его можно встретить в башкирском, каракалпакском,⁵⁹⁰ татарском и узбекском языках. В литературном узбекском языке использование формы на -ајак имеет определенное стилистическое назначение, ср. бўлајак шаҳарча ‘будущий город’, յөркін кёлајак ‘светлое будущее’.

Примеры субстантивации причастия на -ајак немногочисленны, ср. азерб. (диал.) јатајај ‘постель’;⁵⁹¹ гаг. јөмәјәк ‘клевер’, ијәјәк ‘пища’, казїјајак ‘скребок’.

6. Границы распространения причастия будущего времени на -аси, указанные Махмудом Кашиги в XI в. («у чигилей, ягма, аргу, тухси и уйгиров — барбу јэр ‘место, куда следует идти’, турбу обур ‘время, когда следует вставать’; у огузов и кыпчаков — баrasи јэр, тураси обур», — МК II 68—70), сохранились в основных чертах вплоть до настоящего времени. Как в огузских, так и в отдельных кыпчакских языках причастие типа баrasи занимает значительное место,⁵⁹² хотя налицо заметное сужение сферы его функционирования, особенно в кыпчакских языках, и преобладающее употребление в устойчивых грамматических сочетаниях. Примеры: азерб. јазїласи мәктуб ‘письмо, которое следует написать’, гүләсім гәлір ‘хочется смеяться’, гәдәсідір ‘он должен идти’; башк. (диал.) кәтәһи бүван ‘надо было дождаться’;⁵⁹³ казах. аласи ‘то, что следует получить’, бәрәсі ‘то, что следует отдать’, кәләсі ‘следующий’, шібаси ‘расход’;⁵⁹⁴ тат. баrasи кілә ‘хочется поехать’, кіласи бар ‘он должен прийти’; тур. гідәсім жок ‘мне не хочется идти’, діjәсім гәліјор ‘мне хочется сказать’; туркм. мәниң ол сөзләрі сизә ајдаси мәлі ‘мне хочется сказать вам те слова’, ондан арні аласи гәлді ‘ей хотелось отомстить ему’.⁵⁹⁵

7. Следующее причастие, на разборе которого следует остановиться особо, — на -бiр ~ -бур.⁵⁹⁶ В манихейских текстах, как отмечал А. Лекок,

⁵⁸⁸ См.: Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар..., с. 25.

⁵⁸⁹ См.: Когкмаз Z. Türkçede -acak/-ecek gelecek zaman (futurum) ekinin yapısı üzerine. — DTCFD, 1959, XVII, 1—2, s. 159—168.

⁵⁹⁰ См.: Ишбулатов Н. Х. Морфологические особенности казмашевского говора, с. 132.

⁵⁹¹ См.: Мамедов И. М. Карагинские говоры азербайджанского языка, с. 25.

⁵⁹² См.: Михайлов М. С. О форме на (y)asi в турецком языке. — Уч. зап. кафедры иностранных языков вост. факультета ИМО, 1958, 1, с. 141—154; Исламов М. Диалект вә шивәләримизде -аси/-аси формасыныш мә’на хүсусијәтләри нагында. — В кн.: Вопросы азербайджанского языкоизнания. Баку, 1967, с. 164—175; Когкмаз Z. -Asi/-esi gelecek zaman isim-fiil ekinin yapısı üzerine. — TDAY. Belleten (1968), 1969, s. 31—38.

⁵⁹³ См.: Баева Н. Х. Говор башкир долины реки Ай, с. 39.

⁵⁹⁴ См.: Каимова Б. Аффиксы, образующие отлагольные имена в казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1963, с. 16.

⁵⁹⁵ См.: Грамматика туркменского языка, I, с. 337.

⁵⁹⁶ См.: Szapszal H. S. Staroturecki przyrostek yur(u) ~ yyr(y) zachowany gdzie niegdzie we wspołczesnej mowie potocznej. — RO (1938), 1939, XIV, s. 81—89 (у X. С. Шашала — «историческое причастие возможности или необходимости», с. 87).

формы *булунбур*, *түшүнгүр* выражают пожелание.⁵⁹⁷ В староузбекском языке, судя по примерам, приведенным Мехди-ханом, и по указанным им персидским соответствиям,⁵⁹⁸ форма на *-бүр* ~ *-бур* имела значение настоящего времени, может быть, настоящего длительного, осложненного модальностью.

В современных тюркских языках причастие на *-бүр* ~ *-бур* подверглось адъективации и, кроме того, функционирует как специфическая форма пожелания добра или зла. Примеры: алт. *көргүр* 'зоркий', сәскір 'чуткий', білгір 'понятливый', *тапкір* 'находчивый'; башк. *үткір* 'проницательный'; башк. (диал.) *ајів талаңыр* 'чтоб медведь задрал!', *тілің көрдүйр* 'чтоб язык твой отсох!',⁵⁹⁹ *жөр упкір(и)* 'пусть проглотит земля', *өскөр* 'летун', *жілжір* 'шустрый';⁶⁰⁰ казах. *үткір* 'острый'; кум. *блгүр* 'чтоб тебе подохнуть!', *налат болзур тав* 'проклятая гора'; түркм. *албүр* 'цепкий', *гөргүр* 'зоркий', *жүзгүр* 'хорошо плавающий', *чапжүр* 'резвый', *атбүр* 'меткий', *дүшгүр* 'податливый', *гітгір* 'быстрононогий'; узб. *уї қујгур* 'проклятый' (букв. 'чтоб сгореть его дому!'), *тэртвәрің манаға савіл қалгурны* 'снимайте эти (туфли), чтоб им пропасть!', *умрің узж бўлгур* 'пусть твоя жизнь будет долгой!', барака *тәпмагур* 'чтоб тебе не видеть добра!'; узб. (диал.) *балан блгүр* 'пусть у тебя умрет ребенок!', *балан көп боҗүр* 'пусть у тебя будет много детей!';⁶⁰¹ шир. *әткүр* 'проницательный'.

Значительную группу составляют причастия настоящего, настоящего будущего и прошедшего времени, прослеживаемые в предельно ограниченном круге языков. Такие из них, как формы типа *бардач*,⁶⁰² *баржук*,⁶⁰³ употребляются только в старописьменных текстах. Другие, напротив, выступают лишь в современных языках. К ним относятся причастия типа *иштәңүкәй* (в алтайском языке), *кілжөң* (в хакасском и шорском) и т. д.

Ниже приводится перечень наиболее распространенных аффиксов, при помощи которых образуются имена действия, полностью перешедшие в разряд имен существительных и прилагательных. Некоторые из них, возможно — разные по происхождению морфологические элементы, сближившиеся или совпавшие по своему внешнему облику в результате фонетических преобразований и упрощений.

~~(-i)k~~ -(y)k ~ -(a)k — алт. *сінік* 'сломанный', *бічак* 'нож', *тарак* 'гребень', *сұрап* 'вопрос', *чабак* 'жало', *конок* 'сутки'; тур. *пармак* 'блестящий', *жұмук* 'закрытый (о глазах)'; хак. *чаріх* 'свет'; чуваш. *пăзăк* 'испорченный', *казăк* 'кусок';

~~(-i)m~~ -(y)m ~ -(a)m⁶⁰⁴ — др.-турк. *акім* 'течение', *әгрім* 'водоворот', *жейім* 'корм', *ярім* 'половина'; азерб. *бічім* 'покрой одежды', *атім* 'щепотка', *тутум* 'ёмкость, вместимость'; алт. *төлүм* 'плата', *түжсүм* 'урожай', *тудам* 'ручка'; алт. (диал.) *сурум* 'вопрос'; башк. *бәjläm* 'связка', *жөтбәм* 'глоток'; таг. *білдірім* 'объявление', *ділім* 'ломоть', *атім* 'заряд'; казах. *төләм* 'платеж', *бөлім* 'раздел', *жұтім* 'глоток'; тур. *сатім* 'продажа', *дүйүм* 'узел';

⁵⁹⁷ Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotscho, I. — APAW, phil-hist. Klasse, Berlin, 1911, Anm. 39.

⁵⁹⁸ The Mabâni' l-Lughat, p. 101—104.

⁵⁹⁹ См.: Ю супров Х. Г. Из наблюдений над морфологической системой пиарского говора башкирского языка, с. 160.

⁶⁰⁰ См.: Ишбулатов И. Х. Морфологические особенности казахшевского говора, с. 132.

⁶⁰¹ См.: Даиняров Х. Бахмалский говор узбекского языка. АКД. М., 1955, с. 12.

⁶⁰² См.: Mansuroğlu M. Türkçede *-taçı* ekinin fonksiyonları. — TDED, 1956, 7, 1—2, с. 105—108.

⁶⁰³ См.: Насилов Д. М. Пропедее время на *-jük/-juq* в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках. — В кн.: Тюркологический сборник к шестидесятилетию А. Н. Кононова. М., 1966, с. 92—104.

⁶⁰⁴ См.: Ramstedt G. J. Das deverbale Nomen auf *-m* in den altaischen Sprachen. — MSFOU, 1950, 98, S. 255—264.

(-i)n ~ -(y)n ~ -(a)n — др.-турк. *збрән* ‘судьба’, *кішән* ‘пути’; ст.-узб. *ябін* ‘дождь’, *козбалан* ‘волнение, беспокойство’, *йїн* ‘сборище’, ‘собрание’, *чакін* ‘молния’, *толун* ‘полный’; азерб. *ахин* ‘течение’, *бічин* ‘жатва’; алт. *ð'үн* ‘собрание’, *ð'адін* ‘жизнь’; гаг. *јїн* (<*йїн*) ‘куча’; казах. *тілбін* ‘пробка’, *шілбін* ‘расход’; тур. *әкін* ‘посев’, *талаң* ‘ограбление’;

(-iñ)di ~ (-iñ)tii — др.-турк. *акінді* ‘текущий’, *әкінді* ‘посеянный’; азерб. *бірінші* ‘крошки’, *төкүнші* ‘отбросы’; алт. *казінші* ‘колодец’, *суралті* ‘прощение’, *салынші* ‘подать’; башк. *кіфінші* ‘вырезка’, *сібінші* ‘выступ’; гаг. *башлангші* ‘начало’, *бічинші* ‘сжатый хлеб’, *јапінші* ‘постройка’; казах. *сілірінші* ‘сор’; кирг. *јүнду* ‘помои’; тув. *үзүндү* ‘отрывок’; тур. *үркүнші* ‘страх’, *акінші* ‘течение’, *сүрүрүнші* ‘мусор’, *ðэрінші* ‘сбор’; туркм. *тапнінші* ‘находка’, *бәлінші* ‘остаток’, *кәсінші* ‘обрезок’, ‘полено’, *біркінші* ‘лоскут’; узб. *кіжкінші* ‘обрезки’, *јібінші* ‘совокупность, сумма’, *сікінші* ‘сжатый, сдавленный’, *јувінші* ‘помои’;

(-i)m ~ (-y)m ... — др.-турк. *сібіт* ‘печаль’, *јанут* ‘ответ’, *качут* ‘бегство’, *бліт* ‘смерть’; ст.-тур. *кәчід* ‘перевал’, ‘ущелье’, *ögüt* ‘совет’; ст.-узб. *бліт* ‘мор’; алт. *базіт* ‘походка’, ‘ходьба’, *чібіт* ‘выход’; башк. *ðмәт* ‘надежда’, *үләт* ‘мор’; казах. *байт* ‘направление’, *бөгәт* ‘плотина’; тур. *гәчіт* ‘проход’, *конут* ‘жилище’, *кәстіт* ‘разрез’, *курут* ‘высущенный сыр’; узб. (диал.) *тубут* ‘рождение’, *күйут* ‘горе’, *којут* ‘подношение’;⁶⁰⁵ хак. *наzіт* ‘шаг’; шор. *чажіт* ‘тайна’, *чүгүт* ‘бег’, *кәліт* ‘приход’;

(-kak) ~ -бак — др.-турк. *тұтқак* ‘захват’, *ајбак* ‘доносчик’, *качкак* ‘беглец’, *авкак* ‘ступа’; ст.-узб. *әшкәк* ‘весло’, *баткак* ‘топъ, болото’, *баскак* ‘наместник’, ‘сборщик податей’, *ајбак* ‘вестник’; алт. *курбак* ‘сухой’, *кіжбак* ‘осока’, *түнбак* ‘глухой’, *күңгәк* ‘засуха’; башк. *јомбак* ‘клубок’, *тәргәк* ‘сверток’; казах. *ілгәк* ‘застежка’, ‘крючок’, *әскәк* ‘весло’; узб. *урушкәк* ‘дракливый’, *тірішкәк* ‘старательный’; хак. *ілгәк* ‘сито’; шор. *шашкак* ‘овод’, *ундұткак* ‘забывчивый’;

(-kiñ) ~ -кун ~ -бін ~ -бун — др.-турк. *тұтқун* ‘пленник’, *баркін* ‘путешественник’; ст.-узб. *сатқун* ‘продажный’, *кувбун* ‘преследователь’, *чапбун* ‘совершающий набег’, *öttкүн* ‘острый’; азерб. *басбін* ‘нападение’, *бізбін* ‘горячий’, ‘пламенный’, *кәскін* ‘резкий’, *јорбун* ‘усталый’; алт. *урбун* ‘проливной’, *ð'аjкін* ‘разлив’; башк. *сандыкін* ‘гонец’, *касқін* ‘беглец’; гаг. *ðүзгүн* ‘исправный’; казах. *таскін* ‘наводнение’; тур. *јанбін* ‘пожар’; узб. *турбун* ‘ постоянный’, ‘устойчивый’, *учкун* ‘искра’, *јұшкін* ‘кинящий, бурлящий’, *кувбін* ‘разгон’, *әзбін* ‘худой’; хак. *тәскін* ‘беглец’; ср. башк. (диал.) *баðкінсі* ‘захватчик’, *сандыкінсі* ‘посыльный’;

(-kiñ) ~ -куч ~ -кач ~ -біч ~ -бүч ~ -бач — др.-турк. *ачкіч* ‘ключ’, *кісбач* ‘щипцы’, *јонбач* ‘рубанок’, *јұлзуч* ‘щипцы’; ст.-узб. *тітралғұч* ‘украшения, подвешиваемые к шее или рукам’, *салынбач* ‘качели’, ‘колыбель’, *јәлпігіч* ‘веер’, *баскіч* ‘ступенька’; алт. *аскіш* ‘таган’, *сібірткіш* ‘свистулька’, *отурбуш* ‘табурет’, *тәпкіш* ‘ступенька (лестница)’, *сүрткүш* ‘мазь’, *кандіш* ‘ухват’; башк. *һөрткәс* ‘тряпка’, *урбіс* ‘жнейка’; башк. (диал.) *тарпткіс* ‘подруга’, *сандыкіс* ‘тряпка’, *сүрәкіч* ‘волокуша’; гаг. *кіскіч* ‘кузнецкие клещи’, *дајангач* ‘подпорка’, *саллангач* ‘колыбель’; казах. *жіліткіш* ‘грелка’, *жапкіш* ‘заслонка’, *сілірбіш* ‘венник’; кирг. *сізбіч* ‘линейка’; кум. *сүзгүч* ‘сито’, ‘цедилка’; тур. *кіскач* ‘щипцы’, ‘клещи’, *тікач* (?<*тіккач*) ‘пробка’, ‘втулка’, *јастанбач* ‘подушка’; узб. *чизбіч* ‘линейка’, *кашләвіч* ‘скребница’, *сүрбіч* ‘соска’, *савабіч* ‘палочка, которой перебирают вату’; узб. (диал.) *тірәгіч* ‘подпорка’; хак. *откіс* ‘проход’, *чарітхас* ‘факел’, *хајірбас* ‘оселок, брускок’;

(-мач) — ст.-узб. *кавурмач* ‘жаркое’, *кіжмач* ‘раскосый’, *буламач* ‘мучное блюдо’, *тұтмач* ‘лапша’; ст.-тур. *доламач* ‘водоворот’; гаг. *јанілтмач* ‘скороговорка’, *алдамач* ‘магарыч’, *ðөнәмәч* ‘поворот, изгиб’; тур. *базламач* ‘оладьи’; узб. *умж* ‘затируха’;

⁶⁰⁵ См.: Фарманов И. Ошский говор узбекского языка. АНД. Ташкент, 1960, с. 13.

-чак -*čak* — др.-турк. *basıñčak* ‘несчастный, подавленный’; ст.-узб. *salıñčak* ‘качели’, ‘колыбель’, эмчák ‘сосок груди’, *tajančak* ‘опора’; азерб. *utənčaq* ‘застенчивый’, ‘стыдливый’; алт. *uruşčak* ‘драчливый’, *korķiččak* ‘боязливый’, *ačiččak* ‘обидчивый’; узб. *mäktanček* ‘хвастливый’, *zriñčak* ‘ленивый’; чуваш. *muxtančäk* ‘хвастун’, *vidənček* ‘покрывало’; шор. *tar-*
tïñčak ‘уирямый’, *sïñčak* ‘ломкий’, *uñdutčak* ‘забывчивый’;
-чиk -*čik* — узб. *cirbañčik* ‘скользкий’; хак. *maxtančiχ* ‘хвастун’,
хончиχ ‘сосед’; шор. *kunanciχ* ‘печальный’, *korbuñčik* ‘боязливый’.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ПРАФОРМ*

Формы словоизменения

а) падеж

- *-*iγ* — вин.
- *-*iñ* — твор. (орудн.)
- *-*ïñ* — род.
- *-*kā* (< *kāpy) — напр.-дат.
- *-*mā* — местн.
- *-*mā* ~ *-*māñ* ~ *-*mīñ* (? < *-mājan ~ *-mā-*jññ*) — исх.
- *-*ñā* (< *-çāk) — сравн.-ограничительн.

б) принадлежность

- *-*i* (*-cī) — 3 л. ед. ч.
- *-*im* — 1-е л. ед. ч.
- *-*iñ* — 2-е » » »
- *-*nīc* — 1-е » мн. »
- *-*cīc* — 2-е » » »

в) число

- *-*lar* (*-lār) — мн.

Промежуточные формы

- *-*ak* — уменьшительность-ласкательность
- *-*ac* — то же
- *-*ïñki* — абстрактная принадлежность
- *-*kaç* — уменьшительность-ласкательность
- *-*ki* — отношение (в широком смысле)
- *-*ll* (*-lī) — парность

- *-*cīc* — привативность
- *-*mäki* — отношение к пространству и времени
- *-*çāk* (< *-çāk) — уменьшительность-ласкательность
- *-*çik* — то же

Формы словообразования

а) существительные

- *-*lak* (*-lāk) — собирательность, совокупное расположение предметов или живых существ
- *-*līk* (*-līb) — собирательность, отвлеченность
- *-*taš* (*-tāš) — лицо или предмет-субъект процесса или состояния
- *-*turyuk* — орудие, средство, приспособление
- *-*çii* — лицо по характеру занятий, действий или привычек

б) прилагательные

- *-*ïltim* (*-ïltiřim) — неполнота признака
- *-*līγ* (*-līγ) — обладание, отношение (в широком смысле)
- *-*līk* (*-līb) — предназначение
- *-*rāk* (< *-ärāk) — неполнота признака
- *-*çaç* — склонность, расположенност; обладание, с подчеркиванием исключительности
- *-*çil* — склонность, расположенност

* Здесь учтены все доступные материалы современных и древних тюркских языков, а также изложенные выше результаты сравнительного исследования. В ходе дальнейших разысканий список будет уточнен и расширен главным образом за счет словообразовательных элементов.

в) числительные

-ā^ūy (-ā-ūy) — собирательные, ср. имена действия
-ā^ūulā (-ā-ūy-łā) — то же
-ā^ūulān (-ā-ūy-łā-n) то же
-ā^ūun (-ā-ūy-n) — то же
-ār (-ā-r) — разделительные, ср. имена действия
-īnč (-ī-nč) — порядковые, ср. имена действия
-lānč (-lā-nč) — то же
-lāp (-lā-n) — разделительно-приблизительные
*-tān — разделительные, ср. падеж
*-vā — приблизительные, ср. падеж

г) имена действия

*-ā, ср. *-ī, *-ū
*-γ, ср. *-k (*-b)
*-ł, ср. *-ā, *-ū
*-jyk
-k (-b), ср. *-γ
-kan (-van)
-kiń (-bin)
-kip (-bir)
-ky (-by)
*-m
*-n
*-nč
-nā (-mā)
-nāk (-māk)
-niš (-mīš)
*-p
*-m
-mīγ (-bīγ)
-mīk (-mīb)
*-ū, ср. *-ā, *-ł
*-vak

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалто П. (Aalto P.) — 84
 Абдулдаев Э. — 131
 Абдуллаев А. — 91
 Абдуллаев А. З. (Абдуллаев Э. З.) — 48, 98
 Абдуллаев Ф. А. — 31, 70, 76, 98
 Абдурахманов Д. (Абдурахмонов Д.) — 74
 Абуханов Г. А. — 80
 Аврорин В. А. — 148
 Азимов П. (Азымов П.) — 23
 Айдаров Г. — 110
 Айдаров Т. — 74
 Алексеев А. А. — 73
 Алиев В. Г. — 167
 Алиев У. Б. — 168, 170
 Ализаде А. Дж. (Олизадэ А.) — 86, 93, 95, 141, 158
 Алпаров Г. — 23
 Амансыров Дж. (Амансыров Ж.) — 50, 51, 52, 70, 135, 140, 141, 142, 145
 Андреев И. А. — 73, 80, 85, 167
 Андреев Н. А. — 55, 85, 91, 115, 120, 150
 Антонов Н. К. — 87, 113
 Ашсаев А. М. — 43, 82, 130
 Аразкулиев С. (Аразкульев С.) — 51, 66, 73, 82, 97, 145, 152
 Арат Р. Р. (Arat Rachmeti R.) — 109
 Аскарова М. (Асқарова М.) — 136, 143
 Асланов А. — 95
 Асланов В. И. — 26
 Аслидинов С. — 80
 Атаджанов М. (Атажанов М.) — 30, 39, 82, 97, 145
 Аталаи Б. (Atalay Besim) — 52, 108
 Афанасьев П. С. — 57, 74, 88
 Афзалов Ш. А. — 38, 52, 121, 135, 137, 143
 Ахатов Г. Х. — 70, 75, 97, 128, 130, 131, 152, 155, 156
 Ахмедов А. — 127, 130, 131, 142, 151
 Ашмарин Н. И. — 25, 39, 44, 45, 85, 128, 144, 149, 150, 160
 Ашинин Ф. Д. — 41, 42, 53, 128, 130
- Бабушкин Г. Ф. — 35, 111, 114
 Баева Н. Х. — 45, 119, 141, 152, 154, 155, 161, 171
 Базен Л. (Bazin L.) — 20, 21, 53
 Байрамдурдыев Б. — 45, 131, 145
 Байрамов А. — 105
 Бакинова Г. — 55, 78, 132, 142
- Балакаев М. Б. (Балақаев М. Б.) — 64
 Банг В. (Bang W.) — 3, 27, 31, 32, 37, 38, 41, 46, 49, 53, 68, 72, 75, 76, 78, 79, 83, 85, 89, 99, 105, 107, 113, 125, 126, 143, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 160, 163, 166
 Барашков П. П. — 10
 Баскаков Н. А. — 3, 20, 32, 45, 101, 104, 115, 118, 124, 126, 132, 133, 134, 136, 137, 145, 165, 168, 169
 Бейшекеев Н. — 131
 Бекбергенов А. — 141, 142, 153
 Бенцинг И. (Benzing J.) — 25, 30, 34, 39, 45, 50, 59, 73, 80, 85, 91, 146, 149, 150
 Бердалиев А. — 105
 Бердиев Р. (Бердиев Р.) — 30, 51, 73, 82, 97, 145, 152
 Бертагаев Т. А. — 16
 Бётлингк О. (Böhtlingk O.) — 3, 15, 18, 27, 31, 32, 34, 37, 39, 42, 54, 57, 58, 78, 87, 91, 99, 104, 124, 125, 144, 146, 148, 157, 158
 Бехбудов С. М. (Бенбудов С. М.) — 35, 73, 108, 124, 145, 157
 Бидуэл Ч. Э. (Bidwell Ch. E.) — 24
 Благова Г. Ф. — 48, 159
 Богородицкий В. А. — 3, 12, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 45, 72, 78, 83, 89
 Бодуэн-де-Куртенэ И. А. — 12
 Бозиев А. Ю. — 18, 103
 Болатов Ж. — 166
 Бонфантэ Дж. (Bonfante G.) — 12
 Боргояков М. И. — 83
 Боржаков А. (Боржаков А.) — 48, 51, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 134, 138, 162
 Борибаев А. — 166, 167
 Боровков А. К. — 13, 15
 Брокельман К. (Brockelmann C.) — 40, 41, 86, 88, 92, 107, 145, 146, 154
 Бурганова Н. Б. (Борнанова Н.) — 48, 74, 139
- Вайнрайх У. (Weinreich U.) — 13
 Валиев М. — 75
 Вегелин К. Ф. (Voegelin C. F.) — 24
 Вейсбах Ф. Г. (Weissbach F. H.) — 144
 Велиев С. А. (Вәлијев С. Ә.) — 73
 Виноградов В. В. — 94, 95
 Владимицов Б. Я. — 11, 13, 16, 84, 85, 139
 Воронкин М. С. — 25, 57, 88

- Габен А. (Gabain A. von) — 3, 26, 41, 42, 46, 53, 85, 88, 122, 123, 125, 126, 127, 133, 134
 Гадельшин Л. С. — 170
 Гаджиева Н. З. — 50, 98
 Гамбис Л. (Hambis L.) — 11
 Гарипов Т. М. — 20
 Гафурова Н. С. (Гафурова Н.) — 27, 30, 38, 73, 74, 132, 137
 Глисон Г. — 24
 Гомбоц З. (Gombocz Z.) — 153
 Гоммель Ф. (Hommel F.) — 144
 Гордлевский В. А. — 129, 140, 141
 Грёнбек В. (Grønbech V.) — 14
 Грёнбек К. (Grønbech K.) — 3, 20, 27, 31, 32, 41, 42, 80, 82, 83, 88, 89, 91, 92, 93, 150
 Григорьев Н. С. — 112
 Гроот А. В. (de Groot A. W.) — 61
 Грунин Т. И. — 98, 111
 Грунцель И. (Grunzel J.) — 15
 Гуджиков С. (Гүжүков С.) — 99
 Гудиашвили Е. — 76
 Гузев В. Г. — 4, 155
 Гулямов А. Г. (Гулом А., Гуломов А. Ф.) — 21, 57, 60, 83, 88, 89, 91, 92, 100, 102, 103, 104, 105, 107, 108, 115, 140
 Гулямов Я. Г. (Гуломов Е. Ф.) — 27, 60, 67, 71, 73, 75, 76, 115
- Данияров А. Д. — 83
 Данияров Х. — 172
 Дащчян Т. Дж. — 161, 163
 Дени Ж. (Deny J.) — 17, 20, 21, 27, 31, 32, 42, 83, 88, 89, 90, 95, 98
 Дёрфер Г. (Doerfer G.) — 11, 13, 150
 Джалаев А. Д. (Джалалов О.) — 13
 Джамалдинов О. — 42, 80
 Джанбидзе К. — 136
 Джангидзе В. Т. — 56, 119, 120, 121, 145
 Джазарзаде М. М. — 116, 145, 156
 Джкафарли А. — 120
 Джкафаров С. (Чәфәров С.) — 118, 157
 Джкафаров Х. (Чәфәров Б.) — 37, 117, 120
 Джкафароглу А. (Caferoğlu A.) — 86, 107
 Джикия С. С. — 76
 Джуманазаров Ю. (Жуманазаров Ю.) — 74, 75, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 130, 131, 136, 140, 156
 Джуманъязов Р. (Жуманъязов Р.) — 167
 Джуроев Б. — 66, 128, 130, 131, 135, 136, 145, 152, 156
 Дилячар А. (Dilâçar A.) — 83
 Дмитриев Н. К. — 3, 20, 21, 29, 34, 41, 46, 50, 54, 62, 72, 75, 76, 77, 78, 82, 83, 85, 90, 99, 121, 126, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 141, 143, 157, 167, 168, 170
 Долинина Ю. П. — 59
 Доможаков Н. Г. — 49, 56, 95, 124, 132, 136
 Донидзе Г. — 56
 Дримба В. (Drimba V.) — 60
 Дульзон А. П. — 76
 Дуран С. (Duran S.) — 43, 48
 Дыйканов К. — 72, 83, 106
 Дыренкова Н. П. — 3, 22, 48, 52, 54, 58, 59, 64, 75, 114, 116, 124, 130, 132, 140
 Дюмезиль Ж. (Dumézil G.) — 144
- Ергалиев Т. — 167
 Жабоев М. Т. — 142
 Жигжанова Л. Г. — 71, 72
- Зайончковский А. (Zajęczkowski A.) — 41, 77, 102
 Закиев М. З. — 25, 62, 99
 Залаяй Л. З. (Жәләй Л.) — 16, 139
 Зарипов Р. Ф. — 62, 63, 64
 Захарова О. В. — 48
 Зияева И. — 67
 Зулфиев Н. — 90, 111
 Зуфаров С. — 45
- Ибатов А. М. — 130, 142
 Ибрагимов Б. М. — 66
 Ибрагимов С. (Иброхимов С.) — 128
 Ибраимов А. — 119, 170
 Иванов А. И. — 28, 30, 59, 64, 68
 Иванов С. Н. — 4, 80, 81, 94
 Икрамова Р. (Икрамова Р.) — 79, 101, 102
 Инкижекова-Грекул А. И. — 161
 Исаев Д. — 77
 Исаков И. (Исақов И.) — 136, 143
 Исенгалиева В. А. — 48
 Искаков А. И. — 20
 Исламов М. И. — 116, 119, 120, 123, 124, 133, 135, 171
 Исхаков Ф. Г. — 3, 26, 34, 37, 49, 54, 58, 59, 67, 69, 71, 75, 93, 111, 114, 115, 130, 133, 146, 153
 Исхаков Ф. И. (Исақов Ф.) — 162
 Ишаев А. — 37, 83
 Ишбулатов Н. Х. — 30, 60, 65, 106, 107, 108, 113, 115, 121, 154, 155, 156, 170, 171, 172
- Каджарова Э. — 169
 Каймова Б. — 163, 171
 Калмыкова С. А. — 128, 145
 Калужинский С. (Kałużyński S.) — 84, 101
 Калужиньски С. см. Калужинский С.
 Калыбаева-Хасенова А. (Қалыбаева-Хасенова А.) — 106
 Камилова Х. (Комилова Х.) — 64, 128
 Канюкова А. С. — 85, 124
 Карасаев Х. — 62, 72
 Каримов К. (Каримов Қ.) — 41, 46, 48, 78
 Карпов В. Г. — 154
 Кастрен М. А. (Castrén M. A.) — 84, 140
 Катанов Н. Ф. — 3
 Кенесбаев С. (Көнәсбаев С.) — 141, 152
 Керт Г. М. — 151
 Керимов И. А. — 72, 98, 115, 122, 131
 Кёлле С. В. (Koelle S. W.) — 139
 Киеқбаев Дж. Г. — 15, 16, 32, 37, 40, 50, 71, 72, 85, 98, 123, 124, 133
 Киличев Э. Р. — 42, 52
 Кливз Ф. В. (Cleaves F. W.) — 11
 Клосон Дж. (Clauson G.) — 90, 147, 150, 153
 Ковальский Т. (Kowalski T.) — 3, 27, 83, 93, 94
 Козин С. А. — 84
 Коқлянова А. А. — 63

- Кондратьев В. Г. — 169
 Кононов А. Н. (Kononov A. N.) — 3, 78, 83, 90, 100, 103, 107, 114, 117, 118, 126, 129, 138, 146, 147, 166, 168, 169
 Константинова О. А. — 148, 151
 Коркина Е. И. — 54, 88
 Коркмаз З. (Korkmaz Z.) — 26, 30, 43, 52, 101, 117, 171
 Корнилов Г. Е. — 44
 Корш Ф. Е. — 109, 140
 Котвич В. (Kotwicz W.) — 31, 33, 37, 40, 51, 76, 83, 85, 89, 125, 126, 127, 131, 133, 139, 153
 Котлеев В. И. — 60, 73, 74
 Краэлитц Ф. (Kraelitz F.) — 139
 Кудайбергенов С. — 10, 130, 131, 132
 Кузнецов П. И. — 27, 169
 Кулдашев М. (Күлдөшев М.) — 112
 Кулиев Г. К. — 78
 Кульманов Г. — 97, 132
 Куренов С. (Куренов С.) — 51, 73, 82, 97, 145, 151, 152, 168
 Курилович Е. (Kurylowicz J.) — 61
 Курышканов А. — 45, 64
 Кутлымуратов Б. К. — 160
 Кучигашева Н. А. — 36, 42, 47, 68, 97, 101, 104, 152

 Лауфер Б. (Laufer B.) — 31, 139
 Лебедева Е. П. — 148
 Леви С. — 139
 Левитская Л. С. — 4
 Левицкий М. (Lewicki M.) — 9, 40
 Лекок А. (Le Coq A.) — 172
 Летягина Н. И. — 143
 Лигети Л. (Ligeti L.) — 3, 85, 125
 Любимов К. М. — 94

 Магнуссон Р. (Magnusson R.) — 22
 Магруфов А. (Мағруфов А.) — 67
 Магруфов З. М. (Ma'rufov З., Ma'-ruф З.) — 101, 108, 115
 Мадрахимов А. — 110
 Майзель С. С. — 79, 80, 142
 Максимов В. В. — 73
 Максютова Н. Х. — 30, 45, 47, 55, 65, 70, 77, 87, 105, 106, 107, 108, 116, 121, 131, 132, 135, 136, 137, 141, 152, 153, 169
 Малов С. Е. — 3, 53, 130, 139, 140, 141
 Маманова Г. — 100
 Маматов А. — 96
 Мамедкулиев Д. — 145
 Мамедов И. М. — 102, 116, 119, 120, 121, 145, 171
 Мамедов С. А. — 42, 52
 Мансуроглу М. (Mansuroğlu M.) — 41, 128, 172
 Манькина С. С. — 104
 Матвеев Т. М. — 140, 150
 Матхеев Б. В. — 11
 Махмутова Л. Т. — 30
 Машаков Х. А. — 52, 131, 135, 148
 Меджидова А. Б. — 145, 150
 Мейе А. (Meillet A.) — 12, 139
 Мелиоранский П. М. (Melioranskij P.) — 3, 14, 32, 38, 66, 87, 98, 109, 146, 161, 167
 Мелиев К. М. — 160, 161, 162, 168
 Менгес К. Г. (Menges K. H.) — 3, 27, 31, 37, 40, 45, 46, 48, 50, 72, 78, 83, 89, 134, 146, 150, 151

 Менглиева Г. — 65, 91, 97, 131, 137
 Миллер Б. В. — 146
 Миржанова С. Ф. — 36, 107
 Мирзаев М. М. — 42, 52, 66, 67, 75, 142
 Мирзакаримова У. — 156
 Мирсаатов Т. З. (Mirsaatov T. Z.) — 155
 Михайлова М. С. — 169, 171
 Моллова М. (Mollova M.) — 21
 Мостэр А. (Mostaert A.) — 11
 Мункачи Б. (Munkácsi B.) — 31, 85, 86, 95, 125, 126, 140
 Мурадов А. — 100
 Муратов С. Н. — 107
 Мусабаев Г. Г. (Müsabäev F. F.) — 58, 113
 Мусаев К. М. — 3, 71, 81, 93, 95, 108, 115, 152, 167
 Мухамедова З. Б. — 147
 Мухиев Х. — 36, 121, 145
 Мухтаров Дж. (Мухторов Ж.) — 159, 166, 170
 Мишанов М. — 86
 Мюллер М. (Müller M.) — 12
 Мюллер Ф. В. К. (Müller F. W. K.) — 41

 Наджафова М. — 110
 Назаров К. — 73, 75, 76, 77
 Нартыев Н. — 82, 119, 120
 Насилов В. М. — 78
 Насилов Д. М. — 172
 Насыров Д. С. — 83, 168
 Насыров Ш. (Nosirov Ш.) — 30, 45, 73, 97, 130
 Немет Ю. (Németh J.) — 3, 108, 147
 Неталиева Х. — 162, 165
 Нигматов Х. Г. — 42, 52
 Низамидинова С. (Низомиддинова С.) — 91, 142, 158
 Никифоров Г. А. — 88, 90, 91
 Новикова К. А. — 148
 Нурмагамбетов А. — 70, 82, 112, 116, 135, 153, 158, 166

 Очинникова И. К. — 43
 Орозакунов Ш. — 106
 Орузбаева Б. О. — 106, 111
 Орусбаев А.-К. — 21

 Павлов И. П. — 56
 Пальмбах А. А. — 3, 26, 49, 54, 67, 69, 71, 93, 111, 114, 130, 133, 153
 Патачакова Д. Ф. — 36, 46, 48, 49, 56, 59, 66, 77, 82, 91
 Пекарский Э. К. — 42, 58, 84
 Пенджиев М. (Penjiev M.) — 139, 146, 150, 152
 Пешковский А. М. — 23
 Пизани В. (Pisani V.) — 12
 Покровская Л. А. — 3, 26, 34, 63, 75, 90, 129, 138
 Поппе Н. Н. (Poppe N.) — 27, 40, 46, 50, 83, 85, 87, 88, 123, 128, 131, 146
 Потебня А. А. — 94
 Понделуевский А. П. — 50, 59, 126
 Прицак О. (Pritsak O.) — 3, 85, 89, 92, 142, 149

 Раджабов Э. Э. (Рәчәбов Ә. Ә.) — 142
 Радлов В. В. (Radloff W.) — 3, 10, 15, 27, 31, 34, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 45,

- 46, 48, 49, 50, 53, 54, 56, 57, 58, 70,
 77, 78, 87, 104, 109, 110, 113, 125, 127,
 128, 142, 144, 161, 163, 168
 Рамстедт Г. И. (Ramstedt G. J.) — 3, 9,
 11, 20, 40, 46, 50, 58, 76, 83, 85, 89,
 90, 133, 138, 144, 147, 166, 172
 Рассадин В. И. — 98, 132
 Растворгусева В. С. — 13
 Расулова Н. А. — 88
 Рахматуллаев Ш. (Раҳматуллаев Ш.) —
 20, 152, 156
 Ревзин И. И. — 24
 Решетов В. В. — 30, 67
 Росетти А. (Rosetti A.) — 13
 Росс Д. (Ross D.) — 167
 Рузиев Г. (Рӯзиев Г.) — 67
 Рустамов А. — 98
 Рустамов Р. А. (Рұстемов Р. Ә.) — 38,
 83, 105, 145
 Рясянен М. (Räsänen M.) — 3, 40, 58,
 83, 86, 95, 114, 124, 128, 133, 147,
 149, 150, 154
- Садвакасов Г.** — 79, 82, 100, 103, 112,
 128
 Садыгов А. Ш. — 49, 168
 Садыкова М. (Содиқова М.) — 111
 Садыхов Б. П. — 30, 134
 Сайдниязова Х. (Сайдниәзова Х.) — 143
 Салиев С. — 103
 Самойлович А. Н. — 41, 95, 139
 Санжеев Г. Д. — 11, 16, 84
 Сарыбаев Ш. — 130
 Сат Ш. Ч. — 60, 167, 169
 Севортиян Э. В. (Sevortjan E. V.) — 3, 4,
 18, 29, 38, 41, 43, 48, 54, 62, 71, 76,
 79, 95, 97, 100, 105, 107, 108, 109, 111,
 112, 161, 165
 Сейдов Ш. (Сейидов Ш.) — 103
 Сергеев В. И. — 83
 Сергеев Л. П. — 44, 56, 73, 85, 124, 154
 Серебренников Б. А. (Serebrennikov B. A.) — 3, 18, 37, 40, 45, 50,
 56, 72, 73, 76, 78, 80, 81, 82, 83, 163
 Синор Д. (Sinor D.) — 3, 27, 36, 45, 83,
 84, 85, 86, 87, 88, 146, 147
 Созаев Б. Т. — 104, 119
 Соколов С. А. — 94, 163
 Сопиев Г. (Сопиев Г.) — 101
 Степанов Ю. С. — 61
 Страт Дж. Ч. (Street J. Ch.) — 11
 Сундетова М. — 113
 Суник О. П. — 23
 Суюнчев Х. И. — 126, 127, 129
 Суяров И. — 77, 87, 91, 126, 129, 133,
 136
 Сыдыков С. — 10
 Сыздыкова Р. — 162
- Тагиев Б. М. (Тагыев Б. М.) — 116, 120
 Тадыкин В. Н. — 160, 170
 Тачмурадов Т. (Тәчмұрадов Т.) — 74,
 81, 82
 Текин Т. (Tekin T.) — 41, 46, 57
 Тенишев Э. Р. — 74, 117, 130, 136, 144
 Теньер Л. (Tesnière L.) — 12
 Тице А. (Tietze A.) — 63, 101
 Тодаева Б. Х. — 25, 74
 Тойчубекова Б. — 160, 165
 Томсен В. (Thomsen V.) — 48, 161
 Тошакова Т. М. — 26, 42, 44
- Трыярский Э. (Trujarski E.) — 90
 Тулеуов А. — 108, 112
 Туляков С. — 30, 73, 74, 90, 141, 142
 Тумашева Д. Г. — 75, 158, 168, 171
 Турабова М. Я. — 62
 Тургунов Т. (Турғунов Т.) — 30, 38
 Турджаханова М. — 83
- Убрытова Е. И. — 34, 35, 36, 57, 75, 112
 Узаков Х. (Узоков X.) — 130
 Уметалиева Б. Д. — 104, 115, 119, 143
 Усманов С. У. — 20
- Фазылов Э. — 89
 Файзуллаева Ш. А. — 130
 Фарманов И. (Фармолов И.) — 74, 75,
 173
 Федотов М. Р. — 73
 Филмор Ч. (Fillmore Ch. J.) — 61
 Фитце Г.-П. (Vietze H.-P.) — 86
 Фортунатов Ф. Ф. — 22
- Хабичев М. А. — 95, 108, 122, 131
 Хаджиев А. (Хожиев А.) — 20, 162, 168
 Хазаи Г. (Hazai G.) — 30, 82
 Хазратова Р. — 95
 Халеви Ж. (Halevi J.) — 140, 143, 144
 Халидов Р. Ю. (Хәлилов Р. Ж.) — 142,
 144, 156, 158
 Хамдамов П. (Хамдамов П.) — 158
 Хаметова А. — 124
 Харитонов Л. Н. — 3, 10, 34, 45, 57,
 58, 67, 79, 87, 94, 99, 141, 142, 143,
 144
 Харматта Я. (Harmatta J.) — 87
 Хасенов А. (Хасенов Ә.) — 142, 156
 Хасенова А. К. — 20
 Хениц Э. (Haenisch E.) — 10
 Холодович А. А. — 15
 Хыдыров М. Н. — 63
- Цаплина Р. И. — 73, 85
- Чадамба З. Б. — 49, 60, 70
 Чакенов Дж. — 119
 Чернышев В. И. — 152
 Чечейбаева Н. — 139
 Чешко Е. В. — 61
 Чуйжекова Е. Н. — 26, 64, 142, 143,
 149, 152
 Чуркин Т. Я. — 85
- Шаабдурахманов Ш. (Шоабдурахмонов Ш.) — 30, 113, 152
 Шайнаятова Т. Ш. (Шоиноятова М. Ш.) —
 37
 Шакирова Н. М. — 93
 Шакирова Р. Ф. — 131
 Шамсиддинов И. И. — 70
 Шамсиева М. — 102
 Шамурадов К. (Шамырадов К.) — 50,
 51, 73, 82, 97, 119, 145, 152, 170
 Шапиро А. Б. — 23
 Шашшал Х. С. (Szapszał H. S.) — 171
 Шарипов М. К. — 142
 Шарипов О. — 119, 121, 132, 136, 142,
 152, 155

- Шарипов Х. — 97, 113, 128, 130, 142
Шарипова К. А. — 105, 111
Шахманова (Шахманова-Гарданова) Р. Г.
— 97, 157
Шахматов А. А. — 94
Шерматов А. — 73, 119, 130, 131, 136,
145
Ширазиев М. Ш. — 56, 73
Шлегель Фр. (Schlegel Fr.) — 15
Шлейхер А. (Schleicher A.) — 12, 148
Шонфельдер К. Г. (Schönfelder K. H.) —
12
Шотт В. (Schott W.) — 15, 32, 45, 133,
144
Шоу Р. Б. (Shaw R. B.) — 32
Шриффл К. (Schriefl K.) — 35, 39, 78
Штейнталль Г. — 15
Шукуров Ш. — 162, 169
Шукюров А. Дж. — 53, 80
Шухардт Г. — 12

Щерба Л. В. (Ščerba L.) — 13
Щербак А. М. — 3, 9, 12, 16, 18, 46,
102, 107, 138, 145, 160, 166

Эгамов В. — 36, 37
Эйазов А. Г. (Ејвазов А. Г.) — 113, 115
- Экман Я. (Eckmann J.) — 114, 141, 142
Эллингаузен М. (Ellinghausen M. E.) —
24
Эмре А. Дж. (Emre A. C.) — 20, 27,
83, 98, 113, 117, 118, 150
Эрджиласун А. Б. (Ercilasun A. B.) —
108
- Юдахин К. Н. — 140
Юлдашев А. (Йүлдошев А.) — 67
Юлдашев А. А. — 17, 18, 19, 48, 60, 77,
79
Юлдашева Г. Д. — 24
Юнд К. (Jund K.) — 141
Юнусалиев Б. М. — 19, 107, 113, 119,
131, 132, 142, 151
Юнусов М. А. — 13
Юсупов Х. Г. — 36, 45, 60, 71, 97, 132,
133, 137, 142, 154, 155, 156, 161, 172
- Якобсон Р. (Jakobson R.) — 61, 63
Якупова Г. К. — 87
Яруллина У. М. — 65
Ястребский С. В. — 34, 35, 38, 45, 56,
57, 58, 78, 124, 125, 146

)

**УКАЗАТЕЛЬ АФФИКСОВ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ, РАССМАТРИВАЕМЫХ
ИЛИ УПОМИНАЕМЫХ В РАБОТЕ ***

<i>a</i>	<u>-анъ</u> — именин. словообр. 161 <u>-анч</u> — то же 161 <u>-ар</u> — » » 170 <u>-ар</u> — принадл. 2-го л. мн. ч. 74 <u>-арак</u> (- <i>a-rak</i>) 115 <u>-ардан</u> (- <i>ar-dan</i>) 154 <u>-ардабан</u> (- <i>ar-daban</i>) 155 <u>-арлабан</u> (- <i>ar-lavan</i>) 156 <u>-арлап</u> (- <i>ar-lap</i>) 156 <u>-арт</u> — неполнота признака прил. 119 <u>-арттак</u> — то же 119 <u>-арттір</u> — » » 119 <u>-ару</u> — напр. пад. 44 <u>-ас</u> — уменьш.-ласк. 101 <u>-асі</u> — именин. словообр. 171 <u>-ат</u> — то же 173 <u>-ат</u> — мн. ч. 87, 88 <u>-ах</u> — именин. словообр. 102 <u>-ах</u> — уменьш.-ласк. 101 <u>-ач</u> — то же 101 <u>-аш</u> — » » 101 (<i>ай-жыс!</i>)
<i>ā</i>	ā
	<u>-ā</u> — дат. пад. 36 <u>-ала</u> — собир. числ. 152 <u>-ар</u> — принадл. 2-го л. мн. ч. 74 <u>-аш</u> — уменьш.-ласк. 101
<i>ă</i>	ă
	<u>-ă</u> — принадл. 3-го л. ед. ч. 73 <u>-ăжē</u> — то же 73 <u>-ăжē</u> — собир. числ. 153 <u>-ăк</u> — именин. словообр. 102, 172 <u>-ăк</u> — уменьш.-ласк. 101 <u>-ăм</u> — принадл. 1-го л. ед. ч. 73 <u>-ăмэр</u> — » » мн. » 73 <u>-ăн</u> — род. пад. 29, 30 <u>-ăнба</u> (- <i>an-pa</i>) 35 <u>-ăр</u> — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
<i>ঃ</i>	ঃ
	<u>-ঃন্দ</u> — абстракти. принадл. 98 <u>-ঃখঃ</u> — дат. пад. 36

* В целях экономии места в Указатель включены преимущественно твердорядные разновидности аффиксов, сопровождаемые самыми общими определениями. Сложные аффиксы, морфологический состав которых прозрачен, приводятся без определений, но с указанием составляющих их основных компонентов.

б

- б — деепр. 25
-ба — именн. словообр. 163
-ба — твор. пад. 55, 56
-бан — то же 55
-банан — » » 55
-баң — » » 55
-біз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-біла — твор. пад. 55
-білада (-біла-да) 25
-біладан (-біла-дан) 25
-бінаң — твор. пад. 55
-біт — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-бітібар (-біт-і-бар) 48
-бут — принадл. 1-го л. мн. ч. 73

в

- ві — род. пад. 29
-вуз (-вуз-а) 27
-вуз — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
-віч (-віч) 165
-віш (-віш) 165

б

- ба — дат. пад. 21, 35, 36, 37, 48, 49, 50, 53, 66, 67, 68, 70
-бадіj (? -бу-діj) 160
-бак — именн. словообр. 173
-балак (? -бу-блак) 160
-балах (? -бу-блак) 160
-балі — деепр. 25
-бан — дат. пад. 36, 37
-бан — именн. словообр. 166, 167, 168
-бана — уменьш.-ласк. 100
-бар — напр.-дат. пад. 37, 47, 48, 49
-варак (-ва-рак) 114, 115
-варі — напр.-дат. пад. 44, 47, 48
-вару — то же 44, 47, 48, 49, 58
-варудін (-вару-дін) 109
-вач — именн. словообр. 173
-вача — предельн. пад. 55
-ваш — уменьш.-ласк. 101
-ва — дат. пад. 35, 36
-вартан (-вар-тан) 25
-вáру — напр. пад. 47
-ві — именн. словообр. 96, 97
-віді — напр. пад. 49
-віл — неполнота признака прил. 115, 116
-віл (-гіл) — собир. 95, 103
-блат — неполнота признака прил. 115, 116, 118
-блітіх — то же 115
-йін — именн. словообр. 168, 173
-віна — неполнота признака прил. 120
-віна — уменьш.-ласк. 100, 101
-віна — частица 52
-вінам (-віна-м) 100
-вінажах (-віна-жах) 102
-він — именн. словообр. 171, 172
-вір — интенсив 121
-віт — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-вітібар (-віт-і-бар) 48
-віч — именн. словообр. 173
-во — дат. пад. 35, 36, 67
-вóс — уменьш.-ласк. 101
-вú — именн. словообр. 9
-вузчи (-вуз-чі) 161

- вуда (-бу-да) 159
-вудақ (-бу-дақ) 160
-вуду — напр. пад. 49
-вұл — именн. словообр. 9
-вұлік (-бу-лік) 160
-вұлт — неполнота признака прил. 115
-вұмук (-бу-мук) 160
-вұн — именн. словообр. 173
-вұнча — деепр. 25
-вұр — именн. словообр. 171, 172
-вұсі (-бу-сі) 160, 161
-вұсіз (-бу-сіз) 160
-вұт — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
-вуч — именн. словообр. 173
-вучі (-бу-чі) 160

ð (ð)

- да — исх. пад. 47
-да — местн. пад. 9, 39, 40, 46, 66, 67, 70, 71
-да — частица 26, 136, 137
-да — части. пад. 57
-даған — прибл. числ. 155
-даї — именн. словообр. 97, 98
-даїнікі (-даїн-нікі) 96
-даj — исх. пад. 44
-даj — прибл. числ. 156
-даkі — именн. словообр. 9, 97, 98
-дан — именн. словообр. 113
-дан — исх. пад. 21, 26, 44, 46, 47, 65, 68, 69, 70, 71
-дан — разд. числ. 155
-данда (-дан-да) 26
-даннан (-дан-нан) 26
-дантан (-дан-тан) 26
-даң — исх. пад. 44, 45, 59, 63, 65, 68, 69
-даң — твор. пад. 55
-даңар — исх.-начинательн. пад. 58, 59
-дан — прибл.-разд. числ. 156
-дар — мн. ч. 40
-дас — именн. словообр. 106, 107
-дачі — то же 170, 172
-даш — » 106, 107
-даңар — сравн. пад. 57
-ді — вин. пад. 37, 38
-ді — неопр. местоимение 135, 136
-ді — прошедш. вр. 3-го л. ед. ч. 21, 24
-ді — род. пад. 29
-діса — напр. » 44, 49
-дів — именн. словообр. 169
-дів — сравн. пад. 58
-діван — прибл. числ. 155
-діj — сравн. пад. 58
-діjн — прибл. числ. 156
-діk — именн. словообр. 21
-діkі — абстрактн. принадл. 97
-дін — именн. словообр. 109, 112
-дін — исх. пад. 28, 44, 45, 46, 47, 64, 68, 69
-дің — род. » 29
-дір — неопр. местоим. 135, 136
-дір — побудительн. залог 24
-дірік — именн. словообр. 107, 108
-дін — совм. пад. 57
-до — вин. » 37
-до — местн. » 39
-до — части. » 57
-дон — исх. » 44, 68
-дон — разд. числ. 155
-дон — исх. пад. 44

-*доң* — род. » 29
 -*дор* — мн. ч. 82
 -*дөңзор* — сравн. пад. 57
 -*ду* — вин. » 37
 -*ду* — неопр. местоимение 136
 -*дува* — напр. пад. 49
 -*дув* — именн. словообр. 169
 -*дубар* — пор. числ. 10
 -*дуј* — сравн. пад. 58
 -*дук* — именн. словообр. 169
 -*дун* — то же 109, 112
 -*дун* — исх. пад. 44
 -*дун* — род. » 29
 -*дункі* (-*дун-кі*) 98, 109
 -*дүң* — род. пад. 29
 -*дур* — неопр. местоимение 135
 -*дұруқ* — именн. словообр. 107

J

-*ја* — неполнота признака прил. 119, 120
 -*ја* — прибл. числ. 155
 -*ја* — сравн.-ограничительн. пад. 53
 -*ја* — уменьш.-ласк. 101
 -*јав* — именн. словообр. 174
 -*јаз* — уменьш.-ласк. 102
 -*јас* — то же 102
 -*јаз* — неполнота признака прил. 119, 120
 -*јак* — уменьш.-ласк. 100, 102
 -*јапак* (-*ја-рак*) 114
 -*јах* — именн. словообр. 102
 -*јаз* — уменьш.-ласк. 102
 -*јәң* — именн. словообр. 112
 -*јек* — уменьш.-ласк. 100
 -*ји* — именн. словообр. 103
 -*ји* — пор. числ. 145, 146
 -*ји* — род. пад. 29
 -*јиз* — уменьш.-ласк. 102
 -*јиз* — то же 102
 -*јик* — » » 23, 100
 -*јик* — именн. словообр. 102, 174
 -*јик* — неполнота признака прил. 119
 -*јил* — именн. словообр. 118
 -*јок* — уменьш.-ласк. 100
 -*јуаз* — то же 102
 -*јук* — » » 100
 -*јут* — именн. словообр. 104

з

-*з* — именн. словообр. 86
 -*за* — местаи. пад. 28, 39
 -*за* — напр. » 28, 49
 -*зак* — именн. словообр. 113
 -*зан* — исх. пад. 44
 -*зар* — мн. ч. 82
 -*зар* — напр. пад. 44, 49
 -*зә* — то же 49
 -*зї* — вин. пад. 37
 -*зї* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
 -*зї* — род. пад. 29
 -*зібан* — неполнота признака прил. 117
 -*зіг* — именн. словообр. 113
 -*зік* — то же 113
 -*зімак* — неполнота признака прил. 117
 -*зімар* — то же 117
 -*зімәр* — » » 117
 -*зо* — местаи. пад. 39
 -*zon* — исх. » 44
 -*зу* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
 -*зумар* — неполнота признака прил. 117

з'

-*з'й* — именн. словообр. 103

i

-*и* — вин. пад. 32, 33, 37, 38, 39, 71
 -*и* — именн. словообр. 159, 166
 -*и* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 74, 75, 79, 80, 81
 -*иа* — собир. числ. 151, 152
 -*ибіз* — принадл. 1-го л. ед. ч. 73
 -*ибітін* (-*ибіт-ін*) 38
 -*ибрақ* (-*иб-рак*) 115
 -*ибчі* (-*иб-чі*) 165
 -*иб* — вин. пад. 37, 38, 39, 70
 -*иі* — именн. словообр. 164, 165
 -*иі* — род. пад. 30
 -*иіз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*иіз* — собир. числ. 153
 -*иін* (-*иб-ін*) 38
 -*иітін* (-*ибіт-ін*) 38
 -*иілі* (-*иб-лі*) 164, 165
 -*иіма* (-*иб-ма*) 164
 -*иісак* (-*иб-сак*) 164
 -*иічі* (-*иб-чі*) 165
 -*иіл* (-*и-іл*) 165
 -*иізак* — именн. словообр. 113
 -*иі* — принадл. 2-го л. ед. ч. 73
 -*иі* — притяж. местоимение 135
 -*иії* — абстрактн. принадл. 97
 -*иіз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*иік* — именн. словообр. 164, 172
 -*иік* — притяж. местоимение 134
 -*иінікі* (-*иік-інікі*) 97
 -*иіл* — неполнота признака прил. 115
 -*иілан* — собир. числ. 153
 -*иіланч* — пор. числ. 145, 149
 -*иілар* (-*и-лар*) 90
 -*иідіj* — неполнота признака прил. 115, 116
 -*иідір* — то же 115, 116
 -*иідірім* — » » 115, 116
 -*иідірін* — » » 115
 -*иілім* — » » 116
 -*иілір* — » » 116
 -*иіт* — » » 115, 116
 -*иітіj* — » » 115, 116
 -*иітім* — » » 115, 116
 -*иітір* — » » 115, 116
 -*иітірім* — » » 115, 116
 -*иім* — именн. словообр. 172
 -*иім* — принадл. 1-го л. ед. ч. 22, 23, 72, 74, 79
 -*иім* — притяж. местоимение 134, 135
 -*иіма* (-*и-ма*) 44, 53, 70
 -*иімару* (-*и-мару*) 41, 44
 -*иімбару* (-*и-м-бару*) 44
 -*иімдіk* — неполнота признака прил. 117
 -*иіміz* — принадл. 1-го л. мн. ч. 21, 73, 79
 -*иіміj* — пор. числ. 145
 -*иіміz* — принадл. 1-го л. мн. ч. 74
 -*иімсақ* (-*и-м-сак*) 113
 -*иімсах* (-*и-м-сах*) 113
 -*иімсіj* — неполнота признака прил. 117
 -*иімсіk* — то же 117
 -*иімсоj* — » » 117
 -*иімтіk* — » » 116, 117
 -*иімтіл* — » » 114, 116
 -*иімтіr* — » » 116
 -*иімтіраб* — » » 116
 -*иімтірак* — » » 116

-*імтраб* — » » 116
 -*імтрак* — » » 116
 -*імчі* — пор. числ. 145, 149
 -*ін* — именн. словообр. 173
 -*ін* — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
 -*ін* — разд. числ. 155
 -*ін* — род. пад. 29, 33
 -*ін* — твор. (орудия) пад. 28, 55, 57, 70
 -*іна* (-*ін-а*) 36, 67
 -*інба* (-*ін-ба*) 33, 36
 -*інда* (-*ін-да*) 33, 35
 -*індан* (-*ін-дан*) 35
 -*інді* — именн. словообр. 150, 173
 -*інді* — неполнота признака прил. 117
 -*інді* — пор. числ. 150
 -*індісі* (-*інді-сі*) 150
 -*іні* — именн. словообр. 161
 -*іні* (-*ін-і*) 33, 38
 -*ініз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73, 79
 -*ініш* — пор. числ. 150
 -*інкі* — абстрактн. принадл. 97
 -*інкілардан* (-*інкі-лар-дан*) 96
 -*інті* — именн. словообр. 150, 173
 -*інти* — неполнота признака прил. 117
 -*інтил* — то же 117
 -*інтир* — » » 117
 -*інтирах* — » » 117
 -*інці* — пор. числ. 145
 -*інч* — то же 144, 145, 146, 147
 -*інч* — именн. словообр. 147, 148, 161
 -*інч* — пор. числ. 144, 145, 146, 147, 149, 150
 -*ің* — принадл. 2-го л. ед. ч. 72, 74, 79
 -*ің* — род. пад. 29, 30, 31
 -*іналар* (-*ің-а-лар*) 76
 -*іңар* (-*ің-ар*) 74
 -*іңбіз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 74
 -*іңда* (-*ің-да*) 25
 -*іңдін* (-*ің-дин*) 35, 45
 -*іңіз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73, 79
 -*іңіз* — собир. числ. 153
 -*іңкі* (-*ің-кі*) 96, 98
 -*іңлар* (-*ің-лар*) 74, 77
 -*іңнап* (-*ің-нап*) 74
 -*іңча* (-*ің-ча*) 35
 -*ір* — именн. словообр. 170
 -*ірак* — неполнота признака прил. 114, 115
 -*ірәк* — то же 114
 -*ірт* — » » 119
 -*іс* — пор. числ. 146
 -*іс* — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
 -*ісі* (-*і-сі*) 74, 75
 -*іт* — именн. словообр. 173
 -*іи* — неполнота признака прил. 119
 -*іш* — то же 119
 -*іш* — именн. словообр. 163, 164
 -*ішар* — разд. числ. 154
 -*ішардан* — то же 154
 -*ішішар* — » » 154
 -*ішкі* — пор. числ. 151

i

-*ізж* (?) 36, 37
 -*ізүн* — собир. числ. 153
 -*ілбізі* — то же 152
 -*імкі* (-*ім-кі*) 97

j

-*ја* — дат. пад. 35, 36
 -*јан* — род. » 29

-*ії* — вин. » 37
 -*ії* — именн. словообр. 96, 97
 -*ії* — род. пад. 29
 -*ііз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*іін* — род. пад. 29
 -*іу* — вин. » 37
 -*іук* — именн. словообр. 172
 -*іун* — род. пад. 29

k

-*ік* — именн. словообр. 159, 172
 -*іка* — дат. пад. 35, 36, 37, 48, 50, 66, 67
 -*ікай* — уменьш.-ласк. 101
 -*ікак* — именн. словообр. 173
 -*ікалак* (? -*ку-злек*) 160
 -*ікан* — именн. словообр. 167, 168
 -*ікан* — уменьш.-ласк. 102
 -*ікар* — напр.-дат. пад. 47, 49
 -*ікарі* — то же 47, 48, 51
 -*ікару* — » » 47, 48, 49, 51, 58
 -*ікас* — уменьш.-ласк. 101
 -*ікак* — то же 101
 -*ікак* — именн. словообр. 173
 -*ікача* — предельн. пад. 55
 -*ікаш* — уменьш.-ласк. 101
 -*іқа* — дат. пад. 35, 36
 -*іқару* — напр.-дат. пад. 47
 -*ікі* — именн. словообр. 37, 96, 97, 98
 -*ікі* — пор. числ. 151
 -*ікіді* — напр.-дат. пад. 49
 -*ікіл* — именн. словообр. 113
 -*ікітім* — неполнота признака прил. 115
 -*ікін* — именн. словообр. 168, 173
 -*ікіна* — уменьш.-ласк. 100, 101
 -*ікір* — интенсив 121
 -*ікір* — именн. словообр. 113
 -*ікіч* — то же 173
 -*іко* — дат. пад. 35
 -*іку* — именн. словообр. 96, 97
 -*іку* — пор. числ. 151
 -*ікуду* — напр.-дат. пад. 49
 -*ікул* — именн. словообр. 113
 -*ікүн* — то же 168, 173
 -*ікур* — » » 171, 172
 -*ікуч* — » » 173

k

-*кәйкана* (-*кәj-кана*) 100
 -*кәні* — уменьш.-ласк. 100, 101

л

-*іл* — именн. словообр. 10
 -*іла* — глаг. словообр. 9, 21, 57, 106
 -*іла* — местн. пад. 39, 40
 -*іла* — мн. ч. 27, 82
 -*іла* — твор. пад. 55, 56, 57
 -*іла* — частн. » 57
 -*ілав* — неполнота признака прил. 119
 -*ілав* — именн. словообр. 103, 106
 -*ілаван* — прибл. числ. 155, 156
 -*ілаj* — мн. ч. 82
 -*ілаj* — упод. 58, 59
 -*ілаjн* — то же, 58, 59
 -*ілаjу* — » » 58, 59
 -*ілаk* — именн. словообр. 103, 106, 112
 -*ілаk* — собир. 95, 106
 -*ілаk* — уменьш.-ласк. 102
 -*іламjі* — пор. числ. 145
 -*іламчі* — то же 145
 -*ілан* — исх. пад. 44

-лан — собир. числ. 153
 -ланѓи — пор. числ. 145, 149
 -ланч — то же 145, 149
 -ланч — » » 145, 149
 -лан — прибл. числ. 156
 -лар — мн. ч. 21, 22, 23, 27, 40, 77, 82,
 83, 84, 86, 90, 91, 92, 93, 94, 95
 -лар — разд. числ. 154
 -ларї (-лар-ї) 89
 -ларївар (-лар-ї-вар) 48
 -ларїн (-лар-їн) 38
 -ларла (-лар-ла) 156
 -ларлар (-лар-лар) 26, 91
 -ларча (-лар-ча) 54
 -лас — именн. словообр. 113
-лат — то же 104, 112
-лач — » » 113
 -лашиб — собир. числ. 152
 -ла — глаг. словообр. 57
 -лайвар — сравн. пад. 57
 -лайр — мн. ч. 82
 -лайзи — собир. числ. 152
 -лаа — именн. словообр. 10
 -лаа — то же 10
 -лі — » » 99, 109, 110, 111, 112
 -лі — род. пад. 29
-лів — именн. словообр. 57, 99, 103, 104,
 105, 109, 110, 111
 -лібан — прибл. числ. 155, 156
-лік — именн. словообр. 99, 103, 104,
 105, 109, 110, 111
 -лір — мн. ч. 82
 -ліх — собир. 95
 -лін — совм. пад. 57
 -лігү (?) 57
 -ло — местн. пад. 39
 -ло — твор. » 55, 56
 -ло — частн. » 57
 -лон — исх. » 44
-лон — именн. словообр. 10
 -лор — мн. ч. 82
 -лодзор — сравн. пад. 57
-лу — именн. словообр. 99, 110
-лув — то же 99, 103, 104, 105, 109
-лук — » 103, 104, 105, 111
 -лурах (-лу-рах) 114
 -лух — собир. 95
 -лун — совм. пад. 57

м

-м — личн. 1-го л. ед. ч. 76
-м — именн. словообр. 9
 -м — неполнота признака прил. 117
 -м — принадл. 1-го л. ед. ч. 22, 72
-ма — именн. словообр. 23, 50, 162, 163
 -ма — личн. 1-го л. ед. ч. 76
 -ма — отрицание 11, 21, 24
 -ма — твор. пад. 55, 56
-мад — именн. словообр. 161
-мад — то же 108
 -мак — » » 37, 50, 66, 161, 162, 163
 -мак — неполнота признака прил. 119
 -макта (-мак-та) 66, 162
 -макчї (-мак-чї) 162
-мал — именн. словообр. 10
 -мал — неполнота признака прил. 119
-малї — именн. словообр. 163
-ман — то же 108, 113
 -ман — твор. пад. 55, 56
 -манан — то же 55, 56
 -ман — » » 55, 56
-мар — именн. словообр. 113

-мак — то же 162
 -мач — » » 108, 173
 -мёллар (-мёллар) 96
 -мёлж — неполнота признака прил. 117
 -мёш(ё) — пор. числ. 149, 150
 -мї — то же 145, 149
 -мїу — » 145
 -мї — вин. пад. 37
 -мї — род. » 29
 -мї (-мї) 38
 -мїа — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
 -мїк — именн. словообр. 108
 -мїк — неполнота признака прил. 119
 -мїла — твор. пад. 55, 56
 -мїнаң — то же 55, 56
 -мїнї — пор. числ. 145, 146
 -мїт — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
 -мїш — именн. словообр. 168, 169
-мла (-мла) 75, 90
 -млар (-млар) 75, 76, 90
 -мнтар (-мнтар) 76
 -мса — неполнота признака прил. 117
 -мсї — именн. словообр. 117, 118
 -мтїк — неполнота признака прил. 116,
 117

-мтїл — то же 116, 117
 -мтїр — » » 116
 -мтїрав — » » 116
 -мтїрак — » » 116
 -мту — » » 116
 -мтул — » » 116
 -мук — » » 119
-мук — именн. словообр. 108
 -мус — неполнота признака прил. 119
 -мут — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
 -муш — неполнота признака прил. 119
 -мчї — пор. числ. 145
 -мчу — то же 145

н

-н — именн. словообр. 172
 -н — род. пад. 29
 -н — твор. » 55
 -на — вин. » 37
 -на — дат. пад. 28, 35, 36
 -на — местн. » 28, 39
 -на — мн. ч. 82
 -на — частн. пад. 57
 -нај — исх. » 44
 -нан — то же 44, 68
 -нан — разд. числ. 155
 -нан — твор. (оруди.) пад. 28, 55, 56
 -наң — то же 55, 56
 -наң — исх. пад. 44, 46, 59, 68, 69, 70
 -наң — разд. числ. 155
 -наңар — исх.-начинательн. пад. 58, 59
 -нап — прибл.-разд. числ. 156
 -нап — мн. ч. 82, 90
 -нарї (-нار-ї) 74
 -найвар — сравн. пад. 57
 -найї (-найї) 98
 -найн — род. » 29
 -нәбә (-нә-нә) 25
 -нәрән (-нә-рән) 25
 -нди — пор. числ. 146, 150, 151
 -нї — вин. пад. 28, 32, 33, 37, 38, 63,
 66, 71
 -нї — род. » 28, 29, 30
-нїк — именн. словообр. 105
 -нїкї — абстрактн. принадл. 97, 98
 -нїнкї — род. пад. 29, 33
 -нїнкї — абстрактн. принадл. 97

-*иң* — род. пад. 25, 29, 30, 31, 35, 63
 -*иң* — совм. » 57
 -*но* — местн. » 39
 -*но* — частн. » 57
 -*нох* — исх. » 44
 -*нон* — разд. числ. 155
 -*нон* — твор. (орудн.) пад. 56
 -*ноң* — исх. пад. 44
 -*нор* — мн. ч. 82
 -*ну* — вин. пад. 28, 37, 71
 -*ну* — род. » 28, 29, 30
 -*нук* — именн. словообр. 105
 -*нүн* — род. пад. 29
 -*нүң* — то же 29
 -*нүңү* — неполнота признака прил. 119
 -*нүн* — совм. пад. 57
 -*нти* — пор. числ. 146, 150, 151
 -*нч!* — то же 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150
 -*нич* — именн. словообр. 147, 161
 -*нич* — пор. числ. 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150
 -*ничсі* (-*нч-сі*) 149

и

-*и* — принадл. 2-го л. ед. ч. 60, 72, 74, 76, 79
 -*иа* — дат. пад. 35
 -*иіз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*иілар* (-*и-лар*) 74, 75

о

-*о* — дат. пад. 70
 -*ов* — собир. числ. 151, 152
 -*ок* — уменьш.-ласк. 101
 -*ок* — частица 26, 52
 -*олаң* — собир. числ. 153
 -*он* — мн. ч. 88, 89
 -*оттон* (-*от-тон*) 44, 45
 -*ош* — уменьш.-ласк. 101

ö

-*ö* — собир. числ. 151
 -*öл* — именн. словообр. 10

n

-*n* — деепр. 19, 25
 -*на* — именн. словообр. 163
 -*на* — твор. пад. 55, 56
 -*nak* — именн. словообр. 162
 -*нала* — твор. пад. 55, 56
 -*налаң* — то же 55, 56
 -*нан* — » 55, 56
 -*нанан* — » 55, 56
 -*ни* — вин. пад. 37, 38
 -*ни* — род. » 29
 -*нила* — твор. » 55, 56
 -*нинаң* — то же 55, 56
 -*ніт* — принадл. 1-го л. мн. ч. 79

p

-*p* — именн. словообр. 170
 -*па* — местн. пад. 39, 40
 -*паз* — неполнота признака прил. 114
 -*пак* — то же 114, 115

-*пакка* (-*pak-ka*) 115
 -*пан* — исх. пад. 44, 68
 -*панба* (-*pan-ba*) 25
 -*пар* — мн. ч. 82
 -*пәк* — неполнота признака прил. 114
 -*pi* — вин. пад. 37
 -*pi* — принадл. 3-го л. ед. ч. 90
 -*pi* — род. пад. 29
 -*ру* — принадл. 3-го л. ед. ч. 90

с

-*с* — принадл. 3-го л. ед. ч. 74
 -*са* — местн. пад. 39
 -*са* — напр. » 49
 -*сав* — неполнота признака прил. 119
 -*сак* — именн. словообр. 108, 113
 -*сал* — то же 113
 -*сал* — мн. ч. 85
 -*сан* — исх. пад. 44
 -*сар* — мн. ч. 82
 -*сар* — напр. пад. 49
 -*сарак* (-*sa-pak*) 117
 -*сах* — именн. словообр. 108
 -*са* — напр. пад. 44, 49
 -*са* — то же 49
 -*са* — именн. словообр. 59, 99
 -*сәм* — мн. ч. 22, 82, 85, 91
 -*сән* — то же 85
 -*сән* — » 85
 -*сі* — вин. пад. 37
 -*сі* — именн. словообр. 118
 -*сі* — неполнота признака прил. 118
 -*сі* — принадл. 3-го л. ед. ч. 23, 60, 73, 74, 75, 78, 79, 80, 81, 89
 -*сі* — род. пад. 29
 -*сі* — собир. числ. 79
 -*сіар* — неполнота признака прил. 119
 -*сіе* — то же 119
 -*сій* — именн. словообр. 113
 -*сіб* — упод. 59
 -*сіз* — именн. словообр. 59, 99, 109
 -*сізлік* (-*ciz-lık*) 99, 104
 -*сіл* — именн. словообр. 118
 -*сіл* — неполнота признака прил. 119
 -*сілдім* — то же 119
 -*сімак* — » 117
 -*сімак* — уменьш.-ласк. 102
 -*сімал* — неполнота признака прил. 117
 -*сіман* — то же 117, 118
 -*сімар* — » 117
 -*сініз* — личн. 2-го л. мн. ч. 21, 87
 -*сіңіз* — то же 95
 -*сірек* (-*cır-pak*) 118
 -*сісі* (-*cı-cı*) 74
 -*сіт* — именн. словообр. 104
 -*сізгіна* (-*ciz-gina*) 100
 -*со* — местн. пад. 39
 -*сов* — неполнота признака прил. 119
 -*сој* — то же 119
 -*сон* — исх. пад. 44
 -*су* — неполнота признака прил. 118
 -*су* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 75, 79, 80, 81
 -*сүе* — неполнота признака прил. 118
 -*сүз* — именн. словообр. 113
 -*сүз* — то же 59, 99
 -*сүл* — неполнота признака прил. 119
 -*сүлдүм* — то же 119
 -*сумак* — » 117
 -*суман* — » 117
 -*сүт* — именн. словообр. 104

t

- t* — именн. словообр. 173
 -*ta* — исх. пад. 47, 58, 66
 -*ta* — мести. пад. 39, 40, 70
 -*ta* — неполнота признака прил. 119
 -*ta* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 74
 -*ta* — частн. пад. 57
 -*ta* — штучн. числ. 158
 -*таван* — прибл. числ. 155
 -*тадан* (-*та-дан*) 155
 -*тай* — исх. пад. 44
 -*тай* — уменьш.-ласк. 102
 -*tak* — именн. словообр. 106
 -*тан* — исх. пад. 34, 44, 45, 46, 47, 58, 68, 69, 70
 -*тан* — разд. числ. 155
 -*танба* (-*тан-ба*) 25
 -*танбіла* (-*тан-біла*) 25
 -*таң* — исх. пад. 44, 59, 65, 68, 69
 -*таң* — твор. » 55
 -*таңар* — исх.-начинательн. пад. 58, 59
 -*тан* — прибл.-разд. числ. 156
 -*тар* — мн. ч. 82, 91
 -*тарің* (-*тар-ің*) 74
 -*тас* — именн. словообр. 106
 -*тача* (-*та-ча*) 155
 -*таш* — именн. словообр. 106
 -*тәбар* — сравн. пад. 57, 58
 -*тәйі* — именн. словообр. 57
 -*тар* — мн. ч. 82
 -*тәх* — именн. словообр. 112
 -*тәзәж* — сравн. пад. 57
 -*ті* — вин. » 37, 38
 -*ті* — род. » 29
 -*тіва* — напр. » 49
 -*тіз* — сравн. » 58
 -*тіj* — то же 58
 -*тіл* — именн. словообр. 104, 105
 -*тілкі* — абстрактн. принадл. 97
 -*тін* — именн. словообр. 26, 109, 112
 -*тін* — исх. пад. 28, 44, 46, 47, 68
 -*тін* — род. » 28, 29
 -*тінкі* (-*тін-кі*) 98
 -*тің* — род. пад. 29
 -*тіңі* — неполнота признака прил. 119
 -*тір* — побудительн. залог. 21
 -*тін* — совм. пад. 57
 -*тлар* (-*т-лар*) 26, 88
 -*то* — мести. пад. 39
 -*то* — частн. » 57
 -*тон* — исх. » 44
 -*тоң* — то же 68
 -*тор* — мн. ч. 82
 -*торук* — именн. словообр. 107
 -*төбөр* — сравн. пад. 57
 -*ттан* — исх. » 34, 44, 45
 -*ттон* — то же 34, 44, 45
 -*ту* — вин. пад. 37
 -*тува* — напр. 44, 49
 -*туj* — сравн. 58
 -*тун* — именн. словообр. 26, 112
 -*тун* — исх. пад. 44
 -*тун* — род. 29
 -*туң* — то же 29
 -*туңу* — неполнота признака прил. 119
 -*туруқ* — именн. словообр. 103, 107, 108

y

- y* — вин. пад. 37
 -*y* — именн. словообр. 165, 166
 -*y* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73, 75

- убуз* — » 1-го » мн. » 73
 -*үе* — именн. словообр. 165
 -*үе* — принадл. 2-го л. ед. ч. 73
 -*үе* — притяж. местоимение 135
 -*үез* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*үес* — то же 73
 -*үеi* (-*үе-чi*) 165
 -*үб* — вин. пад. 38, 70
 -*үв* — именн. словообр. 164, 165
 -*үбуз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*үгуз* — то же 73
 -*үк* — именн. словообр. 164, 172
 -*үл* — то же 116
 -*үл* — неполнота признака прил. 115
 -*үланjі* — пор. числ. 145
 -*үланч* — то же 145
 -*үланчі* — » » 145
 -*үлдүj* — неполнота признака прил. 115
 -*үлдүм* — то же 115
 -*үлдүр* — » » 115
 -*үлдүрүм* — » » 115
 -*үлжум* — » » 116
 -*үлжур* — » » 116
 -*үлт* — » » 115
 -*үлтуj* — » » 115
 -*үлтүм* — » » 115
 -*үлтур* — » » 115
 -*үлтурум* — » » 115
 -*үм* — именн. словообр. 172
 -*үм* — принадл. 1-го л. ед. ч. 72
 -*үма* (-*үм-a*) 44
 -*үмjу* — пор. числ. 145
 -*үмсоj* (-*үм-coj*) 117
 -*үмтул* — неполнота признака прил. 116
 -*үмүз* — принадл. 1-го л. мн. ч. 73
 -*үмчү* — пор. числ. 145
 -*үн* — именн. словообр. 173
 -*үн* — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
 -*үн* — твор. (оруди.) пад. 55, 70
 -*үнj* — именн. словообр. 161
 -*үнjі* — пор. числ. 145
 -*үнуз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*үнч* — именн. словообр. 147, 161
 -*үнч* — пор. числ. 145
 -*үнчү* — то же 145
 -*үң* — принадл. 2-го л. ед. ч. 72
 -*үң* — род. пад. 29
 -*үңуз* — принадл. 2-го л. мн. ч. 73
 -*үо* — собир. числ. 151, 152
 -*үон* — то же 153
 -*үр* — именн. словообр. 170
 -*үрак* — неполнота признака прил. 114
 -*үрдк* — то же 114
 -*үт* — именн. словообр. 173
 -*үч* — неполнота признака прил. 119
 -*үчірак* (-*үч-ірак*) 117
 -*үш* — именн. словообр. 163, 164
 -*үш* — неполнота признака прил. 119
 -*үшар* — разд. числ. 154

ý

- ý* — собир. числ. 151
 -*ý*

ý

- ýj* — притяж. местоимение 135
 -*ýлбәzi* — собир. числ. 152

x

- xa* — дат. пад. 35, 36
 -*хадiб* (? -*үy-дiб*) 161
 -*хан* — именн. словообр. 168

-*xa* — дат. пад. 35, 36
-*xi* — вин. » 37
-*xi* — именн. словообр. 97
-*xi* — род. пад. 29
-*xo* — дат. » 35

ч

-*cha* — именн. словообр. 112
-*cha* — мест. пад. 39
-*cha* — напр. » 53
-*cha* — прибл. числ. 53, 155
-*cha* — сравн.-ограничительн. пад. 53
-*cha* — уменьш.-ласк. 101
-*chabash* (-*chab-ash*) 102
-*chabiz* — неполнота признака прил. 119, 120
-*chabina* (-*chab-ina*) 102
-*chak* — именн. словообр. 174
-*chak* — уменьш.-ласк. 100
-*chaka* — прибл. числ. 155
-*chakkina* (-*chak-kina*) 102
-*chan* — именн. словообр. 112, 113
-*chan* — то же 112, 113
-*chax* — уменьш.-ласк. 100
-*chaz* — то же 102
-*chan* — » 102
-*ch* — вин. пад. 37
-*ch* — именн. словообр. 9, 103, 104, 105
-*ch* — род. пад. 29
-*chibaz* — уменьш.-ласк. 86
-*chibash* (-*chib-ash*) 102
-*chik* — именн. словообр. 174
-*chik* — неполнота признака прил. 119, 120
-*chik* — уменьш.-ласк. 100
-*chil* — именн. словообр. 106, 118, 119
-*chil* — неполнота признака прил. 118
-*chilik* (-*chil-lik*) 105
-*chilrak* (-*chil-rak*) 117
-*chilm* — неполнота признака прил. 118
-*chilm* — то же 118
-*chiln* — именн. словообр. 104
-*chiln* — то же 104

-*chu* — » » 103, 104
-*chul* — » » 106, 118, 119
-*chul* — неполнота признака прил. 118
-*chulduk* (-*chul-duk*) 106
-*ch* — прибл. числ. 155
-*chok* — то же 155
-*chokh* — предельно-достигательн. пад. 59

ш

-*sh* — именн. словообр. 163, 164
-*sh* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-*sh* — совм. залог 21
-*sha* — именн. словообр. 102
-*sha* — неполнота признака прил. 119, 120
-*shak* — уменьш.-ласк. 100
-*shan* — именн. словообр. 112, 113
-*shan* — то же 112, 113
-*shar* — разд. числ. 154, 155
-*sharlap* (-*shar-lap*) 156
-*shayn* — причинно-целевой пад. 59
-*she* — принадл. 3-го л. ед. ч. 73
-*sh* — вин. пад. 37, 38
-*sh* — именн. словообр. 103
-*sh* — род. пад. 29
-*shik* — уменьш.-ласк. 100
-*shil* — именн. словообр. 106
-*shil* — неполнота признака прил. 114, 118
-*shildik* (-*shil-dik*) 106
-*shilk* (-*shil-lik*) 105
-*shilt* — неполнота признака прил. 118
-*shiltim* — то же 118
-*shin* — » » 119
-*shki* — пор. числ. 151
-*shky* — то же 151
-*shuk* — уменьш.-ласк. 100
-*shua* — именн. словообр. 106

х

-*hil* — неполнота признака прил. 119

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Предисловие	3
Сокращения	5
Введение	9
О тюрко-монголо-тунгусских связях в морфологии	9
Морфологические единицы	14
Элементарные морфологические единицы и способы выражения грамматических значений	14
Комплексные морфологические единицы, их структура и распределение	20
Сравнительная морфология и этимологический анализ аффиксальных морфем	26
Г л а в а I. Формы словоизменения имени	29
Р а з д е л 1. Формы падежа	29
Р а з д е л 2. Формы принадлежности	72
Р а з д е л 3. Формы числа	82
О формах сказуемости	95
Г л а в а II. Формы словообразования имени	96
Промежуточные морфологические образования	96
Словообразовательные разряды имени	103
Собственно имена	103
Р а з д е л 1. Существительное	103
Р а з д е л 2. Прилагательное	108
Р а з д е л 3. Местоимение	122
Личные местоимения	124
Указательные местоимения	127
Вопросительные местоимения	132
Выделительные местоимения	133
Притяжательные местоимения	134
Неопределенные местоимения	135
Отрицательные местоимения	137
Определительные местоимения	137
Относительные местоимения	138
К вопросу о прономинализации	138
Р а з д е л 4. Числительное	138
Количественные числительные	138
Порядковые числительные	144
Собирательные числительные	151
Разделительные числительные	154

Приблизительные числительные	155
Дробные числительные	156
Штучные числительные	158
Нумеративы	158
 Имена действия	158
Раздел 1. Субстантивные имена действия	159
Раздел 2. Причастия	166
 Приложение	175
Список реконструируемых праформ	175
Именной указатель	177
Указатель аффиксов тюркских языков, рассматриваемых или упоминаемых в работе	182

Александр Михайлович Щербак

ОЧЕРКИ ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ.
(ИМЯ)

*Утверждено к печати
Институтом языкоизнания АН СССР*

Редактор издательства *А. А. Зырин*

Художник *Г. В. Смирнов*

Технический редактор *Г. А. Смирнова*

Корректоры *Ж. Д. Андронова, Р. Г. Гершинская и А. И. Кац*

Сдано в набор 21/XII 1976 г. Подписано к печати 29/IX 1977 г. Формат 70×103^{1/2}. Бумага № 1.
Печ. л. 12 = 16,80 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,65. Изд. № 6372. Тип. зак. № 1796. М-24235. Тираж 1900.
Цена 1 р. 90 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12